

Юлия Ник

Хроники любви провинциальной

Том 3

ЛИКИ СТАРЫХ
ФОТОГРАФИЙ,
ИЛИ
АНГЕЛЬСКАЯ
ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга 2

18+

Юлия Ник
Хроники любви
провинциальной. Том 3. Лики
старых фотографий, или
Ангельская любовь. Книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57100288
SelfPub; 2020*

Аннотация

«Хроники" продолжаются. «Пояс Ориона» – вторая книга романа «Лики старых фотографий...» Были ли счастливые времена для людей Земли? Чем далее лезешь в дебри истории, тем выше волосы дыбом встают. Сюжет книги разворачивается на фоне реальных событий в г. Челябинск-40, в очень сложные времена грозного СССР, когда наш великий народ, образованный, самоотверженно и творчески работавший, восстановил страну после войны и за два года создал атомную бомбу. Тысячи людей были мобилизованы и призваны к титанической битве за жизнь. Они выиграли, отдав за неё многие свои жизни. Потому что умели любить и любили. Совпадения с реальными людьми случайны. Содержит нецензурную брань.

Посвящается великим учёным и создателям, строителям и рабочим первого города атомной промышленности и атомной энергетики в СССР, городу, в котором была создана начинка атомной бомбы РДС-1, навсегда похоронившей мечту англосаксов разрушить и уничтожить Советский Союз. Городу Челябинск-40, его жителям и специалистам, всем людям, которые заслонили собой нас от атомной аварии 1957 года, посвящается.

Книга вторая

Пояс Ориона

Глава 1. Запахи прошлого

В памяти Леона всплыл запах «кожаных» сидений автобуса, в котором он злой возвращался домой после разбора «полётов». Греч упорно стучал кулаком по столу, вбивая в них свои претензии: «Враг не спит. Поймите вы, что нет никакой дружбы народов. Только борьба за первенство. Мы выиграли космос, мы сделали бомбу. На вас ложится задача – не прос*ать это всё, понимаете? А вас, голубчиков, в ресторане заметили. Кто эти девицы? Откуда? Вы у них паспорта, хоть, посмотрели? Конечно, нет. Теперь наш сотрудник выясняет, с кем это вы якшались и для чего? Вам что? Здесь баб мало? Тут их... лес не корчёванный... Уже женились бы... чёрт вас побери! Не дай бог до самого дойдёт, он, кстати, только с виду мягче Ткаченко. А, ведь, рано или поздно дойдёт обязательно!»

Да, поржали они тогда с Глебом. Но по выговору схлопотали. Режим – есть режим. Но всё, чему они так долго и тщательно учились в Академии, иногда невольно давало пацанский сбой. Молодые тело и душа просили своего природно-

го, вопреки параграфам устава и правилам внутреннего распорядка государственного объекта.

– И что было тех девчонок проверять? Не они же к нам прицепились, а мы к ним. Мы всегда цеплялись к девчонкам, а для чего они тогда существуют? – Леон улыбнулся своим почти школярским воспоминаниям, и снова перед глазами памяти встала она, – девушка, севшая на сиденье впереди него.

Он тогда по привычке оценочно пробежался по внешним «маячкам»: «Не модница, но свеженькая такая. Плащик габардиновый, такие носят возрастные дамы, м-да, старомодненько, но платочек замысловато повязан на шее. Значит, кокетка, всё-таки».

Он навсегда запомнил свои мысли в тот момент, как знал. Или знал? Сейчас это казалось само собой разумеющимся.

У неё тогда волосы были полудлинные, заколотые «ракушкой» на голове, и из-под неё на спину спускались густой волной.

– Каждый вечер на папильотках спит, вон как концы заггибаются. И не лень им завиваться? – Леон всегда удивлялся этим смешным девчачьим прибабасам, которые никогда и ничего не значили в его собственных глазах. – А девицы, говорят, часами просиживали перед зеркалом, что-то выщипывая, подравнивая, затушевывая пудрой. У него не было сестры, а про мать он уже не помнил, занималась ли она та-

кими делами.

Он слегка отклонился тогда вправо, чтобы увидеть её в профиль.

– Носик такой... точеный, с двумя четкими штрихами контура, как у детей на картинках в книжке Носкова. Но у такой каша не уплывёт, такая всё поймает. Рука тонкая, но не изнеженная. Кем работает, интересно? – Леон чуть наклонился вперёд и уловил запах йодоформа. – Или медсестра, или врач. Для врача молодовата, пожалуй.

В автобус вошли две пожилые женщины, места впереди все были заняты, девушка резво соскочила со своего места, уступая одной из них, за ней поднялся и Леон, постаравшись встретиться глазами с незнакомкой, всё равно выходить надо было через остановку.

– Ой, здравствуй, Лео. – девушка смущенно улыбнулась, встретившись с его недоуменным взглядом.

– Мы знакомы? Я тебя не узнаю. Ты кто? – Леон не мог не улыбнуться в ответ на внезапно покрасневшие от смущения щёки девушки.

– Ты меня не узнал? – девушка недоумевающе уставилась на него, как будто бы он обязан был их всех помнить в лицо.

– Не узнал. А где мы встречались? У Веты?

– У какой... Веты? Помнишь забор Тома Сойера?

– Забор? – Леон нахмурил лоб: «Чокнутая какая-то. Какой забор Тома...?» И тут он вспомнил: «Забор?! Тома Сойера?! Помню, конечно! А ты кто из них?»

– Я? Да я же Стаси. Ну, ты меня ещё звал «белобрытая Стаси». Не помнишь?!

– Ты? Стаси? Божичка ты мой, голова моя квадратная! Ну конечно! Да ты и сейчас... белобрытая... белокурая, я хотел сказать. Вот сейчас узнал. Ты какими судьбами тут?

– Простыми. По распределению, недавно приехала.

– Так, дай отгадаю. Ты медик? – девушка охотно кивнула, улыбаясь. – Ты... – он успел быстро просчитать, сколько ей примерно сейчас лет и раз по распределению недавно приехала..., – ты врач. – А куда направили?

– В городскую пока, а потом...

– А живёшь где? Замужем? – Леон от неожиданности нахлынувших детских воспоминаний, не дожидаясь ответа, частил вопросами.

– Живу в общежитии, мне там комнату дали, сказали, что квартиру года через полтора дадут.

– Так. А там, в Берлушах, давно была?

– Недавно совсем. Перед отъездом сюда своих проведывала. Просилась в ту клинику, в наших Берлушах не было мест, говорят. Но это место тоже престижным очень считалось. Только отличников так распределяли. Ну и согласилась я, в конце концов.

– А тебе что? Не нравится здесь? Покруче, чем в Берлушах-то этих.

– Ну, не знаю. Пока нет, не кажется мне, что покруче. И там всё родное, а тут...

– Почему?! Здесь и снабжение, и условия, снабжаемся же почти, как Москва, по первому разряду.

– Не знаю. Мне кажется, что периметр давит. Наверное, это привычка. Я так хотела на море съездить. Теперь не получится.

–Но зато всё другое...

–Ну да, конечно. Ой, это моя остановка. До свидания. – девушка быстро пошла к выходу, покачиваясь на высоких каблучках и придерживаясь руками за рукояти на спинках сидений.

– Ножки стройные. Вот так номер! Стаси. Белобрысая Стаси! – он помахал ей в ответ, проплывая медленно мимо. – Чёрт! А что же я не вышел-то? Во, дурак! И где она тут живёт? Ладно, уж где-где, а тут-то найду. Белокурая Стаси! А бегала-то, как мальчишка, только она не казалось такой... маленькой. Или это я с тех пор так дунул? Я, конечно. Не метр же восемьдесят ей быть? Забор Тома Сойера.... Надо же, помнит, а я забыл, как мы с ней дурили пацанов. Наменяли тогда целую кучу всего, – что значит читать классику вовремя. Ну и жук же я был! – и тут же возник смешок: – Почему был-то? И сейчас ты жук. Ножки же успел хорошо рассмотреть? На остановку бодро прыгнула, не качнулась. Ладно. Жить стало немного веселей. Хоть что-то новенькое здесь происходит иногда. – и тут же получил небольшой и ехидный укол совести, что тут, вообще-то говоря, много чего происходит, а он просто нагло «харчами перебирает».

... Леон лежал, боясь пошевелиться, ему казалось, что сейчас он оказался прямо там в Городе, на той автобусной остановке, вспомнил запах кустов сирени на его остановке, на него пахнул одуряющий аромат цветущей калины в их с отцом «саду». Запах прихожей, и всплыло в памяти, возникшее тогда внезапно, чувство непонятной радости от того, что где-то тут недалеко теперь живёт человек из его голопятого детства.

Впрочем, тогда эта мимолётная радость за суетой и спешкой в делах, которые Греч на них вываливал щедрой рукой, быстро улетучилась, всё как-то стерлось, поблекло. Они с Глебом целыми днями копались в бумагах, домой Леон приходил поздно, чтобы поесть и поспать.

По выходным друзья ходили в новое кафе в парке, угощали девушек, гуляли по парку, раскинутому на берегу Озера. Несколько раз Леон видел Стаси мельком, но всё как-то не вовремя, и она была слишком далеко, чтобы окликнуть её. И всегда Вета обволакивала его своим вниманием «без продыху, как липучка для мух», сердито говорила тётя Таня. Стаси лишь улыбалась и коротко кивала головой при таких встречах. Один раз Леон заметил, что Вета специально обняла его, завидев Стаси издали, и он ничего не предпринял, чтобы дистанцироваться, только спросил: «Ты чего, Вета?»

– А нечего на чужих парней заглядываться.

– А кто заглядывается-то, и на кого?

– А вон, твоя новенькая знакомая. На тебя заглядывается, – и Вета махнула своими локонами в сторону Стаси, проходившей мимо с авоськой и маленьким «врачебным», как тогда говорили, чемоданчиком.

– А где написано, что я – твой, или чей-то, парень? А? – Леон был слегка взбешен такой постановкой вопроса.

– Привет, Стаси. – Леон первым поздоровался с девушкой, заметив, что та специально отворачивается от их компании.

– А! Здравствуй, Лео.

– Ты с работы?

– Да, с дежурства. До свидания.

– Пока, Стаси.

– А вы хорошо знакомы, как я вижу. А она сама не призналась в этом. Ишь какая! – Вета прищурившись проводила Стаси долгим взглядом.

– Какая? Нормальная. А знакомы мы с ней с детства. Очень славная девчонка.

– Да?! А с нами она отказалась разговаривать.

– А о чём вы с ней пытались разговаривать? О чём вообще с вами интересно разговаривать нормальному человеку? – Леону так надоели эти их разговоры, вроде и девчонки ничего с виду, но их вечные ехидные обсуждения каждого проходившего мимо человека раздражали его невероятно.

– Ну, как о чём? Как обычно, – почувствовав в голосе Лео-

на жесьть, Вета «сбавила обороты». – Кто она, откуда? Кто её сюда устроил, по какому знакомству? Она никуда не ходит, говорит, что ей некогда, и что это глупо – просто сидеть вот так и отдыхать. Она любит «библиотЭку» и кататься на лыжах. А! Вот,... она на лодке ещё мечтает покататься,... наверное ещё и под алым парусом, как Ассоль – Вета, прикрыв глаза, театрально вытянула вперёд подбородок и руку с носовым платочком. Все покатились со смеху. Леон раздраженно сбросил её руку со своего плеча: «А ты, кроме этих посиделок и пустой болтовни языком, что любишь?»

– Много чего. А что, собственно, ты так взвился? Ну, хотя бы туфли приличные она могла бы себе купить? И плащ не с мамино плеча, – в обед сто лет уже такому фасону. Врач, всё-таки. Не последний кусок...

– А не заткнуться ли тебе, пока не поздно? – как всегда Леон переставал сдерживаться, когда его коробило ханжество тупого превосходства. – Твой раздвоенный язык когда-нибудь сослужит тебе плохую службу. Всего хорошего. Аплодисментов не надо.

Так, собственно из-за Стаси, Леон распрошался тогда с обычной своей компанией детей из обеспеченных семей, очень узкой компанией, до оскомины на зубах привычной и известной до мелочей ещё со школы.

Ему, конечно, давно было понятно, что детские мечты у некоторых так и остались вялотекущими потоками детских соплей и мечт на фоне стабильной жизни. Сытая и спокой-

ная жизнь в Городе превращала их в избалованных, обеспеченных и полупраздных молодых людей. Они годами где-то учились чему-то, и некоторые всё никак не могли закончить своё вечное, заочное обычно, студенчество. Собирались «избранным» кругом и до самозабвения восхищались чем-нибудь «вдруг», удовлетворяя потребность в развитии, как, уж, умели. То находили новый сорт вина, то какого-то поэта, открывая «тонкие грани» его творчества, то внимали кому-нибудь из своих же, которого от нечего делать или местечкового невежества сами же и назначали быть «гением» то от искусства пения, то от философии, то от театральной жизни Города, и сами же впадали в эйфорию от собственной неординарности.

Все они друг другу порядком надоели, но ограниченность Периметра и положение родителей, обеспечивающее им роскошный по тем временам досуг, смиряли их порывы иногда и вынужденно возвращали всё в тот же круг. В Москве в это время уже готовился заранее Первый Фестиваль молодежи и студентов, рамки границ раздвигались, там появились первые стилиаги. А тут ничего такого быть не могло. Границы были всегда на одном месте. Зато сплетни и злословие среди юных бездельников расцветали пышным цветом, удовлетворяя вечную нужду серого вещества в новой информации у этих малочисленных, болтающихся без особых забот и дел, «деточек».

– Черт, и чего я давно их к чёрту не послал? А перед Ста-

си стыдно. Что эти змеюки ей наговорили, что даже и здороваться-то не очень хотела со мной? – запоздало раскаивался Лео, пытаясь догнать Стаси. Но её уже нигде не было видно.

Тётя Таня, соседка, мать заведующего поликлиникой, приехавшая сюда вместе с командированным сыном, называла всех знакомых девушек Лео «пустобрёшками»

– Леончик, ты только найди себе путёвую девушку, не из этих. Эти же все «до первой раны», как у нас в госпитале говорили, – увещевала его порой тётя Таня, которая добровольно и смиренно взвалила на себя заботу о двух мужчинах-соседях, «горемыках», как про себя она их называла. Она и до сих пор наводила в их доме кое-какой порядок в силу своих возможностей и сил, иногда готовила по праздникам что-нибудь вкусненькое и укладывала в стопку постельное бельё, чтобы везти в прачечную, вышивая на нём их метки.

Трусы и носки отец приучил Леона стирать каждый день самостоятельно: «Не дело, сын, чтобы женщина за нами нашу вонь стирала. И с женой потом тоже – будь чистоплюем.»

– Ох уж этот отцов романтизм и служение прекрасной даме! Ну и что? Ушла, ведь? И там-то наверняка стирала носки и трусы. Тому. Генералы свои носки точно не стирают. Хотя там же домработница какая-нибудь была, как и у наших тут. – Леон, хоть с сарказмом и вспоминал, как отец учил его быть настоящим мужиком, но привитую привычку не менял всю жизнь, так и стирал всё своё нижнее сам.

И сейчас стирал. И всегда. Кроме тех паскудных проклятых недель и дней, когда он молча лежал, ничего не делал, обрастал щетиной до густой бороды.

– И кто тогда это делал? Отец? Тётя Таня? Люся? Мать? – Леон снова перевернулся, чтобы уйти от этих тягостных и пустых воспоминаний. – Всё равно не вспомнить.

Их Город, построенный усилием воли и напряжением сил огромной, только что вылезшей из послевоенной разрухи, страны, был очень чистым, сытым, обеспеченным всеми возможными условиями благоустроенной жизни. Он затерялся в Уральских горах и низинах вокруг озёр. Слухи о нём скудно просачивались в областной центр, шепотом говорили о нём между собой уральцы, зато сейчас радио «Свобода» упоминало об их Городе едва ли не каждый день и с придыханием ужаса.

За каждое упоминание о Городе по радио, если от него веяло хоть какой-нибудь новизной, начальство со всех своих службистов «сняло стружку». Чаще всего эти упоминания были всё-таки ремейками или вообще «фейками», как сейчас говорят. Тем не менее, сотни людей трудились над тем, чтобы это таким и оставалось, фейками и ремейками. Режим есть режим. Но внутри этого режима жили люди обычные, с обычными мечтами, разве что лучшие обутые и одетые, чем большинство сограждан, да лучшие питающи-

еся. В таких Городах не было преступности, коляски жители не заносили в квартиры, оставляя их в просторных подъездах. Этот Город был создан для важнейшей работы и хорошей жизни с одной стороны, а с другой стороны этот Город, мало кому доподлинно известной, был опасен для жизни, как никакой другой.

Снова свою бывшую белобрысую подружку, отныне навсегда произведенную в белокурую подружку детства, Леон увидел случайно, на танцах.

Леон увидел Стаси, как только вошел на танцплощадку. Было жарко, на Стаси в этот раз было ситцевое белое платье в мелкий синий цветочек с короткими рукавчиками «фонариком». Лёгкое простое платье с пышной нижней белой юбкой, обшитой по краю тонюсеньким кружевом, кокетливо выглядывающим, когда она поворачивалась или нагибалась, поднимая что-то невидимое, или поправляя что-то, тоже невидимое Леону, стоявшему за колонной ограждения – выгодно выделяло её из толпы дорого, нарядно и с претензией одетых девиц.

Высокий узел поднятых волос делал её старше и выше. Она почти не стояла. Как только начинался следующий танец, к ней кто-то подсказывал и увлекал её в круг танцующих. Её светлые каблучки несколько раз промелькнули мимо Леона в танцевальных вихрях.

К слову: было тогда такое повальное увлечение у молодежи всей страны – танцевать по субботним вечерам. Большие специальные танцплощадки были в каждом уважающем себя городке, районе, клубе, доме культуры. Летом в хорошую погоду танцы организовывались на улице. Оркестры звучали, собирая взрослую молодежь, которой уже необходимо было обзаводиться своей личной «ячейкой общества». В городских посёлках и на окраинах перед вечером танцев можно было часто увидеть картину, как девушки мыли под общественными колонками ноги, помогая друг другу давить на рычаг, а очередная моющаяся натирала обломком кирпича пятки. От этого они и розовыми становились, как у младенца и почти гладкими.

В этом Городе всё это было гораздо цивилизнее. На берегу озера, в котором по глухим слухам не рекомендовалось купаться, но все купались, и виды были живописными и романтическими, раскинулся парк, любимое и очень теплое место отдыха жителей города. Здесь было уютно, удобно, красиво. Под навесом летней сцены располагался оркестр, на площадке, огороженной от вездесущих пацанов и пацанок, танцевали пары, заходясь в эмоциях и замирая в томном танго, или прыгая и легко переступая ногами в экстравагантном фокстроте. Здесь были свои кумиры и поклонники, здесь разгорались страсти и роковые измены. Здесь зарождались семьи, и в вихрях вальсов крутились любовные романы. Здесь вращались все холостяки и незамужние девицы и

для важных личных дел, и для простого времяпрепровождения. Это было принято везде, тем более в таком молодежном и Молодом Городе.

– Постоянного у неё нет никого. Неужели до сих пор никто не клюнул? Что-то странно? Обычно здесь таких быстро к рукам прибирают. Не Иваново, а совсем наоборот. Ладно, пойду приглашу, танцует неплохо, вроде. – Леон оторвался от колонны, и в своей ослепительной белой рубашке, парусиновых светлых брюках и матерчатых туфлях, наволоченных зубным порошком до стерильной белизны, как только очередной кавалер довёл Стаси до места, напрямик направился к ней, стоявшей среди других «дам».

– Можно Вас пригласить? – склонился он перед ней в шутовском полупоклоне. Заиграло танго.

– Ой, Лео. А я думала, что ты сюда не ходишь?

– Это почему ты так думала? – резко разворачивая её в танце, спросил Леон.

– Ну, так, ... ты очень респектабельно выглядишь всегда.

– А ты меня часто видишь?

– Да. Часто. Ты же на бульваре по вечерам отдыхаешь? А я с работы там хожу.

– А я тебя всего пару раз и видел.

– Так ты всегда окружён девушками. Когда тебе по сторонам-то смотреть?

– Ну! Девушки – они и есть девушки. Веселятся. Что им?

– Ты, что ли, не женат? – она весело и податливо двигалась, точно подчиняясь ритму в его руках.

– Да нет, пока. Всё ищу, ищу, а найти не могу, – дурачась, тоскливо пожаловался он.

– Ой ли? То-то на меня девушки сейчас так серьёзно посмотрели, как будто я последний пирожок с блюда взяла? – Стаси тоже дурачилась, подыгрывая ему. – Тут твоя девушка есть? Не вижу её. – останавливаясь после быстрого танца около колонны, спросила она, слегка запыхавшись.

– Моя? Нет, вроде.

– А ты лучше посмотри. И вон девочка в чёрном муаровом платье, черненькая такая, глаз с тебя не сводит. Иди уже, пригласи, а то неудобно.

– Тебе какая разница? Пусть смотрит, на то ей и глаза даны. Это Ирка, из столовой, где я столоваюсь в обед, – небрежно бросил он, взглянув на «черненькую». – А ты где обедаешь? – он разговаривал с ней, как с хорошим приятелем, немного с высоты положения старожилы.

– Когда как. Иногда бутерброд и чай прямо на работе съедаю.

– Ты с этим делом кончай, желудок испортить легко, починить трудно. Ты же врач?

– Не успеваю иногда. А когда успеваю, то в столовой тоже, около больницы.

– И я там же. – он, как только заиграла музыка, даже не оглянувшись ни на какую Ирку, снова увлёк её в круг тан-

цующих.

Больше к Стаси в этот вечер не подошел ни один парень. Нет, они подходили, конечно, но Леон с сожалением объяснял, что она «уже» ему обещала. Неписанные правила этикета требовали уважать обещания, данные девушкой партнеру. Разбираться между собой можно было, но ... после. После танцев, после провожаний. По-мужски. Стаси тоже была знакома с этими не писаными законами по институтским вечерам.

– Ты не боишься, что ты уже три раза отказал вон тому, длинному. Он тут с приятелями, не один.

– Так я тоже с приятелями. Может, ты сама с ним хочешь потанцевать?

– Да нет же. От него так табаком несёт... Я за Тома Сойера боюсь просто.

– На то он и Том Сойер. Что за него переживать? Никто его тут никогда не тронет.

– Почему?

– Потому что.

– А где ты работаешь, Лео? Я не успела тебя тогда спросить.

– Я? – Леон замялся. И врать не хотелось и правду говорить не могло. – Да так. Сторожем. – он улыбнулся насмешливо, Стаси в ответ не улыбнулась, только внимательно на него посмотрела.

– Это опасно?

– Что опасно? Сторожем работать? – он рассмеялся.

– Контрразведчиком. – тихо проговорила она.

– Что? Ты с чего это взяла? – он хмыкнул, пряча растерянность от услышанного. – Не вздумай вслух тут такое говорить. На смех поднимут.

– Ты меня обманываешь? Понятно. Это секретно. Тут кругом одни сплошные секреты, а я – балда.

– Ты не балда. Но тут действительно... секретновато немного. Но с чего ты решила...

– Лео. Это же просто. У вас на кабинетах нет никаких надписей и названий. Здание такое... особенное. Не простое.

– А ты откуда про кабинеты знаешь? – эта девчонка решительно его удивляла.

– Да меня тут на вызов срочно вызвали, у дядечки вашего одного давление скакануло под двести тридцать. Вокруг меня сразу четыре провожатых образовалось, чтобы ни шагу вправо-влево, и всё бегом. Я тебя там мельком видела в коридоре. И там все с тако-о-ой выправкой военной, но все в штатском. Как разведчики зашифрованные. И разговаривают, как команды отдают.

– А, так это про тебя, значит, у нас анекдоты ходят? Интересно, откуда такая наблюдательность у такой молоденькой девчонки? А, Стаси? – Леон шутливо перегнул её через колено в последнем па.

– Какие анекдоты ещё? – Стаси с испугом смотрела на Леона.

– Обычные. Как девчушка в белом халатике полковника заставила капельницу до скорой нести. Одним взглядом, буквально, заставила. Как говорят.

– А чего он?! Раскомандовался! У человека конкретно инсульт на глазах развивается, а он мне про магнезию, ... и я же откуда могу знать, что он полковник?

– Да нет. Нормально всё, Только у него новое прозвище, по ходу, между нами появилось...

– Какое?

– Медбрат. Они же таскают обычно эти подставки и судна. Молодец, справился.

– Ну и пусть. Он обижается?

– Не-а. За честь считает такой подчиняться. Ржёт. Так откуда такая наблюдательность у молоденькой девчонки?

– Читала много.

– Хоть ты и много читала, но ошиблась. Там просто одно из подразделений одного предприятия. И вообще, старайся свой мозг не нагружать лишними наблюдениями, усекла?

На самом деле в отделах несколько дней хохотали над Бурым, в отделе которого на совещании у сотрудника от нервного напряжения внезапно повысилось давление. И с удовольствием рассказывали друг другу, как приехавшая врачиха, миловидная пичуга с гулькин нос, резко остановила Бурова, когда он попытался вмешаться во врачебный процесс и попросил по-быстрому обойтись «какой-нибудь там магнезией» и не срывать важного заседания: «Вы у себя ко-

мандуйте, пожалуйста, а тут я – главная. На носилки больного – и быстро! Капельницу несите лучше. Раскомандовались тут!» – спасла тогда Стаси от развития инсульта Семёныча, а растерявшийся от наезда девчонки Буров послушно нёс капельницу за носилками.

– Да я давно всё усекла. Больше не буду нагружать. Но вообще правильно, что никого никуда за границу не пускают отсюда. Да ведь?

– Почему?

– Потому. А вдруг сюда какой-нибудь проходимец пробрался, и тоже любит гулять и думать в одиночестве, просто так по вечерам, и наблюдать от скуки за всем подряд? – Леон офигевал от этой девчонки: «А что? Вполне себе возможен и такой вариант. Если уж она дважды два сложила – то много вам, товарищи, работы ещё предстоит с этими «сквозными», с пропусками-вездеходами и службами. И таблички на дверях... но это-то элементарно, такие мелочи. Сказать кому – оборжутся».

Танцы для Леона и Стаси закончились в тот день что-то слишком быстро. Народ шел сначала общей шумной толпой по улице, потом рассеялся. Стаси и Леон медленно шли и разговаривали просто так, ни о чём.

– Так ты тут скучаешь, значит?

– Иногда, редко очень. Обычно есть дела. И на дежурствах часто бываю в больнице, и так есть чем заняться. Читаю.

– Может, ты ещё и вышиваешь? – Леон ехидно улыбнулся.

– А что? Нельзя?

– Да вышивай себе на здоровье. Мне-то что?

– А откуда ты это узнал?

– Про вышиванье?

– Да.

– Так это элементарно, вот у тебя кончик среднего пальчика правой руки – Лео развернул её ладонь кверху с уже не выводимым, похоже, чернильным пятном от ручки на среднем пальце – весь в ковыряшках каких-то. Почему? Предположение: возможно иголка. Смотрим на левую руку, на указательный палец, вот сюда. И что мы видим? – Лео держал теперь её руку левую руку и чувствовал пульс на запястье.

– И что мы видим? – Стаси недоуменно уставилась на свой указательный палец.

– А видим мы три одинаковых параллельных царапинки. У моей бабушки такие от иглолок раньше были. Отвлечется и иголкой в палец – бац! Больно! Или ты шьёшь на руках. Но тогда немного, потому что – где же мозоли от ножиц? И, значит, ты ещё и рассеяна, о чём-то думаешь. О грустном. Весёлые девчонки вышиванием не занимаются вообще. И что ты вышиваешь?

– Ничего, – Стаси была явно обескуражена. – Для подушки-думочки наволочку вышиваю. Я её со второго класса всё никак закончить не могу.

– Так брось – и делу конец!

– Она мне уже подругой стала. Друзей не бросают. Да

ведь?

– А-а. Ну, тогда не знаю, что и посоветовать? Приятеля лучше заведи. Хотя ты очень экономная на знакомства и вообще экономная. Кефиром можешь одним обходиться, как я в твоей авоське прочитал давеча. А приятели они котлеты любят в основном. Нет у тебя приятеля.

– Ничего мне не надо советовать. Но ты хитрый.

– На том и стоим.

– Что? Ты можешь вот так всё обо мне узнать?

– Если захочу, то всё.

– Просто так, без документов всяких шпионских?

– Без. – Леон склонив голову набок и с удовольствием смотрел, как на её бесхитростном лице мысли быстро сменяли друг друга.

– Замужем не была, и детей нет, – прикончил свой опус Леон.

– А это ты откуда знаешь?

– От знакомого вирболюда, – коверкая слово, дурачась и смеясь, смущал Леон Стаси.

– Да ты просто лепишь наугад, всё, что в голову придёт. Вот и все твои знания. И не очень-то я и экономлю. Вот хочу утюг электрический купить, например. И ещё кое-что (Стаси присмотрела в обувном магазине новые ярко блестящие чёрным лаком ботики-сапожки с красным мягким фетром внутри). – А насчёт детей? А может у меня двойня дома в деревне ждёт? С бабушками? А я просто на заработки при-

ехала?

– Ага. На заработки на время ездят, на месяц, на год, если на Северный полюс. А ты тут навечно теперь моей подружкой стала. И никакой двойни у тебя в принципе быть не может.

– Ещё и в принципе даже не может быть?! Объясни!

– Нет, давай я не буду. Просто поверь, что я это точно знаю. – Леон, шутливо шмыгнув носом, отвернулся от неё.

– Личное дело читал?

– Да нафига оно в таких вопросах, Стаси? И так всё понятно. Ты на свою грудь посмотри.

– Что понятно? – Стаси порозовела от смущения. – Грудь, как грудь. Как у всех .

– Да нет. Не как у всех. – Лео с безразличным видом отвернулся на витрину магазина, заметив в отражении, что Стаси чуть-чуть выпрямилась, приподняв свои вызывающе-изящные формы.

– Как у всех, – упрямо повторила она и тоже посмотрела мельком на своё отражение в витрине.

– Ага. Как у всех кормящих, ещё скажи. И такая упругая, что соски в разные стороны смотрят, как у молодой козочки. Не смехи мои тапки.

– Знаешь что?!

– А я предупреждал, что я всё знаю! Не только ты тут такая наблюдательная.

– Всё. Я пошла домой.

– Обиделась, что ли? Я же просто вслух восхитился, вспомнив козочку.

– Ты – наглец!

– Всё, я вспотел от смущения, высох, замёрз и умер. Я молчу.

– Можешь и не молчать. Я ухожу.

– Я провожу.

– Сама дойду. Иди к своей Вете-конфете. Она наверняка любит твои сомнительные комплементы, да ведь?

– Стаси, ну извини. Я сглупил немного. Но ты-то сейчас не глупи. Ты же умнее меня, и веди себя прилично. Ты возмущаешься так, что на нас оглядываются. Мы же не муж с женой пока, чтобы так ссориться. Да, ведь? – это смешное детское «да, ведь» Стаси вставляла в конце почти каждой своей утверждающей фразы.

Стаси рассмеялась, представив всю комичность ситуации.

– Мир? – Лео раскрыл свою ладонь.

– Ладно. Мир. – Стаси шлёпнула, как в детстве, ладошкой по его ладони. – Но больше, пожалуйста, не ставь на мне твои психологические опыты. Они мне не нравятся.

–Замётано. Больше не буду. Зуб даю! – и Лео, в довершение сказанного, ногтем большого пальца щёлкнул, по-босяцки поддев передний зуб.

Оба расхохотались, завершив разногласия. Впрочем, для себя Стаси отметила, что этот мальчишка, когда-то давным-давно бегавший по их селу в «московских» коротких

штанишках, совсем уже не мальчишка, а очень даже остроглазый и раскованный парень, сохранивший свою детскую том-сойеровскую наглыватость и практичность.

Пока они шли до её общежития, Леон показывал ей, где какой магазинчик тут затерялся, но в основном это мало её интересовало, кроме одного: ей нужен был магазин, где можно было купить радиоприёмник, «но самый-самый недорогой».

– Самый недорогой? Это «Рекорд», пятьсот рублей. Все диапазоны. Или тарелка громкоговоритель, за тридцать, но для неё отдельная радио-розетка нужна. Есть?

– Нет. Лучше приёмник, месяца через три я накоплю, хотя я в этих диапазонах совсем не разбираюсь. Мне просто надо утреннюю зарядку, новости, театр у микрофона и концерты по вечерам.

– Хорошо, приказ понял, покажу, научу, настрою. Ну-у-у, у тебя по лицу сразу всё видно. А ты ещё спрашиваешь, могу ли я про тебя всё рассказать? – Леон засмеялся, увидев её ошарашенное лицо.

– А я тебя, вообще-то, ни о чём не прошу. Я просто так сказала. Я сама всё сделаю. Ну ладно. Я дошла. До свидания. – Стаси резко, почти испуганно, сменила тему. Она явно не хотела углубляться в дебри физиогномистики, быстро, неловко-грубо вырвала руку из его ладони, слегка придержавшей её ладонь, и убежала, не давая ему ни малейшего шанса что-либо предпринять.

Лео подождал, не выглянет ли она в какое-нибудь окно, но так и не дождался такого подарка, и, задумчиво пошвыряв камешки под ногами, пошел домой. Стаси явно избегала дальнейшего сближения.

Весь вечер, сидя перед диваном за партией шахмат с отцом, Леон решал шараду «Стаси»: «Вся целеустремлённая, парня до сих пор нет. На танцах вокруг неё было густо, и никого не осталось, значит, точно и не было никого раньше. Почему? Хорошенькая? Очень! Глаз сразу цепляется. Что не так? Может она и их раскусывает, как меня случайно раскусила, и они ей становятся неинтересны? Тоже мне, Мата Хари белобрысая. И с учётом опыта Булова, который сам потом ржал, побыв в роли её подчиненного, характер у неё ещё тот. А что Булов? Она и меня тогда выжала, как тряпку, с этими трофеями Тома Соьера. Ага, хорошенькая маленькая, кошечка-рысь, того и гляди... Но вполне может быть, что и есть кто-то. Просто не пришёл на танцы. Что-то я тут «свободных» девиц не особо наблюдаю».

– Ты что такой рассеянный сегодня, Лео? – спросил отец, весело положив короля Леона набок. – Без сопротивления проиграл, чем голова забита? Опять Греч наезжает? Так ему положено наезжать.

– Да не, па. Греч в нормальном режиме. Ты вот что мне скажи, почему девчонка может тебя избегать?

– Смотря какая. Разные девчонки есть. Вот на днях ко мне на вызов, помнишь, прихватило меня в обед?

– Помню, мне сразу передали о твоём звонке. Я так и не успел тогда приехать. Далеко были, за периметром.

– А и не надо было. Ко мне такая врач пришла, что одним смехом своим и улыбкой на ноги поставила. Я ей сам дверь даже открыл, когда уходила. А думал, что на неделю опять свалюсь. Она больше часа со мной сидела, рассказывала всякую всячину, про себя разные истории, даже анекдоты мы с ней травили. Уколы ставила – вообще неслышно, не руки – золото. Первый раз в жизни меня так лечили. Через сорок минут давление в норме, пульс в норме, дыхание в норме. Вот какие бывают врачи. И совсем молоденькая ещё. Был бы я моложе... – отец улыбнулся. – Большой толк из неё получится. Такая выкобениваться не будет, такая всё тебе ясно скажет раз и навсегда. И не обидит при этом. Вета, что ли, опять выкобенивается? Так для неё это обычное дело. Без этого она не может физиологически, видимо.

– Вета? Да она-то причём? Мне с ней давно всё предельно ясно. Не. Другая, па.

– Я её знаю?

– Нет. Помнишь, в Берлушах соседи через дом от нас жили, ну и сейчас живут, сейчас фамилию вспомню... кажется, Родины.

– Припоминаю. И что?

– Так к нам в город их дочка, или внучка, приехала по распределению, врачом в городскую. Мы с ней тогда вместе по улице бегали несколько сезонов подряд, пока я не уехал.

Помнишь?

– Нет, очень смутно. Ну, и в чём проблема?

– Проблемы нет. Но явно меня избегает, похоже. К чему это?

– Странный вопрос. Она обязана не избегать тебя? У вас общие интересы? Ты уверен, что ты для всех местных барышень – желанный кавалер?

– Да нет, конечно. Просто нормально с ней танцевали, общались и вдруг – как отрезало. Ёжик на палочке свернувшийся. Ни с того, ни с сего. Не понимаю.

– Это элементарно. Обычно так себя ведут, почувствовав давление или угрозу своей независимости, молодые простодушные девчонки, насколько я ещё помню этот «материал». Но в наше время такие ситуации случались крайне редко, мы же... заранее разрешения на всё спрашивали: можно ли цветы подарить, мороженым угостить?

У вас-то всё проще и проще с каждым годом становится. Прекрасных дам теперь нет. В основном друзья-комсомолки. А такие, как Вета – ну, такие вообще сами первые на шею бросаются. А эта, видимо, из провинции, и поэтому строгих правил. Сколько ты с ней танцев протанцевал?

– Не помню. Несколько.

– И всё нормально было? А потом вдруг? Да?

– Примерно так.

– Значит, ей про тебя много чего порассказали, и ты не сумел рассеять её возникшие сомнения. А рассказать про тебя

есть что, как тётя Таня говорит. Сам виноват, люди же всё видят? У тебя слава непостоянного лихого и циничного гу-сара. Чего же ты хочешь? Всё понятно. Она молодец. Забо-тится о себе, ну и о тебе, возможно, чтобы не имел напрас-ных ожиданий. А может быть, что у неё есть уже кавалер? В принципе – вполне может быть. Не все – Веты. Пошли спать, сынок. Утро вечера мудренее.

Мудренее-то – оно мудренее, но отец невольно подсказал сыну одну идею про сближение со Стаси.

Всю следующую неделю Стаси работала во вторую смену по вечерам, то есть с обеда и «до упора», то есть, пока в оче-реди есть клиенты. В субботу, перед самым закрытием по-ликлиники, когда Стаси уже заканчивала записи и свои по-метки в карточках, она мельком заметила, как к поликлини-ке подкатила кофейная «Победа». Глеб, приятель Лены-ги-некологини, работавшей в соседнем со Стаси кабинете, сме-ясь, «вытащил» из неё Лео, сидевшего за рулём до этого. В кабинет ввели под руки последнего пациента. Ввел его, ко-нечно, никто иной, как Глеб.

– Вот, доктор, принимайте. Вступило ему в поясницу. Я пошёл.

Лео смотрел на Стаси страдальчески и виновато.

– А что вступило и куда? – Стаси не торопилась сочув-ствовать. Видела, как они вдвоём хохотали, бодро поднима-ясь по лестнице.

– Не знаю, доктор. Мочи нет, как больно.

– Ложитесь. Повернуться можете вот так?– Стаси прекрасно знала, как могут и как не могут поворачиваться больные, когда «вступило в спину», и где нажатие пальцем вызывает острую боль.

Поворачиваться так, чтобы её не было видно, он не мог, а в другую сторону, когда её было видно – прекрасно мог.

– Интересный случай, а вот так больно? – она с силой нажала на крестцовые «точки», от чего больные обычно взывали.

– Нет, совсем не больно, даже наоборот, очень приятно.

– А тут? – она, уже не стесняясь, ткнула его под лопатку, справа и слева.

– Тоже не больно.

– А где же тогда больно?

– Сам не пойму, где. Но идти один я не могу.

– А с костылём сможете? Друг Вас, как костыль поддерживал, это он вытягивал позвоночник Вам?

– Да почему, как костыль-то? Как друг просто.

– Так. Понятненько. У Вас очень сложный случай. Грозит осложнением. Придётся поставить блокаду, чтобы предотвратить.

– Какую блокаду ещё?

– Обычную. Новокаиновую. Вы уколов не боитесь?

– Так это, смотря куда?

– А мы сейчас разберёмся, куда Вам лучше поставить, чтобы вы точно смогли до дома доехать.

– Так может, просто, таблетки какие-нибудь, микстуры, давление смирить, забинтовать спину, может, вообще?

– Мм. Дадим, смерим, поставим, забинтуем. Ложитесь ровно на живот больной, да побыстрей, у меня приём уже закончился, меня ждут.

– Кто?!

– Кому надо, тот и ждёт. Поворачивайтесь, поворачивайтесь и приспустите штаны с ягодиц.

«О, Господи, ну зачем ты, Стаси, это сказала!?» – охнула Стаси про себя. Где-то, когда-то болтая с женщинами в перерыве о жизни, о том, о сём, она услышала, что самое сексуальное место у мужчин – ягодицы.

«У сексуального мужика они должны быть, хорошо глубоко разделёнными, хорошо наполненными и очень упругими, мускулистыми, чтобы укол в верхнюю четверть было ставить оргазмически приятно», – авторитетно заявила Ленка. Никто ей тогда не возразил.

Некоторые высказывания запечатлеваются мгновенно в памяти помимо воли, причём дословно. Почему? Неизвестно. Кому уж как карта ляжет.

Памяти и сознанию Стаси выпала именно такая карта – всё запомнить про мужские сексуальные ягодицы.

И вот они лежали перед ней распластанные: «Упругие. Мускулистые. Наполненные. Жестко округлые. И отлично глубоко разделённые! Чёрт бы их бы побрал!»

Лео, повернув голову, напряженно следил, как она выби-

рает шприц.

Шприц она решила подобрать такой, чтобы уж точно это «оргазмически-приятное» действие нейтрализовать нафиг!

– Э-э-э! Стаси! Ты чо?! С ума сошла?! Из-за такого шприца ты и задницу мою не увидишь, промахнешься. Давай, что-нибудь человеческое найди, по-хорошему прошу.

– Не волнуйтесь, больной. Мне не впервой, я в размерах шприцев очень хорошо разбираюсь, не мешайте работать, больной. Время не терпит. Закройте глаза. Будет не больно. Почти... Когда он отвернулся, сжавшись невольно от вида шприца на двадцать кубиков, она, еле сдерживая смех, вкатила ему малюсеньким шприцем дозу витамина В6.

– Держите, больной, ватку на месте укола. Мне ещё надо поставить вам парочку таких же. Блокада же.

Так же она вкатила ему В2, заставив держать ещё одну ватку на второй половине задницы и ещё парочку витаминов. Витамин А и витамин Е на масляной основе. Один в руку.

– Ну вот, пока хватит, я думаю. Можно было бы ещё глюкозу в вену... но... – Стаси задумчиво вертела огромный шприц в руке.

– Нет, нет. Спасибо. Уже точно заблокировало. Со всех сторон уже. – Лео торопливо натягивал на свою «классически-сексуальную» задницу трусы. Рука от укола ныла, не слушаясь, а потом жгучая боль от витаминных уколов растекалась по обеим ягодицам, он явственно ощущал на месте уколов образующиеся шишки.

– Придётся сегодня поспать с грелочкой, чтобы рассосалось. А завтра, если не будет улучшения – мы всё повторим, предписываемый курс – шесть укольчиков, как минимум, – ласково и умиротворённо произнесла доктор. – Вы вызывайте врача на дом, если станет хуже, и тогда я Вам больничный выпишу с завтрашнего дня.

– Да не. Я уверен, что точно поможет, зачем больничный-то? Это уж совсем ни к чему. – Лео, отвернувшись, приводил себя в порядок, стараясь не наступать на правую ногу, она совсем отнялась от укола, острыми болезненными нитями растекавшегося по всем нервам.

– Вас проводить до машины, больной? Когда прихватывает спину, спускаться по ступеням гораздо больнее, чем подниматься. Куда же Ваш дружок-то, костыль Ваш надёжный, делся? А? – Стаси с хищным любопытством оглядела пустынный уже в это время коридор и заметила, что дверь Лениного кабинета тихо и плотно прикрылась.

«Я Вам покажу, как в спину «вступает!»» – злорадно думала она про себя, помогая Лео спускаться по лестнице, Он еле волочил ногу, потом, когда взгромоздился за руль, ему зажало и вторую ногу.

– И неужели ты меня одного оставишь такого, полупарализованного? Чего ты там мне вкатила в задницу своим лошадиным шприцем? Я же сдохну теперь?

– Не сдохнешь! Только ещё бойчее по своим девицам будешь бегать. Это витамины. Через двадцать-сорок минут

рассосутся. Я посижу, подожду, на всякий случай.

– Ну, так это – совсем другое дело. И двадцать минут – это слишком мало будет для рассасывания таких доз. Никогда не видел, чтобы такие иглы всаживали кому-то. Сам укол не чувствовал, а потом... – мама дорогая! Отец тоже в восторге от того, как ты уколы ставишь.

– Твой отец? А, да, однажды мне пришлось подменить коллегу на вызове. Так это твой отец – Сергей Дмитриевич Воротов?

– Мой.

– Замечательный человек. Умный. Ему надо много внимания. Болезни сердца часто хорошо лечатся вниманием и любовью. Да и любые болезни этим лечатся, даже безнадежные.

– Ну вот. А ты мне только двадцать минут выделила. Злая ты и жадная. Если я и был здоров, то теперь-то я – точно болен. Лечи теперь сама. Поедем, прокатимся? После дождя так хорошо дышится, что даже моей заднице легче, как будто бы.

– Ничего, поболит с денёк, умнее будете, и врачей отвлекать на всякие розыгрыши перестанете. Как малые дети, ей Богу! Вези теперь до общежития, смотри, какой дождище опять хлынул! Откуда он взялся?

– Смотрю! Ух ты! Он – точно мой друг, специально так сильно пошел, мы с ним договорились. – Лео откинувшись на стекло беззастенчиво рассматривал Стаси, наслаждаясь её озорством, лукавой улыбкой, смущением. Выйти из ма-

шины было невозможно, потоки дождя шли сплошной стеной, с крыши машины по стеклу текли ручьи.

– Когда-нибудь мы с тобой будем сидеть дома, а за окном будет лить такой же дождище. И мы вспомним этот день, вот увидишь, – уверенно сказал Лео. – И тебе станет жалко, что ты так нещадно дырявила мою ни в чём не повинную задницу.

– Если так и было бы, то я уж объяснила бы твоей заднице, за что я её потрошила. Всё! Дождь кончается, я побежала. Ты уже можешь ногой двигать нормально?

– Могу. Сиди. Я подвезу, ты же в босоножках тряпичных, простудишься ещё, а мне тебя жалко будет такими шприщами колоть. И гулять не выходишь, ты что, совсем просто так не гуляешь, злая ты жадина, может кто-то с тобой дружить хочет?

– Я не жадина, а просто очень занята всегда. Некогда мне гулять просто так. И дружить – тоже. Мы давно уже взрослые люди, а не детки в песочнице, – лицо у Стаси было непроницаемо. Лео молчал, обдумывая её слова.

Очень медленно и долго ехали они до общежития, молчали. Каждый думал о своём. Он вспоминал её тёмные зрачки, когда они танцевали, а она старалась изгнать из памяти видение его ослепительно красивой задницы с растекающимися на глазах синяками от уколов.

– Спасибо, что довёз.

– Я и проводить могу ещё.

– Да нет, тебе же спину прихватило? Не дай бог. Осложнение... – съязвила она. – До свидания, – вдруг резко закончила она вновь появляющийся диалог, который вообще неизвестно куда может их увести опять.

– Ну, до свидания, раз до свидания. А завтра чем занимаешься?

– Завтра?

– Ну да. Воскресенье же?

– Воскресенье? А! Ну да. У меня куча личных планов на личную жизнь. Пока, Лео, Спасибо ещё раз, что подвёз. Не болит уже спинка? – и Стаси со смехом выскочила из машины, не дав ему проявить его галантность. – Сиди, сиди. Как-нибудь сама уж дверцу открою, ногу всё равно ещё потягивает наверняка от укола?

Леон, как чувствовал, что не надо торопиться уехать, и сидел в машине, провожая её глазами. На верхней ступеньке, уже перед входной дверью, её вдруг остановил стоявший там какой-то молодой парень в форме лейтенанта, взяв её за локоть весьма вальяжно. Стаси постаралась освободиться, но тот со смехом удержал её. До Лео донеслось: «Ты же обещала. Помнишь, на КПП в итээровском посёлке?»

– Да отстаньте Вы от меня! Ничего я Вам не обещала, и, вообще, кто Вы такой? Вы пьяны, что ли?

– Ну, чо ты выкобениваешься? Думаешь врач, так и нос кверху можно задрать? Я у тебя документы проверял, на танцы приглашал?

– Ну и что из этого?

– Так неделю назад танцы были, а тебя не было.

– И что?

– Нехорошо людьми пренебрегать. Я к тебе со всей душой, а ты... – остальные слова парень пытался договорить уже скатываясь по лестнице вниз на пятой точке.

Лео хотел его допинать до самой дороги, но Стаси повисла у него на руке: «Лео, остановись. Он пьян. Надо доложить военному патрулю. Я сейчас позвоню от вахтера. Пойдём, он тебе рассёк бровь, сейчас продезинфицируем», – только последние слова остановили его. Оказаться у Стаси – да это было пределом мечтаний на сегодняшний вечер!

Она не только продезинфицировала маленькую ранку над бровью, она и чаем его напоила, насмешила рассказом, как к ней на КПП пристал этот самоуверенный лейтенантик. Долго придирался к печати, делал вид, что он занят чрезвычайно важным делом тут, что он тут самый главный по охране государственной тайны, делал всё, чтобы задержать её около себя подольше.

Лео расхохотался, но и расстроился. Слишком много дураков тут развелось. Он помнил, как Курчатова лично охраняли молчаливые дядьки с тремя большими звёздочками на погонах. И отца его охраняли, даже внутри посёлка для спецов. Потом режим смягчился, когда испытание «шарика» провели.

«Так на весь мир грохнули, что до сих пор в ушах звенит.

А такие вот идиоты могут запросто всё про*рать», – подумал про себя Лео, слишком часто теперь случались высылки за периметр.

Но загружать такими мыслями Стаси, эту милую девчонку он, разумеется, не стал. Мужские проблемы мужчинам и решать.

– Стаси, вот смотри, я недаром сегодня к тебе явился. Спас, понимаешь. Ты мне должна уже дважды.

– И что я тебе должна, интересно?

– Как это? За отобранную у меня Томсойеровскую радость – это раз, ну и за спасение от этого идиота – это два.

– У-у-у-у! Тогда я тебе вечно должна буду. Что в той куче всяких штучек-дрючек было, я не помню. Только горох помню. А уж отшвырнуть от тебя девушку какую-нибудь настойчивую я точно не сумею.

– А почему девушку-то?

– Ну как, почему? Девушка просто для симметрии ситуации. Ты парня от меня – я девушку от тебя. И вообще я не замечала, чтобы к тебе парни приставали.

– А ты что, подсматриваешь за мной? Не замечала она...
– Лео явно растягивал разговор.

– Да что тут подсматривать? Где ты – там и девушки со всей округи, всей толпой. Не хочешь – заметишь.

– Ладно, ладно. Согласен. Но я легко прощу тебе все долги, если мы с тобой завтра куда-нибудь сходим, в летний ресторан, например, в «Наш Дом», или ещё куда.

– Нет-нет. Это мне пока не по карману – по ресторанам и театрам ходить, и вообще у меня давно намеченные планы. Личные планы.

– Вообще-то платит мужчина, когда приглашает. И какие же личные планы у нас намечены.

– А! Так я завтра в библиотеку же иду. Книги сменить и в читалке кое-что просмотреть.

– Что, кое-что?

– Журналы. Там много нового бывает в наших, специальных журналах. Их для больницы тут выписывают, и вообще обожаю в журналах рыться.

– А как же личная жизнь с планами?

– Какая личная? Это и так личная. Чья же ещё? Всё, Лео, время вышло, вахтёрша будет ругаться, ещё раз – до свидания. – Стаси определённо торопилась с ним расстаться.

В читальном зале народу было много. Придя пораньше, Стаси выбрала самый уютный и изолированный от посторонних взглядов последний ряд, в самом уголке. Разложила просторно перед собой журналы, как блюда предстоящего пиршества. Пахло особым запахом библиотеки: бумагой, типографской краской, клеем.

Кстати: тогда все жадно учились. Учились все и всему. Не ходить в читальный зал – было всё равно, что не чистить зубы для нормального человека. Знания были самым

расхожим и необходимым товаром, имевшим очень высокий спрос.

– Божественный запах! – блаженно вздохнула Стаси, достала тетрадь и автоматическую ручку, которую мама подарила ей на окончания института, выписывать что-нибудь особо замечательное. И вообще, Стаси понимала, на память в медицине не стоит надеяться, столько нового и важного каждый день...

– Можно рядом с Вами сесть? Не помешаю? – Леон, не дожидаясь ответа, вывалил на стол целую грудку книг, журналов и сел через стул. Начал неторопливо сортировать принесенное, широко раскладывая по стопкам. На Стаси он изредка весело взглядывал.

– Не куплено. Извини, мне сейчас некогда, – оборвала она его строго, увидев, что он вознамерился продолжить с ней беседу.

«Он это так специально сделал. Вот что ему надо? Смеётся и издевается. Нет, правильно Лена про него сказала, что бесцеремонный, циничный и самовлюбленный тип. А был таким славным мальчуганом, правда и тогда он был приличным шалопаем, всех мальчишек с этим забором обобрал. Всё у них выманил, все их драгоценности. Только что крысы дохлой не было. И что они все в нём находят? Подумаешь, «самый завидный». Такие обычно бывают избалованными и ленивыми маменькиными сынками. Самой надо быть «са-

мой-самой», тогда и будет всё в порядке», – Стаси, проворчавшись про себя, настроилась на работу, постаралась не раздражаться.

В чём и преуспела. И просидела три часа, не отвлекаясь ни на что постороннее, выписывая экономным мелким и чётким почерком всё, что находила интересным. Закрыв последний журнал, улыбаясь, блаженно потянулась, прогнувшись в спине и, вдруг вспомнив, посмотрела на него.

Леон с весёлой усмешкой наблюдал за ней уже, похоже, не первую минуту. Стаси смутилась, прыснула в ладошку, а потом улыбнулась неловко своей «раздомашенности», и стала собирать всё в стопку, чтобы удобно было нести.

– Давай, понесу.

– Я сама.

– Давай, давай, не укушу, не бойся. А ты раскладывай по полкам. Всё просмотрела?

– Всё. Что надо было, – Стаси была сердита. Слишком нахально всё это выглядело и неуместно. – Ещё и библиотекарша тут прячет свою дурацкую ухмылочку. Это не город, а деревня большая какая-то, все друг друга знают. Опять эта Вета пристанет: «Что, да почему, да откуда? А он сам это всё творит. Я здесь ни при чём совсем. Пусть сама его на поводке и держит», – думала про себя Стаси, нервно, сердито и быстро раскладывая свои журналы по полкам

– Теперь мои давай, вот на тот стенд. Лера, а ты что сидишь, давай, давай, заполняй формуляры, мы же много книг

набрали. Видишь, мы торопимся. – скомандовал Леон библиотекарше, не сводившей с них глаз.

– Я не тороплюсь, – тихо, но настойчиво сказала Стаси.

– Ты просто не знаешь, куда мы сейчас пойдём. Тоже бы поторопилась, – он сам быстро засунул на верхнюю полку свои исключительно политические журналы. – Лера, тут у вас очень пыльно, аж руки все грязными стали. И помыть их тут у вас негде.

– Вымоем, Леонард Сергеевич. В понедельник – санитарный день.

– Вот, вот. Протрите, – забрав свои и Стасины книги, Леон крепко взял Стаси за локоть и повел к выходу под прицелом Лериных глаз.

– Ты что вообще творишь, Леонард Сергеевич? И имя у тебя дурацкое, – прошипела Стаси в коридоре. – Я никуда с тобой не пойду.

– А идти и не надо. Мы поедем. Садись, – Лео, так и не выпуская её руки, почти силой впихнул её в «Победу» кофейного цвета, захлопнул дверцу и быстро сел на водительское место. – А имя? Ну да, дурацкое. Только ты других имен тут не слышала ещё. Тогда наши романтические родители так-и-и-е имена своим чадам давали, что уму непостижимо, о чём они думали вообще. У отцова друга сын – Жорес, у другого три сына: Гелий, Радий и Вольфрам. А у третьего – полный пи..., ну, в общем, караул: Икар, Электрон и Робеспьер. Рэмов ещё, – хоть метлой мети. Так что я доволен.

Лео и Лео – лев, значит. Поэтому не советую пререкаться и сопротивляться. Умею рычать.

Буянить и сопротивляться на глазах у любопытных прохожих было, по крайней мере, глупо, тем более, что все тут здоровались с Леоном, и молодые люди, и не очень молодые. Его, похоже, тут все знали.

Он тронул машину, даже не глядя на Стаси, как будто её тут и не было, и молча направился по центральной улице куда-то на выезд из города.

– Ты куда меня везёшь, вообще?

– Сейчас пообедаем, потом решим. Можем с собой купить и поесть на природе. Что вы предпочитаете, сердитая моя?

– Я хочу домой, некогда мне и вообще... Вози вон своих Вет, Лер, а мне не скучно и одной.

– Уже поздно расстраиваться. Всё равно все сейчас косточки нам перемывают и новость обсасывают, что сынок Воротова новенькую даму на авто кататься повёз. Это я тебе точно говорю. Да, да! Издержки нашего города. Так и есть. Завтра на работе тебя все об этом спрашивать будут. Вот сама подумай, ну зачем лишать людей таких приятных минут? Здесь не так много развлечений, как хотелось бы. Сегодня вечером в кино пойдём ещё. Я билеты уже купил, не переживай, лишний билетик спрашивать не придётся.

– Слушай, Лео, тебе доставляет удовольствие смеяться надо мной? Да? Тут столько девушек, которые с тобой хоть на край света поедут. Может, давай с ними? А?

– А можно, я сам решу, с кем мне время свободное проводить?

– Можно и нужно. Но только давай в обход меня ты это будешь делать, довези меня до общежития, и я обещаю, что не буду сейчас кричать, как сумасшедшая в окно машины.

– Ты дикая, что ли?

– Как хочешь, считай.

– Хорошо. Я довезу тебя до общежития, но если ты мне пообещаешь, что в кино сегодня со мной пойдёшь. Или в лес, но тогда прямо сейчас. На пикник. И хоть заорись, все всё равно будут думать, что ты это от восторга орёшь. Что будем делать?

– Хорошо. В кино. Но я предпочитаю остаться дома, всё-таки.

– Исключено. Совсем. И ты уже скомпрометирована. Жалеть не о чем, да и поздно.

– Ты наглый нахал.

– А Томи Сойеры – они все такие. Ты что? Не знала? А я так хотел поест по-человечески! Дома одни макароны.

– Вот дома и поешь свои макароны. Или в столовой, там тебя Ира ждёт. Пока.

– В шесть ноль-ноль стой здесь на крыльце, и ни минутой позже. Советчица! И не вздумай испытывать моё терпение – я резкий.

Чтобы не испытывать судьбу на непредвиденные поступки Лео, ровно в шесть она, всё-таки, стояла на крыльце, и

ровно в шесть он открыл дверь машины и галантно посадил её туда, под аккомпанемент взглядов из всех общежитских окон. В этом городе всякое интересное событие было на вес золота и питало мозг жаждущих новых впечатлений юных девушек, «барышень» – как по старинному галантно называл их отец Лео.

Фойе зрительного зала было забито народом. Тут же к ним подошла знакомая Лео, Стаси её уже знала. Вета недавно к ней подходила и спрашивала, откуда она Леонарда знает. Так Стаси узнала, что у Лео полное имя Леонард, оказывается. Их нечаянная встреча в автобусе и на танцах, видимо, не осталась незамеченной.

– Леонард, привет! Сколько зим? Сколько лет? Что же ты меня с девушкой не знакомишь? На танцах меня не заметил? Случайно, наверное? Всё-таки, мы с тобой друзья за...

– Заклятые мы с тобой друзья, Вета. Заклятые. И нечего тут балаган устраивать, не ваш ли раздвоенный язык ей мёда в уши налил? – Леон бесцеремонно кивнул на Стаси. – Поговорим ещё. Пока, – он повернулся к девице спиной, давая понять, что разговор закончен.

– Мир тесен, Леонард. Поговорим, конечно, – Вета отошла явно взбешённая.

Стаси тоже была вне себя от возмущения. Лео действительно был «резким» практически до неприличия, но Стаси решила принципиально молчать. Так она гораздо больше слышала и понимала, чем когда говорила с ним или препи-

ралась. И, наверное, и выглядела так тоже умнее. Ясно стало одно, что Лео чрезвычайно популярен у местных девушек. Даже более, чем популярен. Он тут был любимцем публики, с ним и тут все здоровались, попутно любопытно оглядывая и кланяясь в приветствии и Стаси тоже, как его попутчице. Леон познакомил, наконец, её со своим другом Глебом, который притащил его тогда в кабинет. Сегодня Глеб был со своей девушкой Леной. С ней Стаси вместе работала в поликлинике и иногда вместе обедала в столовой

– А почему тебя зовут именно «Стаси», с «и» на конце? – без обиняков и сходу спросил Глеб.

– Это от имени Анастасия. Если коротко, то Анастаси. А ещё короче – Стаси. Так мой папа меня называл. Он погиб в сорок втором. Я сохранила это, как память. Вот и всё, – она сказала это просто, глядя в глаза Глебу, очень крепкому с виду парню, у него мышцы катались под рукавом рубашки при малейшем движении, и шея была шире лица.

«Теперь понятно, почему к Тому Союеру никто не лезет. С такими разбираться себе дороже, хотя и Том Союер на вид совсем не слабенький, несмотря на его кошачью гибкость и стройность. И ягодички у него, конечно...», – уныло думала Стаси, обреченно вжимаясь в кресло, к которому её предупредительно пропустил Леон. Он был мрачен и молчалив. Весь сеанс они просидели молча. Иногда Стаси увлекалась действием на экране, улыбалась, даже смеялась, но тут же, оглянувшись на мрачного Леона, снова вжималась в кресло и

молила только об одном, чтобы поскорее это дурацкое кино закончилось, пока она тут сама не скончалась от давящей на неё тоски рядом с этим дурацким угрюмым Томом Сойером.

– Тебе понравилось кино? – разжал он рот, когда они выбрались из толпы зрителей, и он подвёл её к машине.

– Я плохо его помню.

– Почему? Всего двадцать минут назад кончилось?

– Потому что ты на меня плохо действуешь, когда рядом сидишь. Я жалею, что согласилась с тобой пойти, всё равно ничего толком и не рассмотрела. Что тебе от меня надо? Можешь объяснить?

– Могу. Сейчас отъедем подальше, объясню, – он молча рулил куда-то на окраину парка, наконец остановился. – Пойдём, присядем на лавочку, подышим кислородом, в зале душно было.

– Но мне надо домой, завтра рано на приём.

– Да рано ещё. Успеешь выспаться.

– Хорошо, но только быстро и понятно чтобы. И уже не рано. Я в десять спать ложусь.

– В десять? А что ж не в девять?

– Ты объяснить что-то мне хотел? Вот и объясняй. Только короче. Я уже спать хочу.

– Могу совсем коротко.

– Давай.

– Выходи за меня?

– Чего-о-о?

– Замуж за меня выходи. – он спокойно смотрел, как у неё в губах где-то собирались и тут же испарялись с языка слова.

– Ты это серьёзно? – тихо, как больного, спросила его Стаси, наконец.

– Абсолютно. А что, бывало, что тебе шутя такие предложения делали?

– Нет, такого слышать не приходилось... слава Богу.

– А чо слава богу-то? Ты, ведь, не девочка уже, хотя и выглядишь, как школьница старших классов. Пора бы.

– Давай, я сама буду решать, что мне пора, а что и подождать может. Спокойной ночи, Том Сойер. Спасибо за... кино.

– Ты мне не ответила, Стаси. Да или нет?

– Ты ещё и сомневаешься? – она не знала, то ли негодовать, то ли расхохотаться.

– Я просто жду, что ты скажешь. Я не сомневаюсь. Просто жду.

– Лео. Смотри на меня и слушай: *«Я никогда не выйду за тебя замуж»*. Понял?

– То, что ты сказала, я понял, но это ещё ничего не значит. Смотри на меня и слушай: *«Это мы ещё посмотрим»*. Поняла?

– Ты – наглец!

– Все Томы такие. Пойдём. Я тебя подвезу до общаги вашей. Комары не достают?

– Что-о-о? – Стаси не понимала, как так можно. – Это же

просто издевательство какое-то! Фарс! Комары-то тут причём? Ты с дуба рухнул сегодня?

– Ну, надо же нам о чём-то говорить. Да, ведь? – Лео завел двигатель и не торопясь двинул машину в сторону общежития. – Почему о комарах не поговорить? Надо на окно сетку металлическую приделать, тогда и не душно, как с марлей, и не залетят. И мошка не залетит. Я тебе принесу, знаю, где достать. Завтра зайду, размер окна замерю.

– Лео, ты слышишь себя?

– Слышу.

– А меня?

– А тебя ещё и вижу. И это гораздо больше, чем «слышу» в данном случае. Если бы и ты могла себя видеть, ты не торопилась бы так с ответом.

– Я тоже вижу. Безнравственное, напористое грубое существо, привыкшее, чтобы ему подчинялись и его боготворили.

– Ничего ты не видишь, – вздохнув, он притормозил недалеко от крыльца. – Если бы видела – давно бы убежала, школьницам это видеть не положено, – он довел её под руку до самого верха крыльца. – Спокойной ночи, Стаси, – он внешне поднял её одной рукой над ступенькой, крепко прижав и впился ей в губы, прижав голову другой рукой.

Это продолжалось совсем недолго, как ей показалось, где-то раздались голоса, и Леон мягко опустил её на её дрожащие ноги.

– Ты... ты... это зачем? – она прикрыла рукой сразу

вспухшие вдруг губы.

– Зачем? Чтобы ты меня не забыла. Я в командировку завтра на несколько дней уезжаю, а сетку с утра приделаю. Рано утром зайду, ты мне ключ оставь. Ты его под коврик положи. Поняла? Повтори. Что ты так на меня смотришь? Повтори.

– Под коврик.

– Ну и ладно. Спокойной ночи, Стаси. – он, едва касаясь, медленно провёл тыльной стороной руки по её щеке, как бы разглядывая в ней что-то, повернулся и пошел к машине, белея своей белоснежной рубашкой в неверном свете почти белых почти северных ночей.

– Нет, что он себе позволяет? Наглец... – Стаси потрогала рукой губы, оглянувшись на хихикающих девчонок, пробежавших мимо по лестнице. – Это надо как-то прекращать. Коллекционер несчастный!

Потом Стаси долго не могла уснуть, чувствуя на своих губах его горячие губы и язык, стремительно ввергшийся ей в рот и сразу вобравший в себя всё, облизавший зубы, втянувший её язык. Запах дорогого «Красного мака» на его гладко выбритых щеках, до сих пор витал около её лица... и она чувствовала на себе руки его, сопротивляться которым у неё не получилось совсем.

– Захватчик. Ладно, это мы ещё посмотрим.

– На что ты хочешь посмотреть, Стаси? – шепнул ей перед сном *Взвешивающий*. – Целоваться в общем-то приятно. Ещё как! По-твоему.

В семь утра в дверь постучали. На пороге стоял Лео.

– Извини, что так рано, я тороплюсь очень, В обед уезжаю, – Лео, скинув туфли, быстро прошел к окну и рулеткой мгновенно сделал два замера на форточке и на створке окна.

– Я две сетки вырежу. На жару и на проветривание. Пойдёт? – он весело оглянулся на нахмуренную Стаси, так и стоявшую около порога.

– Пойдёт. Сколько я тебе должна буду? – Стаси выглядела почти грозно.

– Должна сколько? Пока не прикидывал, но думаю, что ты вполне платежеспособна, – он натянул летние модные туфли с ремешками и остановился перед ней. – Сердишься? Расслабься. Всё равно всё уже решено. Ты будешь моей женой. Сетки через час будут на месте. Пока.

Пациентов было немного, Стаси только на втором пациенте заметила, что руки у неё перестали дрожать.

Срочная работа – лучший способ отвлечься от самых тревожных мыслей.

В двенадцать главврач собирал сегодня всех врачей первой смены на «летучку», на которой обычно кто-нибудь получал очередную выволочку или взбучку за очередной огрех, за сбой, допущенный в налаженной, как часы, работе. В этот раз «получили» хирурги за оставленный на вешалке грязный халат и неисправную кварцевую лампу.

В самый разгар «нагоняя» дверь открылась, и в кабинет

вошел Леон, поздоровался, улыбаясь, и сказав: «Здравствуй-те, я на секунду, Василий Петрович, Кира Михайловна просила передать, что ждёт Вас через полчаса», – потом, быстро найдя глазами Стаси, подошел к ней, отдал ключ, наклонился и, поцеловав в волосы, тихо произнес: «Не скучай, я скоро приеду», – и вышел.

Сказал он это тихо. Но весь Город это услышал. Врачи и медсестры ухмылялись за её спиной, а в глаза были предупредительны. И только регистраторша, пожилая и прямолинейная Варвара Степановна, покачала головой и сочувствующе сказала: «И тебя объездили? Эх, бабы, бабы. До чего ж вы падкие на богатых сынков. А комсомолка, ведь, поди?»

Вечером Стаси лежала на кровати, даже не сняв рабочей одежды, рискуя всё измять, и безутешно страдала, проклиная себя за ту дурацкую встречу в том дурацком автобусе: «Не бросилась бы со своим дурацким «Ой, здравствуй, Лео!» – и не было бы этого позорища. Он специально всё так подстраивает, и как мне людям в глаза смотреть? И почему это он так в кабинет к Василию Петровичу, не спросясь, ворвался, и все восприняли это нормально? Шушукуются теперь! Ладно. Надо нервы собрать в кулак. Ничего же особенного не произошло на самом деле. Обычный наглый манипулятор».

– И кого это ты уговариваешь и убеждаешь, Стаси? – спросил *Взвешивающий*. – Ничего, так ничего. Чего тогда страдаешь?

– Потому что он мне очень нравится, но я его ненавижу. Мистификатор и провокатор. И я ему всё-превсё выскажу, теперь он никогда меня не сможет застать так врасплох. А то ещё и кивнуть пришлось, что не буду, мол, скучать, – Стаси со злостью бессильно ударила кулачком в подушку. В дверь постучали.

– Кто там?

– Стаси, это я с Глебом, открывай скорее, арбуз тяжелый.

В комнату со смехом ввалились Лена с Глебом, который еле удерживал в руках огромный арбуз.

– Куда его? На стол? Скатерть убирай, он грязный, его сначала помыть надо, – за суетой вокруг арбуза яростные мысли Стаси улеглись, Глеб пошел за водой с тазиком и чайником. Лена высыпала в тарелку принесенные конфеты и пастилу, Стаси пошла занять пару кружек и тарелок к соседям.

– Лена, я не виновата в том, что сегодня Леон устроил. Он это всё сам, – Стаси испытывала огромное чувство стыда перед приятельницей.

– Ты о чём?

– Ну, на «летучке» же...

– А-а-а, это он может.

– То есть?

– То и есть. Петрович – сын, не знаю, как и сказать... его опекунши, короче. Он Леона с детства обожает и всё абсолютно ему, как маленькому, разрешает. Кира Михайловна из горздрава, начальник отдела там какого-то, ну и в боль-

нице ещё она работает, она вообще на все руки врач, – его мать. Они ему – до одного места оба, никакой субординации. Тут все друг другу сваты и кумовья. Большая деревня, одним словом. Так что, считай, он тебя всей своей семье, так или иначе, представил. С ним такого ещё не бывало. У тебя с ним, что? Всё было? – Лена, улыбаясь, смотрела на потерявшую дар речи Стаси.

– Лена, ну как ты можешь? Ну, ты-то?!

– Да ладно. Шучу я. Но... не знаю. Не в себе он. Он тебя нам с Глебом прямо поручил, пока Глебки нет, я тебе карты открываю, а при нём – ты молчок, а то я тебе больше ничего рассказывать не буду.

– Он что? Вообще с дуба рухнул? Что значит «поручил»?

– Чтобы ты не скучала, чтобы никто к тебе пальцем прикоснуться не смел, и всё такое прочее, – Лена громко рассмеялась. – Чем ты его так ...растравила? И кого это он боится рядом с тобой обнаружить?

– Растравила?! Вот я его растравлю так, что он сюда вообще дорогу забудет, пусть только приедет! – Стаси негодовала.

– А зачем? Завидный жених. Может это у него настоящее, наконец? Ты разберись сначала, на тебя тут многие заглядываются. Невесты нарасхват, не Иваново, чай.

– Ага. Я – разберись, а он без разбору что хочет, то и творит. Нет уж. Я ему не рабыня капиталисти... – разговор оборвался на полуслове, в комнату вполз Глеб, держа в одной

руке таз с водой, в другой чайник.

– Девчонки, давайте, мойте его с мылом и споласкивайте, воду я в окно вылью, чистая же, для газона-то сойдёт? А таз помойте как следует, горячей водой, вот кипятилок, в таз я его и нарежу, этого красавчика. Лен, нам тоже надо электрочайник купить. Удобно же прямо в комнате и кипятилок?

– Купим. Успеем ещё, пока рапорт рассматривать будут. Молодец, Стаси, что купила, их только недавно привезли, я тоже присмотрелась уже.

Глеб был весел, обходителен, под конец вечера предложил пойти прогуляться на свежем воздухе. Раздали соседям остатки арбуза, всё равно к утру пропадёт в такой духоте, поблагодарив за чашки и тарелки, и отправились гулять. Желающих гулять было много, ночи были скорее светлыми, чем темными.

Стаси обожала гулять по этому Городу-лесу. Здесь везде, где только возможно было, на газонах между встречными полосами дорог, вдоль тротуаров, под самыми окнами стоявших домов, деревья оставляли нетронутыми. Это было указание самого Лаврентия Палыча, как тут говорили. Город маскировали под санаторий, здравницу, лагерь. Дома были не выше второго этажа, как и положено в здравницах и на спецобъектах. Более уютный Город и представить себе было невозможно. Даже проспекты некоторые здесь выстраивали концентрическими полукружьями, и они прекрасно защищали гуляющих от холодных северных и северо-восточных

ветров. Много времени спустя станет известно, что это была необходимая дорогостоящая архитектурная задумка – прикрыть, хоть немного, людей от возможной ядерной взрывной волны, если «рванёт» на «Аннушке».

– А вон там – дом Леона, махнув рукой в сторону одного из особнячков за густой стеной кустов сирени, – сказала Лена. – Ты была у него?

– Лена, да нигде я не была. Только по вызовам один раз пришлось. С пропуском – целая канитель. И зачем я туда пойду?

– Стаси, – вдруг заговорил Глеб, – а Леон тебе рассказывал о себе? Или ты и так всё знаешь?

– Что я «знаешь»?! Мы с ним играли в мячик, когда нам было по семь-одиннадцать лет. И почему он должен мне что-то рассказывать? – Стаси говорила это всё вспыльчиво и раздраженно.

– Извини. Я думал, что у вас всё... как бы сказать... определено.

– Глеб, между нами ничего нет. Ни-че-го! Понимаешь? И зря вы тут меня опекаете и развлекаете. Если что-то дурацкое есть у него в голове, это ещё вообще ничего не значит! Лена, ты же сама мне говорила, что он самонадеянный и самовлюблённый, и всё такое... И он специально всё вокруг меня... закручивает. Только не пойму – зачем? Слушайте, а может он какую-нибудь свою... девушку подразнить хочет? Вету или Иру? А?

Лена молча притронулась рукой ко лбу Стаси и, наморщив лоб, посмотрела на Глеба: «Не, Глеб. Температура нормальная. Шизофрения может?»

– Лена, ну ты-то? – Стаси беспомощно обернулась к приятельнице.

– Так, я понял. Ты, Ленка, ей дала совершенно неправильную, бабскую, я бы сказал, рекогносцировку, а она повелась. Так?

– Так, но не совсем уж и так...

– Слушай сюда, Стаси. И только меня слушай, женщины к нему пристрастны и поэтому необъективны, а с тобой – он повернулся к Лене, – я ещё разберусь. Дома.

– Стаси, Леон – отличный парень. То, что на него бабы вешаются, летят, как мухи на мёд – так чего ж тут странного? Он красавец. И ему, между прочим, уже двадцать семь почти. И это совсем не значит, что он бабами перебирает. Он отпихивается от них по большей части. Ну да, по большей – отпихивается. Но их так много! Да что я вас убеждаю про него? Я тоже отпихивался, пока Ленок меня не оглоушила. А что делать-то? И по большей части слухи, которые тут бродят, – это сплетни.

– А то, что он тут самый крутой шалыган был некогда – тоже сплетни? – Лена саркастически посмотрела на Глеба.

– Нет, вот это не сплетни. Это было. Но хотел бы я на тебя посмотреть, какой бы ты стала, когда он тут совсем один пацаном оказался? Из тёплых бабушкиных объятий почти в

детский дом попал? Или с местными зеками задружился?

– Как это? – Стаси с недоверием слушала Глеба.

– А так это, очень просто. Нам по четырнадцать-тринадцать было. Война только закончилась, – Глеб замолчал, пропуская обгонявших их любителей ночных прогулок. – Давайте вон туда, к берегу пойдём, там народу меньше, ушей меньше.

Он обнял девушек за талии и быстро повлёк их за собой к прогулочной аллее под сохраненными при строительстве соснами .

– И что дальше? – Лене тоже было невтерпёж услышать о Леоне, про которого среди его одногодков слухи некогда ходили один круче другого.

– А что дальше? Город ещё только строили, но площадка уже была. И строили тут многое зеки. Обнесут колючкой объект, потом их туда под автоматами загоняют. Надо сказать, отлично работали мужики. Строили мгновенно, за год весь проспект застроили. И качество-то какое! И всё вручную же?!

К тому времени всё самое необходимое уже было. Квартирами для персонала, правда, коммуналки сначала были, но почти всех обеспечили. Но сразу и больница, и кинотеатр, и дворец молодежи, и школа строились. Отец Леона с Курчатовым работал, дружили, можно сказать, и мой отец там же рядом был, мы сюда из Москвы были направлены, ну, отец мой, я имею в виду. И мать Леона тоже оттуда родом. А его

отец местный, уральский, но Сергей Дмитриевич учился в Москве. Там с Кирой своей и познакомились. Леон там родился. Его мать сюда начальником какого-то сильно главного отдела горздрава не так давно назначили. А вообще, она во время войны, как врач-хирург, была мобилизована. Леона к бабушке с дедом отправили. А у матери его, пока в госпиталях там работала, роман с генералом одним получился, развелась она с отцом Лео. И после войны жила в своей Москве. Ну и всё. Недолго, правда. Потом генерал умер, от ран вроде, и она сюда приехала, только её ни отец Лео, ни сам Лео уже не приняли, хотя одно время что-то там налаживалось, по-моему. В гости она к ним точно ходила. Сам видел. Тут все даже надеялись, что семья восстановится. Дом его отцу шикарный выделили, как и всем корифеям тут. Не получилось у них снова сойтись, но она осталась здесь. «Спецом» она стала по острой необходимости. по совместительству с хирургией своей.

Тогда мало ещё знали про эту штуку. Ну, вы меня поняли. Торопились, как черти, всё успеть сделать. Сутками работали, особенно итээры, отец зелёный с работы приходил. Лаврентий Палыч тут, как у себя дома постоянно бывал, не забалуешь. А и забалуешь, или, не дай бог, напортачишь по халатности – всё равно заставят работать, только за баланду уже. Не работали, а сражались, можно сказать. Они и сражались, если по совести рассуждать. Мозгами. Вовремя успели. Не проиграли. Только многие такие дозы получили, что

удивительно, как они вообще выиграли. Но некоторые были просто гигантами духа. Про одного генерала рассказывали, что он три смертельных дозы получил. И жив! До сих пор большими делами заправляет. Их здесь уже мало осталось, тех, корифеев. Отец Леона – тоже последний из могикан, может быть, просто моложе других был, или организм сильнее. Но и он не выдержал. Болеет сейчас – это у них обычное дело. Издержки производства, так сказать. Сейчас с этим строго. Если всё соблюдать, то безопасно практически, говорят.

А у отца Леона серьёзные проблемы со здоровьем начались. Ну и всё. Сергея Дмитриевича в Москву как раз, то ли на лечение срочное, то ли в командировку, вызвали, не помню точно. Мать у Леона ещё раньше снова в Москву уехала... а ты, Стаси, кстати, видела её? Нет? Ох и красивая же женщина! Ей уже пятый десяток идёт, наверное, почти старуха же, а всё равно красавица, она вообще была королевной тут. Заглядывались все. Ну и вот, загляделся на неё тут один очень большой московский начальник с лампасами, который в командировку приехал к нам. И она снова замуж вышла, снова за генерала, и с этим типом и уехала снова в Москву. А Леон так вообще один-одинёшенек тут и остался в новом ихнем доме. Тётя Таня, мать Василия Петровича, и за мать, и за отца Леону была. Девятый класс. Он раньше таким добрым парнем был, задиристый, острозыкий, но добрый. Девчонки на него уже тогда навешиваться стали. Он портретом-то в мать больше, наверное, а характером в отца. Даже в

мухе красоту и необычайные свойства видел, прежде всего. Потом уж заразу на лапах изучать начинал. Учился всегда, как будто вообще ничего сложного для него не было. Самостоятельно два языка учил, кроме английского, немецкий и китайский ещё. Отец ему достал где-то целый набор пластинок с уроками. Потом и я по ним учился ещё. Только навряд ли мы с ним говорить по-китайски сможем. Иероглифы читать – это одно дело, а говорить – совсем другое. У них одно слово из трёх букв четыре интонации может иметь, интонационный язык, понимаешь.

– Ну и что? У нас одно слово с одним произношением может иметь несколько значений.

– А ну-ка? – Глеб задирался, считая, что труднее китайского и языка-то нет.

– Элементарно. Кисть руки, кисть растения, кисть художественная, кисть ягод. Коса девичья, коса речная, коса для косьбы, коса на каравае, а ещё можно и словеса заплетать в косу. И ещё много чего есть. Вот так. Так что твоему китайскому до нашего русского ещё идти и идти, – Лена, как поняла Стаси, не собиралась хоть в чём-то уступать будущему мужу.

– Ну и ладно. два самых сложных у нас с Леоном в кармане. Он и на гитаре играть учился в музыкальной школе. Всё говорил, что с Китаем у нас будет много непоняток и тёрков, это ему отец говорил его. Ничо такого я, правда, не видел тогда. Русский и китаец – братья навек! Термосы такие краси-

вые появились, бельё китайское несносимое, рубашки, тазы, полотенца. Купить, кстати, надо, пока ещё есть. Нормально всё было. А сейчас что-то не то началось, холодок пробежал после смерти генералиссимуса нашего. Но Леон китайский учит постоянно. Иероглифы ихние. Ты вот знаешь, сколько их штук? – Глеб повернулся к Стаси. Она отрицательно покачала головой.

– Правду говоришь. Никто в мире не знает, сколько их на самом деле есть. Это же картинки такие. Но точно, что больше ста тысяч.

– И что дальше-то было? – Лена нетерпеливо дернула Глеба за рубашку.

– Ничего. Отец его месяца через три вернулся, Леона к тому времени чуть из школы уже не исключили. Всякое было. Курить начал, никто ему – не авторитет и не указ. Подружился, правда, он тут с одним мужиком. Тот раньше до войны каким-то начальником сильно крутым был. С лагерными делами был связан как-то. И тут нужен оказался. Они подружились, да крепко. Помню, вместе картошку варили у Леона дома, то ли Леон его подкармливал, то ли он Леона – не поймёшь. Леон его носками теплыми снабжал, а тот ему свитер свой отдал, дружбу, короче, с ним водил. Вот тот мужик и научил его за себя стоять, пока отец лечился. Замечательный мужик.

– А ты его что, тоже знаешь? – Лена с удивлением посмотрела на Глеба. Ничего такого он ей не рассказывал.

– Да, знаю мельком, приходилось встречаться. – Глеб явно уклонился от ответа. – Так вот, дрался Леон по малейшему поводу и без повода. Девок он просто ненавидел, как класс. Всех их шлюхами обзывал, вот уж он тогда материться научился! Не знаю, кто его этому тут обучал, матом ругаться отборным и художественным, но кто-то талантливый. Что у него на уме было даже не представляю, про мать-то его только ленивый не стебался тогда. Думаю, если бы с ним такое за Периметром случилось – он бы с катушек совсем съехал. А тут все знают друг друга, и всякой шпаны, ну которая совсем на свободе отвязанная шляется, я имею в виду, тут нет. С ним буквально разговаривать боялись. Дерзкий, неуправляемый... Я тоже его старался одного не оставлять, чтобы меньше срывался и не лез на рожон, куда не надо. Ночевал с ним часто в новом доме ихнем. Красота! Сами себе хозяева. Костёр в лесу разведём, палатку маленькую натянем, травы всякой накидаем и половик старый – и смотрим на озеро. Тут недалеко и дом Курчатова был.

– Бедный мальчишка, – вздохнула Стаси. – Это из-за матери он так?

– Из-за предательства. Слава богу, его отец довольно быстро вернулся. Я никогда не видел, чтобы сын с отцом так дружили, как эти. Но к женщинам у него так и остался пунтик. И мать он не простил.

– Так она здесь сейчас? – Стаси посмотрела на Глеба.

– Я же тебе говорила, что Кира Михайловна, его мать, за-

ведующая одним отделом в горздраве? – Лена взглянула на Стаси.

– Здесь. Второй её генерал умер через год от инфаркта. Поговаривали, что орёлик этот стал «нерукопожатым» в среде высоких начальников. Но точно никто ничего не знает. И среди мужиков же есть солидарность? Куда полез, спрашивается? Может и наладилось бы у них ещё? А она вернулась, как будто просто в длительный отпуск скаталась, крупным спецом уже тогда была, разрешили вернуться. Живёт сейчас одна, и поговаривают, что принимает ухаживания пузанчика какого-то вроде. Глупо получилось всё.

– И для чего это ты ей сейчас рассказал? У них между собой и так, черт знает что на палочке, – Лена недовольно смотрела на Глеба.

– А чего не понятно? Я Стаси предупреждаю, что Леон – не простой парень. С ним надо честно и просто. Не надо с ним играть и кокетничать. У него только сверху такой непробиваемый панцирь пофигиста.

– Я с ним не кокетничаю. Совсем. Мы с ним просто товарищи, понимаешь? Товарищи.

– Ладно, товарищ. Пойдём, мы тебя проводим до комнаты, и на боковую пора. Так, Ленок? – Глеб тиснул подругу за талию. – А мы пожениться собрались. Подал рапорт. Как только ответят – так сразу и распишемся. Ага? – он, шутя, обнял невесту. – Но рапорт – это значит, что уже во всеуслышанье мы объявились, что практически мы муж и жена. Без

дураков.

– А что, здесь рапорт обязательно подавать? – Стаси удивленно вздернула брови.

– А как же? Здесь же «режим» – главное слово. Но зря такие вещи не задерживают, везде люди. Да и вообще, по моему, все военные так рапорт подать обязаны. Мало ли что?

Оставшиеся вечера до приезда самого Лео, друзья Лео, тщательно выполняя данное обещание, просто гуляли со Стаси, ели мороженое, пили чай с пирожными и слушали пластинки в комнате Лены. О Леоне больше не было сказано ни слова. В последний вечер отметили Стасин день рождения, купили торт «Лето», сочный бисквит с сиропно-водочной пропиткой и вкуснейшим масляным кремом, из которого были сделаны грибочки и листики для украшения.

Глава 2. Тени сказочных идеалов

Она его так радостно приветствовала, когда увидела его, встречающего её около поликлиники, что со стороны это могло показаться самым радостным событием для неё за весь день.

И он бы так подумал, если бы за несколько дней до этого не был облит ушатом ледяной воды. И ему ещё точно предстояло выслушать от неё всё, что она думает по поводу его вторжения на летучку Петровича. Недобрым взглядом она его тогда проводила. Не очень хорошо, конечно, получилось. Но как-то же ему стену надо было ломать?

– Здравствуй, Лео? Вернулся уже?

– Здравствуй. Как видишь. Как ты тут?

– Так ты же всё уже знаешь от приставленного ко мне соглядатая. Зачем лишний раз спрашивать?

– Сразу и соглядатаяй. Просто товарищ, чтобы ты тут не заскучала. Вот, держи. Привет тебе из Москвы. Ты о таком спрашивала? – Леон пододвинул к ней стоящий на лавочке объёмный пакет.

– Что это?

– «Рекорд», с выставленными диапазонами. Как договаривались.

– Мы не договаривались. Я просто спросила, не передерживай.

– Я понимаю. Я тебе на день рождения его дарю. Вчера поздно приехал. Не успел вовремя. Пойдём, я донесу, он тяжёлый, – Леон взял огромный свёрток подмышку, а второй рукой взял Стаси под локоть.

– Лео, нам с тобой надо поговорить серьёзно.

– Давно пора. Я весь внимание, серьёзная.

– Нет, не здесь.

– Хорошо, как скажешь. У тебя, так у тебя, – он весело улыбнулся.

– Нет, ты невыносим, – она остановилась посреди тротуара.

– Хорошо. Я слушаю твоё предложение, – мимо проходили люди, здоровались, Леон и Стаси механически им отвечали.

– Давай на аллее. Там народу меньше.

– У озера? Хорошо. Но не вдохновляет, честно говоря.

Там же охрана везде?

– Ну ладно. Согласна. Тогда давай договоримся здесь, прямо на тротуаре.

– Давай. О чём договоримся-то? – полушепотом и заговорщицки оглядываясь спросил Лео.

– Ты опять смеёшься? А мне не до смеха, Лео. Ты что, не понимаешь, что ты меня компрометируешь. А такие дорогие подарки я не могу принять. Я тебе деньги за него отдам, он мне действительно нужен. Иногда вечером хочется услышать что-нибудь хорошее.

Леон весь как-то страдальчески сморщился: «Стаси, ты что, даже подарка взять не умеешь? Не оскорбив при этом? Это всего-навсего набор каких-то ламп. Я тебя увидел улыбающуюся, обрадовался, как дурак. И ты всё сейчас рушишь своей меркантильностью бабской», – он искренне расстроился.

– Лео! Да спасибо тебе огромное, конечно. Но тут все так смотрят... Пойдём уже скорее, хоть куда.

– Куда? Давай оставим этого монстра уже у тебя в комнате, а потом уже пойдём куда-нибудь. Не таскать же его за собой? Все на меня действительно, как на дурака с балалайкой, смотрят, – они решительно ускорили шаг.

В общежитии Леон учтиво поздоровался с вахтершей, положив перед ней маленькую шоколадку-медальку.

– Молодой человек, только до одиннадцати, прошу не задерживаться долее. А за медальку спасибо. Внучка давно мечтала о такой.

– На здоровье, мамаша. Я недолго. Радио вот налажу, и сразу домой.

У Стаси опять руки начали трястись, ключ перекашивало.

– Дай-ка, я открою. Чего ты нервничаешь-то вечно, я не понимаю? – он быстро открыл дверь и поставил приёмник на стул около двери. – Давай чайник, пока обувь не снял, за водой схожу, надо же его подсоединить, а за это время, пока то да сё, и чайник вскипит, я пить хочу сильно, – схватив чайник, Леон быстро пошел по направлению к кухне.

– И всё-то они тут знают! И везде-то они тут бывали... – возбужденно шептала Стаси, быстро рассовывая некоторые вещицы, лежащие на кровати, по полкам в шкафу. – Хорошо, что и кружки купила, наконец. Так вот и обрастают барахлом незаметно, – она ворчала про себя, она злилась на себя, и она решилась всерьёз положить всему этому конец.

Когда Леон вернулся с полным чайником, в комнате был идеальный порядок, на лице у Стаси тревожно горели глаза несчастной девочки, решившейся отчаянно на первый взрослый женский поступок, на разных концах стола стояли два разноцветных бокала под кипятилок. В центре стоял заварочный чайник и конфеты на блюдечке.

«Если бы здесь ещё и тяжело больной бы где-нибудь завалялся для полного комплекта самообороны – не сносить бы мне головы», – хохотнул про себя Леон, но нашел в себе силы не рассмеяться.

– Пока греется, давай я установлю этого, голосистого. Куда ты его планировала поставить?

– Вот сюда. На стул около кровати, чтобы выключать удобно было и утром, и перед сном.

– Понятно. Значит, розетку надо переносить. У кого тут есть дрель и отвертка?

– Ни у кого. Это же женское общежитие? Надо в мужское сходить?

– Ясно. Не надо никуда ходить. Завтра принесу и сделаю нормально, а пока... пока просто проводки протяну, но ты

за них не берись. Поняла? Это двести двадцать, как шархнет! – и с кровати упадешь. О, нет! Не буду-ка я рисковать. Кровать-то железная, замкнет ещё. Пусть на шкафу постоит, со стула дотянешься, помучаешься один день. Слушай теперь свою музыку... Леон повернул ручку и из приёмника сразу полились звуки, пел Козловский.

– О, Боже, как же я тебе благодарна, Лео! Я теперь каждый вечер буду что-нибудь слушать.

– Вот ты всегда так! Не замечала?

– Что я не замечала?

– Что? Ты ещё спрашиваешь? Сначала окатишь меня водой холодной и презрением из-за моей радости, потом отнимешь её. А сама потом радуешься, а мне-то мою уже не вернуть. И что ты за человек такой?

– Ты это про что сейчас?

– Про то, что ты всегда лишаешь меня первозданной радости.

– Не понимаю.

– Да что тут понимать? А помнишь, как ты всю ту кучу тех штуковин, которую мы выменяли за забор, одним движением руки всё тому пацаненку отдала? Я даже этим сокровищам по-настоящему и обрадоваться не успел. Целый день ждал, когда они уже этот забор покрасят, наконец, как моя бабушка мечтала беленький такой заборчик из окна видеть, и не будут мне мешать? – в глазах Леона бегали фосфоресцирующие искры с трудом удерживаемого смеха.

И смех разразился!

Они хохотали до слёз оба, не в силах остановиться. И чем больше их разбирал смех, тем дальше отходило на второй план чувство неловкости. Но стало приходить смущение из-за возникшей теплой близости.

Чайник вскипел вовремя. Стаси насыпала заварку из зелёной жестяной баночки с грузинскими буквами-крючочками на ней и восточным узором. Леон залил заварку кипятком. Стаси накрыла чайник полотенцем.

– Мы с тобой работаем, как одна команда. Ты знала того пацана, которому всё отдала, всё богатство небывалое моё?

– Ну, не только твоё, допустим, а наше. Я же интерес к тебе создавала, заманивала простодушных на пахоту твою, на кисти твои с известкой. Поддалась тогда твоей хищнической натуре. Но только временно, заметь. Этот мальчишка был из очень бедной семьи. Детей куча мала, их отец инвалидом с войны пришел. Ты помнишь, что он тебе сунул за возможность покрасить две доски?

– Нет. А ты, прям, помнишь?

– Помню. Два стручка гороха. Больше у него ничего не было. Я думаю, что ты сделал его счастливым на несколько дней. У него так глазенки заблестели. А его горох ты, между прочим, один слопал.

– Ну, всё! Гореть мне в аду. Комплекс вины тебе удалось в меня втиснуть. А я редко комплекую вообще-то, – Леон пододвинул ей её бокал и налил заварку, а потом кипяток. –

На, пей. Торжествуй и воспевай своё великодушие!

– Спасибо. Очень горячий.

– А мы же не торопимся? Или торопимся, Стаси? – Леон был уже серьёзен, даже печален. – Ты о чём со мной хотела серьёзно поговорить? – он мельком взглянул на неё и опустил взгляд на стол, чтобы не видеть её, ставших снова несчастными, глаза. – Давай. Говори.

– Лео, только давай не обижаться, ладно? Я сразу тебе предлагаю искреннюю дружбу вместо твоих нелепых, по моему, попыток создать совершенно ложное представление об...

– О чём, Стаси? – голос у Лео мгновенно стал жестким и неуступчивым.

– Наверное, ты таким был, когда ты тут оставался один, подростком? Ты всё воспринимаешь в штыки.

– Это, каким-таким я был? И откуда вообще это тебе известно?

– Ой! – Стаси прижала руки к лицу. – Только ты не думай, он это из самых лучших побуждений мне рассказал. И я действительно стала лучше тебя понимать. Эту твою резкость и окончательность.

– Это Глеб, что ли, язык распустил? Я вообще-то его не просил быть моим адвокатом, – Леон был в тихом бешенстве.

1944

Забор Тома Сойера.

– Лео, пожалуйста, пожалуйста не сердись, это я виновата. Мне показали твой дом, когда мы там гуляли, и Глеб просто в восторге от твоего отца. Он его считает корифеем и последним могиканином. И я попросила рассказать мне о Городе. Лена же из этого Города?

– Мы с ней в одной школе учились. Нормальная девушка. А уж она, конечно, обо мне тебе нарасказала? Да?

– Совсем немного, – Стаси растерялась из-за своей оплошности и теперь уже оправдывалась, а не наступала, как намеревалась сначала.

– Зачем тебе у кого-то что-то обо мне спрашивать? Спроси у меня. Тебя интересует, сколько девушек у меня было? Вас всегда это интересует почему-то...

– Кого это «вас»? И... – нет! Это меня совершенно не интересует! Это твоё личное дело. И я не спрашивала о тебе ничего. Совсем ничего. Я думаю, что эти разговоры вообще возникли потому, что ты себя так повёл, я уже начала говорить об этом, а ты меня перебил. Ты неправильно позиционируешь моё отношение к тебе и своё ко мне, я так думаю. Врываешься, как сумасшедший на «летучку», устраиваешь там представление с поцелуями в головку. И я потом отдувайся за тебя.

– И как, интересно, ты за меня отдувалась? – Лео скорчил уморительную гримасу и отхлебнул чай. – Кстати, чай уже

можно пить.

– Ты опять меня перебиваешь с этим дурацким чаем? Короче, я предлагаю тебе честную и искреннюю дружбу. Точка. И никаких больше поцелуев.

– А ты раньше с кем-нибудь целовалась? – он ехидно смотрел, как она пьёт этот «дурацкий горячий чай» крупными глотками, чтобы успокоиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не имею в виду мамины и бабушкины поцелуи. У тебя парень был в институте?

– В институте, вообще-то учатся, если ты не знаешь!

Нет! Он многое, конечно, мог ожидать услышать и увидеть, но такого цирка Леон, всё-таки, не ожидал ни увидеть, ни услышать.

– Учатся?! А как же студенческие семьи? Их же – тысячи?

– Нет никаких тысяч. У нас было только две на весь курс. И у них были большие квартиры у родителей. А я жила в общежитии, между прочим. Некогда там было глупостями заниматься.

– Глупостями!?! Стаси! Да ты, хоть, влюблялась в кого-нибудь, когда-нибудь?

– Разумеется. Что я – не человек что ли? Влюблялась, представь себе, и очень часто.

– И в кого же? В старшекурсников или старшеклассников?

– Нет, – Стаси вдруг весело расхохоталась. – В артистов. Я в них во всех по очереди влюблялась. Фильм посмотрю и

влюблюсь. Жить было интересно! – она заливисто смеялась, закрыв лицо руками.

– И в кого из них, особенно? – со странной улыбкой спросил Леон. – Алейников, Кадочников или Стриженов был твоим самым-самым главным кумиром?

– А тебе зачем это знать?

– Хочу понять, какой типаж тебе больше по вкусу? Я ни на кого из них не похожу случайно?

– Ты сам по себе красавец.

– Ну! Там характеры такие... из стали и бронзы. Куда уж мне-то?

– У тебя характер тоже – дай боже.

– Тогда не понимаю?

– Чего не понимаешь?

– А чего бы тебе для разнообразия и в меня не влюбиться, раз я соответствую основным запросам? Почему только искренняя и какая там ещё?.. А-а, – честная дружба? – он иронично смотрел на неё, девчонку по сути, и понимал, что, наверное, он был слишком напорист в данном случае, впервые и неожиданно встретившись с этим, практически неуправляемым им, чувством к этой девчонке.

А тут пахло ещё молочной манной кашей.

– Ты вот смеёшься, Лео, а понять не можешь, что у разных людей разное отношение к этому, – Стаси стала вдруг очень серьёзна и даже печальна. – Любовь – это самое главное в жизни человека. И она единственная на всю жизнь бывает, я

так думаю. А ты точно по-другому думаешь. Имеешь право. Это твоя жизнь. А моя жизнь – это моя жизнь. Всё просто. Мы разные. Поэтому ты осуществляй свои дерзкие эксперименты без моего участия, пожалуйста. А я буду своё ждать. Вот и всё, что я хотела тебе сказать.

– И какой же Он должен быть, чтобы ты его полюбила?

– Какой? Я его точно не знаю пока.

– А они, такие, вообще в природе-то встречаются? – Леон уже в открытую иронизировал, но её слова его остро задели.

– Конечно. Обязательно. Он есть, есть! – Стаси заговорила горячо и убежденно. И он такой... такой... за которого не жалко отдать жизнь. Вот! Понимаешь? Я только за такого могу выйти замуж. Он, конечно не совсем мне пока... известный... Но он реальный. Умный и тонкий. И нежный. И чувственный. Не то, что ты – гусар... легкомысленный...

– Вот уж что-что – но только не легкомысленный. Дурачусь? – Да. И не гусар. Гусары обещают и дальше воевать идут, оставляя плачущих барышень в чепцах. А я никогда никому и ничего не обещал. А дерзким мужик обязан быть. Как иначе-то такую вот хрусталинку достать, А, Стаси?

– А не надо ничего доставать в этом вопросе. Что твоё – не уйдёт. Что уйдёт – не твоё! – Стаси упрямо сдвинула брови

– Ага. Или уведут? – Лео скривился иронично.

– Ну гарантии нет, конечно. Не обязательно, что именно я ему понравлюсь. Но тогда это – моя проблема.

– Почему? У тебя есть проблемы?

– Конечно есть, как и у каждого из нас. И если тебя не замечают или даже отталкивают, значит, я не достигла чего-то, в работе, например, высоты определённой. Я не интересна, или... или ещё что-нибудь такое подобное.

– Нет! Это – точно манная каша! Детский сад! Отдать жизнь! Зачем, почему?! Нежный, чуткий, умный и требовательный ещё до гениальности, немазанно-сухой. Да где они такие?! Стаси! Очнись! В жизни всё проще. Не лучше ли просто наслаждаться жизнью и своими возможностями?

– Конечно проще. Вообще наслаждаться – это проще простого мне кажется. Даже примитивно. А вот любить... Это смертельный номер под куполом цирка без страховки. И люди – зрители. И, если ты сорвёшься, они в лучшем случае пожалеют. А обычно... обычно с любопытством и удовольствием покопаются в твоём разбитом сердце.

– Ну ты живопису-у-у-ешь! – Леон откинулся на спинку стула.

– Да нет, это так и есть. Обычное дело. И я не хочу сорваться и рухнуть на арену просто так. Партнер должен быть очень надежным и дорогим мне...

– И он такой?

– Кто?

– Ну как – кто? Реальный, который там у тебя где-то есть? Я его знаю? Если уж ты так обстоятельно ко всему подходишь, – дай мне его координаты, и я тебе полное досье на него составлю. Так, чтобы уж с гарантией... Под куполом. Я

могу.

– Не можешь.

– Почему это? Могу. Точный портрет составлю.

– Нет. Ты пристрастен

– А! Я, значит, пристрастен и ненадежен? Я не достиг?

Или я не интересен? Для тебя лично?

– Ну, Лео! Что ты сразу так? Ты мне симпатичен. Кое-чем я даже восхищаюсь в тебе.

– Чем? – в его голосе уже не было ни капли иронии или шуток.

– Тем, что ты изучаешь китайский, во-первых, но самое главное тем, что вы с твоим отцом – друзья. Для меня и то, и другое – недостижимо. Я тебе завидую белой завистью. Я даже латынь дурацкую и ту не в совершенстве знаю. Повторяю, повторяю и неизвестно, когда толку добьюсь. А папы просто нет, – она посмотрела на Леона очень серьёзно. И он понял, что для неё всё, что она сейчас говорит – истина, а не мечты наивной взрослой девочки, которые и разрушать-то грех.

– Слушай, Стаси, ну хорошо. Я допускаю, что есть нечто такое необъяснимое... Но, как же ты определишь, что это – именно «он», твой, единственный и неповторимый? А? Объясни мне, глупому, что это такое – любовь настоящая, единственная и на всю жизнь?

– На самом деле это – очень просто! Во-первых, я должна почувствовать, что за этого человека мне не жалко отдать мою собственную дорогую мне жизнь. Я это уже говорила.

– Да, пожалуйста, не повторяйся.

– И, во-вторых, ещё мне обязательно захочется иметь от него ребёнка, это очень просто понять. И, в-третьих, ещё я хочу, чтобы моя жизнь рядом с ним была умной и для меня, и для него, мне не жалко времени на это. Чтобы что-то я бы улучшила, может быть открыла бы, что-то важное и нужное в медицине. Я для этого и пошла в медицинский. Я часто думаю, что, может быть, я могла бы спасти папу там, на войне, если бы рядом оказалась. Он даже до госпиталя живым дотянул в такой мороз. Он погиб в Новогоднюю ночь. Может быть, ему не хватило самой крошечки моей любви рядом, или маминой, чтобы он выжил. Ты знаешь, как дети обычно любят родителей?

– Как?

– Безусловно! Малыш идёт за матерью куда угодно, и мать тоже так же, готовы жизнь друг за друга отдать... Вот и жена...

– Ты слишком мало видела, чтобы так утверждать! – Леон жестко стиснул руки на столе. – Всякие матери есть и всякие дети. Тем более жены. Ладно, понял я всё. Я не тот. Сортом не вышел.

– Да что ты, Лео?! Я совсем не то хотела сказать. Ты прекрасен... Ты...

– Да не старайся. Не стоит, Стаси. Я же сказал – понял я всё. И сорт не высший, и козёл, и гусар, и солдафон. Я понял.

– Да прекрати ты истерику! Якало несчастное! Только Я

и Я. А я?!

– А что ты, Стаси? Мать тебя не бросала? Не бросала. Ты не можешь понять этого. Я понимаю, что женщина может разлюбить мужа, то... сё... Но ребёнка бросить? Да я в её глазах, самой родной тогда мне женщины, значил не больше блохастого уличного котенка, получается. Видимо у женщин есть особый механизм отбора пригодных им мужчин, который я не могу постичь. Все знакомые девицы первым делом лезут в машину, в гости напрашиваются. Приценяются, что-ли? Другие сразу в постель тащат. Нет, ты не такая, это абсолютно ясно. Но и тебе я не нужен. Ну и черт с вами со всеми! Мне... я...

– Остановись, Лео. Любая за тебя пойдёт с радостью, только помани.

– Да мне любая не нужна! Мне ты нужна! Я тебя хочу! А «якаю» я от страха, от обиды. По-детски это всё выглядит, я понимаю. Опять дураком себя показал. Извини.

– Это меня ты извини. Я не хотела.

– Да ладно, ты ни при чём. Я верю, что ты за мужем пошла бы куда угодно. Ладно. Проехали. Давай о другом.

– Давай.

– Ну и как же ты себе семью представляешь? Обычную, нормальную. Когда постоянно приходится терпеть, сдерживаться, ссориться, мириться? – Леон старался говорить спокойно.

– Ну, так это и есть самая настоящая семья. Невозможно

же всё время смотреть и вздыхать, руки целовать. Главное не в том, чтобы терпеть, а в том, чтобы говорить и выяснять всё спокойно, что так раздражает друг в друге, в самом близком и любимом человеке. Это нормально, когда ругаются. Главное, чтобы в душе всё время постоянно звенело: «мой любимый мальчик», «моя любимая девочка», ну как-то так, наверное. И вообще надо, как можно больше любить разговаривать и удовольствие от разговора получать. Вообще надо много смеяться, это – лучше всего. Я помню, что мои родители постоянно громко хохотали. Бабушка ворчала: «Ну, опять смешинка в рот попала». А потом мама даже улыбаться редко стала, только со мной. И всегда говорит, что ничего не забыла. Она не стала злой или обиженной, нет. Только смеяться не может. Она бы не дала папе умереть, если бы рядом была, она так чувствует. Я тоже почувствую, это же невозможно не почувствовать такое. Согласен?

– Не знаю. Я думаю, что ты всё идеализируешь и утрируешь, В жизни всё проще, приземлённее и особо смеяться некогда. Работа, ужин, постель, работа, ужин... ну и так далее. И слава богу, если не ругаются, приятны друг другу более или менее.

– А я думаю, что совсем не так. Ну, возможно, что я идеалистка, это во мне есть, признаю, но к чему же стремиться, если не к идеалу?

– Ну и дальше что делать с твоими идеалами? Идеалы у неё!

– А что ты сердишься сразу? Разве запрещено быть идеалистом, хотя бы в мечтах? Я могу рассказать... Я так представляю семейную жизнь... – Стаси смущенно посмотрела на Леона, как бы спрашивая разрешения осчастливить его своими идеалами. – Главное в этом – двое. Дети, это замечательно, но это производное, очень важное, но производное. Если ребёнок от любви – он, как живая ткань, соединяет двоих. А если любви нет – одного из родителей он оттолкнет, выживет из семьи. Печально. Поэтому рожать надо только от любимых и любящих... – Стаси задумчиво крутила пальчиком по блюду. – так вот, я думаю, что муж и жена – это... такая крепость, я прямо вижу её... ты опять скажешь, что я идеалистка?

– Да я молчу вообще. Слушаю. Надо же мне понять глубину глубин идеализма моей старинной подружки?

– Только ты не смейся. Мне кажется, что и ты способен это понять или даже почувствовать. Ты очень чувственный, как я поняла...

– Как это ты поняла? – Лео выразительно хмыкнул и Стаси показалось, что у Лео все его «иголки» выставились наружу.

– Так. Поняла. У меня, конечно, нет никакого опыта, но я же не бесчувственная калоша на самом-то деле.

– Ты про мой «поцелуй на память»?

– Ну, хотя бы.

– Я тебя разочарую. Это был не поцелуй.

– А что же это было?

– Передача впечатления, или печать от впечатления, как хочешь считай.

– А что же такое поцелуй тогда?

– Прямо сейчас показать? – Леон шутливо потянулся к Стаси через стол.

– Не вздумай даже. Я обижусь.

– Да не больно и надо, – все иголки того обиженного мальчишки, который из-за «ничего» затевал драку, «выкатились» наружу полностью. – Настоящий поцелуй может быть только в лежачем, ну или сидячем положении, если уж о настоящем говорить...

– Почему? В кино целуются стоя. Я видела один раз.

– Видела она... – Леон опять возмущённо хмыкнул. – Да потому что от настоящего поцелуя ноги должны сильно дрожать и не держать.

– А-а. Ну, тогда понятно. В кино же это нельзя показывать? Понятно. Я про поцелуи ничего определённого, значит, сказать не могу. Тебе с твоим опытом виднее, конечно.

– Ты мне про мой опыт не рассказывай, всё равно ничего ты про него не знаешь. Ты мне лучше уж про семью давай, как ты себе её представляешь. Продолжай, я весь внимание, – Лео явно еле сдерживал раздражение рядом с этой наивной упёртой идеалисткой.

– Ну, так вот, я её представляю, как крутую свернутую кольцом крепость такую, ну – шкуру-панцирь, как у кроко-

дила. Только очень прочную, блестящую, к ней ничего не пристаёт, и всё плохое отталкивается. Она красивого стального цвета снаружи, но живая. Там есть двери и окна. Они закрыты от посторонних глаз. И ключи от этих дверей только у двоих. Снаружи есть ещё одно кольцо. Тоже прочное. Там тоже есть двери и окна. Они открыты для друзей и родных, у них есть ключи от этого кольца. Внутри этого большого кольца тепло и приятно, дружелюбно и ласково. Внутренняя стена наружного кольца гладкая и теплая, шелковистая.

– А у внутреннего кольца что внутри? Тоже шелковистое всё? Как голубое шёлковое бельё с кружевами для кукол? – Леон открыто прикалывался над игрой воображения этой мечтательной девочки и прилёг на стол, опустив подбородок на сцепленные в замок руки.

– Нет же, Лео. Какой шёлк?! Там огонь! Там стены красные изнутри и все горят ровным голубоватым спокойным пламенем, как на краю угля горящего, с золотым отливом. Представляешь? – Леон кивнул, хотя представлял себе это слабо, не топил он сам печей никогда. Только у костра в бабушкином огороде сидел вместе с дедом. И под своей скалой костерок жёг, но без углей.

– Так вот, там ровно горящие стены. А посередине, в центре, цветёт такой... ровно горящий красный цветок. У него лепестки плавно колышутся и горят тоже голубым цветом с золотым отливом. Иногда на стене, от боли или от усталости, тухнет какой-то участок, и цветок зализывает это мёртвое

темное пятно своим лепестком и снова его зажигает, восстанавливая ровное горение. И этого никто не видит, кроме них двоих. Внутреннее кольцо – это муж. Снаружи он крепок и твёрд. Внутри он гибок и горяч, а цветок – это жена. Она всегда пластична своими лепестками, нежна и тепла. Внутри горящее – это их души открытые друг другу. Они друг без друга сразу потухают. Умирают. И если один потух – другой тоже затухает. И они могут сделать друг другу очень больно, души же открыты совершенно? Но они никогда этого делать не будут, если любят друг друга. Это абсолютное табу. Вообще нельзя бить в открытую тебе душу. Она погаснет от боли. Ты сам себе никогда не сможешь этого простить. И даже если ты это забудешь, потом оно всё равно всплывёт – твоё чувство вины перед когда-то любящим тебя. С душой надо очень нежно обращаться, – Стаси замолчала на несколько секунд, думая о чём-то, и глаза её были устремлены в нечто, словно она видела эту пещеру своей сказки наяву.– А если дверь во внутренней стене откроет ключом не жена и не муж, а кто-то другой, у кого почему-то оказался ключ, – внутрь проникает сквозняк и тушит огонь. Иногда удаётся его восстановить, но память о сквозняке остаётся и всё равно остужает священный огонь.

А если эти внутренние интимные двери часто открывают другие люди, даже родня или друзья, пламя постепенно совсем тухнет. Стены чернеют, цветок засыхает, и по полу шуршат грязные ошметки чужого непозволительного при-

сутствия и разрухи. И наружный круг-кольцо крепости разрушается от сквозняка, его уже не поддерживает огонь изнутри, из сердцевины. Все расходятся из этого унылого места. Иногда удаётся кому-то с кем-то другим создать такое кольцо. Только первый печальный опыт делает этот второй огонь не таким сильным и мощным, не таким чистым и всемогущим.

А держать в порядке свою крепость доступно вообще только избранным, способным на глубокие эмоции и духовный взлёт над обыденностью. И способным испытывать чувство восторга от изменяющейся вокруг них жизни, восторга от открытий в душе другого. И что бы ни происходило снаружи, внутри так и горит ровный огонь всепрощающего чувства безусловной любви, преданности, терпения и самоотверженности во имя любимого. И зализывает все появляющиеся морщины, болезни, ошибки, глупости.

Лео молчал, раздумывая над услышанным и одновременно разглядывал Стаси, как будто увидел в ней что-то удивительно странное, чего никогда ни в ком не видел.

– Вот такую я сказку сочинила для себя, – Стаси смущенно улыбнулась, прерывая затянувшееся молчание.

– Красивая сказка, только немного крокодила. И что, – вот так ровно, без всплесков, без огненных бурь, без стонов?

– Каких ещё стонов?! Зачем они тут? Никаких стонов! Если кто-то застонал – это уже не любовь, а страдание. Хотя в жизни, конечно, бывают страдания, но с любимым и это –

только половина от страдания.

– Я вообще-то про другие стоны. Мда. Не ожидал, честно говоря, такой фантазии от тебя.

– А что ты ожидал?

– Так. Попроще всё ожидал. Вы, врачи, – все материалисты и прагматики же? Душу же вы нигде не нашли? Но, всё-таки, я бы огня сюда добавил. Иногда, мне кажется, надо устраивать костёр до неба для веселия души.

– А сгореть не боишься?

– Боюсь, но попробовать очень хочется. Закрыться на все ключи, побольше дров и пусть бы ничего было не разобрать в этом огне, где цветок, где кто гибкий и горячий и с богом!

– По-моему, ты ничего не понял, Лео. Ты ещё туда лохань с водой добавь и будет настоящая баня. Мм?

– Ладно, поживём-увидим, кто из нас прав, моя честная и искренняя подруга, – Лео явно куражился.

– Ты, всё-таки, обиделся на меня? – Стаси испытующе смотрела на него.

– Да не то, чтобы обиделся. Ты во мне хоть одну-то приличную черту характера видишь?

– Лео, я же говорила уже?

– Ну а какая черта у меня самая неприемлемая для тебя, а?

– Самая неприемлемая? Да дерзость твоя!

– Ну-у-у-у! Тогда я идеал! Что же это за мужик, если он не дерзок? Он обязан быть дерзким по определению. И дер-

зость совсем не исключает всё остальное: и доброту, и нежность. Ну и всё прочее. Ты просто не понимаешь пока кое-чего. Ну, да ладно. Дружба – так дружба, но, как другу, сказать обязан, что я от своих намерений не отказываюсь. А пока, как я понял, у меня на повестке дня уборка внутридомовой территории. Хотя я там ни с кем костра не возжигал. Но мусор накопился, замки надо починить, ключи сменить. Ну и всё такое. Как тебе?

– Делай, что хочешь. Я уже тебе всё сказала.

– Считаешь меня по-прежнему идиотом, гусаром, любителем малинки? Да?

– Я тебя не знаю, Лео. Но твои действия подсказывают мне нечто подобное. Извини.

– Извиняю. С прошедшим тебя. Позвольте Вашу руку, сказочница? – Леон подошел к Стаси и нагнулся к руке, которую она попыталась вырвать. – Стаська, Стаська, до чего же ты ещё дитя. Вляпался я в историю с тобой.

– Сам виноват. Но я думаю, что они всё быстро забудут. Главное не провоцировать дальше никого. Согласен?

– Чего-о-о-о? Ты о чём? О летучке вашей, что ли?! Да мне на всех пофиг, вообще-то.

– Тогда ты про что? На работе неприятности? Из-за меня?!

– Я про то, что я, кажется, попал. И серьёзно так попал. А неприятности у меня совсем в другом месте, дурочка бесстрашная. Можно, я тебя поцелую? По-дружески чисто?

– Чисто по-дружески? Ладно. Можно. – Стаси подставила ему щёку.

– Слушай, так только партийные лидеры целуются, да мужики при братании. Но мы-то, как-никак, друг-женщина и друг-мужчина. Им так не положено, обычные же люди? Губами надо слегка чуть-чуть коснуться.

– Ладно, давай. И тебе уже пора. Десять часов без пяти.

– Я помню, – сказал Леон отсутствующим голосом.

Он опустил её на стул десять минут одиннадцатого. Её ноги не держали, а он, опершись на стол и стул, некоторое время молча смотрел в её расширенные зрачки, потом поцеловал её в волосы, провёл, едва касаясь, рукой по её щеке и ушел, взяв туфли в руки и аккуратно, плотно закрыл за собой дверь.

Надевал он туфли уже на лестнице.

– Ну не пятнадцать же ей лет, в конце концов! Почему я чувствую себя преступником? И это только из-за поцелуя так колотит. И что дальше, уважаемый крокодил? – он с трудом застегнул ремешки своих красивых штиблетов, так дрожали руки.

– Наверное, это был настоящий. Ноги меня плохо слушаются. И он опять сделал что хотел, и все мои призывы коту под хвост. Агрессор... – Стаси стянула с себя одежду, бросила её комком, как самая настоящая счастливая женщина, которая может себе позволить, что угодно, и встала перед раскрытым в темноту окном.

Лунный свет упал на неё, осветив плечи, руки, груди, живот. Ей захотелось погладить себя, и она погладила запрокинутую шею, грудь, живот, скрестила под прохладным ветерком, дующим из окна, руки на груди.

– Какая луна яркая и как высоко! – Стаси подошла ближе к окну, оперлась руками на широченный подоконник, заглядывая через окно вверх на ночную колдунью, ярко освещавшую всё вокруг. – Какая красивая и так блестит, и края облаков сверкают так живописно. Невероятная красота, почему я так мало этого замечаю. Как же хорошо! – Стаси вздохнула и опустила глаза вниз. На тротуаре, прямо под её окном стоял Лео и, не отрываясь, смотрел вверх, но не на Луну. На неё, на Стаси, он смотрел. Было видно, почти как днём, его восторженное изумлённое выражение лица. Задохнувшись от неожиданности, Стаси медленно отступила от окна.

– Ну, всё! И почему я такая идиотка? Боже мой, какой сты-ы-ыд... Как я теперь ему в глаза буду смотреть? Дурацкая луна!!!

– Ну что, Крокодил? – Лео тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и опустил глаза, чтобы прийти в себя. – От тебя сильно пахнет палёным. Ну ничего, у неё тоже, похоже, лепестки её расправляться начали, она так гладила себя... Голова ж ты моя квадратная! Как же бы мне утра дождаться и не свихнуться. А она там, наверное, переживает и даже не понимает, какой роскошный подарок мне сделала, дурочка ты моя нецелованная. Губы у неё точно распухнут к утру, –

Леон поднял глаза, окно было тёмным, и только тюль колыбался от ветра, наталкиваясь на смутно белеющую за ним фигурку.

– На козырёк крыши и рукой за раму, два прыжка всего.... – он усмехнулся пробежавшей пацаньей шкодливой мысли. – Нет, так не пойдёт, Крокодил. К ней надо подходить только спереди и очень медленно с раскрытой ладонью. Интересно, как долго будут рапорт рассматривать? Ну не меньше тридцати, как всегда. Хотя её же вот проверяли, месяца три назад? Когда она вообще сюда приехала-то? Ничерта не знаю, а уже обязан бы был, если в крокодилы наметился.

– Па, а если я женюсь, ты как на это дело смотришь? – Леон рассеянно двигал фигурами по доске.

– Смотри на ком. Не на Вете, надеюсь?

– Па, я уже сказал про неё всё тебе. Забудь.

– На ком тогда? – Сергей Дмитриевич снял ладью у Леона. – Ты играть думаешь? Или я зря напрягаю свои извилины?

– Пап, ты можешь серьёзно? Что тебе эти шахматы дались? – Леон смахнул рукой все фигуры.

– Нет, ну если так серьёзно, я – весь внимание, Лео. Кто она?

Лео не хотел раскрывать отцу сразу, кто она. Не хотел вмешательства заранее восторженного мнения.

– Врач, по распределению сюда направили. Я тебе о ней

уже говорил. – Леон отошел к окну, не в силах справиться с волнением.

– Это какая же? Не та, случаем, которая с тобой и общаться не хотела?

– Та самая.

– И что? Уже замуж за тебя согласна? Быстро девушка решения свои меняет. Что так?

– Ничерта она не меняет. Напридумывала сказок всяких и кормит ими. Идеалистка.

– Идеалы – это совсем не плохо. Но когда они овладевают человеком, или массой людей – они становятся страшной силой. За них на костры восходили в своё время. Или смерть всему человечеству готовили. У неё-то какие идеалы?

– Семейные. Шаг вправо, шаг влево – расстрел!

– А это прекрасные идеалы. Русь на этом выстояла. Чем плохо? Ты боишься своего... темперамента?

– Да причём тут мой темперамент? Тем более, что по большей части – это анекдоты, не более того. Я боюсь? Да, боюсь. Она такая вся прозрачная, муть недопустима совсем, а желающие найдутся, обязательно. Та же Вета, она из пальца насосёт бассейн дерьма и искупает в этой грязи.

– Ты чувствуешь за собой конкретную вину? – отец пылливо взглянул на сына.

– Да нет. В случае с Ветой – это просто тупое раздраженное самолюбие бабы. Видимо мать со своей подружкой её накрутили, обнадежили, меня не спросив. Вот и получаю те-

перь сугубый интерес. Я ни при чём, отец.

– Ну, тогда проще. Понимаешь, некоторые вещи, женщинами... как бы это сказать... считываются на подсознательном уровне.

– Отец, я курс психологии очень хорошо изучал. Конечно, считываются. Но эта... она, как пионерка-комсомолка. Чёрно-белое у неё всё пока, понимаешь? Детская психология почти. Сказки придумывает про безоблачные, буквально небесно-голубые выси. Мне страшно разрушить этот мир.

– Она врач?

– Да.

– Тогда ещё неизвестно, какой там на самом деле у неё мир. Атлас медицинский она точно рассматривала и изучала, не придумывай ненужных сложностей и с детской психологией ещё.

– Да я не про то. Это само собой. Я про идеальность и уверенность, что это так и будет. Она согласна только на вечную, непреходящую любовь, на такую, за которую и жизнь отдать не жаль.

– А что? Это хорошая мысль. В принципе я с ней согласен, сын. Я сам о такой мечтал. Только видишь, как обстоятельства вмешались в нашу жизнь. Тут никто не виноват. Я твою мать, какая бы она ни была, до сих пор, может, даже люблю. Но она тоже, наверное, не виновата, что из обычного тела никуда не выпрыгнешь, а оно нам многое диктует. Ещё как диктует, пока молоды. Жаль, что так получилось, но что

поделаешь. Война! Короче, нормальная девочка у тебя. Она-то согласна за тебя пойти?

– Она пока этого наверняка не знает. Догадывается, может. И сопротивляется. Я так подозреваю, что у неё где-то на подкорке сидит правило, что нужно несколько лет «подружить», ну... так... за ручку держась, походить немножко, года два-три так, потом уж о любви думать. У неё даже парня не было ни разу.

– Почему уверен?

– Потому. Для неё простой поцелуй – грех большой, если без любви. У неё это на лбу написано, – Леон улыбнулся чему-то своему.

– Ну при этом – не факт, что у неё нет того, о ком она мечтает, может быть. И как же быть? – Сергей Дмитриевич с удивлением наблюдал за своим сыном, обычно беспечным и довольно циничным парнем.

– Никак. Рапорт подам завтра. Пока суть да дело – успеет ко мне привыкнуть. А если кто-то там есть, – пусть обломится, я помогу.

– Ну-ну. Только ты ей сразу про себя расскажи. Сам. Без подробностей, но доходчиво. Ты её этим только убедишь в своих намерениях. Иначе – труха одна может остаться. А так она сама её подметёт, и переживёт, если ты её убедишь и покоришь. Надо быть честным, это хорошее правило с женщиной. Но может ты себе всё это напридумывал? Новенькая девушка, просто повышенный интерес? А, Лео?

– Да нет, па. Новеньких тут много. А в ней есть то, о чём каждый, наверное, мечтает. За всей этой наивностью – такой интерес и страсть к жизни. Уверена, что у неё особенная миссия на земле, как у врача. Такие за своими декабристами в Сибирь ехали. Она с детства такая, с повышенным чувством справедливости. И абсолютно бескомпромиссна, как комсомолка перед расстрелом. Кино это дурацкое смотрит и всё за чистую монету принимает, смеётся и плачет. Журналы читает и всё выписывает, выписывает... На память, говорит, надеяться нельзя, на кону – жизнь человека может быть. Всё по высшему разряду, короче, должно у неё быть.

– Нормально. Без такого отношения к делу мы бы ничего не достигли и здесь. Нормальная девочка. Надо брать, если сумеешь, – отец лукаво усмехнулся.

– Сумею. Была бы цель... Спокойной ночи, па.

– Спокойной, сын, если она у тебя спокойная будет? – отец внимательно смотрел вслед сыну, он впервые видел его таким. Задумчивым и ошарашенным одновременно.

Ночь, как и следовало ожидать, не была спокойной. Собственно её как бы и не было. Она сама по себе была, конечно, но – без сна. Стоило Лео закрыть глаза, как перед глазами начинал колыхаться от ветерка завиток на шейке; носик её морщился от какого-то усилия мысли; рука, теребившая постоянно карандаш, или губы, обнимающие тот же карандаш в задумчивости. Тогда в читалке, он целых три часа незаметно подглядывал за ней.

И все эти часы в нём пробуждался и вставал во весь рост мужик, страстно желающий схватить эту нимфу и унести её из её леса с цветами, улыбками и бабочками в его дремучую крокодилью пещеру страсти и покорного восторга. И её расширенные зрачки, тёмные и мерцающие в сумерках, возникшая перед глазами, тянули его в самую глубину той пещеры, сжимая низ живота мягкими объятиями томительной муки.

Но не говорить же обо всём этом с отцом, да и вообще мужики ни с кем об этом не говорят, но уютное место для неё в своей пещере он обязан был приготовить. Он его и готовил всю бессонную ночь, по несколько раз возвращаясь к сомнениям и опасениям в отношении собственной профпригодности к роли мужа. К пяти утра взошедшее солнце окончательно рассеяло все неувязки и неуверенность.

Леон решился бесповоротно.

В конце концов, любые вопросы разрешимы, когда в качестве приза там, в своём общежитии, живёт и, наверное, мирно спит сейчас его нимфа, с завитками и с таким изумительным носиком. «Смешная. Так испугалась, но всё-таки не ушла.» – и когда он мысленно взмолился: «Ну, покажись же ты мне, глупенькая!» – она подошла к окну и наблюдала за ним из-за тюлевой занавески, не понимая, что лунный свет всю её делает отчетливо видимой и так. За занавеской.

Но, кроме этого, было ещё что-то в ней, обволакивающее уютной чистотой и надёжностью: «Наверное все кошки и собаки в деревне к ней ласться, о колени трутся, – почему-то

вдруг подумалось ему. – Всем хочется к ней прикоснуться. И отцу она однозначно понравилась, тоже захочет тапочки ей приносить, как верный Тузик.» – Лео ухмыльнулся и забылся на полчаса недолгим сном.

А нимфа совсем не спала.

– Что со мной происходит? Неужели я такая легкомысленная, что просто один, – нет, уже же – целых два! – поцелуя совсем меня расплющили? Глупость какая. И почему он босиком вышел в коридор? Там не всегда бывает чисто. Но на улице же он в туфлях стоял? Или без? Господи, о чём я думаю своей дурацкой головой? И как я могла так высунуться? Просто ужас. Хотя... Я же не специально... Ещё не хватало, чтобы специально! Боже мой! Что со мной? Но какое у него было изумлённое лицо! Чему он так изумился? Моему дурацкому появлению в виде голой нимфы? Или... Да нет. Может он и не разобрал ничего? Всё-таки ночь... Нет, светло было, как днём, видел он, конечно, всё. И почему помахал окну? Меня же там не было уже? Не мог же он меня видеть за шторой? Боже мой, и почему он так поступил? И не боялся отпор получить. А вполне бы мог, если бы это был, например, тот, длинновязый с танцплощадки. Нет, это было бы совершенно невозможно, совсем! Это так противно должно было бы быть с тем. Господи, а с Лео это не противно? Совсем не противно. Наоборот. Я даже не представляла, что это так волнующе. – на глазах Стаси навернулись слёзы волнения. – Ну, всё! Теперь ясно, как он охмуряет всех деву-

шек тут. И я тоже попала в его хитросплетённые сети. Но он мастер тогда по плетению таких сетей. Лена же предупредила об этом. Дыма без огня не бывает. Конечно, не бывает. Я просто немного увлеклась воспоминаниями детства и поддаюсь его мужскому напору, вот и всё. Но на этом я точно остановлюсь. Больше он к моей комнате и близко не подойдёт. Ну почему все красивые мужчины такие? Бесстыдно настойчивые, даже пошлые. Пошлые? С чего это я такой вывод сделала? Ну, да. Немного пошлые. И почему у него глаза были такими тёмными и почти несчастными? Как будто я его выжала? Это он меня выжал, как тряпочку и бросил одну, и ушел босиком, – слезинки, одна за другой незаметно стекали из глаз Стаси по щекам, впитываясь в подушку. – Вообще чувшь какая-то. И слава богу, что ушел, если бы он два раза меня поцеловал, я бы просто стекла со стула мокрой лужей. Боже мой, какая же я оказывается слабая и неустойчивая. Надо просто взять себя в руки и больше не поддаваться его наглým выпадам. Но мне было даже приятно потом, что он случайно увидел меня. В принципе у меня красивая грудь. Красивая? Он тогда говорил, что у меня соски, как у козы, в разные стороны. Как это в разные стороны? Обычные. Надо будет утром рассмотреть, как следует, но, по-моему, всё-таки, она красивая. Хотя, фиг знает, какая она там у других девушек? И раньше я на это вообще внимания не обращала. Молочные железы и есть – молочные железы. Нет, пожалуй, у меня грудь слишком маленькая, всё-таки. И почему это всё

враз меня так накрыло? – слёзы опять сами по себе потекли по лицу. – Я даже заснуть не могу. Надо считать баранов: один, два, три.. восемь... тринадцать, а у него очень приятные волосы на вид, почти волнистые и такие густые. Даже жаль, что так и не узнаю, какие они на ощупь... сколько там баранов прошло? Я сбилась. Надо начать сначала и только считать баранов, всё! Завтра же на работу. Один, два, три, четыре... семь, скольких же девушек он здесь покорил? Какая я по счёту буду? А разве он и меня покорил? Ничего подобного. Он меня не покорил. А почему же я о нём всё время думаю? И руки у него были такими сильными и мягкими одновременно, он меня обнимал, как будто бы качал на руках... Чёрт! Спать! Немедленно. Так, там было пять баранов? Или шесть? Господи , боже ты мой, сколько там было этих дурацких баранов?! Надо встать и попить воды. Нет, не надо. До туалета потом совсем не хочется бежать. Тут так уютно, как у него в руках. И губы такие властные, настойчивые... Господи! Неужели я совсем падшая женщина? Внизу всё скрутило, как в тугой узел. Не должно тело так реагировать на душевные переживания. А как должно? Скорее бы уже на работу, на люди. Там этот морок точно с меня спадет. На часах... четыре? Можно ещё три часа поспать. Просто надо лежать не шевелясь и считать баранов... Один, два, три... его не было тогда всего три дня и я соскучилась. Я соскучилась? Соскучилась однозначно. И он это почувствовал, поэтому так и повёл себя... смело. Неужели он всем да-

рит такие... радиоприёмники? То есть не радиоприёмники обязательно, конечно... Он так подкупает своих жертв? Господи, вот когда всё это началось! С радиоприёмника! А до этого? На крыльце... это что было? Печать он поставил, видите ли. А чего я на него-то злюсь? Сама во всём виновата. «Ой, здравствуй, Лео!» Вот тебе и здравствуй... А как мама с отцом познакомилась? Ах да, в геологической же экспедиции. Она, студентка-медик, была одна среди мужчин, и папа, тогда ещё студент, напросился в экспедицию на каникулы, сразу взял над ней шефство. И это было так романтично. Тайга, геологи. Там хоть у кого голова кругом пойдёт – такая красота вокруг!

Стаси даже не представляла, сколько там москитов и мошки кружило над её родителями и совсем не давало им целоваться в их противомоскитных масках.

Она так и не сосчитала даже до двадцати белых баранов, не говоря уже о чёрных тысячах облаков сгустившихся над её измученной полугреховными мыслями головой. Она встала с первыми лучами яркого солнца, и пока остальной, видимо не такой грешный, как Стаси, народ безмятежно спал, спокойно поплескалась в душе, с удовольствием почистила зубы, как когда-то её учил это делать папа: «Тридцать раз вниз-вверх, тридцать раз слева-направо снаружи, тридцать раз изнутри, а потом язык и небо» –. Так весело считая, они с от-

цом чистили зубы, и до сих пор она любила эти три минуты воспоминаний, посвященные только ему. Папе.

– Как же жаль, что отсюда нельзя звонить. Как там мама? Отпуск не скоро, почти через год. Хорошо, что хоть письма стало можно слать, пусть распечатанные, много ничего не расскажешь, не спросишь, но всё-таки – живая весточка. Раньше вообще, говорят, ничего писать было нельзя.

Особый Режим – главное слово этого Города – властвовал здесь надо всем и всеми.

Стаси тщательно причесалась. Критически посмотрела на себя в зеркало: небольшая бледность и подглазники выдавали бессонную ночь. Чтобы хоть чуток понравиться себе, припудрила пудрой, подаренной мамой, носик, блестящий, как намащенный, от невольных слёз, пролившихся этой ночью на подушку. Вчерашнее штапельное синее в белый горошек платье с белым воротничком, небрежно брошенное ею на стул, отомстило тем, что требовало основательной глажки, но в такую рань идти за утюгом было неприлично, да и давала соседка этот замечательный электрический утюг неохотно.

– Вот! Надо с этой зарплаты выделить деньги на утюг. Сто двадцать рублей дорого, но это же на всю жизнь покупка, как и электрочайник Обязательно куплю, и что же мне надеть сегодня? Платье выходное? Нет, иначе совсем не в чем

будет на танцы ходить, это тёплое, с длинным рукавом, жарко в нём будет. – на последней вешалке висела пара: юбка и блузка, – вот, то, что надо. Строго и спокойно, настоящий доктор, – надев наряд, Стаси повертелась перед стеклом открытой рамы, ловя своё отражение.

–Теперь бутерброд с сыром и стакан кефира... – Стаси достала из-под льняной салфетки, краями опущенной в кастрюльку с холодной водой, бутылку с кефиром и кусок масла, плавающий в воде, как поплавок. Так оно долго не прогоркало и было относительно прохладным даже в жару.

Стук в дверь не дал ей даже бутерброд сделать.

– Открыто. Входите.

– Стася, там твой под окнами стоит. Уже минут десять. Точно тебя ждёт, на окна всё взглядывает, я думала он тут случайно, а он не случайно, знаешь, девочки говорят....

– Спасибо, Света. Извини. Я тороплюсь сейчас.

– А, ну да, так я пошла?

– Да. Иди, Света. Спасибо.

Лео, присев на крыло своей кофейной «Победы» напротив общежитского крыльца, невозмутимо здоровался с проходившими мимо знакомыми и часто взглядывал на окно Стаси, надеясь увидеть её там.

– Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Это уже наглость! Вот не выйду и всё! Пусть делает, что хочет. А может он вовсе и не меня ждёт? С чего это я решила, что меня? Стаси подошла к окну, и тотчас Леон встrepенулся, помахал

рукой и галантно открыл дверь, как бы приглашая в салон.

– Что он вытворяет?! Вот и пусть стоит. Мне сегодня к десяти. А его «производственное подразделение» с восьми работает. Вот и посмотрим, кто кого перестоит! – стук в дверь отвлек Стаси от мстительных и возмущённых мыслей.

– Да, входите, открыто.

– Стаська, там Воротов фортеля выдаёт, посмотри в окно. Это он тебя ждёт. Точно. Все девчонки хохочут в кухне.

– Да? Мм. Спасибо. До свидания, – Стаси закрыла дверь за соседкой, спустила масло и бутылку обратно в воду, накрыла мокрой холодной салфеткой.

Леон стоял, задрал лицо к солнцу и, казалось, беззаботно наслаждался теплом такого солнечного праздничного дня, только и отсюда было видно, что он не спускает глаз с окна Стаси. Когда она снова подошла к окну, чтобы сердито махнуть ему рукой, чтобы он убирался подобру-поздорову, он, наивно улыбаясь, вопросительно показал рукой: «Мне подняться к тебе?» Стаси погрозила ему кулаком, на что он просто расхохотался, радостно и счастливо.

– Господи, за что мне это? Теперь и в магазин не зайдёшь спокойно, и так все шушукаются за спиной. Интересно, все окна облеплены любопытными или только половина? И есть даже не могу, – свирепо думала Стаси, мечась по комнате, укладывая в чемоданчик всё необходимое для работы и проверяя свою дамскую сумочку, всё ли, нужное для женской нормальной жизни, там на месте: деньги, пудра, маленькое

очень старенькое прямоугольное зеркальце с матовой стороной на обороте и с надписью белыми буквами: «С любовью» – папин подарок, носовой платочек, обвязанный мамой нежными кружавчиками по краю, проверила торопливо, лежит ли в нём её талисманчик? Лежал талисманчик. Записная книжка и автоматическая чернильная ручка. Всё было на месте. – Вчера с этой дурацкой луной вообще ничего не прочитала! Ну, сейчас он у меня получит! Дон-Жуан сельского разлива.

Как только Стаси выскочила на крыльцо, Лео, стремительно перепрыгивая через ступеньки, рванул к ней навстречу, подавая руку.

– Прекрати этот балаган, Лео. Уже не смешно. Нам надо серьёзно поговорить, только на этот раз, пожалуйста, я тебя очень прошу, давай без этих твоих дон-жуанских штучек. Они на меня не действуют. Совсем не действуют, – добавила Стаси упрямо, чтобы он точно не сомневался в этом.

– Ты что имеешь в виду, Стаси? – примирительно и как-то слишком спокойно спросил он, усаживая её на переднее сиденье, закрывая за ней дверь. А потом обошел капот спереди, на ходу доставая из кармана брюк ключи от машины, и так изогнулся при этом, что у Стаси просто дух захватило от силы и ловкости мужского тела, принадлежавшего этому дурацкому Лео.

– Ты о чём, Стаси? – повторил он, садясь в машину и вставляя ключ в замок зажигания.

– Зачем ты ни свет, ни заря приехал и устроил этот цирк для половины общежития?

– Почему же половины? Даже обидно. Во всех окнах мордашки торчали, насколько мне было видно. У тебя во сколько сегодня приём начинается?

– В восемь, – уверенно солгала Стаси.

– В восемь? Разве? По-моему, в расписании у тебя сегодня приём с десяти? Я ошибиться не мог.

– У меня сегодня работа с карточками.

– А, то есть, это дополнительно? Ну и лады. Успеем.

– Что успеем? – Стаси едва сдерживалась в своём праведном гневе.

– Да я тебе место одно хотел показать. Пацаном там часто любил бывать и сам себе пообещал, что приведу туда когда-нибудь свою любимую девушку. Покажу ей мой мальчишеский секрет. И ещё я кофе с собой в термосе взял и бутерброды с колбасой, и абрикосы. Пир устроим. Хорошо? Пусть сегодняшний день начнется волшебным.

– Да он и так уже волшебным начался. Ты преуспел. Лео, скажи мне честно: зачем ты всё это творишь? Тебе скучно? Приключений не хватает? Список побед хочешь увеличить? Зачем?

– Я тебе там всё это объясню. Потерпи чуток. Ну пожалуйста. Не порти мне настроения, а?

– Хорошо. Потерплю. Но это в последний раз, я тебя предупреждаю.

– Хорошо. Я думаю, что так и будет. В последний раз.

Стаси недоуменно взглянула на него. Он улыбался.

Ехали недолго, когда кончился асфальт, въехали в сосновый лес, с едва заметной дороги свернули на совсем глухую тропинку и проехав метров двести остановились.

– Тут двадцать метров надо пройти, тропинка нормальная раньше была, сейчас заросла, но идти нормально. Могу на руках понести, если трудно, давай сумочку твою понесу? – Лео протянул ей руку, во второй у него была корзинка с термосом и свёртками с едой

– Сама понесу. Не глупи. Тоже мне Сусанин. И куда мы прёмся вообще.

– Фи, как грубо. Стаси. «Прёмся». Сейчас тебе стыдно будет за такой примитивизм. Смотри!

В низине перед ними расстилалось озеро. Справа вдалеке виднелись строения Города. Они с Лео стояли на каменистой горке, покрытой лесом.

– Иди сюда, – Лео потянул её за собой вниз по склону через кусты вишняка усеянного зелёными продолговатыми ягодами.

Под горкой было нечто вроде каменной ниши, скрытой от глаз со всех сторон. Большие гладкие валуны заменяли скамьи, в самом центре между ними было старое костровище с чернеющими мелкими древесными углями, обложенное булыжниками.

– Это моя пещера. Возможно это было любимое место ка-

ких-нибудь неандертальцев. А что? Вполне уютно, сухо. Я тут даже ночевал несколько раз, всё мечтал удрать отсюда куда подальше. Садись, – Лео раскинул на одном булыжнике свой теплый джемпер. – Сейчас пировать будем и завтракать заодно. Нравится вид?

– Очень. Красота и такая тишина...

– Вот-вот. Если бы не катера сторожевые, вообще красотища бы была. Я сейчас тут веточку запалю, чтобы комарье не доставало, ну пропахнем немного дымком. Ты как, не возражаешь?

– Не возражаю! – сердито ответила Стаси, припечатывая на щеке нахального комара.

– Вот и славно, – сосновая ветка резко вспыхнула смолянистыми иглами, занялись и другие мелкие сучки, веточки, которые Лео привычно и быстро насобиравал тут же в отдельную кучку, чтобы было что подбрасывать для «дымка». – Держи кружку, только она горячая, на камень поставь, пусть малость остынет, бери бутерброды.

Они молча и сосредоточенно ели, Стаси сердилась, а Лео послушно молчал, наблюдая за ней, пока, наконец, не расхохотался: «Мы с тобой едим, как работаем. Давай веселее на мир смотреть».

– Лео, а мне совсем не смешно.

– Просто у тебя неразвитое чувство юмора.

– Зато у тебя – чересчур. Ты разве не понимаешь, что небрежно играешь с серьёзными вещами, с моей репутаци-

ей в данном случае. А кстати, на каком тут валуне Вета твоя сидела? Я случайно не на её месте сижу? – сказав это, Стаси упрямо вперила глаза в какую-то далёкую точку, не желая видеть его глупое и самонадеянное лицо.

– Стаси! Ты сейчас ... Так! Нам надо кое-что прояснить на будущее... – Леон зло отбросил в сторону недоеденный кусок бутерброда.

– Ты чего едой швыряешься? Бог накажет, – по-старушечьи рассудительно сказала Стаси, явно кого-то копируя.

– Я братьям нашим меньшим подарок сделал, если что так. Они тоже есть хотят. – Лео вскочил с валуна и, повернувшись спиной к Стаси, смотрел на озеро, засунув руки в карманы: «Спокойно, спокойно, крокодил. Об этом меня отец и предупреждал, надо быть честным, иначе двусмысленность, как ржа заест», – Лео повернулся к Стаси: «Ты меня сможешь молча в течение пяти минут послушать? Потом я выполню любое твоё желание. Обещаю».

Стаси, по-прежнему упрямо смотря в даль озера, держала кружку двумя руками и прихлёбывала горячий кофе мелкими глотками.

– Мне необходимо тебе рассказать про себя, иначе дальше ничего не получится.

– Ты опять собираешься отчитываться передо мной? В своей жизни? Зачем, Лео?

– Стаси, ты можешь мне просто подарить пять минут твоего молчания? Нет, десять. За пять не успею.

– Хорошо. Время пошло, – шутливо сказала Стаси, поставив пустую кружку на валун, и встала рядом с Лео, сумочка, случайно столкнутая её рукой, раскрывшись, мягко упала на землю.

– Я встану сзади тебя, мне не так просто пойти на этот разговор. Понимаешь...

– Можешь вообще молчать. Мне тут и молча нравится, – Стаси насмешливо наблюдала, как он обходит её.

Лео, обняв её сзади, прикрыл ладонью её рот: «Стаська, ну помолчи ты, ради Бога? А?»

Она молча кивнула, в конце концов, каждый имеет право на последнее слово.

– Стаси, – Лео склонился совсем низко к её уху, – я очень люблю тебя. И не просто люблю, а страстно, как старец любит в последний раз. Две недели я совсем не могу ни о чем думать, кроме... этих вот, – он легонько дунул на её пушистые завитки на шее, невольно вспомнив: «Чистейшей прелести чистейший образец...»

Конечно, он же предполагал, что она дернется, и поэтому крепко сжал её за плечи: «Ты обещала! Помолчи, пожалуйста... помолчи. Я понятия не имею, что тут тебе нарасказывали про меня. Но реагируешь ты на меня неадекватно как-то. Начну по порядку. Во-первых, Вета мне никто и никогда «кем-то» не была. Она – дочь подружки моей матери. Точка. И что она там про меня тебе напела – всё чушь собачья и враньё. Я с ней только танцевал пару раз и был на дне рож-

дения в числе прочих гостей раза три. Всё. Точка. И было это давно, год назад. Если тебя сугубо интересует – я её не целовал. Только в щёчку, поздравляя...

– Да мне всё равно, кого ты там целовал и куда! – Стаси взорвалась.

– Да? А чего же ты так нервничаешь и язвишь по её поводу? – съехидничал он, как десятилетний мальчишка. – Ты всегда правду говоришь, или только когда тебе выгодно, а Стаси? И помолчи! Ну пожалуйста! У тебя будет ещё достойный повод вылить на меня целую лохань презрения, я сам тебе сейчас предоставлю такую возможность. Я-то честный всегда, ну, почти всегда... – Леон осторожно выпустил её плечи из рук, как бы опасаясь, что сейчас ему «прилетит». – Вот так и стой, – он тяжело вздохнул, упершись глазами в такие любимые завитки на её шейке.

– Понимаешь, Стаси, мы разные. Вы и мы. Ну, так, видимо, задумано в природе. Мы за завоевание, вы за сохранение. Вот чего ни коснись – именно так и будет, или вы это так умеете всё поворачивать?

– Ты это – о чём?

– Да хоть о чём. Вот я сейчас расскажу тебе о себе, и во всех случаях я буду выглядеть в твоих глазах разрушителем устоев, завоевателем или козлом. А они... впрочем, о них – ни слова. Я сам во всём виноват. И ты будешь меня презирать и ненавидеть. Некоторые говорят, что о своих похождениях лучше молчать, как рыба об лёд, и всё отрицать. Наверное,

так спокойнее. Никто же никого за ноги не держал? Пойди, докажи? Можно и так, только тогда ни за что не получится создать ту крокодилию крепость, сказочку о которой ты придумала...

– Это я для себя только, и тебе совсем не обязательно...

– Стаська, помолчи, а? Я же, как на исповеди перед тобой сейчас, думаешь легко? – Лео помолчал, набираясь решимости, и легонько обнял её за плечи снова.

– Понимаю я, что это твоя сказочка. Но она и моя уже тоже. Я хочу стать той стеной крепости, внутри которой будешь ты царствовать и гореть, и где не будет ни одного сквозняка или тёмного пятна на моей стене. Я понимаю, что ты мне не особо доверяешь, обо мне что, действительно много болтают? – Лео наклонился, пытаясь заглянуть её в лицо. Лицо было непроницаемо. И только её губы тихо проговорили: «Вполне достаточно. И я сама уже имела случай убедиться в твоём...»

– А вот это ты не сваливай в одну кучу! Я просто хотел понять, есть у меня хоть малейший шанс на твою благосклонность, мисс образцовость.

– И? – губы Стаси скривились в ироничной улыбке.

– Есть. Точно! – Леон прошептал ей это в самое ушко.

– И ничего ты не понял...

– Всё я понял, поэтому так и лезу на рожон. Ты свои зрачки видела? А я видел, – не дожидаясь ответа, со вздохом облегчения сказал Лео. – Они у тебя расширились во всю ра-

дужку, как и у меня, наверное. Аж, мозги закипели.

– Причём здесь мои зрачки? – безуспешно пытаюсь вырваться из его рук, зло спросила Стаси.

– Притом. Это же безусловный рефлекс на приятное сексуальное возбуждение? Если бы я тебе был противен, то схлопотал бы по уху. А я не схлопотал. И вообще, Луна в тот вечер была великолепная!

– Лео! Это нечестно.

– Конечно. Нечестно. Я всю ночь, как больной, по саду мотался, комаров кормил, думаешь легко? Ладно, ты сейчас непримиримо возмущена, а я, хоть и гад, но беззащитный абсолютно. Короче, я продолжу... – Лео выдохнул, «ухнув» по-спортивному.

– В общем, Стаси, я давно уже не мальчик, а мужик во всех смыслах, – Стаси только головой покачала, вздернув возмущенно брови. – И произошло это очень давно, когда я в академии ещё учился, сто лет тому назад. Жил в общаге во время сессий, парни все взрослые, и надо мной подтрунивали все, что я желторотый папенькин щенок вислоухий. Да и меня самого этот вопрос полов очень сильно уже интересовал. Но это же нормально в двадцать лет? Ты как думаешь?

– Я никак не думаю. Отпусти меня домой.

– Ну, уж нет. Погибать, так погибать с музыкой. Я вообще-то тебя об этом, как врача, сейчас спросил. Я читал, что это нормально, ну так вот, не только я так про себя подумал. Нас, курсантов, старшие офицеры иногда просили что-

нибудь там погрузить, выгрузить, мебель в квартире помочь переставить, или затащить на этаж, ну, короче, использовали по-товарищески там, где была нужна дурная сила. Однажды и я по просьбе нашего капитана затащил в его квартиру его жене кучу барахла всякого. Стол, стулья. Чаем напоила с пирожками, ухаживала, как за... короче, узнал я, какая мягкая кровать у нашего капитана.

– И как? – Стаси была напряжена, как струна, с ней впервые мужчина так откровенно говорил о таких интимных вещах, и почти спокойно.

– Никак. Я так и не понял, из-за чего этого «такого» моя мать отца предала. Упражнение с известной в принципе конфеткой в конце. Как собачка на арене. И имени я даже у неё не спросил, не интересно было. Но я стал чувствовать себя увереннее. Парни это каким-то нюхом почувствовали, ржать перестали. Я стал, как все. А потом, года через два, я как-бы даже почти влюбился и тоже в очень взрослую женщину, замужнюю, работала в академии ассистенткой на кафедре. И муж у неё нормальным мужиком оказался. Не понимаю, чего ей-то не хватало? Ну, я-то понятно – развязался кобелёк, ходил, глазами рыскал. Мужа увидел – и как отрезало, не захотел ему пакостить.

Стаси готова была провалиться сквозь землю от возмущения и стыда, и раздражения и, как ни странно, она ещё и переживала из-за сочувствия к нему, ко взрослому растерянному мужчине, который так нервно и напряженно вздыхал и

держал её за плечи дрожащими от волнения руками.

– Стаси, я понимаю, что причиняю тебе неприятные минуты сейчас, ты потерпи, а? Пока я всё это дерьмо не выкину из души, ради нашей же чистоты и доверия, уже ни ты, ни я покоя знать не будем. Мне, правда, тоже до тошноты это всё противно, но я тебе врать даже в малости не хочу. Это почти всё. Была ещё пара эпизодов, но это чисто по-пьяни, неразборчивая мужская офицерская сволота, просто почти обязательная физкультура после пьянок каких-нибудь «по случаю» Даже лиц не помню, стыдоба полная. Москва большой город, мимо пройдёшь – и не узнаешь ту, с кем вчера заснул. Гусарство дешевое холостяцкое.

–Значит, правильно тебя здесь гусаром называют? Кроме того, ты ещё и кутила, – Стаси уже почти смирилась с ролью исповедника.

– Гусаром? А это по другой причине. Это за мои джентельменские подвиги. Здесь нет ни одной, кто может меня обвинить в холостяцких мужских приключениях. Да, танцевал, провожал до крыльца дома, угощал пироженками, но... всех, и только один раз. На второе свидание с кем-то идти не хотелось, второе свидание – это уже обязательство на шее. Исключения я ни для кого не делал никогда. И кутить я давным-давно перестал. Просто у всех мальчиков такой период идиотского бахвальства мужского бывает. У нормальных – всё быстро проходит. Давно прошло, потому что бессмысленно и неинтересно. До сих пор было именно так.

И вот появилась ты, но это совсем другое дело, поэтому так много шума сейчас вокруг нас.

– Много шума?

– А ты не чувствуешь? Сама же говорила, что шушукуются. Я и то взгляды наглые ловлю, так бы и съездил иной раз, но... я же джентльмен. С дамами не дерусь. И вообще, Стаська, я хороший... ну не плохой, по крайней мере, мужик. Лежу, где положат, ем, что дадут, делаю, что велят. И в эксплуатации прост, удобен, ласков и горяч.

– Мм. Это и видно, – Стаси, обернувшись, скосила глаза на его вставшие колом брюки.

– А! Ну так это инстинкт же! И вообще, я – мужик, а мужику положено быть всегда готовым...

– Вот-вот. Всегда. Да уж. Лучше бы, да некуда.

– Стаси! Но я, ведь, на тебя среагировал? Ты что хочешь, чтобы я тормозом был что ли? – Стаси решительно освободилась от его рук, зло трянув плечами. – Слушай, Стаси, – Лео рассмеялся, – а ведь ты даже целоваться не умеешь.

– И что? – она смущенно отвернулась.

– Да ничего. Смешно. Ты уже скоро...

– Ну-ну? Договаривай. Старухой стану? Ты это хотел сказать? Да ведь? Ну и пусть. Знаешь у Омара Хайяма есть что-то такое... «уж лучше быть голодным, чем что попало есть». И я с ним согласна. И лучше я буду заниматься наукой, если он не... ну сам знаешь что.

– Мм. Понятно. – он немного помолчал. – А я думаю,

что просто тебе в чём-то недоступна пока другая, интимная часть человеческой жизни. Вот ты и отгораживаешься от реальности сказками своими. И морочишь голову нормальным... ты чего, Стаси? – Стаси куда-то вглядывалась внимательно и восторженно, и только веки её трепетали, как в трансе.

– Ты чего? Стаси?

– Замри! – шепотом приказала она ему, медленно присаживаясь на корточки.

– Что такое-то? – также шепотом, и тоже присев, переспросил он её, недоуменно вглядываясь в том же направлении, что и она. Но при этом он успевал деловито собирать веточки и сор, валявшийся рядом, для дальнейшего дымления.

– Смотри, – прошептала она, – всё остановилось... Даже на осине листья молчат. И вода – абсолютное зеркало. Сказочная тишина... – и где-то тут же раздался треск дробы клюва дятла.

– Нормальная тишина. Ничего особенного... – Лео с удивлением вглядывался в восторженно-отрешенное лицо своей, не от мира сего, подруги. Подкинутые ветки задымили с новой силой, потом вспыхнули, отгоняя комаров, на которых никакие «волшебные» мгновения тишины не действовали.

– Да нет, Лео. Это было абсолютно волшебное мгновение. Но я его запомнила. Как жаль, что нет такой волшебной штучки, чтобы – раз! – и это мгновение уже навсегда с

тобой. Забыла – достала, посмотрела и снова вспомнила, и очутилась, как бы там, и всё снова почувствовала. Да ведь? – она подняла на него глаза оторвавшись от глади озера, уже подернувшейся лёгкой рябью от прилетевшего ветерка.

– Вот! Я же говорю, ты запросто можешь все самые трепетные чувства мои просто уничтожить. С тобой рядом сердце влюблённого мужика кровью обливается, а тебя восхищает лишь гладь озера. Да ведь?! – насмешливо передразнил он её, сидя на корточках и складывая в сумочку выпавшие вещи. – Вот, возьми сумочку твою, упала, я всё собрал, пока ты мечтаешь тут.

– Ты не понимаешь, Лео. Под этой гладью растут, распускаются и умирают растения. Плавают рыбы в глубине. В тине из икринок вылупляются мальки. Там бурлит жизнь. А оно прячет всё это в себе и так величественно, бесстрастно и покойно надёжно сохраняет это всё в себе. Как наука. Она до поры до времени также таит в себе знания, открытия, истины.

– Мм. Сохраняет. Только рыбу тут, говорят, пока не стоит ловить, не исследовали надёжно этот вопрос, это так, к слову. И это – просто озеро. Ну и пролетело мгновение тишины, и что? А мы – люди на берегу этого озера. И нам «бесстрастно и величественно» жить невозможно. Это неправильно.

– А в науке тоже можно быть страстным. – запальчиво сказала Стаси, но большой уверенности он в её голосе не услышал, она растеряно что-то искала в сумочке.

– Лео, а где она лежала?

– Кто?

– Да сумочка же!

– Вот здесь, рядом с тобой. Что-то выпало?

– Выпало... – Стаси несколько раз трянула платочком и стала шарить глазами вокруг валуна и даже отгибала рукой траву, росшую под самым основанием камня.

– А что потерялось-то?

– ...такой малюсенький свёрточек в фантике из-под конфеты, такой целлофановый фантик, почти прозрачный... его трудно увидеть даже тут...

– Фантик?

– Ну да, прозрачный...

– И что в нём было? – как-то растеряно спросил Лео.

– Почему было-то? Есть. Мой талисманчик такой.... – Стаси медленно подняла голову и встретилась с виноватым взглядом Лео.

– Я наверное его случайно сжег, сор тут для костра собирал,... я не знал. Может быть он ещё сохранился, я сейчас... – Лео взял в руки толстый прутик, чтобы раскидать костёр...

– Не сохранился. Сгорел до тла, как и обещали... – Стаси со странным выражением лица снова повернулась к озеру: «Вот почему ты замерло. Теперь понятно. Сгорел...» – последнее слово она произнесла вполголоса, Лео расслышал.

– Я тебе другой подарю. Какой захочешь, золотой, драгоценный. Этот-то какой был? Деревянный, что ли?

– Уже не имеет значения. И талисманы не дарят, они сами человека находят. Они драгоценны только для него. Это была засохшая маленькая смолистая когда-то зелёная шишечка.

– Стаси, так давай найдём! Их тут...

– Ты не понял, Лео. Это она меня должна была найти. Нашла. И сгорела. Для меня сгорела. Забудем. Значит так надо. Так о чём мы беседовали-то? – задумчиво спросила она пошевеливая костерок, но кроме ярких червячков горящих веточек в нём ничего не было. – А! О тишине озера... и тайнах науки... – Стаси явно хотела отвлечь его внимание от пропавшего талисманчика.

– Да?! И вот это мне очень хорошо знакомо. Тишина там, как же! Я тебя уверяю, что и наука может предать человека, просто убить его. И на эту тему я готов спорить с кем угодно. А с тобой особенно, Стаси! – Лео резко повернул её к себе и притянул, приподняв над краем обрывчика. – Разве можно быть счастливым без этого? – он впился в её губы, прижав её так, что даже и пошевелиться она не могла, и похоже, и не хотела. Сквозь полуприкрытые ресницы он только увидел её закрытые глаза и выпил её всю, насколько воздуху хватило, чтобы не задохнуться в этом порыве восторга и желания.

– Ты дерзкий и наглый.

– Повторяешься. Но я не буду обзывать тебя ледышкой. Никакая ты не гладь озера. В твоём тихом омуте захлебнуться и уйти на дно можно на раз. Да ведь? Стаська! Да я те-

бе нравлюсь! Зрачки! Опять! И не ври мне, как другу, пожалуйста не ври. Ладно? – он явно иронизировал над ней. – А юноша твой?... Да ладно.. сама же говорила, что не совсем реальный. Выходи за меня, Стаси? – она молчала. – Ты слышишь меня вообще?!

– Слышу. Не кричи, Лео.

– Я не кричу.

– Вот и не кричи. Я не хочу выходить замуж. Вообще не хочу.

– Как это? По-моему, все девчонки хотят. Это очень даже нормально.

– Значит я – ненормальная. И если ты меня для этого сюда вез – поехали обратно. Спасибо за завтрак.

– Стаси, в чём дело? Чего ты вся вдруг так взъерошилась? Мы взрослые люди. Чего ходить-то вокруг да около? И мне вчера показалось...

– Тебе показалось, Лео. Просто показалось. Поехали отсюда.

– Нет, подожди. Ты сейчас разговариваешь со мной, как будто бы я в чём-то виноват...

– Ты ни в чём не виноват, – она мельком улыбнулась ему и тотчас погасила улыбку. – Просто поехали отсюда.

– Ты что? Боишься меня?

– Причём тут «боишься»? На работу мне надо.

– Не ври мне. У тебя сегодня приём с десяти. Не ври. И не ври, что тебе со мной противно.

– Не говори ерунды. Я же сказала, что просто не хочу замуж. Что непонятного?

– Всё непонятно! Ты, то жадно оглаживаешь своё тело в лунном свете, как сладострастная вакханка, то...

– Это не твоё дело.

– Не моё? А чьё? У тебя что, и вправду кто-то есть?! – Лео чувствовал, как его макают, то в ледяную прорубь, то в кипяток, а она внимательно и иронично смотрела на него.

– А что? Это невозможно? Ты единственный такой? Неповторимый?

– Причём тут неповторимый-то? И на единственного не претендую... хотя именно что – претендую! И у тебя же нет никого? Да, ведь? – вдруг добавил он улыбаясь и передразнивая её, пытаясь развеять тучки, собравшиеся складочками на её лбу. Но его улыбка стала медленно сползать, не найдя ответа в её задумчивых и грустных глазах.

– Есть? И кто же он? Да нет, ты же меня разыгрываешь, Стаси? Да? Нет?

– Есть он, Лео. Может быть, он и не совсем реальный...

– То есть как это – не совсем реальный?

– Я не знаю пока. Я же тебе проболталась про свою сказку.

– Ну и? Хорошая сказка.

– Это не совсем сказка.

– Уж не хочешь ли ты мне сказать, что это – быль?

– Хочу. Это не только быль. Это моё кредо. Понимаешь? Я выйду замуж только за того...

– ... за кого не жалко отдать жизнь. Я это уже слышал. Он есть?

– Поехали Лео.

– Увиливаешь? Ладно, увиливай. Не хочешь говорить кто это – и не надо. Сам узнаю.

– И что? Ноги ему выдернешь? – Стаси усмехнулась, покачивая головой.

– Нет, просто поправлю, чтобы ходил в другую от тебя сторону.

– Самонадеянный и самовлюблённый!

– Что остановилась? Давай, жги дальше... хотя с тебя и так хватит на сегодня – он провёл пальцем по её губам – если ты с ним встретишься сегодня, я ему не завидую. Ты встретишься с ним?

– А вот и встречусь!

– Ну и на здоровье. Будет дураку наука.

– Ты о чём?

– А ни о чём. Друзьями же мы остаёмся, Стаси? Да ведь?

– Да ведь. Остаёмся. Мне пора. Спасибо за кофе и за бутерброд тоже... И за всё остальное тоже. Было интересно, но время вышло. Так, где твоя машина? Ага, вон там, – скороговоркой говорила Стаси, продираясь сквозь кусты вишни, которые нещадно цеплялись за её юбку, как будто были союзниками Лео, который сгребя в охапку джемпер, термос и остатки завтрака в корзину, в два прыжка обогнал Стаси.

– Подожди, не лезь напролом, поцарапаешься вся, иди за

мной, – он вывел её на едва заметную тропинку.

Поднявшись на вершинку горки, Лео остановился: «Стаси, подожди. Мы же так и не договорились.»

– Что тебе ещё, Лео?

– Стаси, ну выходи за меня замуж, а? Я буду хорошим крокодилом. – и он засмеялся, призывая и её присоединиться.

– А! Так тебе смешно?! Хорошо. Тогда, ... тогда я вообще не буду с тобой разговаривать!

– Стаси! Ну что ты не понимаешь?! Я же не знаю, можно шутить или нет, когда предложение девушке делают? Вот пошутил. Вижу, что глупо получилось.

– А! Так это у тебя шутки такие?! Это всё для тебя просто, это просто... шутковство. Вот что это. Я не думала, что ты совсем уж такой, ещё другом тебя считала...

– Стаси... – Леон откинул в сторону корзину, и Стаси показалось, что там жалобно тренькнуло стекло внутри термоса, и она хотела было поднять брошенные вещи, но рука Лео, вставшего перед ней на колени, остановила её. – Стаси, я без тебя не человек, я без тебя просто шкура крокодила. Ты прости меня, что я тебя такому подверг... как Лев Толстой прямо... чёрт! Но я не жалею. Пусть так, но честно. Ты мне скажи тоже честно, когда-нибудь ты сможешь смотреть на меня без обиды за этот день? – Лео поднял на неё глаза.

Стаси отвернулась. Буря, бушевавшая в её душе не давала ей возможности собраться с мыслями: «И как он смеет, после всего этого говорить? Он всё разрушил во мне, сжег! И

что? Он теперь проклятый что ли? И мне противен? Ничего такого... Но как он смеет?! А если бы я вот так бы рассказала? Или обрекла бы его? Вот где бы он был? На коленях тут же стоял бы? Или развернулся бы и ушел? Ушел бы, конечно же... А мне-то теперь что делать, Господи, Боже Ты Мой? Что теперь?! И сжѐг!! Он сжѐг!» – Стаси даже не поняла, что она молится, отчаянно взывая к кому-то помочь ей разобраться в её чувствах.

– Стаси, ну что ты молчишь? Я тебе противен стал? Да? Но я ведь не знал раньше, что встречу тебя... такую... Прости меня. Или убей. Всё равно без тебя эту тягомотину-жизнь тянуть неохота, – он внимательно посмотрел ей в глаза и скучным голосом произнес: «Немилосердная ты, да?»»

– Лео, да встань ты с земли, у тебя брюки светлые, испачкаешься весь, – Стаси, потянула его за руку.

– Вот так вы все. Тряпку последнюю жалеете, а на человека вам начхать, – Лео медленно встал с колен. – Вот и объяснились, значит. Штаны дороже.

– Прекрати. Причѐм здесь твои штаны? По-моему, ты мастер из себя страдающего делать. Я уже виноватой стала...

– Ты просто мне ответить можешь на мой вопрос, или нет?

– На какой именно из твоих вопросов?

– Я тебе хоть немного нравлюсь?

– Я не знаю теперь.

– Теперь – это после этого, да? А раньше точно нравился?

Да?

– Лео. Отвези меня на работу.

– Сначала скажи, и честно. Всё равно я твою ложь увижу, – он стал совсем мрачным.

– Хорошо, скажу нравился ты мне или нет. Но через два дня.

– Что-о-о?! Через два!? А что они решают эти два.... У тебя что? – он вдруг стал серьёзным. – Сердце правда не свободно?

Из-за чего Лео произнес эту театральную фразу он и сам не понял.

Зато Стаси тотчас ухватилась за соломинку: «Да, несвободно. Мне надо два дня. Посоветоваться».

– Что-о-о? Советоваться? И с кем ты тут собралась советоваться, интересно? И о чём? И с кем ты меня собираешься обсуждать ещё? – очень тренированное и развитое воображение Леона нарисовало ему тотчас целую повесть в его воспаленном от недосыпа мозгу о любви Стаси с соперником, который, разумеется, отступит, особенно, если ему помочь....

– Ты его не знаешь, – холодный голос Стаси был, как ледяной душ.

– Это кого я тут не знаю? По-моему, ты темнишь, Стаська. И кто это такой умелец и ловкач, что даже целоваться тебя толком не научил. Тоже мне... советчик! Он тебе насоветует!

– Не все же такие, как ты? – Стаси опустила голову, раздавленная дотопле неизвестным ей чувством, взорвавшим все её принципы и иллюзии детства, стремительно убегающего от неё прочь.

– Это – какие «такие»? – Лео поднял её подбородок и глянул прямо в глаза, близкие, беспомощные и страдающие, со зрачком закрывшем половину всей радужки.

– Такие, – беспомощно повторила Стаси, – не как ты.

Лео понял, что он ничерта не понимает в этих радужках и зрачках.

– Два дня? Значит, послезавтра ты мне объявишь решение вашего совета? Куда и когда подойти прикажешь? За приговором моим?

– Какого совета? Я сама, вообще-то за себя решаю. И никуда подходить не надо.

– Сама же сказала, что посоветоваться с ним надо.

– Так, Лео. Последний раз прошу, отвези меня на работу, я опаздываю, понимаешь?

– Понимаю. Противен. Пошли, – он крепко поддерживал её под руку, пока шли по каменистой тропинке до машины и ощущал, как колотится у неё сердечко где-то в боку, как у маленькой испуганной птички.

Она сердито села в предупредительно открытую Лео машину, её потряхивало то ли от волнения, то ли от холодной утренней росы, насквозь промочившей ей её беленькие носочки. Лео захлопнул дверь и снова, с тигриной гибкостью

наклоняясь, обошел капот «Победы», плюхнулся на сиденье и вставил ключ в замок зажигания.

– Замри! – приказала ему Стаси внезапно.

– Что? Опять твоё озеро утихло?

– Да нет же. Неужели ты не чувствуешь такого дружеского тепла от машины? Запах кожи от сидений... так тепло и уютно, и спокойно. А шум двигателя всё разрушит своим гулом и мощью, взорвёт этот миг тихого тепла, – Стаси снова внимательно посмотрела на него, как будто впервые увидела.

– Ну да. Как и я – грубый солдафон. Да, Стаси? – он почти грубо обнял её и несмотря на сопротивление, чувственно ввергся в её рот, ища, взывая, требуя, наконец ответного трепета.

Но его не было, как будто бы Стаси совсем ушла в себя, и ни малейшего движения губ, которое он вчера явно уловил, сейчас не было. Как у мёртвой. Что-то произошло. А что произошло, Лео не понимал.

– Но без этого тоже, ведь, жизнь тусклая и пресная? А, Стаси?

– Ты просто пользуешься своей силой сейчас. Вот и всё, – она всё это говорила, как будто всё это происходило не с ней, как будто она отсутствовала и ничего не чувствовала.

– Силой?! Ну, тогда, конечно! Поехали!

Ехали молча. Около поликлиники Лео остановил машину в тени берёзы, которые и тут, как и высокие сосны тоже, специально оставили при постройке Города, для лучшей маски-

ровки сверху.

– Как же я узнаю свою судьбу, Стаси, если ни приходит, ни встречать тебя мне нельзя? Он что, такой суровый? Так ты всё равно скомпрометирована. Извините, не заметил, раздавил. А я – это просто запасной аэродром? Да, ведь? С которым вот так, в окне... Нормально. Ценю практицизм. У тебя с ним взаимно, хотя бы?

– До свидания, Лео, – Стаси сделала попытку выйти из машины.

– Не позорь. Дай выйду из машины и дверь Вам открою, повелительница душ. Могла бы и заранее предупредить, что настройщик диапазонов имеется.

– Ты сейчас пошлишь. Это недостойно, Лео. Спасибо за два прекрасных мгновения и за завтрак.

– Постой, тут тебе ещё и на обед осталось, я сегодня в столовку не приду, дела срочные, а он пусть облезет угощать мою... девушку.

– Я ничего не возьму.

Стаси.

– Ещё как возьмёшь! Не хочешь же ты, чтобы я тут тебя привсенародно поцеловал и силой ещё? Или хочешь?

– Хорошо. Я возьму, возьму, – она схватила маленький пакетик с заднего сиденья и взялась за ручку дверцы

– Сидеть! – почти рывкнул Лео. – Будь уж так добра, я же прошу: «Не позорь меня. Я ещё в состоянии открыть дверь женщине, хоть и бежит она от меня, как черт от ладана».

– И ничего я не бегу.

– Ну-ну. Можно в щёчку?

– Лео, твои шутки....

– Шутки? Ладно. Я заеду за тобой вечером.

– Нет. не надо.

– Почему?

– У меня сегодня...

– Обхода по вызовам нет, дежурства нет, – услужливо подсказал он ей

– Я же говорила... у меня сегодня сви-да-ни-е. Вот! – выпалила она.

– Да?! Всё-таки он есть. Странно. А я было уж задался вопросом: а был ли мальчик? И не дуришь ли ты меня, как последнего дурака? Значит был. Стаси, но мы – друзья?

– Да, Лео, да. Езжай уже, люди смотрят

– Да плевать мне на всех. Когда мы увидимся? Я приглашаю тебя на завтрак и завтра тоже. Давай так: он вечером,

а я утром. Утро вечера мудренее, если что так. Хотя завтра же выходной? Жаль.

– Хорошо, хорошо, завтра, – Стаси торопилась уйти от любопытных глаз, а он, как нарочно тормозил, болтая, и не торопясь складывал ей в большой бумажный пакет абрикосы, пирожные и бутерброды из корзинки, прикрытой салфеткой, комментируя всё это.

– На, держи, всё собрал. Термос я кокнул, брать нечего. Обниматься не будем?

– Спасибо и до свидания, солдафон! – прошипела Стаси, выходя и опираясь на его руку.

– Ну, прости. Не каждый день по морде дают. Растерялся, – подав ей руку, он галантно приложился к ней поцелуем, желая только одного, чтобы «тот» увидел сейчас, как Стаси то бледнеет, то краснеет от его галантности. Но в окне поликлиники торчала лишь голова Варвары Степановны, регистраторши.

– Стаси? – вдруг громко окликнул он её.

– Ну, что ещё?

– А я тебя замороженной куклой не обзывал, кстати. Да, ведь? – и расхохотался на всю улицу.

Глава 3. Наружка

Просматривая одну за другой карточки, выписывая нужные ей любимые её статистические данные, потом принимая пациентов, которые как-то странно на неё смотрели, как впрочем и сотрудники, Стаси давала себе отчёт, что Лео зашел в мозг так крепко, что ничто ей не помогало избавиться от мыслей о нём. Мысли были самыми разными, от брезгливости, когда она вспоминала его исповедь, до острой жалости, когда услышала, про запасной аэродром.

– Он просто обычный мужлан с опытами со своими! Но неужели он поверил, что у меня и правда кто-то есть? Боже мой! А если правда поверил? То, что же он обо мне-то думает? Запасной вариант? Какой кошмар! Я же хотела только паузу получить, чтобы вздохнуть от его напора. Вздохнула? Вздохнула, а где гарантия, что его снова не потянет на замужных женщин свои психологические опыты получать? Неужели они все такие? Им обязательно нужен этот опыт. А мне? Нужен? Нет, не нужен. Мне нужен мой единственный. И это – Лео?! Неужели, всё-таки, Лео... в своих коротких «московских», как говорила бабушка, штанах. Главный забияка и задира во всех мальчишеских потасовках в школе и на улице... Он и сейчас задира. Обиделся он. Ну и пусть. Подумаешь. А я не обиделась, когда он мне про всех своих баб тут рассказывать начал?! А если бы не рассказал? То есть,

как? Соврал бы? Лучше бы было или хуже? Конечно, хуже. А про всех ли он мне ещё рассказал? И как это так? Тогда они у него были, а в последнее время их не стало? Интересный факт. Что-то не сходится?

Вот за такими, или примерно за такими размышлениями в перерывах между приёмами больных проходил день у Стаси.

У Леона последний рабочий день недели проходил гораздо интенсивнее.

Для начала, чтобы отступить было некуда и для самоутверждения, он подал рапорт начальству, спокойно выдержав изумлённый взлёт бровей у Греча.

Глеб при пристрастном допросе показал, что ничего «такого» он не заметил, когда был оставлен «присматривать» за досугом Стаси. Ленка тоже ничего «такого» в поликлинике не заметила, там мышшь незаметно не проскакивала, не то что какой-то воздыхатель-соперник, да и мужиков в поликлинике – два с половиной пенсионера. Но Стаси-то была серьёзна и растеряна. Возможно, это какой-то из «спецов» из нового института, и с ним она встречается по дороге где-то? Тот, длинный назойливый верзила с танцев отпадает, от него «табачищем тянет», или что-то вроде этого. Его Лео и Глеб знали – водила из гаража. Отпал однозначно.

– Наружку никто не отменял, – многозначительно сказал Глеб, увидев, что Лео, задумавшись, грызёт химический карандаш. – На возьми платок и вытрись, чумичка влюблённая, весь в чернилах!

Легко сказать – никто не отменял...

Ты попробуй её осуществить, когда тут каждая собака тебя в профиль и анфас знает, здороваешься, или ты здороваешься каждую минуту, и улиц всего несколько. Лео специально надел под серый пиджачок серенькую бесцветную рубашку и такие же брюки из отцова гардероба, благо у них один размер: «Только бы Глеб никому ради хохмы не болтанул, чем я сегодня заниматься буду. Уж больно ехидным взглядом он меня провожал. Ладно. Смеётся тот, как говорится... Голова ж ты моя квадратная, до чего я дошёл-докатился вообще? Чем я занимаюсь?! Но я узнаю всё точно, чтобы без дураков уже с тобой разговаривать, ледышка деревянная».

После работы по дороге в общежитие Стаси зашла в магазин и довольно скоро вышла оттуда с авоськой, в которой лежало несколько свёрточков, батон и бутылка кефира, что Лео определил по этикетке – крышечке из пергаментной бумаги с фиолетовыми буквами на ней, складочками приклеенной к горлышку бутылки. Такие появились совсем недавно.

Никто к Стаси так и не подошел, пока она не скрылась за дверью общежития. Потом открылось её окно, и Леону показалось, что он даже отсюда слышит какой-то блюз. Но, разумеется, это было нервное, ничего, кроме шелеста ветра в кронах абсолютно распустившихся деревьев и голосов прохожих он не слышал, сидя на скамейке за шпалерой густых кустов сирени.

«Конечно, дико – следить за женщиной. Но кто это – «тот»? Неизвестный. О чём она хотела с ним поговорить, «обсудить», как она сказала? Может, он вообще сегодня не придёт, а я, как последний идиот с квадратной головой, тут сижу. И сколько ещё тут сидеть? В общежитие пускают только до десяти, так что далее сидеть нет смысла. Но почему у неё такие зрачки были, как белладонной капнула? В книге черным по белому написано, что это – безусловный рефлекс, от человека не зависит. И на кого, или на что у неё рефлекс, интересно? На воспоминание? А тогда, вечером, на что рефлекс был? На меня? Ладно, два дня я что угодно вытерплю. А потом? А потом – суп с котом, крокодил. Чёрт тебя дернул шутить, комик недорезанный. Лучше бы целовал её больше, как хотелось бы, может, и прошло бы, как по маслу... Не, не прошло бы. Я её выбесил сегодня. Хотя, про Луну-то взмолилась, что нечестно, видите ли. А честно у меня всю шкуру дыбом поднимать?! И в общем-то, не так уж я её и выбесил, она довольно мужественно про мои эти подвиги выслушала. И у меня на душе легче. И почему это так? Всё у нас поразному. У меня руки дрожат от желания схватить её и утащить куда подальше, чтобы никто нас не видел. А она наедине со мной, как на тёмной улице. Глаза настороже. Неужели я такое на неё впечатление кобелиное произвожу? И совсем здесь это ни при чём. Я сутками на неё просто смотреть могу, и безо всякого кобелизма. Нет, конечно, потом, когда насмотрюсь,... но это другое совсем дело, это естественно как-

то должно быть. А у неё даже губы не отвечают. Господи, голова ты моя квадратная, что же мне делать-то? Сгорю весь нафиг тут, и так вздрагиваю каждый раз, как увижу её. Как ненормальный стал. Глебка уже с сомнением на меня смотрит. Х*ли не понятно?

А если ... И как я рапорт свой потом забирать буду?! Не-е-е-т, лучше не думать. Тогда в командировку в один конец пусть отправляют, лет на пятнадцать на х*й. В Китай какой-нибудь. Вернусь старым стариком сорока трёх лет, и мне уже ничего не надо будет. А ей...ей тридцать девять будет, как той ненасытной бабе капитанской. Бл*ть, о чём я думаю, вообще?!»

Стало совсем темно. Пожарная лестница в детском садике напротив общежития Стаси, высоко приподнятая над землёй, была вполне ему доступна, не раз лазил по таким. Но даже с крыши Леон ничего не увидел в её комнате. Если бы там кто-то был, всё равно какое-то было бы движение. С трудом разглядел в открытой раме отражение Стаси, вернее часть её ноги на кровати. Потом она встала, как ему показалось вполне одетая, взяла сумочку и вытряхнула из неё всё на стол. Потом, медленно перебирая вещицы, сложила всё обратно и подошла к двери.

В половине десятого окно в комнате Стаси закрылось. Леон решил, что она ложится спать, она рано ложилась, как говорила сама, но тут в лёгком сумраке летнего вечера Стаси появилась на пороге общежития в жакете, накинутом на

плечи.

«Ну вот. Радуйся, парень. Наружка – она и в Африке наружка. Сейчас всё узнаешь, кто это тут такой, немазанный-сухой, который «не как ты». Стаська, неужели у меня есть соперник и счастливый? Это же полное дерьмо, Лео! Ещё большее, чем это твоё свинство с подглядыванием за ней. Где мой нюх?! До чего я дошел, кому сказать... чего кому? Мне вчера сказать – не поверил бы! Бл*ть, я со всех сторон в полном дерьме! Голова ты моя квадратная! – Лео торопливо спускался с пожарной лестницы, боясь, чтобы сторожиха детского сада не обнаружила нарушителя территории. С каждой минутой становилось всё темней, и прохожих стало гораздо меньше, и прятаться за их спинами такому высоконькому «наружному наблюдателю» стало невозможно. Пришлось отпустить Стаси на критическую дистанцию, виден был лишь её силуэт, освещавшийся редкими фонарями вдоль тротуара, потом и он вдруг куда-то исчез. Лео прибавил шагу, но Стаси не было нигде: «Свернула. Куда она тут могла свернуть? А-а, на берег, к ротонде, наверное. Излюбленное место Бороды и всех влюблённых...»

У ротонды Стаси не было. В этот поздний вечер тут никого не было, около воды бурно размножающиеся комары звенели так, что звон в ушах стоял. На всякий случай Лео пробежался вдоль прогулочной тропинки туда-сюда метров на двести. Никого. Сплюнув и сматерившись на собственное головотяпство: «Наблюдатель х*ров», – он пошел к своему

дому, благо недалеко было. Издали увидел тёмные, окна – значит, отец ещё не пришел от закадычного приятеля, к которому традиционно заходил по субботам на партию в шахматы и стопку чаю.

«Нет, а что это я домой-то? Нет, надо досмотреть теперь уже, кто её проводит... или не проводит уже? Ну, что, крокодил? Съел? Так тебе и надо. Может, цветы надо было ей дарить? Некоторые любят. Мало ли что я не люблю. Надо было спросить... Вон, какие-то счастливчики сидят, и комары им нипочём».

Почти напротив дома Леона, но через забор от него, в тени деревьев на скамейке сидела пара. Виден был только силуэт девушки за стволом огромной старой сосны. О чём-то тихо говорили. Вернее говорила только она, вполголоса и так разочарованно, что Лео почувствовал нечто вроде сочувствия. Тропинка проходила мимо скамейки. Стараясь никого не тревожить, Лео осторожно переступал ногами, обходя пару сзади подальше по траве, торопиться особенно было некуда, не могла же Стаси обратно мимо него пройти незамеченной. Девушка на скамейке всхлипнула.

– Чёрт, и как так мужики могут их до слёз доводить? Со всем козёл, что ли? – Лео оглянулся на пару...

Никакой пары там не было. Девушка сидела одна, пригнувшись к коленям и охватив голову руками, она что-то шептала, разговаривала сама с собой

– Вот ещё бедолага. Похоже, тоже от ворот поворот, или

ещё чего похуже?

Леон стоял метрах в восьми от девушки в тени кустов сирени, не зная, что же предпринять? К сочувствию его никто не приглашал, и просто так мимо пройти, когда у самого кошки на душе скребли, чувство солидарности не позволяло. Прислушался, затаив дыхание. Везло ему сегодня на необходимость подглядывать и подслушивать.

Голос у девушки был тихим. Но кое-что можно было разобрать: «...ну и вот. Ты меня не чувствуешь. Может тебя и дома-то нет совсем? Обнимаешься со своей этой Ветой дурачкой. Или ты спишь? Тогда ты не спишь, а просто дрыхнешь! – дальше следовали непонятные, сердитым шепотом произнесенные слова –...и что я хотела понять? Про интуицию? Нет её, и нечего выдумывать было. Навыдумывала, а теперь разочаровываешься, глупая и наивная ты, Стаси. Так и умнеют», – она вздохнула

Услышав имя, Лео вздрогнул и внимательно всмотрелся в силуэт: «Господи, голова ж ты моя квадратная! Это же Стаси! Всё-таки, я не такой уж и дурак, не очень-то поверил в её приятеля! Господи, ну какой же я дурак, всё-таки? Куда ещё-то она тут могла идти? КПП же?» – он зажал себе рот рукой и присел на корточки, стараясь стать незаметным, как воришка, дядя Митя когда-то ему всё объяснил про эту, удобную для наблюдения за содержимым сумок и авосек, привычку уголовников.

«... а я бы никуда не ходила бы. Я бы ждала всё равно,

даже если бы я себе совсем отказала. Ну можно же понять мои сомнения? Даже поговорить не с кем, ни мамы – никого рядом, только сама с собой. И то, не столько говорю, сколько уговариваю... – последовало непонятное бормотание. – Вот если бы совсем ненадолго увидеть его просто за окном, как он сидит, ходит, лоб свой дурацкий красивый морщит,... – опять тихое пристанывающее бормотание, – ... и всё бы ясно бы стало. – Стаси печально замолчала, потом ещё о чём-то пошептала сама с собой, совсем уже не слышно.

И только последние слова он расслышал четко: «И нет никакой интуиции. Нет. Глупости всё это, выдумки».

Сердце стучало так, что он боялся, что его стук услышит и Стаси. Он не знал, что сейчас ему сделать правильное: «... подойти тихо... – нет! Испугать же можно... лучше окликнуть шепотом? Почему шепотом? Поймёт же, что я её подслушивал. Что за день такой шпионский, чёрт! Нет, просто окликнуть... Ага, окликнуть: «Стой, кто идёт?» Совсем уже идиот... А как бы?... Конечно же, вот же я осёл! Чо-то мне с этим делать надо, совсем я форму теряю чо-то», – но эти мысли скользили уже вдоль, параллельно с принятым решением.

– Стаси? Этот ты? Ну, наконец, я тебя нашел. Сказали, что ты куда-то сюда пошла.

– Кто сказал? – Стаси почти подпрыгнула от неожиданности, услышав весёлый знакомый рокочущий с «серебряной трещинкой» голос.

– Так эта, ... вахтерша ваша, и тут ... встретил одного знакомого... А что ты тут сидишь? Комары же ё-моё... меня всего зажрали.

– А ты откуда здесь?

– Я? Так вон там мой дом вообще-то, за забором. А подалее вон – твой КПП любимый, только уже без лейтенантика твоего. Глеб же тебе показывал? – Лео стоял перед ней, и от её беспомощности, гордости, наивности и растерянности, лишавших её самой элементарной защиты, из-за глаз её, даже в темноте блестящих недавними слезами, всё его мужское предназначение защищать, оберегать и баловать любимую женщину выплеснулось через край...

– А-а. Ну да. И комары тоже... – бессильно повторила она.

– Стаська, ну что ты со мной делаешь? Дурочка ты ревнивая. Я же целый вечер за тобой по пятам хожу, как кот за валерьянкой. У меня уже ни одна мысль в голове не может задержаться, крышу снесло совсем. Уже проф непригоден стал, как Глебка сказал. И никуда моя интуиция не делась. И совсем не могу спать вторую неделю. Пойдём домой, – он обнял её, уткнулся ей в волосы, почувствовав такой любимый запах. – Пойдём. Отец уже пришел. Окно в кухне зажглось.

– Нет, Лео. Очень поздно, и так дежурная ругаться будет, а я ещё и шоколадку извинительную к тому же забыла купить, а она из-за меня спать не ложится, ждёт сидит. Завтра куплю...

– Какая шоколадка? Какая дежурная? Стаси! Я же рапорт

подал сегодня, пропуск на тебя получил временный. Считай, мы уже муж и жена, остальное формальности. Все уже знают. И отец тоже. Звонил, поздравлял. Он нас ждёт...

– Ты... рапорт? – Стаси смотрела на него такими испуганными глазами, что он невольно рассмеялся.

– Ну, конечно. Чего ты испугалась? Рапорт – это просто рапорт. Без этого нам никак, девочка ты моя смешная. Меня уже все поздравлять готовы, только боятся.

– Чего?

– Как чего? Видят же, что я бешеный хожу.

– Почему бешеный? – Стаси, похоже, ничего не понимала в этом мужчине.

– Потому что только сейчас понял, что нет никакого второго, который «не как я». Просто он – это я. И зачем только ты всё так запутала? Я тут, если что, в Китай собрался навечно уезжать уже.

– Почему в Китай именно? И тебя никуда же не пустят за границу? – Стаси совсем растерялась перед его шутивным напором.

– А ближе бесполезно. Ибо нефиг... Ста-аси-и. – голос его дошел до тихого шепота.

Лео потом был вынужден признать, что совсем не умеет «просто целоваться». И все его поцелуи превращаются в затяжные испытания парашюта. А Стаси никак не могла вспомнить, как они оказались сидящими на скамейке. Вернее это он сидел на скамейке, а она у него на коленях очну-

лась, не чувствуя ни ног, обёрнутых его пиджаком, ни рук своих, обнимавших его, только слыша его шепот, незнакомо страстный и горячий, и чувствуя губы и его язык, творивший блаженство с ней, соединяясь в одно дыхание, и биение сердца, и руки, нежно и крепко державшие её.

– Глупенькая, разве можно от этого счастья отказываться? Время-то идёт, мы же старимся. Скоро совсем... – Лео рассмеялся тихо и счастливо, проводя большим пальцем по её губам – Ну что, сорвала спокойный рабочий день у сослуживцев?

– Ты специально это сделал?

– Да нет, конечно. Просто я солдафон грубый и увлекающийся, возбудимый и невоздержанный. А губы у тебя детские и нежные. Вот и фокус-покус получился. Я не специально, честное слово.

– А я только в обед себя в зеркало увидела. Кошмар! Да ведь?

– Да нет никакого кошмара. Пусть завидуют. Ну, и порицают, разумеется, как без этого-то? Представить себе, что ты просто целоваться не умеешь, и это всё от непривычки, им невдомёк. Так зачем ты сюда пришла, одна, ночью? А если ... волки?

– Нет тут волков никаких. Я просто хотела увидеть тебя. Одного, ... ну совсем одного, когда ты меня не видишь.

– ?! Ты хотела за мной подглядывать?! – Лео изогнул дугой брови в изумлении и наклонил голову набок, как иногда

это делает любопытная умная собака

– Да. – охотно согласилась Стаси и зарылась лицом в его рубашку, которая на спине давно была вся в кровавых пятнах от комаров, раздавленных его спиной о скамейку.

– Ай-яй-яй! Подглядывать за взрослым мужчиной... Подглядывать – вообще последнее дело. – как-то неуверенно сказал он. Хорошо, что Стаси не видела сейчас его «честного лица». – И ты не боялась?

– Чего?– она снова «вынырнула».

– Как это чего? Подглядывать за мужиком, когда он уверен, что он один – вообще не стоит. Совсем. Слушай, Стаси, а ты опасный человек. Держишь гранату в руке со сдернутой чекой и даже не подозреваешь об этом. Это же смертельно может быть для неокрепшей девичьей души.

– Да почему? Я же врач, ты не забыл? Я всякое видела уже, достаточно, во всяком случае, для неокрепшей девичьей. И чека на месте. Я, наверное, имею один большой недостаток..

– Именно?

– Я в окна люблю заглядывать. Мне мама даже говорила, что это неприлично. А я люблю. Если они шторами или задергушками не завешены – значит, можно же?

– Я бы не был так уверен...

– А я всегда на окна смотрю, когда к кому-то на вызов иду. Они очень многое рассказывают. И я заранее готовлюсь...

– Это как?

– Ну понимаешь... вот представь блестящие стекла, кра-

сивый цветок, герань там какая-нибудь, банка в белоснежной обертке с бантиком, в которой этот цветок торчит накрахмаленные задержушки, или сейчас такой тюль появился...

– Как у тебя в комнате, ты об этом? И он даже ночью просвечивает от луны...

– Лео, не надо..

– Почему не надо? Я счастливым целую ночь был, увидев такую красоту, глупенькая ты моя, – он снова прижался к ней губами, по-хозяйски осваиваясь в этом мире чувств и запахов. – Ну и? Накрахмаленные... – Лео машинально поцеловал её закрытые глаза возвращая её из мира чувств.

– Ты о чём меня спрашиваешь? – Стаси вернулась в звеневший комарами мир.

– О задержушках накрахмаленных.

– О задержушках? А, об окнах? Всё просто на самом деле. Это может означать, что в доме скорее всего порядок, чистота... и, возможно, пустота, которую хозяйка заполняет неустанными заботами о внешнем виде. Или неуверенность? Желание всегда и во всём быть самой лучшей. Может ей просто любви не хватает? Это может и на здоровье сказаться, для меня это дополнительный звоночек в анамнезе болезни. Понимаешь? Или наоборот: пыль, тусклые стекла, книги, бумаги и чертежи на подоконнике? Тоже можно многое предположить сразу и про питание, и про режим, и про курение, например, ещё до того, как я в квартиру зашла.

– Ну, ты – Пинкертон, Стаси, я тебе скажу. Психоанали-

тик.

– Да, обязательно. А как же....

– Ну, а за мной-то ты зачем хотела подглядывать, Стаська? Я же перед тобой весь, как Иисус на кресте. Признавайся, Стаси, а то у меня зуд по всему телу от любопытства и от комаров. Что ты искала в этой ночи?

– Тебя. Другого тебя... Я плохо разбираюсь в мужчинах, я же никогда не жила рядом с ними. Папа ушел, когда я была совсем маленькая, и я помню только его любовь и нежность. А когда мы взрослые, мы непонятные совсем. Когда мы просто на улице встречаемся наглаженные, напомаженные, одеколоном пахнущие – это маски. Приятные, но маски. А когда человек один совсем – это другое. Я думаю, что, если бы всем желающим пожениться, можно было заранее показать его жениха или невесту вот так, когда он думает, что совсем один, – было бы совсем другое дело. И половина браков бы никогда не состоялась. Где-то читала, что именно так цари устраивали первые смотрины невестам. Тайком за ними подглядывали. Цари не разводились.

– Не разводились, – это точно. Они просто казнили нелюбимых жен или ссылали их в монастыри, да бог с ними. А ты не боялась увидеть нечто такое...

– Какое?

– Да многое можно обнаружить неожиданно. Я жил с мужиками, которые друг друга не стесняются, ну мы вообще такие, грубые, хамоватые бываем, плоско... и ... натурально

шутим, и наедине... такими... бываем. Мало ли? Мужики в носу ковыряются, в ушах, задницу чешут и вообще, Стаси! Это точно не для таких вот глаз... – Лео быстро шутиливо поцеловал её в глаза. – Так и многое другое тут можно надыбать с таким-то любопытством. У нас один парень снимет носки, пальцем выковыряет между пальцев и нюхает! Другой мох свой в пупе выковырянный нюхал. Один в казарме, козлов из носа в рот себе совал. Это же пипец полный!

– Вот именно. Такой наглаженный днём, а перед сном...

– Но жены с ними со всеми живут. Ничего.

– Вот именно, что ничего. Но можно так разочароваться!

– И, то есть, ты хотела бы знать, какие у меня привычки есть?

– Да нет. Почти всё, о чём ты мне тут говорил – это гигиенические проступки, с ними можно бороться и побеждать. Я о другом думала совсем. Какой ты? Спокойный, торопливый, терпеливый, упертый или легко переключающийся? Какой? Это всё в движениях и мимике видно, но только, когда человек совершенно свободен. И я же совсем ничего про тебя не знаю. Какие комплексы у тебя, например?

– А они есть у меня? – Лео уже понял, что жить ему придётся с барышней, которой палец в рот класть не стоит. От слова «совсем». Про себя он просто ржал. Всё это ему было знакомо по работе, но было абсолютно неожиданно в его собственной будущей жене.

– Очевидно. Тебя не долюбили в детстве, поэтому ты нер-

вен и не уверен, и поэтому сразу бешенеешь, когда просто надо сменить подход к решению проблемы. Подойти с другой стороны. Ко мне, например, более терпеливо, внимательно и не только на эмоциях.

– Это с какой же стороны? Можно было бы, конечно, была такая мысль. Но можно было бы и получить в ухо, например.

– А откуда ты знаешь? Может и нет?

– Ты хочешь сказать, что я зря потерял сегодня целый день? – голос у Лео взвился.

– Возможно. Ты плохо понимаешь женщин, либо слишком упрощаешь, либо усложняешь.

Я тоже с комплексами. Девушка с противоречиями, так сказать. Надо всё же доверять некоторым своим инстинктам, я думаю. У меня именно этот комплекс. Не доверяю инстинктам. Пытаюсь получить все решения логикой. А она бессильна перед чувствами.

– Стаська, может хватит? Девушка она с противоречиями. Ты – девушка с веслом! Какие в парке стоят. Или с лопатой. Хорошо, я тебе сам всё расскажу. Я спокойный, если меня не кусают, не дёргаюсь понапрасну, если только где-то не горит, реактивен, то есть реагирую быстро; дружелюбен... с друзьями; любимое занятие – валяться и мечтать, смотреть на небо ночью. Ковыряюсь иногда в носу и в ушах, руки мою перед едой. Теперь буду гораздо чаще их мыть, потому что тебя хочется трогать всё время, – он счастливо засмеялся. – В душе моюсь каждый день холодной водой. С детства мо-

юсь, поэтому больше нигде не ковыряюсь и мало совсем болею. Носки и трусы стираю сам и тоже каждый день, отец приучил, тоже почти с детства, привычка стойкая. Щиплю себя за волосы подмышкой и на груди, когда читаю и забываюсь. Ковыряю обгорелой спичкой в зубах. Вроде всё. Нет, иногда рыгаю, когда никто не слышит. Другие звуки по необходимости. Нет, тебе самой не смешно? Это же дикость, Стаси, акцентироваться на физиологизмах? Мы к тому же будем стариться, дурнеть, слабеть, попускать себе некоторые привычки. Старики вообще старьём пахнут, отец говорит, если каждый день не моются. Но это – обычная жизнь.

– А кто тебе сказал, что у нас она будет обычная? – Стаси задумчиво прижалась к нему.

– А почему – нет? Мы такие же, как все люди. Только я люблю тебя больше, чем другие своих жён, раз в десять так, как мне кажется Я сегодня был просто бешеным крокодиллом и такое пережил... ладно. И в чём она будет у нас необычная?

– Только любовь определяет обычность и необычность жизни. Любовь – это главное. Всё остальное – ерунда. Знаешь, что мне предсказала однажды цыганка? Я маленькая ещё была. Она маме это сказала. А я случайно подслушала.

– И что она тебе предсказала? Ох, и фантазерка же ты у меня, головушка ты моя квадратная!

– Она сказала, что я за единственную и великую любовь всей моей жизни заплачу очень большую цену – свою жизнь.

– Так это же нормально, Стаська? Жизнь за любовь. Справедливо. Это нормально. Я согласен на такой обмен.

– Теперь я тоже. Обними меня. Мне немного страшно.

– Чего страшно?

– Бездны. Любовь – это бездна, куда я проваливаюсь. Не за что уцепиться, всё падает вместе со мной, идеалы, представления... – Стаси прижималась к его груди, как маленькая девочка, испуганная открывшимся ей видением.

– Я тоже не думал, что это... такая затягивающая в себя открытость Ты же будешь всё обо мне знать, не всё, конечно. Наружная корка же будет? Но это другое – для защиты просто, – Лео впервые почувствовал жуть восторга, с которым и он начал погружаться в бездну, безоговорочно принимая всё.

– Но у меня нет никакого опыта, Лео...

– Вот и хорошо, и не надо никакого опыта, – торопливо перебил её Лео. – Так что в нашу крокодилию крепость, где наша человеческая кожа сгорит, и мы срастемся, и лететь в бездну мы будем вместе.

– Ты так думаешь?

– Я так хочу, Стаси. Ну что, идём в наш дом?

– Лео, не надо так торопиться. Условности тоже не зря выдуманы людьми.

– Стаси, а если завтра – война? Ты бы тоже решила бы подождать?

– Лео, война – это другое, это испытание личное, крайнее.

– Стаси, любовь – это тоже личное и очень крайнее для меня, как я понял сегодня. Экстремальное и опасное для жизни, если это не воплотить. А условности нужны сомневающимся. Ты сомневаешься?

– Лео, если бы я не сомневалась, зачем бы я тут сидела в этой темнотище? Да, сомневаюсь.

– В чём?

– В том, что ты спешишь. И меня толкаешь к пропасти этой. Очень страшно попасть не в ту пещеру.

– Пойдём. Отец ждёт. А пещера – самая та. Мне всё в ней нравится. Даже жизнь за любовь – нравится. Пойдём. Не стоит волновать отца.

– Неудобно, Лео. Я чувствую себя не в своей тарелке совершенно. Ноги не идут.

– Ничего, поможем, – он шутливо подхватил её на руки встал, – так далеко не унесу, а на плечо если, то бегом могу. Тебе, как лучше? Быстрее?

– Лео, поставь меня на место, и сними с моих ног твой пиджак, иначе я упаду. – Лео послушно размотал ей ноги. – Спасибо. А кого твой отец ждёт и почему волнуется?

– Я ему обещал, вот он и ждёт и волнуется.

– И что ты обещал?

– Невесту сегодня принести.

– И когда ты ему обещал? – Стаси почти смеялась.

– Чего ты смеёшься? Вчера вечером.

– Но я, по-моему, конкретно тебе ничего не сказала ещё?

– Стаси, это уже не смешно. И зачем слова-то, когда и так всем всё ясно? Пошли!

КПП они прошли без приключений, пропуск уже действовал.

Когда второй поцелуй закончился, Стаси обнаружила, что стоит перед дверью: «Со мной необычное что-то происходит, время исчезает. И какое же у него необычное лицо. Ему так же хорошо, как и мне?» – она просто смотрела и не хотела, чтобы его руки отрывались от неё.

– Неужели это – ты?! Мальчик в коротких московских штанишках?

– Кто «ты»? В каких ещё коротких штанишках?

– А ты не помнишь, как тебя дразнили: «московский забияка?»

– Меня так дразнили? Не помню. И что я делал?

– Дрался.

– Вот это я помню. Ну и правильно делал. Так кто я-то?

– Тот, за кого не жалко отдать жизнь.

– Не надо за меня жизнь отдавать, лучше, уж, я свою отдам, если кому-то жизнь нужна. Ты мне живая нужна, девочка моя. Мне никогда ещё не было так хорошо и спокойно, Стаси. А будет? Даже не знаю, что с нами будет, – Лео нажал на звонок.

– Ты чего звонишь, я же не закрывал, Лео... – Сергей Дмитриевич невольно отступил в глубину прихожей.

Лео внёс через порог дома белокурого смущенного ангела

с припухшими губами.

– Знакомься, папа, это моя Стаси. Стаси, – это мой отец. Теперь будет и твоим. Знакомьтесь.

– Стаси?! Анастасия Павловна! Как же я рад-то! Лео, что же ты мне сразу не сказал?!

– Чтобы ты не слишком обрадовался.

– Рад! Сердечно рад. Садись сюда, Стаси. Ну наконец-то у нас будет нормальный дом с женщиной в нём, – отец церемонно наклонился с поцелуем к руке Стаси и потом поцеловал её в щёку. – Давай сюда твой жакетик. Лео, что же ты? Там где-то тапочки у нас были?

– Па, я их уже несу, я помню, – Лео опустил на корточки и снял туфли с ног невесты, облачив их в голубые тапочки, новые, но старого фасона, с меховым помпоном на носу.

– Это я когда-то, сто лет назад, жене купил, но они так и остались невостребованными. Пойдемте, я как раз чайник вскипятил, творог с изюмом купил днём, слойки. Сейчас почаёвничаем, – отец вопросительно посмотрел на сына за спиной Стаси, перед которой открыл и вторую половину двери в гостиную. Лео обрадованно кивнул.

– Вот так мы тут и живём, хлеб жуём. Нас тут тетя Таня иногда выручает, замечательная женщина души необыкновенной.

Разговор за столом потёк свободно, как будто Стаси тут давным-давно была своей, напились крепкого чая со слойками густо намазанными сливочной сырковой массой. Сер-

гей Дмитриевич достал откуда-то альбом с семейными фотографиями и подробно знакомил её с родственниками, абсолютное большинство из которых уже покинуло этот мир. У Лео не было ни братьев, ни сестёр ни в одном колене. Мать Лео действительно была красавицей. И фотографироваться, видимо, любила. Все фотографии были сделаны профессиональными фотографами – дорогое удовольствие по тем временам. Сергей Дмитриевич оказался на редкость смешливым и весёлым человеком, мягким и лёгким.

И тогда, с месяц назад, когда Стаси пришла к нему на вызов врача, у них сразу возникла полная и взаимная симпатия. А ещё раньше, когда Лена случайно показала его Стаси на улице, он показался ей сухим и сдержанным, даже высокомерным немного.

– Стаси, как я знаю, Лео рапорт подал сегодня? – отец выжидательно смотрел на девушку.

– Да, он мне сказал, – Стаси вздрогнула, услышав бой часов, стоявших в углу гостиной. – Ой, мне пора, засиделась я тут, от вахтера выговор обеспечен, – Стаси смущенно улыбнулась

– Подожди, Стаси. Если ты согласна с рапортом, то что же? Оставайся у нас. Без тебя здесь станет слишком пусто теперь.

– Мне у вас очень нравится, но Вы же понимаете...

– Понимаю. Только не надо быть ханжами и реагировать на чужие языки. Тем более, что все уже, наверное, слышали

про рапорт. Для нас это главное, чем роспись в загсе. Я там потороплю, чтобы проверку закончили в кратчайшие сроки. Сложностей не было при назначении на работу?

– Нет.

– Ну и славно. Можешь, если хочешь, отдельную комнату занять, их тут... – отец смешался, увидев возмущенное лицо Лео. – А лучше сразу начинайте семьёй жить, чего хвоста за кот тянуть. Ну всё, ребята, мне пора.

– Ты куда, па?

– Как, куда? Разве я тебе не говорил, что мы там сегодня на берегу договорились уху варить. Что-то Митя не звонит? Пойду сам позвоню, не забыть бы чего к ухе-то.

– Лео, а какую уху они собрались варить? Разве здесь можно рыбу ловить? Я слышала, что нельзя, и ты это говорил? – Стаси смотрела в темноту за окном, куда ушел Сергей Дмитриевич, закинув на плечо выдавший виды туристический рюкзак. Огромная комната отражалась в стекле, и Стаси тревожил и волновал этот дом с незнакомыми вещами, запахами.

– А они, это... сырок покупают в магазине и воображают, что наловили. Когда-то всё можно было, молодость вспоминают. Наверное и просто у костра посидеть приятно со старинными друзьями, – Лео всё напропалую и восторженно врал.

Ничего ему отец не говорил ни про какую рыбалку. Про-

сто его отец был настоящим отцом.

– Стаси, – Лео подошел сзади и обнял её, – ты нервничаешь?

– Нет. Волнуюсь.

– Не волнуйся. Я так люблю тебя... Я бы не дожид до утра, залез бы к тебе в окно твоей общаги, чтобы уж точно выяснить, что это у меня за соперник такой смелый? – Лео уткнувшись в её волосы тихо и счастливо засмеялся

– Слишком стремительно всё, – она повернулась к нему, что-то неуловимое изменилось в их отношениях, она, наконец, увидела другого Лео: сына, любимого отцом, защищённого и любящего, спокойного и неторопливого. – У тебя изумительный отец. Он такой тонкий человек, понимает с полуслова.

– Да. Он такой. Он и с полувзгляда понимает. Я его очень люблю. И очень уважаю. Горжусь. Я тоже таким бы хотел быть для наших детей. Жаль, что я не могу увидеть твою маму. Наверняка она замечательная у тебя. Ты на неё похожа?

– Нет. Говорили, что я на мою прабабушку с папиной стороны похожа, судя по фотографии. Очень старинное и единственное её фото Правда похожа, один в один. Только она там в платке. Но черты одинаковы. Сильная генетическая наследственность.

– Пойдём, я тебе наш дом покажу, что тут и где, – Лео обнял её за плечи. – Стаси, а второе условие, про детей... – Лео повернул её к себе, – оно в силе?

– Лео, ты так спешишь...

– Нет, я просто спрашиваю, я приму все твои условия безоговорочно. Я тебя очень люблю. Я выключу свет?

– Да. Выключи, – в гостиной воцарился полумрак.

– А то вдруг за нами кто-то тоже решит подсматривать, – Лео натужно шутил, разбавляя напряжённую тишину. – Ты такая теплая.

– А у тебя руки дрожат.

– Я целый день дрожу, с самого утра холодок по спине, как заструился после твоей отповеди, так и тёк весь день. Я тоже волнуюсь. Идём, сядем сюда, – большой, пахнущий кожей диван, уютно провалился под ними. Губы вздрогнули от нахлынувшей волны близости...

Конечно, какой же это поцелуй, если стоя?

В темноте чувства обострились, стыдливость притупилась, в свои права вступила неизбежность, прорывая барьер неловкости и смущения. Руки мужчины, согревшиеся и переставшие дрожать, могли уже не только обнимать женщину, но и расстегивать пуговицы, натываясь на её вздрагивающие пальцы и отводя их в сторону.

– Лео, – она говорила шепотом, как бы боясь спугнуть нечто, поселившееся здесь.

– Да, любимая, – он растаял и уже не существовал отдельно от неё, сейчас все её слова были для него подчиняющим законом.

– Я очень стесняюсь. Скажи, я такая же солёная, как и ты?

– Ты сладкая.... А я солёный?!

– Ты горько-солёный! А я сладкая? Липкая?! Какой ужас!

У тебя здесь есть душ?

– Конечно, даже с горячей водой.

– И простынка есть?

– Если ты со мной пойдёшь, я постараюсь её найти, в моей комнате есть такой шкаф... – он говорил тоже шепотом, отрывая иногда губы от её кожи на этой шейке с завитками.

– Пойдём. У тебя есть свеча?

– Свеча? Конечно. В моём столе лежит. А зачем?

– Просто верхний свет будет слишком грубым. А свеча нет. Сейчас всё такое мягкое. Понимаешь?

– Понимаю. Мы одну поставим в ванной. А другую здесь, или...

– Где мы будем жить? В твоей комнате?

– Как хочешь. Можем в спальне. Она так и стоит пустая, в ней никто не жил. Отец, видимо, надеялся на что-то.

– Покажи мне твою комнату, я так и не увидела тебя в ней, – Стаси улыбнулась.

– Пойдём, – он остановился, обняв её в темноте. – Стаси?

А ты меня любишь?

– Я?

– Ты. Ты молчишь об этом, – Лео притянул её к себе, – а я, как трещотка.

– Лео, мы же сразу договариваемся говорить правду? Да ведь?

– Да. У крокодилов только так.

– Понимаешь, я влюблена в тебя по самую макушечку. И я понимаю, что можно уже поставить диагноз.

– Какой ещё диагноз, Стаська?

– Какой, какой! Простой. Я сегодня никак не могла правильно произнести слово.

– Какое слово?

– Я формулировала для себя фразу: «Я хочу увидеть его – это тебя, значит – заду... и вот тут началось! И задумывавшимся и задувывавшимся, и задувамамшимся, и ещё бог знает что, вместо простого «задумавшимся»! Понимаешь? Это точно диагноз: «Острое психическое поражение мозга, вследствие многократного психического и физического травмирующего воздействия на объект. И как осложнение – полный и окончательный сдвиг, а местами и открытый перелом детских иллюзий и ожиданий, с последующим смещением основ моего женского мировоззрения», – Стаси выдохнула. Леон захохотал.

– Это ты сейчас придумала?

– Нет. Вчера ночью, после Луны.

– После твоей Луны и у меня было поражение мозга. Ста-а-си-и-и-, – Лео прижался губами к волосам, – ладно, хоть влюблена.

– Ты хочешь сказать, что ты абсолютно осознан?

– Да. Осознан. А ты нет?

– А я только начинаю тебя любить, ощущать тепло. Толь-

ко начинаю. Завтра это будет уже другое чувство. И тоже, возможно, это ещё совсем не та любовь, когда души обнажены. Да ведь?

– Да ведь. Пойдём, комнату мою тебе покажу, мечтательница ты моя, – Лео понял, что сказочка про крокодила будет строиться по утвержденному генеральному плану и торопиться не стоит, архитектор не потерпит отступления от проекта.

Комната Лео была большая, какой и положено быть комнате занятого и увлекающегося мальчика. На шкафу стояли в ряд авиа модели, на стене висели коньки, мячи в сетках, теннисные ракетки, две гитары, на столе лампа с зелёным стеклянным абажуром – писк тогдашнего представления о престижности хозяина и самого дома – много раскрытых книг с закладками, громоздились одна на другую, и вдоль всех стен книжные шкафы, как и в гостиной. В глубине комнаты стоял широкий кожаный диван с высокой спинкой и полочкой на ней и с расстеленной на диване постелью, рядом стояло огромное уютное кресло с наброшенными в беспорядке на подлокотники вещами Лео. Весь центр комнаты занимал большой ковёр. Окно выходило в сторону озера, и стол Лео стоял около окна, так что зря Стаси хотела с улицы подсмотреть за Лео.

– Вот моё обиталище. Только порядок не успел навести. Сейчас я простыни буду искать, были тут где-то, – Лео открыл дверцы шифоньера полированного с выпуклыми двер-

цами с лёгким, почти штрихами нанесённым китайским рисунком с фанзами, горами и деревьями. В этом доме любили комфорт и основательность.

– Стаси, – Леон обхватил её шутливо простыней, – ты – первая девушка переступившая порог этой комнаты. Тут никого никогда не было из женщин, кроме тети Тани, ну и матери моей однажды. В этой крокодилей пещере чисто, я знаю твою принципиальность, поэтому предупреждаю, что никого и никогда. Двери и окна закрыты, теперь вообще навсегда. Подходит?

– Подходит, – Стаси улыбнулась. – А шапочка резиновая у тебя есть, чтобы волосы не намочились под душем?

– Волосы? Нет, нету. Давай, я пойду в ванну воды наберу?

– Давай. Сто лет в ванной не была.

– Я сейчас, мигом! – Лео исчез в темноте коридора.

Стаси, не торопясь, переходила от одного предмета к другому, пытаясь проникнуть за занавесу неизвестного ей пока мира того мальчика, юноши, который столько времени жил здесь, рос, изменялся, становился мужчиной. А она ничего о нём не знала с тех пор, как почти подростком его увез куда-то отец, забрав от бабушки сразу после войны. Стаси даже скучала тогда о нём некоторое время. Потом всё забылось, осталось в детстве. И вот он оказался в центре её жизни. Как тут всё странно, и как же всё волшебное! Планер из папиросной бумаги, казалось, вот-вот взлетит, Стаси взяла его в руки. Каждая бумажка была тщательно приклеена и заглажена

на тонюсеньких, со спичку, ребрышках модели. Она провела пальцем по покрытой лёгкой пылью игрушке.

– Это мне было лет четырнадцать, когда клеил, лень вы-
бросить, пылесборник... – обнял её сзади вернувшийся Лео.

– Нет, его надо почистить и повесить под потолком, и он
будет летать, как будто бы. Ему станет весело, и можно будет
смотреть на него утром и начинать сразу радоваться.

– И где мы его повесим? Чтобы с утра сразу радоваться?
Здесь? Или всё-таки ту комнату обживать начнем, ей тоже
скучно было пустовать все эти годы. И от отцова кабинета
там подальше, и к ванной комнате ближе, а Стаси? Можно, я
сам решу?– Лео снова рылся носом в её завитках совершен-
но парализуя её волю.

– И, всё-таки, я слишком невоздержанна, – мелькнула
мысль в Стасиной головке, когда он взял её на руки и, не
дожидаясь ответа, понёс куда-то по коридору. – И мне всё
равно что будет, лишь бы быть рядом с ним. Мне – конец!

– Вот это и будет наша комната – Лео поставил её на ков-
рик около широкой, кровати с выгнутыми, как и у шкафа,
спинками, со свечой, стоявшей на прикроватной тумбочке,
ярко высвечивающей белую простыню кровати, оставляя в
темноте углы этой большой комнаты.

– Мебель отец заказал тогда в Москве в новую квартиру,
целый месяц она ехала сюда. А мать сюда уже не приехала.
Вот так. Для нас заказал, получается. Для тебя, любимая. Я
тут простыни приготовил, тут тоже бельё есть, оказывается.

И в ванной я зажег свечу. Иди ко мне, девочка моя любимая.

Губы и язык Лео опять творили волшебство со Стаси, его руки расстегивали её пуговики на кофточке, нащупывали крючок на юбке, и всё это мягко сползло вниз, на пол, потом пальцы его расстегнули её лифчик, и стянули одновременно с плеч и ляпочки шелковистой комбинашки, и ляпочки лифчика, обнажив грудь, упругую и маленькую и совсем не нуждающуюся в предписанной всем женщинам корсетной поддержке.

– Какая же ты!... – Лео оторвался от её губ и изумлённо смотрел, как его руки скользят по её коже, огибая бугорки, вздымая маленькие розовые соски, болезненно стягивающие кожу, заставляя Стаси судорожно втянуть воздух от неожиданности. – Девчонка ты моя, ... мы вместе сейчас будем купаться, у нас большая ванна, я её помыл... Лео нёс какую-то словесную околесицу, время от времени отрываясь от Стаси, целуя её и окончательно раздевая. Не отрываясь от неё, он стащил с себя рубашку, скинул брюки, и тут ему пришлось отпустить её.

Носки, закреплённые подколенными подтяжками, требовали участия обеих рук.

– Чёрт, какие же они неудобные... – Лео расстегнул застёжку и стянул свой щегольский длинный носок, бросив его на пол.

– Дай, я тебе помогу, я помню, у папы были такие же, – Стаси опустилась у его ног и прижавшись к ноге аккуратно

растянула застёжку сбоку от колена, заставив его сесть на кровать.

– Стаси, я сейчас тронусь умом, ты у моих ног... обнаженная...

– А ты одетый до сих пор, как на пляже... – Стаси улыбнулась.

– Так я же... носки... черт, я сейчас. Отвернись. Лео очень плохо соображал в этот момент. Зато его невеста, прижавшись к его колену, смотрела на него снизу вверх и ласкала ладонью его мурашек обильно проступивших на смуглой, загорелой, почти тёмной в свете свечи, коже ног её мужчины. Тех самых ног, которые так легко и по-тигриному красиво носили его по земле, заставляя её иногда замирать от восторга.

– Раздевайся, и не буду я отворачиваться.

– Так... запах же..

– И что? Я всё равно должна его узнать. Скоро он станет моим.

– Стаси, – Лео поднялся и поднял её, прижав к себе, другой рукой стянул с себя трусы и накинул на плечо свежие простыни с метками прачечной. – Теперь мы, как два ангела в раю. Я тебя унесу в наш Эдемский сад с целым озером теплой воды.

Ванна действительно была очень большой, и их стройные тела легко в ней поместились. Свеча, стоявшая на высоком подоконнике ванной комнаты, лишь частично выхватывала

своим светом блестящие от воды руки и ноги, переплетающиеся в нетерпеливых ласках.

– Лео, замри...

– Что?

– Ты посмотри, как красивы наши ноги сейчас. Они, ведь уже никогда не будут такими больше.

– Почему?

– Потому что. Завтра они будут уже другими и не будут так волноваться, как сейчас. И завтра на них появится где-то крошечная незаметная совсем морщинка старости. Пони-маешь?

– Понимаю. Но она же незаметная будет совсем. Этим завтра можно будет пренебречь. Ты навсегда хочешь остаться молодой?

– Конечно. Я и буду всегда молодой. – Стаси счастливо засмеялась, прижавшись к его мокрой в душистой мыльной пене груди.

А Лео нетерпеливо искал её губы, пахнущие мятной пастой и смелой рукой гладил мокрую шелковистую кожу своей женщины, впервые попробовавшей ответить ему на поцелуй. Она ответила неумело и робко, но и это вскинуло его волосы дыбом.

Иногда люди говорят пророческие слова даже не приостанавливаясь в потоке других слов. Походя или шутя.

Он навсегда запомнил их впервые соприкасающиеся ноги, её ноги, переплетенные с его ногами в свете свечи. И свечу в старом подсвечнике на прикроватной тумбочке с оплывающими каплями воска тоже навсегда запомнил. Старинный подсвечник потом всегда стоял на его письменном столе. Только с огарком уже совсем другой свечи. Та, первая, давно сгорела до конца.

Никогда и никого больше Лео не мыл так нежно и осторожно, как свою жену в первый раз. Так моют ребёнка, иногда целуя его в мокрый животик, щёчки, спинку, попку, не в силах удержать восторга любви к нему. И никогда так остережено не отмывался он сам. Никогда больше Стаси с таким захлёстывающим дыханием чувством новизны и острой близости не рассматривала мужское тело, как в этот раз.

– Теперь ты уверена в нашей чистоте и не солёности? А, врачиха ты моя чистюльская? – Лео обмотал её в простыню и сам обматывался, полуобернувшись. Его мужское естество бушевало и мешало нормально замотаться, чтобы выглядеть мало-мальски прилично. – Идём ко мне на ручки, я просто презирать себя буду, если не донесу жену до брачного ложа.

У Стаси от волнения слегка кружилась голова, а Лео ещё и целовал её, и кружился по широкому коридору спецособнячка не в силах остановить свой восторг от драгоценности, которую нёс.

– Ты меня уронишь.

– Ни за что! Никогда! – Лео осторожно опустил её на кровать. – Вот и всё. Не уронил. Свечу потушить?

– Зачем? Я хочу всё время видеть тебя.

– Да я-то только «за», но... – Лео вдруг смешался.

– Тебя что-то смущает? – Стаси серьёзно и взросло смотрела на него, он ей чем-то напоминал растерявшегося мальчишку-подростка, который вдруг споткнулся и не знал, что делать дальше.

– Всё смущает. Понимаешь... ну в общем, ты меня простишь, если я буду не очень уж ловким и умелым?

– Поцелуй меня. Говорят, что женщины никогда не забывают своего первого мужчину. А ты у меня станешь ещё и единственным. Я очень хочу тебя, у меня всё горит внутри, это нормально.

Возможно именно этих слов и не хватало ему, чтобы исчезло сомнение, боязнь «окарать», и природа повела его по точному, давно ею обкатанному маршруту.

– У меня совсем сна нет, я только о тебе и грежу все ночи. Не верю, что это ты уже со мной. Это, ведь, ты? – и он, смеясь, прижался к ней, ложась рядом.

Гладкое тело, в свете свечи окаймлённое светящейся полуской контура, как лёгкий и точный пластичный контур рисунка, возбуждало сознанием того, что внутри, в глубине этого контура громко стучит и рвётся навстречу любимому воспаленное страстью и предвкушением смертельного вос-

торга пылающее нежное сердце.

И только два желания рвали каждое из двух сердец на части: смести последнюю преграду и вознестись и... не торопить этот единственный в жизни миг, последний миг на краю огромной и невозвратно поглощающей их бездны, в которую навсегда погружались Стасин мир девственной мечты, её сказочные идеалы и мир прежнего Лео.

Лео только сейчас понял смысл обладания, ибо мог ВСЁ! И он внезапно затормозил время, реально ощущая, что всё, что таилось в нём, может воспламениться заживо. Он вспомнил о трепещущем цветке в её сказке и стал ласкать её, просто ласкать и нежить, согревать дыханием вдруг похолодевшие соски, животик.

Он, не давая себе чёткого отчёта в том, что он делает, зажигал лепестки того цветка, который отныне будет непрерывно гореть внутри него благодарным, тёплым и мягким, уютным пламенем, зализывая его рубцы и раны, которые жизнь неизменно наносит настоящему мужчине, пока он охраняет и отвечает за свою крокодилию крепость.

К слову: по другому жизнь настоящего мужчины и не складывается. За настоящую жизнь мужчина постоянно находится на боевом ристалище так или иначе. Пробивает новый путь в пустыне, во льдах, в науке, в битве за жизнь страны, своего народа, своей семьи, племени, в битве за справедливость и истину.

И в последней из них, виртуальной, казалось бы, – битве за справедливость и истину – жертв бывает обычно больше всего.

Мочки её ушек и шейка с его любимыми завитками, объятые поцелуями, остались вскоре одни, зажженные им и пламенеющие, а его губы поползли туда, куда потянула их рука, ниже... к соскам... и ещё ниже...

Боль небольшого спазма, казалось, утихнет, если он поцелует её животик... но нет, не утихала, ...

А он, как почувствовал это, положил тёплую ладонь на больное место, согревая его, и вернулся к губам, там он лучше её чувствовал, и там она лучше следовала инстинктам, которым во все прочие времена не очень доверяла.

Только теперь она смогла по достоинству оценить его теоретическое предположение о настоящем поцелуе. Да, стоять бы было невозможно и оторваться просто так – тоже невозможно!

Это преддверие даёт иногда больше смысла и восторга, чем открытие самих дверей. И ничего не поделаешь, куда не свернёшь, если от веку рука мужчины тянется туда, где центр жизни всей вселенной. В нём жизнь зарождается, в нём растёт, пока необходимо расти, и из него на свет рождается. Рождается уже совершенная, наделённая всем необходимым и важным, новая жизнь, зачатая в любви.

Рука Лео прижала её, выгнувшуюся в изнывающей исто-

ме желания, она затихла и он ощутил натяжение нити, связывающей их в этот момент, понял, что больше тянуть эту звенящую струну наслаждения нельзя, можно задохнуться от страсти и желания и умереть. Последнюю преграду необходимо снести напрочь, ни о чём не сожалея, не стыдясь. На мгновение он как бы стал ею, чтобы понять, как надо сделать последнее, самое тревожное и нежное, и склонился над животом её, прокладывая путь поцелуями от пупка и ниже. А рука шла впереди, разглаживая, снимая спазм вытолкнувшийся влажный комочек, чтобы уж точно любому недотёпе стало бы всё понятно, что его отчаянно ждут. Запах влажности тронул его обоняние, и разум работать перестал совсем. Работали, и очень чётко, только инстинкты и чувства. Ноги её разошлись в стороны под упругими поглаживаниями, и он, оторвавшись, почти одними губами сказал: «Стаси, я никогда этого не делал. Я боюсь, тебе будет больно, да?»

– Я хочу, чтобы мне стало больно. Это пройдёт... быстро.

– Надо посмотреть. Боюсь промахнуться сдуру, я же ничего не соображаю.

– Встань на колени и приподними меня на себя. Вот и всё, я думаю. Или спусти меня на край кровати ближе к свече.

– Нет, лучше приподниму. Но если будет очень больно... Господи, и почему ты не сделал так, чтобы это мне было больно? А? Я же трясусь весь, Стаси.

– Я тоже. Но дальше уже невозможно ...

– Да понимаю я всё. Только ты меня прости за всё заранее,

ладно?

– Хорошо, любимый.

– Любимый ?– тихим эхом повторил он и отчаянно ловко подтянул жену свою на колени и сосредоточенно, и чётко сделал всё, что просила его эта душистая капля, смазавшая весь путь и сгладившая короткую резкую боль первого узнавания.

Стаси, удерживаясь от вскрика, закусил губу и вытянулась, а Лео смотрел на неё и чуть не плакал и от вины, что причинил ей боль, и от гордости, что она, наконец, его женщина, такая желанная и томительно-сладкая. И теперь...

– Ляг на меня, я хочу почувствовать твою тяжесть,– тихо выдохнула она.

– А я раздавить тебя боюсь. Я сегодня всего боюсь. И я так тебя хочу... уже не вижу ничего, ослеп.

– Обними меня... Какой же ты тёплый там внутри меня, я это запомню навсегда... ты со всех сторон меня обнимаешь...

– Тебе не больно?

– Немного.

– Можно не бояться?

– Да, можно.

– Ты не жалеешь? – он виновато уткнулся в её шею.

– Нет, любимый.

– А я знал, что нравлюсь тебе. Чувствовал и видел твои зрачки, глупенькая моя девочка. У тебя глаза и сейчас горят,

но если будет больно...

– Просто... поцелуй мне... грудь... – их шепот прекратился. И только прерывистое дыхание и влажные звуки заполняли темноту комнаты.

Ей больше не надо было просить его ни о чём, он почувствовал свою юную женщину, истекающую соком любви и желания, и древний точный ритм спаял их, вознося всё выше и выше, и руки его, увлекая её за ним, всё крепче сжимали её талию, и губы всё жестче прихватывали эти маленькие бугорки, которые когда-нибудь будут кормить его сына или дочь, а пока они были только для него, возбуждали и тащили его на гору ещё неиспытанного им блаженства с юной женой всё выше и выше. Тело Стаси стало упругим и послушным ритму, покрылось лёгкой испариной и появилось в нём что-то звенящее. Его губы сомкнулись на её шее, запрокинутой и безвольной, и его толчки напоследок ещё раз вскинули его наверх, и она почувствовала, как струя ударила в неё, наполняя её горячим теплом вытекая из наэлектризованного тела... и... она осталась одна в глухой пустоте парения, на полпути к своей вершине.

Она видела в полумраке его вздыбившиеся над ней плечи, очерченные контуром света, почувствовала появившийся вдруг незнакомый ей раньше запах мужского, разрядившегося тела, слышала, как он прихватил её за мочку уха и что-то пытается шептать, но всё это проплывало мимо неё в тёмную пустоту так внезапно оборвавшегося восторга.

– Что ты говоришь? – переспросила она, плохо слыша, и он тут же поднял голову.

– Что-то не так, Стасенька?

– Почему?

– У тебя такой голос...

– Какой?

– Обычный... Тебе хорошо было?

– Мм. Нормально. Хорошо.

– Стаси, – он торопливо поцеловал её в губы и внимательно вглядываясь взял её лицо в руки. – Нет, что-то не так. Я же чувствую. Тебе больно?

– Да. Больно.

– Фу ты, голова ты моя квадратная! Что ж ты мне раньше не сказала, сейчас я осторожненько... сильно болит?

– Мм. Болит.

Ничего у неё так уж сильно не болело, просто ей грустно стало.

И в учебнике по физиологии это всё описывалось не совсем так, и женщины рассказывали совсем про другое.

Застенчивая и сдержанная с чужими, Стаси всегда избегала участия в женских «посиделках», случавшихся иногда после обеда в садике больницы, или когда устраивали обеденное чаепитие вместо похода в столовую. Она уединялась где-нибудь неподалёку с книгой или газетой. Но слушать эти женские байки ей, тем не менее, было интересно. Замужние

и рожавшие женщины, прошедшие все женские «окопы», «огонь и медные трубы», не особо стесняясь, делились опытом или переживаниями с товарками.

Частой темой была одна: «Да я ещё и не разогрелась, а он уже к стенке отвернулся и храпит. Устаёт, конечно. Ну, а мне, что делать прикажешь? Куда бежать?»

«Да уж, эгоисты эти мужики. Да и у нас, надо признать, только после родов и приходит иногда понятие, что и зачем», – подхватывала другая.

«Не у всех приходит. Да и вообще, по мне, так скорее бы отвязался и уснул, мне и так хорошо. Лежит рядом и греет – ну и всё, – резко охладила всех третья, сестра-хозяйка, вечно куда-то спешащая и резкая женщина. Ей явно неплохо было бы побольше ласки получать.

«А у меня не уснёт, пока по полной программе меня не обрадует: «Мне одному, говорит, это и не нужно вовсе. Не хочешь – ну и спи», – обижается. Так что не отвертишься. Да и то сказать, девоньки – ну нет же ничего слаще этого? Иной раз так и по три раза за ночь успеваем. Не-е-е, я без этого не согласная», – это обычно так говорила Рая, санитарка. .

«Ага, слаще. А когда тебя на аборте выскребают, без наркоза, без нифига? Сколько раз уже зарекалась, что не дам больше. А потом забываешь, конечно. Да и как тут быть? Ходит, виновато смотрит. Ладно хоть резинки эти появились. Мои деточки тут учудили. Мы с моим приходим домой из кино. А у нас по всей-то зале белые шары надутые лежат.

На пианино два по краям лежат. На люстре три висит. Это они резинки-то наши нашли и подумали, что мы им шарики купили и прячем, чтобы сюрприз к празднику сделать. Вот и они нам решили сюрприз сделать. Так растянули, что не скатаешь обратно-то. Мой полночи пытался скатать, нахохотались досыта. Зато теперь знаю, что не порвутся. А то многие говорят, что они рвутся и что их специально непрочными делают, чтобы, значит, мы рожали больше. А куда больше-то? И так трое. Налог за бездетность сняли и хватит», – расстраивалась лаборантка Зоя из процедурного.

Иногда женщины заодно «щипали» и Стаси, озорно задираясь, но она только улыбалась и наотрез отказывалась им потакать.

Однажды сидя в городском парке, ожидая начала дневного воскресного сеанса в летнем кинотеатре, Стаси услышала разговор двух молоденьких женщин, сидевших на аллее за кустами сирени за её спиной.

– Ты знаешь, я даже не представляла себе, насколько это прекрасно, глаза открывать не хочется, а он меня и не торопит, не шевелится даже, говорит, что это самые лучшие для него мгновения – удовлетворённую им жену видеть, – и женщина, невидимая за кустом счастливо засмеялась.

– А мой почему-то считал, что до родов женщина вообще ничего такого не чувствует. Что ей просто приятно и всё, и особо не считался с моими ощущениями. Вот, ведь, глупый. Мне самой малости, может, и не хватало, а ему пофиг. При-

шлось развеять миф. И он так удивился!

– И как ты развеяла?

– Ха! Да очень просто. Создала аналогичную, ну, для него аналогичную, ситуацию. Знаешь, он обожает абрикосовый компот, просто смотреть равнодушно на него не может, как больной. Ну и вот, за ужином я свой компот быстренько выпила, а потом, когда он уже наелся и приготовился вкушать блаженство, я его стакан схватила и с удовольствием выпила. Он прямо взвился: «Ты что? Это же последний был?!» – «Ну да, – говорю, – самый последний, я тоже так его люблю, прямо не могу утерпеть, как хочется». – Он чуть не психует: «И что теперь?» – А я ему так спокойненько: «Ничего, особенного. Водички попей. Станет легче, я же пью водичку, после того как ты своё удовольствие справишь, а меня один на один с потолком оставляешь. Ничего же? Живу как-то. Без удовольствия, но живу». Вот уж он у меня засуетился: – «Как же? Что же? Почему же? А мне говорили... А что же ты-то...» – Ну, короче, преодолели. Наслушаются советчиков всяких и надувают губу, как великие специалисты: «Я-не я». А что они без нас – их умных жен? Так, шалопаи. Правда, после рождения сынишки чувства и впрямь стали другими. Глубокими, что ли. Раньше пять минут – и всё. А сейчас – минут по сорок, и нормальненько», – дамы рассмеялись и пошли в зал, услышав звонок.

Стаси именно тогда, услышав разговор двух откровенных подружек, впервые почувствовала в себе женщину и реши-

да, что у неё с мужем, если такой появится, будет всё просто замечательно и тайно, как в том детском сне, туманном и красивом, с нежным шепотом папы и ситцевыми цветочками на ширме, отделяющей её кроватку от маминой с папой кровати.

– Стаська, как же я тебя люблю. Даже не верится, что теперь мы всё время рядом и всю ночь рядом. И знаешь, я почему-то думал, что ты у меня вообще под животом окажешься, и переживал, как же я целовать-то тебя буду. А это у меня ноги просто длинные. Дурак, да? – и Лео захохотал счастливо, как мальчишка. – И завтра всё будет снова, да, моя сладкая?

– Нет-нет, Лео. Не завтра.

– Что? Сильно болит?

– Мм. Болит.

– А сколько дней оно заживать там будет? Может помазать чем-нибудь для ускорения?

– Я всё сделаю. Не волнуйся. Просто надо несколько дней подождать, понимаешь?

– Понимаю. Но целоваться-то можно хоть целый день напролёт? Да ведь? – и он с удовольствием продемонстрировал ей свой поцелуй, от которого у Стаси свело желанием весь низ живота, и руки её хотели очень сильно поцарапать спину этому глупому любимому мужу.

Всю ночь Лео притягивал её к себе и крепко обнимал. Ей

стало так жалко мальчишку, который, наконец, обрёл любимую игрушку, которую крепко и нежно прижимал к себе во сне. Ну в чём он виноват, если никто ему не удосужился мужские мозги на место поставить? И какой же он был прекрасный во все моменты, которые вновь и вновь проплывали перед ней, как в немом кино с его сильными плечами над ней, его строгим профилем лица с закрытыми на мгновение глазами, его восторженный сильный с полустоном вздох...

Да и то сказать: кто, и чем мог и умел тогда мужские мозги кому вставлять? Древние традиции старших братьев и дружки жениха, свех и бабок-повитух на свадьбах мхом поросли. Тогда ещё на телегах ездили, когда они своё дело делали, как, уж, умели, конечно, но делали, наученные пред брачной ночью, да наслушавшись шорохов и скрипа родительской кровати за занавеской в общей хате. Теперь на автомобилях все ездили. Забылось всё.

После прихода Сталина к власти даже поцелуи из кинолент вырезали. Повсеместное плакатное целомудрие и воздержание плотным туманом застили всё, что могло пролить хоть каплю света на мучительно томивший и не гложущий интерес, стыдливо закрытый в глубине нижней чакры, как сейчас говорят.

Все существа на планете объединены между собой именно этим даром – сексуальностью. Но если животные, насекомые и прочие живые твари осуществляли удовлетворение

этого самого безудержного из стремлений живого организма беспрепятственно и свободно, то Человек – существо общественное, коллективное, говорящее и социальное – не мог себе такое позволить.

Не дикари же?

А «стремление» прорывало все поставленные на его пути плотины. Новое государственное устройство родило к жизни новые подходы в решении столь насущного стремления.

Кампания и теория «стакана выпитой воды», поддержанная Александрой Коллонтай и свирепо подхваченная, очумевшими от вдруг возникшей свободы выражения, молодыми комсомольцами, как раскинувшееся наводнение смыло всё в одну вонючую лужу! Мораль, нравственность, стыд, и благопристойность – исчезали, как понятийные смыслы «Комсомолец должен получать удовлетворение, чтобы нормально работать на благо общества!». А комсомолки? – Ну, а кто, кроме них мог тогда дать удовлетворение занятым с утра до ночи борзым комсомольцам, строившим новое свободное общество?

Комсомолки и давали, теряя здоровье, погибая от абортов, уже разрешенных повсеместно.

Марши обнаженных маршировали по улицам Москвы и Харькова, являя миру новую культуру тела, морали и боевого духа.

Деятели кино и театров, своеобразный светский советский бомонд, ещё кое-что, кое-как доставали в заграничных

поездках, из закрытых литературных фондов, при помощи других связей разыскивали какие-то просветительские материалы в этом насущном вопросе существования и размножения.

Отголоски этой опьяняющей и одуряющей свободы рассыпаны по всей поэзии, литературе и живописи «Серебряного века».

В Коктебеле поэт Максимилиан Волошин, создавший свою знаменитую коммуна деятелей искусств, в принудительном порядке заставлял живущих там перманентно почти всех деятелей тогдашнего художественного и литературного бомонда, принимать нудистские купания в море. И сам эти нудистские купания принимал вместе с командой купающихся. Взбадривали, так сказать, деятели искусств творческие приливы, фантазию и вдохновение сексуальными полусектантскими приливами и отливами вседозволенности чувств и поступков.

Как Ленин ни уважал Коллонтай, но в этой части её идеологических опытов он её не очень, скажем, поддерживал. А чересчур феминизированных Клару Цеткин и Розу Люксембург даже и порицал.

Луначарский проводил разъясняющие беседы с молодежью, критикуя этот пресловутый «стакан», либерально призывая вернуть в обиход отношений слово «любовь!»

А Сталин поставил точку! Жирную и чёрную.

«Семья – ячейка общества!» – вот отныне каким лозун-

гом следовало вооружаться и претворять его в жизнь.

Нормальный, кстати, лозунг.

Психолог и «педолог» Арон Залкинд оказал мощное поддерживающее влияние возведенному в норму плакатному целомудрию, выпустив эпохальную книгу: «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», в которой просто закрепил желательной нормой абсолютное половое воздержание до двадцати-двадцати пяти лет и крайне ограниченные нормативы использования инстинкта размножения в семейных массах, и обязанность коллектива регулировать половую жизнь несознательных своих членов, чересчур отвлекающихся на половое общение пролетариев, не вполне понимающих главенствующую роль выполнения ими общественных поручений.

(Господи! Чего только не являла миру, освободившаяся от оков капитализма, лишённая лицемерия буржуазного ханжества, свобода личности, однако?!)

Ибо именно это «отвлечение», по словам Залкинда, мешало рационально использовать энергию пролетариата. И был Арон Залкинд назначен идейным руководителем воспитания и сознательного ограничения полового жара молодежи, направляя его в нужное русло директивами и исследованиями «Института психологии, педологии и психотехники».

Но массы не унимались! И размножались, как уж умели, и социализм строили прочно. Навеки, как им казалось. Хватало пролетарской энергии на всё.

В конце концов, «неудержимое стремление организмов» смыло и полоумного А.Залкинда, идеи которого были отвергнуты, его «фрейдизм и извращения в работе» осуждены, и был он снят с ответственных постов и должностей, и умер в одночасье от разрыва сердца, за много десятилетий предугадав своим больным умом появление и формализованных «унисекс», и духовно кастрированных асексуалов, и эгоистичных чайлдфри, и лишённых естества природы секслесс. Заранее предрёк апокалиптическую картину «Вселенной-25», даже не подозревая об этом.

А между тем, практическим руководством к ночным в основном (поскольку днём все работали, равняясь на стахановцев) действиям супругов оставались передаваемые шепотом друг другу фактические суровые протестантские христианские нормы брачных отношений.

Миллионам граждан, ютившихся в подавляющем большинстве своём в одной комнате с детьми, увидеть в своей постели «разноцветное бескрайнее небо в алмазах» не представлялось возможным. Тихие и «однопозиционные», достаточные для зачатия, ночные «свидания» супругов были нормой, да и как тут было фантазировать и что-то там «воплощать», когда в одной комнате подчас ютились три поколения советских граждан. Некоторые граждане умудрялись-таки разнообразить свою семейную интимную жизнь, занимая по ночам кабинку общественного туалета в коммуналках, рискуя быть разоблаченными и осмеянными

завидующими соседями, походы в туалет которых по ночам не исключались.

Естественно, что интерес к этому вечно тревожащему всех живых и нормальных людей вопросу не мог быть убит никогда и ничем. Рисунки олимпийщиков на греческих вазах в учебнике истории древнего мира пятого класса возбуждали живейший интерес подрастающих, готовящихся к размножению организмов. Пестики и тычинки вызывали смущение у отвечающих у доски и прыскающий в кулак смех у слушающих. Картины пышнотелых страстно-телесных красавиц на полотнах великих художников в общедоступных музеях, мраморные скульптуры в залах музеев и в музейных парках – будоражили воображение видевших их. Робкие попытки тогдашних психологов и психотерапевтов научить людей избегать стрессов на этой почве в различных публицистических журналах растаскивались постранично и распространялись в списках. Пока совсем не были запрещены и преданы анафеме.

Медики в этом отношении были, наверное, самой привилегированной частью населения. Они могли свободно и профессионально об этом читать, иногда рассуждать, обсуждать и спорить.

А неуправляемый поток «неудержимого стремления к объекту» неся дальше. И каждому новому поколению предстояло методом проб и ошибок искать свой путь и способ утоления любовной жажды и страсти, обязательной тре-

твѣй составляющей любви, называемой «неуѣмным притяжением тел», помимо уважения, – то бишь притяжения умов, и дружбы, – то бишь притяжения сердец...

Жесткая нравственная константа приводила к тому, что большинство пар, следуя новому пропагандируемому лозунгу: «Даёшь семью –ячейку общества!» рано вступали в брак, заводили детей и, как умели, устраивали свой быт и секс. Иногда немудрёный, а иногда даже вводящий в экзистенциальный ступор, например, имеющее место убеждение, что «стирка» недавно появившихся презервативов – вполне нормальный гигиенический приём. Но не об этом сейчас речь. Разводы на сексуальной почве были исключительно редкими, ибо и соблазнов, раздражающих доступностью, практически не было. Фильмы были без вызывающих сцен и волновали зрителей слегка и терпимо. В литературе и искусстве ничего «такого» не допускалось цензурой. Никакой познавательной литературы на эти темы тогда не было, от слова «совсем».

Это придёт к молодым, остро неосведомлённым, советским гражданам позже. Уже в семидесятых.

Но счастливые исключения, разумеется интуитивные, или наследственно-одаренные, или случайно прорвавшиеся из мира подсознания под влиянием «сильнейшего из стремлений» конечно были. И они составляли тайну, и были несомненно залогом странного, необычайно крепкого, видимого всеми, завистливо гипнотизирующего, но однозначно «тай-

ного» интимного союза двоих. Люди, в общем и целом, были тогда крайне целомудренны, скромны и молчаливы в выражении своих чувств на публике.

К Стаси сон не шел.

– Неужели он совсем не чувствует меня? Господи, как же всё сложно! Такое природное – и так сложно!

Нельзя оставлять повисшими в воздухе вопросы. Тем более такие.

Стаси с трудом отвлеклась от тянущей внизу истомы. Хорошо, что впереди у неё несколько дней «на заживление». Для обдумывания должно хватить. К рассвету она нашла решение, по крайней мере – один из вариантов его. И, успокоившись, сама прижалась к мужу, охотно освободившему ей теплое местечко среди своих ног и рук.

Утром их разбудило позвякивание посуды в кухне, находившейся почти напротив спальни.

– Ой, Лео, проспали!

– Да ничего мы не проспали, – удерживая её руками, засмеялся он, – воскресенье же. Здравствуй, жена.

– Здравствуй.

– А почему ты меня мужем не называешь? А?

– Ну, здравствуй, муж.

– А чо «ну»? – Лео однозначно видел в её глазах смешинки и какую-то неясную... нет, не насмешку, но подначку однозначно. – Я тебе что – не муж?

– Вот распишемся, тогда и станешь мужем.

– Фу! Вот ты о чём... Ну ты и бюрократка!

– Спасибо за первое доброе слово! – и Стаси ловко вывернувшись мгновенно облачилась в его старенький детский махровый халатик подростка.

– Ну, Стаси!!! Ну дай налюбоваться-то! Сразу – и в халат. Одеяло ещё накинь.

– Это – мысль. Но не буду. На кухне теплее, – в доме даже в жару сохранялась прохлада, благодаря добротным капитальным стенам особнячка, – и будет мешать завтрак готовить.

– Какой завтрак?! Сначала я в магазин сбегаю. Нет же ничего в холодильнике. Творог вчера ещё слопали.

– У вас и холодильник есть?!

– Есть, отец заказал, привезли. Маленький, но холодны-ы-ый! Мы с ним по воскресеньям на неделю затариваемся вдвоём. Так что потерпеть придётся, он там чай шергает пустой, чайником гремит, нас ждёт. Пошли, – Лео натянул свободные домашние серые в синюю полоску шелковые штаны от пижамы

– Знал бы ты, как мне неудобно сейчас...

– Стаси, – Лео с улыбкой смотрел на неё, утонувшую в его детском халате и смущенно морщившую свой носик, – это просто секунда одна... и всё. Всё станет просто и по своим местам. У меня самый тактичный из отцов, я точно тебе говорю. Скорее всего он газету читает и из-за неё поздорова-

ся, и какой-нибудь вопросик задаст или осветит по мировой политике. Пошли, – он крепко обнял её и почти что вынес из комнаты.

– Привет, па.

– С добрым утром, Сергей Дмитриевич.

– С добрым, добрым, Стаси, привет сын. Представляете, а Индия добилась-таки настоящей независимости. Будем надеяться, что англичане у неё не всё выкачали из недр, остались ещё самоцветы и драгоценные сандаловые леса. Стаси, ты знаешь, как пахнет сандал?

– Нет. Не знаю.

– У меня где-то лежал старинный сандаловый веер, не мой, естественно, моей мамы ещё, она дарила... Впрочем, сначала о хлебе насущном. Лео, у нас с тобой ребром встал вопрос о пропитании нашей Стаси. Таких фей, как я в сказках раньше читал, поят нектаром по утрам и амброзией кормят, а у нас, я тут пошарился по полкам, два яйца, каменный, даже не начатый, батон и молока полбутылки. Всё! Никакой подходящей для фей еды нет, не говоря уж об амброзии. Да! Кофе же ещё есть. Кофе! Стаси, ты кофе пьёшь? Одна чашка в день полезна, говорят. А мне даже и одной многовато будет, мотор сразу говорит, что не тот бензинчик, и барахлит, – отложив в сторону газету, Сергей Дмитриевич улыбнулся. – Нет, Лео, в пижаме в магазине ты будешь слишком эпатажно выглядеть. Так только в Сочи допустимо было до войны по улицам разгуливать, там почему-то многие этот го-

род считают во время отдыха своей вотчиной и спальней, как хочу, так и хожу. Курорт, ведь, санаторий, здравница, понимаешь, всесоюзная, – расслабляемся и отдыхаем. Смешно. Собирайся, или мне одному сходить? Тогда заказывайте, кому и что прикупить? А то у меня уже под ложечкой сосёт. У тебя тоже, Стаси? Извини, что мы такие неуклюжие кавалеры. Я быстренько...

– Не, пап, вместе пойдём, ты не утратишь один, и вообще, давай на машине? Надо же Стаси собрать и увезти. Я правильно говорю, да ведь? – Лео явно передразнивал её.

– Подождите. У меня есть идея., – Стаси решительно затянула потуже поясок махрового халата. – Вы говорите, что есть батон, яйца и молоко? А хотите я сейчас за пять минут накормлю вас прекрасными румяными гренками?

– Из чего?

– Лео, быстро режь, ... ну, то есть, пили этот батон. Где тут у вас мисочка есть, или тарелка глубокая?

Сергей Дмитриевич с любопытством наблюдал, как бодро и весело Стаси начала «завихрять воздух» в кухне.

Вот уже он взбил и яйца с молоком большой вилкой, вот и сковорода шипит растопленным маслом, стоя на электроплитке, недавно ими приобретенной, (корогаз, эмалированный и нарядный, важный и обстоятельный, надоел им своей керосиновой копотью и вонью и был торжественно унесён тёте Тане для варки варенья на веранде, которое все очень любили, а то у неё был только маленький бронзовый керо-

синовый примус на лето). «Напиленные» Лео ломти батона Стаси быстро и ловко опускала в миску со взбитыми с молоком яйцами, потом переворачивала их там, пропитывая, и тут же двумя вилками отправляла на шипящую сковороду. Края ломтей сразу пузырились и аппетитно румянились, через пару-тройку минут ломоть переворачивался, зарумяненные края шипели пузырьками масла, батон источал зовущий запах жареного хлеба.

Через пятнадцать минут все трое с удовольствием упивались такие неожиданные вкуснейшие оладушки, запивая крепким чаем с молоком. Мужчины восхищались Стасиной сноровкой, а та деловито сказала: «А моя бабушка с мамой всегда так сухой хлеб готовили, не выбрасывать же добро? Вкусно же? Тем более – батон. Да ведь?»

– Да ведь. – серьёзно сказал Сергей Дмитриевич. – жаль, раньше не догадывался, как это делается. В Германии меня таким блюдом угощали. И это блюдо у них называется «бедный рыцарь», а я совсем забыл про это. Столько же мы хлеба перевели зря. Засушили.

– Да не, па. Тётя Таня всё на сухарики пережаривала, но это – просто круть, Стаси. Вкуснятина! Ну, что? Теперь в общагу?

– Может, я сама. Одна, чтобы без лишнего шума?

– Стаси! Ну как можно?! Ты же у нас теперь... – Сергей Дмитриевич замялся на секунду.

– Ты у нас теперь самое красивое украшение дома, вот! –

Лео довольно засмеялся.

– А я-то думала, – Стаси прыснула в кулак.

– Стаси, ты на него сейчас внимания не обращай. И всё, что он говорит, не бери близко к сердцу. Это со временем пройдёт, небольшой помутнение рассудка от радости, через годик станет адекватным. И увезём мы тебя из общаги твоей по всем правилам, с выкупом. Пары тортов хватит подружкам?

– Да у меня там и подружек-то особых нет. Так, просто соседки. У кого тарелку одалживала, у кого утюг. У меня своего нет...

– Разберёмся. Утюг уже есть. У нашей принцессы всё будет! И холодильник привезли, и телевизор привезут – я уже записался на очередь. Или мы не мужики, а, Лео?

– И машинку подполируем для такого случая. – диалог продолжался уже на улице, Сергей Дмитриевич протирает до зеркального блеска стёкла «ЗИМа».

Всё общежитие высыпало к окнам и на улицу. Мужчины с двух сторон под руки ввели Стаси в общежитие, торжественно поблагодарили вахтершу «за приют», подарив коробку конфет, вручили встретившим Стаси соседкам коробки с тортами. Не больше десяти минут потребовалось Стаси, смущённой таким вниманием, чтобы собрать всё имущество в свой фанерный чемоданчик, засунутый в сшитый матерью чехол из парусины с большими прочными чёрными пуговицами от какого-то старого пальто.

Глеб, у которого был исключительный нюх на любой кипеж, тащил так и не доведенный Лео до ума «Рекорд», с примотанными медными проводками и большую стопку книг, перевязанную бечёвкой, которые Стаси собрала в первую очередь. Сам Лео гордо вел под руку Стаси, таща в другой руке чемодан. Сергей Дмитриевич шел позади и отшучивался от застигнутых врасплох общаговцев из мужского отсека, не успевших подготовиться к выкупу: «Ну, это вы, ребята, маху дали однозначно. За такими принцессами глаз да глаз нужен. А вот мы – молодцы! Увели её у вас из-под носа. Так что тортики чайком теперь заливайте. Тоже вкусно.»

Лео обнимал Стаси, сидя на заднем сидении, и поверить сейчас не мог, что он ещё вчера в сумраке ночи по крышам тут шнырял, выслеживая соперника.

Сергей Дмитриевич изредка взглядывая в зеркало заднего вида, довольно ухмылялся чему-то своему, он был счастлив не меньше Лео. Он никогда не видел сына таким растеряно-нежным и одновременно торжествующим. Объехали несколько магазинов, загрузили в багажник несколько авосек с продуктами и шампанским.

– Стаси, ты не против будешь, если я пару-тройку своих друзей сегодня на чай вечером позову. Надо же познакомить их с тобой? Ну и шампанское за доброе знакомство поднимем.

– Ой, я не знаю. Неудобно. Так сразу...

– Да что же тут неудобного, Стаси? Ты теперь наша, род-

ная. Новый член нашей семьи. И они все – прекрасные люди, и уже все всё знают. И уверен, что приглашения ждут, мы тут, как родня же? Лео для них всех, как сын родной.

– Конечно тогда, приглашайте, а я что-нибудь приготовлю...

– Да упаси Боже! Мы же всё купили?! У тебя сегодня праздник новоселья. Мы с Лео только пыль соберём, да ска-терть найти надо. Успеем до гостей. Обзвонить всех надо ещё. Тётю Таню прежде всего пригласим, чтобы покомандовала тут на кухне сегодня.

Лео довольно ловко протирал «лентяжкой» пол, (появились тогда эти удобные швабровки с подпружиненными захватами для тряпок), Сергей Дмитриевич протёр пыль на мебели, а Стаси доверили протирать фужеры для шампанского. Тётя Таня прибежала почти мгновенно, как будто ждала их вызова, и теперь хлопотала на кухне, иногда просила Стаси что-нибудь ей помочь. Потом приказала ей: «Оставь тут всё и иди другое платье надень, к гостям приготовься». Стаси рассмеялась про себя, но пошла и надела другое платье, ситцевое в голубой цветочек с нижней юбочкой, отделанной тоненьким кружевом. Ещё «другого» у неё не было.

– Вот и ладно. Нарядная стала, а то в юбочке своей ты, как начальница какая. Строгая. – тётя Таня осталась довольна своей придумкой.

К трём часам на столе в гостиной лежала хрустящая с чёткими складочками от утюга белоснежная накрахмаленная

скатерть (в местной прачечной своё дело туго знали), блестящие фужеры и тарелки, расставленные по периметру стола, стулья выстроились кругом в почётном карауле, на столе стояли в праздничном ожидании несколько салатниц с винегретом, зимним салатом, нарезка сыра и всяких колбас, открытые банки со шпротами, баночки с красной и черной икрой, разделанные тушки селёдок и бутылки с коньяком, водкой и шампанское. На отдельном блюде лежал фигурно нарезанный Сергеем Дмитриевичем большой арбуз. Три торта, ворох шоколадных конфет и гора фруктов – завершали убранство.

А в духовке доходил до готовности запечённый картофель, обложенный со всех сторон тушёным мясом, выпускающим облачко пара

Сергей Дмитриевич заметно волновался, и что-то всё шептал про себя, то одно, то другое поправляя на столе.

– Па, а ты-то что волнуешься? Всё хорошо, всё успеем, да и свои же все?

– Ты не понимаешь, Лео. Я столько раз этот день себе представлял... Но честно, даже в самых смелых мечтах такую жену тебе, как Стасенька, и представить не мог. Просто я от счастья малость в прострацию впадаю, видно. Как же я рад, сын!

Гости пришли ровно к четырём часам, здесь опаздывать не умели. И почти все оказались Стаси знакомыми. Первым, вместе с матерью пришёл тёти Танин сын Василий Петрович

– главврач поликлиники, принёс огромный букет георгинов и набор мельхиоровых столовых приборов в синей увесистой коробке. Потом пришёл «дядя Митя-сосед» – как представился Стаси этот абсолютно седой человек с косматыми бровями, из-под которых на мир глядели небесно-голубые мальчишеские глаза Глеб с Леной и Юрий Максимович, сосед, живший в другом крыле общего их с дядей Митей коттеджа, начальник Лео и друг Сергея Дмитриевича пришли позже на несколько минут.

К слову: в те годы свадеб, как таковых, не «играли». Только-только народ стал оживать после смертельной усталости от войны и послевоенного восстановления. Но в этих ГОРОДАХ, куда были устремлены все возможности страны, жизнь была обеспеченнее, сытее. Там уже собирались гости, чтобы поздравить молодых в семейном, дружеском кругу. В те времена подарки не обязательно были новыми и недавно купленными. Часто дарили старые и дорогие сердцу вещицы, книги. Подарок деньгами, если бы вдруг кто-то такое придумал бы, был бы воспринят, как оскорбление почти, как формальная отмазка ленивого человека, поленившегося подумать, заранее позаботиться о подарке, сделать сюрприз, сунувшего виновнику торжества подачку в зубы. Книжки были замечательным подарком!

Мать Лео не пригласил. Не хотел портить отцу радость

этого дня, смущать его присутствием бывшей жены.

Спустя годы он часто возвращался к этому больному для него вопросу, решая, изменило ли это приглашение что-то в его судьбе тогда, или нет? И почти всегда приходил к выводу, что хуже точно бы не было. Значит, изменило бы.

Иногда вовремя данное человеку прощение творит чудеса. Но жизнь не понимает сослагательного «если бы». Жизнь с нами творит симметрично, и в отместку иногда, то, что мы сами творим с ней.

Отец трогательно и нежно представлял Стаси своим друзьям, которые тут же вручали ей подарки.

Дядя Митя подарил молодым толстую и большую старинную книгу о старой истории этого края, обжитого Демидовыми – верными и энергичными выкорышами Петра I. На подробных схемах были нанесены все озёра и горы, заводы и города, деревни и дороги. Даже перечислены виды рыб, какие в каком озере ловятся и на что клюют.

Их Города на этих картах ещё не было и в помине.

Как и потом его не будет, когда Город уже давно стоял между четырьмя озёрами.

Тётя Таня подарила старинную вазу из толстеного зеленоватого стекла, замысловато отлитую в виде волнистой по

краям чаши с «оборочкой» по самому краю и сетчатыми «медальонами» на каждой волне снизу.

– Стасенька, мне уже это и ни к чему. Гостей давно не собираю, как муж от пыли этой умер, так и не собираю. Не веселится уже мне без него. Пусто в домишке нашем стало. Вася тоже, как бирюк: работа да работа. День да ночь – сутки прочь Вот так и живём. А вы молодые, вам это надо. Это от моей бабушке мне досталось ещё. Ей, поди, лет сто, не меньше. Пусть вас теперь радует. Только мыть её щёткой надо, вся же изогнута, да завита.

– А давайте, тётя Таня, поставим её на стол сразу? У нас как раз для фруктов нет ничего?

– Так, конешное дело. Пойдём-ка, Стася, сполоснём её, да вытрем, как следует перед столом-т,. – тётя Таня, после короткого знакомства, явно хотела остаться со Стаси наедине. – Стасенька, девочка ты наша, ты уж полюби Леона-то? Не любила его женщина ни одна по-настоящему. Бабушка у ево старенькая совсем, говорят, дама она была важная. Живёт где-то. Мать... ну чо? Всяко бывает. Нет и не было её, считай. В такой день – и не позвали. Значит, не место ей тут. Пусть уж, как может теперь, сама живёт. И как можно было мальчонку оставить одного? За мужиком побегла. Васенька мой, правда, сильно её защищает, они на войне где-то там рядом служили, врачи же оба. А я – не понимаю я этого всего. Любовь-разлюбовь. Да ладно, ихо дело. Я, хоть и люблю Леончика-то, но что я? Я – не в счёт. Так уж, по-соседски мы

дружим. А ты – полюби его. Прощай, если что. Он в душе-то славный. Только ершится, чуть что. Приласкай. Жалко мне ево сильно. И такие всё шалавы-то на него вешались. Да не повесил, слава Богу. Молодец. Он понимает всё, хоть и молодой ещё. И ты мне по душе. Не зря он так долго ждал всё кого-то. Дождался. И Сергей-то Дмитриевич от тебя млеет. Ты ево папой назовёшь? Или как?

– Не знаю пока я, тётя Таня. Это же момент нужен, чтобы понять, нужно ли оно ему.

– Ну это-то – так. Он человек особенный, чувствительный очень, лжи-то не потерпит. Но вы сживётесь, не переживай. Это видно сразу. Жалей ты их, беспризорных. Ну, пошли что ли? Ишь, как ваза-то у тебя разулыбалась! Красиво с яблоками-то глядится.

Бежавшие, чтобы не опоздать, запыхавшиеся Глеб с Леной принесли им в подарок большущий самовар с трубой.

– Леон, это для твоей будущей огромной семьи, чтобы сразу всем хватало, и нам тоже.

– А давай, Глеб, растопим его на крыльце, шишек же навалом. У нас три торта к чаю, – Лео взял трубу в руки.

– Так, стоять! Ты, Леон, сиди рядом с женой молодой. У тебя сегодня праздник, какого больше не будет. Не твоё дело сегодня самовары топить, я ему помогу, – резко скомандовав, дядя Митя легко поднялся и понёс трубу за Глебом с самоваром.

Последним пришел Юрий Максимович, поздоровался со

всеми мужчинами за руку, о чём-то пошептался накоротке с Глебом и, остановив свой взгляд на Стаси, которую обнимали Лео и Сергей Дмитриевич, широко заулыбался и направился к ней, таща большую коробку в оберточной бумаге.

– Здравствуйте, Анастасия Павловна. А мы знакомы уже. Вы тогда всех нас по стойке «смирно» поставили. Замечательную жену ты себе, Леон, выбрал. Буров мой до сих пор вспоминает, как его в медбрата произвели. Впечатлили Вы тогда всех. А Леон опередил всех. Молодец. Поздравляю. Не знал, что подарить. А вчера придумал. Я вам время подарю. Как говорят, не тот богат, кто много зарабатывает, а тот, кто доволен тем, что заработал. Не тот счастлив, кто долго живёт, а тот у кого каждая минута на счастье потрачена. Вот часы у меня были, трофейные ещё. Не знал, что мне пригодится тут, их купил. Швейцарские. Бронзовые. Им сносу не будет. Последние года просто стояли, скучали. Некому их заводить было даже раз в неделю. Пусть ваши минуты все счастливыми будут. Войну мы выиграли. Теперь мир надолго. Пусть они вам только счастье тикают, ребята. Поздравляю и всего желаю.

Тяжеленные часы, которые в коробке в руках Юрия Максимовича смотрелись, как легкая вещь, так легко он с ней обращался, Лео чуть не уронил.

– Я же сказал – бронзовые! – Юрий Максимович, смеясь, ожидая этого эффекта видимо, поддержал коробку снизу.

– Стаси, куда мы их поставим? – Лео достал из короб-

ки бронзовую скульптуру мальчика, сапожника-подмастера, который, чванливо представляя себя мастером, смешно выпятив губу, демонстрировал на своей руке башмак со своей босой ноги, сидя на ободке часов, как на табурете. Смешная, забавная фигурка была ювелирно обработана, отшлифована и лаково блестела светлыми бронзовыми, как бы лоснящимися, пятнами на коленях, складках штанов, фартука и носках башмаков мальчишки.

– Давай в спальню. Пусть будит нас, раз такой деловой, – Стаси рассмеялась.

– Да, Леон, там и будильник есть. Разберешься, – Юрий Максимович вышел покурить на крыльцо: «Давно ли пацаненком таким же смешным был? – он сосредоточенно прищурился, чтобы скрыть набежавшую на глаза влагу. – Уже женится. И мой мог бы, но навсегда пацаненком и останется. Значит, и моя война не кончена. Не кончена, пока мы гидру эту не раздавим».

Хорошо хозяева и гости посидели в тот день за праздничным столом, даже песни попели под гитару Лео. И все разговоры за столом крутились около их ГОРОДА. Каждый старался рассказать Стаси, радостно принимая её в их семью, что-нибудь самое замечательное о нём, чего она ещё не знала.

Разошлись в полночь, хотя и ещё бы охотно посидели возле самовара. Только служба тут была главным делом для всех них. Абсолютно безотложным.

К слову: многими годами позже академик Сахаров скажет, что он так и не понял, что это были за люди, из какого материала они были сделаны, которые преодолевали совершенно непреодолимые препятствия, трагические ошибки первопроходцев, сумасшедшее нервное и физическое напряжение тех лет, когда здесь, и только здесь, решался для всей нашей страны главный вопрос: «Быть или не быть?»

Да и что мог понять в этих людях человек, взявший в жёны некую Е.Боннер – полного классического антипода им всем? А в науке и военной стратегии Сахаров очень даже хорошо всё понимал и разбирался. Спасибо, и Царствие тебе Небесное, академик.

А они тогда всему миру доказали, что «БЫТЬ!»

Каким-то десятым чувством все они считали себя призванными, мобилизованными для свершения очень важных дел. Все они были здесь связаны тем, что ощущали себя на передовом рубеже страны. Об этом не говорили. Это знали. Все. Весь ГОРОД. Этот ГОРОД прошел сквозь их жизни, нанизав их личные интересы на одну ось, как на шпагу, нацелив на самую главную задачу этого города – сохранить, удержать во что бы то ни стало МИР на краю пропасти войны. Пока холодной. Они удержали.

Тётя Таня не ушла домой, пока не была вымыта последняя тарелка, ложка и вилка.

– Это за позор хозяйки раньше считали, если женщина в постель ляжет, а на столе грязная посуда, – одобрительно помогала она Стаси всё убирать со стола и складывать скатерть в стирку. – Вот и появилась у меня соседка. А то всё мужики одни. Слова сказать не с кем.

Глава 4. Новый дом

И уже через два дня в небольшой столовой при кухне стало намного светлей от протертого плафона, промытых стёкол и отмытых подоконников. Это всё происходило совершенно незаметно для мужчин. И только Сергей Дмитриевич заметил, что читать возле окна стало легче и понял, что Стаси тут совершает героические трудовые подвиги.

– Слушай, Лео, она и плафон протерла! Я столько раз на него глядел... и как же ты до него дотянулась, девочка?

– А я лестницу-стремянку притащила из сарая вашего. Потом и в комнатах протру.

– Так, Стаси! Давай договоримся, что ты без этой вот чрезвычайщины будешь тут что-то делать. А если упадёшь? Нет! Даже думать страшно. Тут же четыре метра! Лео, запри эту стремянку и баста! В эти выходные объявляется аврал. Мы уж сами как-нибудь эти чертовы плафоны и люстры на этих чертовых потолках достанем и вымоем. Фу! Мне даже нехорошо стало! – Сергей Дмитриевич выдохнул. – Стасенька, нам теперь без тебя – никак. Береги себя. Ты и так столько делаешь тут. Избалуешь нас совсем. И за носки спасибо, – Сергей Дмитриевич приобнял Стаси и поцеловал в лоб. – Будешь только командовать, а мы сами всё тут вычистим. Запустили мы наш дом до неприличия, конечно. Можно и домработницу у соседей попросить помочь. Мне положено,

когда-то предлагали. Я отказался. Зачем она, когда нас двое всего. Но пригласить можно, дадут. Заплатим.

– Стаси, а может, я зря от домработницы отказался? Могу вернуться к этому вопросу, – Сергей Дмитриевич сейчас часто жалел, что отказался от такой привилегии, положенной ему по штату.

– Нет. Не надо. Разве только на побелку потолков рабочих нанять, тут высоко, конечно. Ну и на генеральную уборку можно, согласна. Плитку отмыть до бела. А потом мы сами справимся с Лео. Да, ведь?

– Легко. После валунов – легко! – все расхохотались, вспоминая, прогремевший на весь спецгородок, конспирологический конфуз Лео с этими валунами.

Дело с валунами даже было занесено в сводку происшествий дежурным офицером, как и положено, и долго согревало всех домашних и их друзей появившимся чувством полноценной дружной семьи и юмором произошедшего.

Молодая жена, оказывается, совсем не умела сидеть сложа руки.

На следующий день после званого, почти свадебного, ужина в понедельник Стаси выходила на работу во вторую смену. С утра, непривычно и смущённо приняв прощальные поцелуи Лео в прихожей, она проводила Лео и Сергея Дмитриевича на работу и принялась за мозговой штурм вставших перед ней совершенно новых задач. Три, максимум четыре, дня Стаси отвела себе на «залечивание» и на решение воз-

никшей проблемы.

Но... просто так сидеть и тяжело думать?

Нет! Мозг лучше работает, когда руки заняты хорошим неспешным делом, и мысли спокойно всё раскладывают по полочкам. Стаси написала себе список первейших дел на несколько дней. Одно дело в день было крошечным и маленьким, второе большим и значительным

Во-первых, каждый день штопать по одному рваному носку мужчинам. В шкафу Лео таких валялась целая куча. Стаси подозревала, что и в шкафу Сергея Дмитриевича было нечто подобное. На два носка уйдёт заметное время, а вот на один – почти ничего. Пока супчик варится, можно легко что-нибудь заштопать.

Между прочим, тогда дырявые носки не выбрасывали. Их штопали. Раза три-четыре, в зависимости от кошелька, но не только У жёницин того времени выработалась стойкая «военная» привычка – штопать всё! Носки в первую очередь. Нитки для штопки тогда получали, распуская целые «поголёшки» слишком рваных носков, подходящих по цвету. Цветов было немного: грязно-синий, серый, коричневый и чёрный. Не маркие. С некоторыми оттенками для разнообразия.

Носки Стаси разобрала моментально. Выкинула те, что имели большие дыры на пятке, которые будут слишком за-

метны даже после штопки. А вот на подошве все дыры штопались. Тётя Таня взяла часть носков Сергея Дмитриевича себе для полезного времяпрепровождения перед радиоприёмником. Ниток для штопки тётя Таня намотала несколько клубочков давным-давно.

Поставив варить бульон, Стаси нашла в кладовке (которая встала перед ней одним огромным «делом») перегоревшую лампочку, на которую натянула носок и аккуратно заштопала дырку протягивая поперечную нить в шахматном порядке, то сверху, то снизу продольной нити крест-накрест, предварительно чуть стянув дырищу ниткой по кругу. Получилось сносно. Пять минут – и всё готово. Потом она заправила бульон картошкой, яичком, клёцками и жареным луком, потушила капусты с колбасой и укутала это всё в старое пальто – обед был готов. А вместо салатов – вчерашние вкусняшки. Подобрала пару к заштопанному носку. Но этот носок она оставила «на макароны с котлетами» к ужину и завтраку на следующий день.

Вторым большим и приятным для души делом на эти дни было восстановление запущенной клумбы перед самым крыльцом. Кирпич, ограждающий клумбу по периметру, давно расслоился и выкрошился. Вместо цветов на клумбе густо росли трава и крапива. Стаси нашла чьи-то старые перчатки в сарае и, взяв лопату, всё перекопала, выкинула траву за сарай. Собрала битый кирпич, некогда выбеленный со всех сторон, и аккуратно засыпала им лужицу перед гара-

жом. Потом взяла старенькую самодельную тележку у тётки Тани и походила по ближайшим окрестностям собирая камни, оставшиеся тут ещё от давних строительных дел. Три тележки камней хватило чтобы живописно оградить всю клумбу и ещё осталось немного камней.

В-третьих, Стаси решила спланировать участок перед домом, чтобы тут сложился приятный для отдыха уголок. Каждую маленькую ёлочку, которые во множестве здесь вылупились из семян, и изо всех силёнок тянулись к солнцу, надо было оградить от затаптывания и скомпоновать, чтобы потом это был парк камней и елей, и разместить среди него пару скамеек, поставить костёр для шашлыков, о которых судачили Лео и Глеб за столом, и сделать столик для самовара. И это будет чудесное место и ранней весной, и летом, и поздней осенью, когда комары уже исчезают, а в доме сидеть не хочется.

Ели и сосны сами расположились, как специально, красивыми группами, осталось их только обложить камнями для надёжности и красоты.

В природе всегда всё было очень гармонично по мнению Стаси.

Возле одной группы сосёнок валялся довольно крупный булыжник странной формы, похожий на снежную бабу. Когда она его перевернула, он оказался очень похожим на маленького степного истукана, печально наклоненным своей «головой» к «плечу». И на голове его была гладкая вмятина

от другого валуна, который наверное миллионы лет терся об этот камень. В головке Стаси моментально родилась совершенно утопическая идея найти этого соседа, чтобы им опять стало весело вдвоём.

Такие идеи посещали её часто. Она не видела особой разницы между деревом, камнем или человеком. И камень, и дерево она, как самый настоящий волхв или буддист, легко «оживляла» и всегда с ними разговаривала тихонько, чтобы никто не услышал. В деревенской усадьбе бабушки у Стаси с детства был такой «живой» уголок. Только там деревце черёмухи, огражденное ею некогда от козы, стало давно огромным и дарило весной всей округе аромат цветов, предупреждало о заморозке и осенью засыпало ягодами двор. Ягоды черёмухи бабушка собирала, подстилая старый полог, сушила и потом молола их, трещащих тоненькими скорлупками в мясорубке, и, распарив это месиво, стряпала с ним пирожки. Огромный валун во дворе был удобным столом, когда она учила уроки, а второй валунчик был ей стульчиком всё её детство. И они её любили, как ей казалось.

Теперь она вознамерилась «потихоньку-помаленьку» создать здесь настоящий сад камней и деревьев. «Потихоньку-помаленьку, но каждый день» – так учил её папа начинать трудные детские дела. И она «терпеливо-помаленьку» училась с бабушкой полоть грядки, таскать крошечным ведерочком воду и поливать свою черёмуху и куст сирени, цедить молочко от козочки, убирать пыль в доме, мыть пол в

своём уголке для куклы, мыть форточки, стоя на подоконнике, прижавшись спиной к терпеливой тёплой бабушке. К пятнадцати годам она научилась у мамы и бабушки штопать, вязать, шить, вкусно готовить, вышивать, печь хлеб, стряпать пироги и не видела в этом ничего особенного. Просто каждый день она делала маленький шагок вперёд, испытывая интерес, и не уставала ни от чего. Папа любил повторять непонятные ей слова: «Система – это половина дела сделано». Потом поняла. И поняла, что это – так и есть.

Система – это даже больше, чем половина дела, это немного нудно иногда, но очень эффективно.

В тот день Сергей Дмитриевич и Лео оба вернулись затемно. Бывали у них такие дни, затяжные до полуночи. И только утром, выходя на работу, Лео удивлённо обнаружил около крыльца целую кучу валунов. Стаси прошла мимо них, даже не остановившись.

– Стаси, а это что тут у нас такое? Кто привез и зачем? Утром вчера не было.

– Ты про камни спрашиваешь?

– Про камни.

– Это я их привезла вчера днём. Отдыхала тут на свежем воздухе.

– Отдыхала?! Всю эту кучу?!

– На самом деле, Лео, мне надо ещё три таких кучи, только покрупнее.

– Три? Зачем?!

По дороге на работу она продолжила излагать молодому мужу свою супер-идею.

– Понимаешь, тут этим маленьким сосенкам выросшим на самом ходу, грозит быть сломанными, давай сделаем здесь чудесную зону отдыха. Здесь каждую ёлочку надо оградить камнями. Это будет очень красиво, и им полезно. А дорожку для нас, людей, обогнём подальше. Ну, что ты так на меня смотришь? Не завтра же?

– А когда? Послезавтра?!

– Нет. На это нам будет нужно пару недель. Раньше не успеем.

– А куда мы торопимся?

– Мы никуда не торопимся. Но здесь будет же очень приятно же пить чай из нашего самовара с приятелями по вечерам и просто сидеть и разговаривать перед сном? Да ведь? Тебе нравится моя идея? Можно ещё и шашлыки тут жарить, если под костёр валунов привезти и выложить жаровню.

– Ну, идея-то в принципе неплохая... Только кто эти валуны тебе сюда привезёт?

– Никто. Сама.

– Нет, нет, нет, Стаси. Это – точно нет. Хватит плафонов на высоте четырёх метров. Работать на каменоломню я тебя точно не пущу. Ты что? Надорваться хочешь? Ты о нас-то, о семье нашей, подумай, – они шли на работу вдвоём впервые и под руку.

С ними здоровались, на них оглядывались, про них шеп-

тались на каждом углу: «Нашлась и для Воротова-младшего зазноба, ишь как к себе её прижимает. Охомутали красавчика... А сама-то? Так себе. Платьце в горошек».

– Лео, если мы вдвоём это сделаем – будет значительно проще. И не надо никаких каменоломен. Походящие валуны вон там валяются. От строительства дорожек остались. Целая гора. И круглые. Я уже продумала, их можно будет закатывать в тележку. Рычагом. Раз!– и всё.

– Так. Я понял, – Лео поцеловал её, уже никого не стесняясь, на пороге поликлиники. – Теперь послушай меня. Ни одного камня ты больше в руки не возьмёшь. Ясно? Если тебя так уже расплющило от сосенок несчастных, я валунов тех сам тебе навожу. Но только ночью, когда никто не видит. И никто пальцем у виска не будет тут мне крутить. Пойдёт?

– Ещё как пойдёт! За два вечера мы справимся точно,– и Стаси, вытянувшись на носочках, достала губами до его тщательно выбритой, совершенно атласно-гладкой щеки, так одурающе пахнувшей «Красным Маком», и которую он, забывшись от возникших дум, к ней не склонил, изумлённо глядя на свою жену, открывшуюся ему с совершенно неизвестной стороны.

Другие жены, насколько он слышал, начинали мужей по магазинам за собой таскать, а эта жена придумала таскать его за камнями. И это – в первый-второй день их совместного проживания, находясь на бюллетене, можно сказать.

Лео почувствовал себя не очень уютно.

А Стаси, взбегая по ступеням поликлиники, едва сдерживала смех: «Ничего, мой любимый. Ты меня ещё не знаешь. Ты у меня ещё узнаешь, как выпивать мой абрикосовый компот! Я тебя по самую макушечку загружу, чтобы не гадал целыми ночами тут, когда там у меня всё заживёт. И потом у тебя будет всего одна, максимум две, попытки извиниться. Дальше – террор!»

Конечно, если бы Лео точно знал причины, следствия и побочные явления такого энтузиазма жены, он бы вперёд тележки оглобли бы тащил.

Но он – не знал.

Вечером ему сообщили, что рапорт подписан и ЗАГС ждёт их. С утра следующего дня он отпросился с работы на полчаса, забрал из дома жену и уже до обеда молодые супруги Воротовы поставили свои подписи в журнале записи актов гражданского состояния. Два следующих вечера, когда становилось совсем темно, они вдвоём, взяв тележечку и ломик, отправлялись на небольшой холм на территории и, приценившись к каменюгам, Стаси командовала Лео, какой из них надо попытаться выкорчевать и загрузить на тележку. Но, как они не скрывались за темнотой ночи, странный шум с обочины лесной дорожки охрана засекла, и неожиданно Лео и его молодая неугомонная жена оказались в свете фонариков наряда военных, отряженных для выяснения причины странного, шпионского такого, шума.

Несколько дней Сергея Дмитриевича и Леона друзья до-нимали расспросами, что это за клад там Лео выкапывал? И чем больше злился Лео, тем громче смеялись все вокруг. Стаси весело смеялась вместе со всеми. Некоторые советова-вали Лео попробовать копать ещё в нескольких местах. Отец всем хохотунам шутя грозил, что все ещё придут к ним за опытом и будут завидовать Стасиному таланту творить во-круг себя красоту.

А Стаси, не обращая ни на кого внимания, и не чувствуя себя виноватой (Лео же сам вызвался ночью эти валуны во-зить?) два вечера терпеливо выкладывала, раскатывая валу-ны с Сергеем Дмитриевичем между ёлочками, создавая им надежную защиту от проходивших мимо них людей. Место преобразилось совершенно.

Лео тоже принимал участие в этой забаве, смеясь, пенял Стаси, что теперь его иначе, как кладоискателем, друзья не зовут и постоянно стебуются. Он ещё молчал, как именно сте-буются. Каждый первый интересовался, почему это он не в постели с женой молодой кувыркается, а с ломиком камни ворочает? Предположения высказывались самые различные. От открывшейся внезапно ведьминской сущности Стаси до полной импотенции молодого мужа. Лео терпел, отбрёхи-вался, насколько мог, но был уязвлён.

За все его страдания Стаси благодарила его только по-целуем в щёчку, стараясь выскользнуть из его рук, шепча: «Лео, ещё немножко подожди?»

– Сколько, Стаси? Ещё немножко – это сколько. Второй день закончился. Ты лечишься?

– Конечно. Ещё пару дней

– То есть в четверг? Да ведь, Стаси?

– Скорее всего.

– А точнее? – лицо у Лео становилось жестким и требовательным в эти минуты.

– Ты меня любишь? – Стаси прижималась к нему и смотрела снизу улыбаясь. Как будто ей и не надо было ничего совсем, и ничто её не мучило, как его.

– Стаси, ты мне честно скажи, а тебе хочется, чтобы всё побыстрее там зажило? Или ты время тянуть будешь? Я и к ответу тебя могу призвать, я же муж теперь, а не сбоку-припеку, – Лео шутил, конечно, но немного и бесился, как будто чувствовал какую-то подставу.

– Конечно хочу. Ещё как, – Стаси утешительно чмокнула его в щёчку опять... и отказалась идти с ним в ванну, сославшись, что «не удобно при папе» и что «надо срочно записи в карточках сделать до утра». А сама, вместо карточек, весело болтала с Сергеем Дмитриевичем о рыбалке, рассматривая справочник рыболова-любителя. Перед сном она штудировала книгу дяди Мити про Кыштымские края и озёра, про Демидовские заводы и усадьбы, пока Лео не выключал настольную лампу у неё на тумбочке и не зажимал её в объятиях и совсем не утешительно для себя лобзал тело своей молодой жены, задыхаясь от желания.

– Стаси, я уже минуты начал считать. В сутках знаешь сколько минут? Тысяча четыреста сорок. В двух сутках – две тысячи восемьсот восемьдесят. Так и знай, я их считаю!

– Ну, Лео? Что же я могу-то? Как уж оно само сможет, так и будет.

– Давай, я тебе всё смажу сам. Ты, наверное, ничего толком не видишь и мажешь не там, где нужно? А я точно и правильно всё сделаю. Ты только командуй.

– Лео, я ещё не привыкла. Нет! Понимаешь? Два дня обязательно надо ещё.

– Хорошо. Иди ко мне сюда. Но трогать-то тебя немного можно?

– Нет, Лео. Два дня!– Стаси была неумолима. Вот если бы от него дым бы наяву пошел... Как от неё тогда... как ей показалось...

Ещё два дня всё семейство по вечерам, уже заразившись Стасиным энтузиазмом, окончательно оформляло сад из валунов и молодых сосенок. Сергей Дмитриевич и Стаси выкладывали из мелких окатышей жаровню-мангал для углей. Лео занимал себя всем, чем ни попадя. На нескольких камнях прочно уложил ровно отпиленные старые доски от крыльца, которые не так давно меняли, – скамеечки устроил. Нарубил из куска толстой проволоки-нержавейки заготовки под шампуры и с большим трудом завернул плоскогубцами на конце каждого обрубка кольцо для поворачивания шампуров на мангале, затем расплющил местами трудно

поддающуюся проволоку, чтобы мясо не проворачивалось. Столик для самовара он смастерил из одного плоского ровного камня, который он долго ворочал, выискивая самый удобный вариант. Под камень подложили несколько мелких, прочно утрамбовав их в землю. Всё, на что Стаси отводила пару недель, было готово.

– Ну, что? Теперь твоя душенька довольна?– Лео крепко обнял Стаси и жарко прошептал ей в ухо: «Идут последние минуты, моя красавица. Или ты скажешь, что всё зажило, или я вынужден буду устроить проверку. И я точно разберусь во всём, или зажгу этот мангал своим пожаром. Выбирай.»

– Всё нормально, Лео. Мне очень нравится,– ответила ему Стаси. – Для мангала нужно сделать крышку, чтобы угли там не мокли под дождём.

– Ну ладно, ребята. Славно мы потрудились. Спасибо тебе, Стасенька. Замечательная идея. Осталось над скамейками зонтики приделать, и можно будет и в дождь свежестью наслаждаться. Пошел я душ принимать, и на боковую, – Сергей Дмитриевич ушел, оставив их одних кормить комаров.

– Сегодня мы будем вместе мыться в ванной. И никаких «неудобно», и никаких карточек, и никаких книг. Всё! – Лео сердито поднял двумя пальцами её лицо и увидел, что Стаси довольно смеётся. – Вот, ничего себе! Я тут сгораю, а она хохочет! Ну, подожди у меня! – он схватил её и окунул в море его сумасшедших поцелуев, от которых у неё начиналось раздвоение личности, поднял её на руки и понёс в дом, даже

не дав ей собрать все вещи, оставленные на скамеечке.

И снова томительно-интимно сияла свеча в ванной освещающая мокрые тела, и снова он жадно искал её губы с запахом мятного порошка, жадно гладил её ноги, раздвигая их, а она терлась щекой о его волосы на груди, затрагивая случайно сосок.

– Э-эх! Славно-то как! Всё! Кончилась моя каторга. Стаська ты моя любимая! Как же я соскучился-то. Мучитель ты мой!

И снова на прикроватной тумбочке сияла свеча, освещающая контуры их тел, и снова у него было небо в алмазах, а у Стаси – снова в носу резкий запах освободившегося мужского тела, влажная ложбинка на животе, и снова белый высокий потолок с чисто вымытым плафоном – единственным отличием от прежнего потолка.

– Господи, хорошо-то как! Стаська – и как я без тебя жить-то мог?! Как же я тебя люблю, солнышко моё. Тебе хорошо было?

– Мм. Хорошо.

– А что же ты такая...

– Какая?

– Грустная, что ли? Устала с этими камнями дурацкими? Я – и то устал. Никогда в жизни столько камней не ворочал. Но красиво у нас получилось. Да ведь?

– Да ведь. Только что-то мне очень компоту абрикосового хочется.

– Давай, завтра я куплю сушеных абрикосов и сварим компот. Или ты консервированных хочешь?

– Нет. Сама сварю. Да, я совсем забыла спросить тебя, можно бумажную бечёвку руками разорвать? Ты, например, сможешь?

– Обычную упаковочную бечевку? Странные мысли в голове твоей бродят. А зачем это тебе?

– Да так. Есть одна мысль. Но пока она не совсем мне самой понятна. Так сможешь ты бечёвку руками порвать или нет?

– Неси. Проверим. Правда, я все силы тут потерял недавно, – Лео радостно впился губами в губы Стаси, заставив её снова испытать жгучий комок желания.

Потом она самой себе не могла ответить на простой вопрос: «А почему ты ему ничего не сказала сама? Тогда, сразу?» И ответ был один: ей очень хотелось, чтобы он всё «почувствовал» сам.

Почувствовал... Но он и так очень хорошо себя чувствовал! Прекрасно просто он себя чувствовал! Лучше и быть не могло!

Террор стал неизбежным.

Бечевки оказалось несколько, были потоньше, были потолще. Все их хозяйственная тётя Таня сматывала в колечки и складывала в настенный ящичек для посуды в кухне, что Сергей Дмитриевич и подсказал Стаси, когда узнал, что рыщет она по полкам в поиске верёвочек для подвязывания

деревцев, если согнутся вдруг.

Тонкие бечевочки Лео с натугой в руках, но разорвал. А толстые его натугу выдержали. Не разорвал.

– Вот! Эти и подойдут, – Стаси убрала их в ящик тумбочки.

– Да зачем они тебе, Стаська? Их, если что, можно элементарно размочить. Слюной, например. Сами расползутся. Или дождём размочит.

– Ну, размочить их надо ещё суметь, – глубокомысленно изрекла задумчивая Стаси, сидя в халатике на кровати.

– Ты о чём сейчас думаешь вообще, женушка моя драгоценная?

– О чём? – Стаси как-то оценивающе посмотрела на него. – Да вот думаю, что лучше на клумбе посадить, петунью или крапиву, или пустырник? Или бархатцы?

– Чего-чего? Крапиву? А крапиву-то зачем? Она и так росла там. Зачем выдирать было? Конечно бархатцы. Только не успеют уже распуститься. Середина лета же?

– Мм. Не успеют. Значит, крапиву. Она очень полезная. И суп можно варить из неё. Не только компоты нам пить. Или петунью, – в этот момент Лео явственно ощутил тень, пролетевшую между ними, смахнувшую с лица Стаси хмурое загадочное выражение, сменив его на простодушную улыбку пасторальной фарфоровой глупой и милой пастушки.

Лео совершенно не мог понять, о чём думает его жена. Верёвки, компот, бархатцы и петунья с крапивой – всё одно-

временно умещалось в её голове и не разрывало её на части!

– Давай, спать, Стасенька, девочка ты моя сладкая. А, всё-таки, верёвки-то тебе для чего?

– Верёвки? Да это, ... петунию подвязывать, – рассеянно и сонно ответила ему Стаси.

– Петунию подвязывать? Это же цветочки такие, по-моему?

– Цветочки? Это, ... это целые кустищи такие... чтобы они, как на карауле стояли и не падали.

– Странно. Я думал, что петуния – это цветок. Иди ко мне, смешная ты моя фантазерка. Вот сделаю ещё зонтики над скамейками и ... – Лео блаженно уснул, обнимая свою любимую странную женушку.

А женушка грелась у него под боком, крепко обнятая его ногами, и продумывала до мельчайших подробностей план действия. Всё должно было сработать чётко. В таких ответственных делах сбоя быть не может.

Но... человек предполагает, а Бог располагает, – недаром так говорят.

Ещё говорят, что благими намерениями известно куда дорога выложена.

Ещё говорят: «Думала, как лучше, а получилось... как уж получилось.»

Впрочем, также хорошо известно, что все наши неудачи относительны и живут только в нашей голове обычно.

Утренний завтрак прошел под знаком абсолютного сча-

стью на физиономии сына и некоторой задумчивости Стаси, как отметил про себя отец.

Оформленный сосеночно-валунный садик с утра выглядел нарядно и ярко, омытый ночным дождём. И у каждого валуна обнаружился цвет, от зеленоватого у змеевиков, красноватого у яшм и до белого у кварца, подчеркивающего нарядность других камней и зелени сосен.

Только на Урале полудрагоценными камнями дороги отсыпают.

– А красиво-то как! Стаси! Я точно похвастаю, какое ты тут чудо придумала. – обрадовался Сергей Дмитриевич – Жди гостей, дочка.

Сергей Дмитриевич всё чаще называл её дочкой. Он всё более отгораживался от этой девочки, как мужчина, отгоняя в самый дальний угол, возникшие тогда, при первой встрече с ней, как с врачом, свои мысли, пустые и глупые. А она всё ближе прижималась к нему, чувствуя в нём человека, который очень напоминал ей отца и отчасти уже заменял его. По крайней мере, в предчувствии их жизни втроем..

Прощаясь со Стаси на крыльце поликлиники, Лео вдруг спросил: «Стаси, вот почему у меня стойкое ощущение, что ты меня за нос водишь? А? Ты что-то за моей спиной мудришь?»

– Лео, с чего это ты взял? – наивное лицо Стаси меняло десять эмоций за секунду под внимательным и насмешливым взглядом Леона.

– М-да. Надеюсь, что это будет что-то полегче этих валунов. А? Стаси?

– Лео. Я вообще ничего такого... – она смотрела на него широко раскрытыми честными голубыми глазами.

– Лучше молчи! А то я тебя сейчас обратно домой уволоку. И ты не успеешь от меня в ванной скрыться, как сегодня утром было. И вообще нам надо серьёзно о нашем расписании семейном подумать. Тут есть некоторые такие особенности утренние... Я тебе расскажу сегодня вечером всё. Ух! И заводишь же ты меня этими своими наивными ямочками на щеках! Всё! – Лео на мгновение прижался к ней губами и сбежал со ступенек. Он собой не вполне владел и не собирался этот факт делать достоянием других.

Уж сегодня-то вечер Леону обещал быть фантастически насыщенным: «Закончили с каменюгами! А с зонтиками ещё думать надо. А лучше вообще плотников нанять. Пока петунии свои она не высадила».

Но неожиданно и день у Леона стал и информационно насыщенным.

Петуниями оказались, всё-таки, простенькие, по-деревенски яркие разноцветные небольшие цветочки на газонах в их городе, растущие повсеместно. Он спросил об этом несколько человек. Все ему сказали одно и то же, удивляясь, правда,

его выражению лица каждый раз. Да любая женщина знает, что такое петунья. С чего Леон петунью за куст принимает, который надо и подвязывать к тому же?

«Ну, с молодыми мужьями и не такое случается», – решили все единодушно.

– Так, говоришь, сегодня петунью будем сажать и привязывать? – поглощая столовский обед, Лео внимательно наблюдал за Стаси. У неё ни один мускулёнок на лице не дернулся. И руки крепко держали вилку.

– Ой, не бери в голову, Лео. Это уже мелочи. Я сейчас обойду ещё несколько вызовов и домой. У меня там есть неотложное дело. Кусты попозже высадим. Рассады же у нас нет? Нет. Ты когда сегодня придёшь?

– Да, как можно скорей, вернусь. Очень уж хочется на петуньи твои подвязанные посмотреть, – у Лео тоже ни один мускул не дернулся.

Её фигурку в ранних сумерках он увидел ещё не доходя до КПП. Она увлеченно что-то делала среди своего садика. Подходя ближе, он услышал, как она напевает «...мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», – очень бравую песенку авиаторов.

– Пламенный мотор, значит? – он обнял Стаси, которая на минуточку прильнула к нему с растопыренными в стороны руками в грязных перчатках.

– Что это? – Лео увидел новый клочок садика с особым расположением валунов вокруг малюсенькой сосенки, кото-

рой вчера тут не было. Её и стоящее рядом с ней деревце Стаси обложила вокруг стволиков камнями в виде цифры «восемь».

– Это?– Стаси махнула рукой в сторону «парочки».

– Ну да. Их, вроде, тут не было вчера. Восьмёрки точно не помню.– Лео нравилось смотреть, как у Стаси лучатся глаза от удовольствия.

– Это я ему подружку нашла и окольцевала их сразу. Чтобы она не боялась на новом месте ночевать.

– Слушай, Стаська, а может в тебе погибла великая сваха? А? – он снял с её рук перчатки и бросил на скамеечку. – Обними, хоть, меня, женушка моя. Я соскучился очень.

– Я тоже соскучилась,– Стаси обняла его, но её внимание было ещё здесь, с новыми сосенками. – А сваха тут совсем ни при чём. Просто в мире должна быть гармония везде, где только можно. А эта малышка выросла, ну вылупилась, короче говоря, вон у той старой сосны. Ещё и с севера. Представляешь себе, какой ужас?!

– Ну разумеется. Ужасней ничего в жизни быть не может, – он любовался женой.

– Ты смеёшься, а она бы просто погибла бы. И он. Смотри, как он к ней туда был устремлён. Скособочился весь даже, выглядывая. У всех тут есть пары, а у него не было. А теперь они будут рядом.

– Тут у всех есть пары? – Леону такое никогда в голову не пришло бы сосчитать, у кого тут есть пара, а у кого нет.

– Нет. Не у всех – в голосе Стаси ему послышалась неподдельная печалька.

– И у кого тут ещё нет пары? – он даже вообразить себе не мог, что варится в голове его девочки-жены и то ли она дурит его, то ли в куклы не наигралась, то ли не от мира сего его подружка.

– А ты замри и прислушайся... – Стаси устремила глаза в сторону истукана. – Не слышишь?

– Нет. Что я должен услышать?

– Когда ветер усиливается, он начинает подвывать. Он тоскует по тому, кто несколько миллионов лет прижимался к его голове и протер это пятно, вмятину эту.

– И что будем делать? – Лео с трудом сдерживал смех.

– Как что? Попробую найти. Поможешь дотащить потом?

– Стаси? Очнитесь, девушка! Его хрен знает, когда и кто, куда-то затакарил, а ты хочешь его найти? Может, ищайку привести? Оно точнее будет. По запаху. За миллион лет вряд ли выветрился?

– Смеёшься? Смейся, смейся. Но обещай, что если найду, то поможешь его притащить.

– Клянусь! А на ужин у нас чо-нить найдётся, или в магазин надо бежать? Ещё успею.

Лео.

– Всё у нас найдётся. Салат и макароны с котлетами. И торт почти замороженный в холодильнике стоит. Хватит?

– Вполне. А отец где?

– А отец – вон, – Стаси указала на светящееся окно мансарды.

– И что он там делает?

– Сказал, что давно мечтал переехать на второй этаж, но не хотел тебя тут одного оставлять. На первом. Теперь хочет.

– Ясно.– Лео немного помрачнел.

– Тебе это не нравится? Почему? Там же тепло?

– Там теплее, чем внизу. Мы его одиночество, видимо, подчеркиваем. Дистанцируется.

– Лео, а можно я его тоже папой называть буду?

– Попробуй. Думаешь, это что-то изменит?

– Не знаю. Я тоже чувствую, как он дистанцируется. Не хочет мешать? Так он совсем не мешает. Наоборот, мне с ним интересно. Он так много знает, и такой добрый...– Стаси печально замолчала, и они пошли в дом.

Лео пошел умываться, Стаси стала накрывать на стол, вытаскивая горячие кастрюльки из старого пальто-термоса. За ужином Сергей Дмитриевич, очень оживлённо и смущенно обсуждая вопрос своего переселения, вынужден был признать, что не так просто это сделать. Мансарда нуждалась в большом ремонте.

– А давай оставим этот вопрос на будущее, вот родятся у нас дети, тогда и будем думать, как тебе покой обеспечить. А, па? Мы же тихие со Стаси? – Лео, смеясь, разрубал сомнения и предположения острым ножом.

– Да лишь бы я вам тут не мешал.

– Сергей Дмитриевич, а можно я Вас папой буду называть тоже? Мне так не хватает этого слова в жизни, – Сергей Дмитриевич осторожно вскинул на Стаси глаза и, согласно кивнув головой, тихо сказал: «Тогда только на «ты», согласна?»

– Спасибо. Конечно согласна. И я сразу попрошу тебя завтра купить мне абрикосов сушеных в подарок в вашем магазинчике. Я мечтаю об абрикосовом компоте. Лео сегодня забыл. А я на него понадеялась. – Стаси намеренно проигнорировала возмущенный взгляд Лео.

– Будет исполнено, доченька. Так давно мне никто не приказывал купить подарок. Так только дочери могут и умеют делать. Есть ещё желание?

–Нет. Нету. Мне последний раз мамочка сделал замечательный подарок. Ручку автоматическую на окончание института подарила. Это было моей мечтой. А больше их у меня нет. Нет, есть, конечно, и ещё мечты. Но они только мной самой могут осуществиться.

– Стаси, ты меня, конечно, извини, но у тебя же я даже пальто не увидел никакого! Плащик только? Тебе что, пальто не нужно? Обувь?

– Папа, но какие же это мечты? Просто потребности. К холодам я всё себе куплю. Я уже на это рассчитала все деньги. И теперь уют не надо покупать! О нём я действительно мечтала. И о радиоприёмнике тоже. И он уже есть. Все мои мечты исполняются мгновенно! – Стаси весело рассмеялась.

– Ладно. Видимо, нам ещё много открытий чудных предстоит сделать. Я так мечтал доченьку ещё родить. И вот, и моя мечта осуществилась. Спокойной ночи, дети мои.

Глава 5. Абрикосовый компот

Если уж какой-нибудь ночи суждено быть беспокойной, то хоть десять раз пожелай «спокойной ночи», – она всё равно спокойной не будет.

После ванны Лео, раскинувшись и обсыхая в раскинутых простынях, с удовольствием наблюдал, как Стаси сушит перед сном волосы, то протирая их сухим концом махрового китайского полотенца, то расчесывая их расчёской в разные стороны, то встряхивая их спереди назад, чтобы эффективно и быстро проветривались. При этом Стаси мурлыкала какую-то меланхоличную песенку. Лео даже не заметил, как задремал. Разбудил его шорох выдвигаемого Стаси ящика.

Сквозь слегка приоткрывшиеся глаза Лео вдруг увидел те самые верёвки для подвязывания петуний.

Когда Стаси повернулась к нему, он крепко спал.

– Вот и замечательно. Самое то, что нужно. Я тебя отучу мой компот выпивать, эгоист несчастный. Чувства юмора у меня не развито, да? Ну и пусть не развито. Зато есть чувство справедливости, – шептала Стаси, едва шевеля губами.

– И что она там ворожит? Петунья! – Лео наблюдал за своей Стаси с искренним изумлением. Каждый день, прожитый с этой девчонкой, приносил ему пока что незабываемые ощущения. – То валуны до потери пульса, то скамейки, то петунии. Теперь понятно, какие петунии она собралась под-

вязывать. А что? Не разорву сразу-то. Ногами легко, а вот руками, пожалуй, что и нет. Это что же у неё в голове прячется? Ладно, положим.

Руки и ноги Лео, как специально, лежали широко врозь, и надеть на них петли из верёвок не составило труда. Длинные концы верёвок Стаси надёжно закрепила на ножках кровати, обогнув спинки. Перед ней лежал распятый и любимый ею эгоист. Она разделась, выключила свет и накрыла полотенцем абажурчик прикроватной лампы. Стало почти темно. Запах душистого лавандового масла в смеси с чем-то ещё разлился по комнате. Лео приоткрыл глаза. Стаси обильно смазала руки маслом и наклонилась над ним.

– И зачем ты меня распяла, любимая моя ведьмочка? – Стаси испуганно отпрянула, а потом снова уверенно села рядом.

– Проснулся? А затем, чтобы сделать тебе массаж. Я же врач и хорошо умею его делать. Вот и сделаю.

– А зачем меня привязывать?

– А это ты сейчас поймёшь сам. Лежи и наслаждайся! Это тебе благодарность за валуны. Ты же уставал и ругался, и шипел про себя на меня и на них? Вот я тебе сейчас и компенсирую твои физические затраты.

Руки Стаси, тёплые и неожиданно сильные, начали массировать ему пальцы ног.

– Стой, Стаси, мне щекотно!

– Это просто замечательно, что сразу и щекотно! И ско-

ро это пройдёт, и начнется полное наслаждение, как только ты начнешь ждать моего следующего прикосновения. Сейчас этот пальчик помассирую. У тебя очень красивые ноги. И мурашки – тоже ничего. Мне нравятся. Вот они и тут появились, – рука Стаси смело провела по ставшей шершавой от мурашек внутренней части бедра, почти касаясь гривы волос. – Сейчас и эту ногу помассируем, – Стаси села между его ног, полуосвещённая, с распущенными по плечам волосами. Он не мог видеть её лица. – Они устали, твои пальчики. И икры устали. И бёдра устали, – она нежно шептала и хозяйничала на его теле не обращая ни малейшего внимания на восставший против такого наступления датчик мужского тонуса...

– Стасенька, а вот... немножечко бы... меня освободить... нельзя? Ой-ё-ёй, – Лео вдыхал урывками и спортивно «ухал», выдыхая.

– А зачем? Принимай, мой любимый, расслабляющий массажик. Наслаждайся. Сейчас животик тебе помассируем, снизу,... вот так и до груди,... вот так... – Стаси полу вставала над ним, касаясь волосами лица, и он безуспешно извивался от смертельно-приятных конвульсий и пытался ухватить губами эти волоски, ползающие по нему жгучими кончиками, возбуждающие его кожу. Потом Стаси снова опускалась на колени, проглаживая руками бёдра сверху и снизу, чуть приподнимая его ногу.

Её лицо, совершенно отрешенное, изредка приподнима-

лось вверх с закрытыми глазами, и Лео впервые увидел женщину, которая трепещет от прикосновений к его коже, и которая вот-вот дотянется до его плечей и рук, закрыв его лицо своими волосами. И он не знал, что он будет тогда делать.

– Стаси, Стасенька... так нельзя... издеваться... Отпусти меня немедленно!

– Лео! Тебе не нравится массаж? Ну ладно. Сейчас оденусь и отпущу, – лицо его Стаськи было невозмутимо.

– Ну зачем одеваться-то? Глупости какие... Стаси, ну сама подумай, каково мне-то сейчас? Зачем это одеваться ещё?!

– А это броня от некоторых тут любителей чужого компотика, – Стаси смотрела на него почти зло.

– Стаси, ты на этом компотике свихнулась! При чём компотик и халат твой дурацкий? Броня! Давай, вон ещё моё пальто висит в шкафу. Тоже напяль, броня крепче будет. Ага, – Лео свирипел и дергал руками и ногами, но от этого они только сильнее затекали, верёвки сильнее впивались в кожу, пережимая сосуды.

– Лео, не дергайся! Сосуды пережмёшь. Давай освобожу чуток. А что такого, Лео? Обычный массаж. Даже не очень сексуальный. Дальше будет сексуальный. Ты не хочешь?

– Нет! Да, нет,... то есть,... конечно... Да! Стаси, отпусти меня лучше. Я их сейчас порву нафиг и сломаю кровать. Вот увидишь!

– Не сломаешь. На чём спать-то будем? Ты только почувствуй, как по телу разливается блаженство... – она угова-

ривала его чувствовать блаженство, когда вдоль его позвоночника маршировали отряды железных острых мурашек и скапливались в копчике, острой возбуждающей щекоткой лишая его последних здравых мыслей и заставляя его сердце биться тоже где-то там внизу около мурашек, расплзаясь снизу по всему телу тяжелым ухающим в бездну болезненным напряжением, отключающим все остальные чувства и мысли, кроме одной.

Стаси вновь закрыла глаза и наклонилась совсем близко. Её можно было даже поцеловать, если бы она не спустилась снова вниз, а потом легла на него проводя руками по плечам, предплечьям, ... дальше она не доставала. Ей пришлось сесть рядом, и она начала массировать его руки, пока он не изловчился и не схватил её за локоть.

– Иди сюда, дай мне губы, я кому сказал? – Лео пытался рассмешить, соблазнить и умиловить эту палачку.

– Не-а. Сначала массаж. Отпусти меня, пока не сломал. – и она, сев совсем около его головы, стала массировать ему плечи, одно, потом другое, пластично проводя по самой вершинке зацепом пальцев вдоль плеча, разминала бицепсы и трицепсы, пропустив руки под его шей. Её груди мотались перед его носом, но были абсолютно недоступны, как он ни пытался их ухватить губами. Такого адского блаженства ему никогда не доводилось испытывать.

– Ты что придумала, Стаси?! Это же пытка огнём и щипцами!

– Ничего особенного. Я хочу, чтобы у нас в пещере горел и пылал настоящий очаг, от которого лепестки цветка взметнутся вверх, а не будут по-сиротски согреваться возле свечки по ночам. Она... сама по себе... хорошая, конечно... Как думаешь, куда мне лучше укусить тебя? За пуп, или за... – Стаси плотоядно осматривала лежащее перед ней тело мужа, такое ослепительно красивое и такое... до стискивания зубов желанное.

В сумраке комнаты, за спасительной темнотой в ней воспряло и желание, и истома, и нежность, и древняя женская плоть, страстно желающая принять в себя мужчину, расплавится под тяжестью его тела, раствориться в его огне.

И ей дела сейчас не было до того, что он-то чувствует...

А он, непроизвольно «ухая» от острых ощущений, лихорадочно вспоминал: «... четвёртый, ... почему четвёртый? Ладно, любой... Так, что там в четвертом параграфе Устава? Чёрт! Я это наизусть же помнил... помнил. Так, ладно, «отца командира чти, отца и мать свою», да нет же, это не Устав, чёрт... уважение командирам, ... не возжелай себе. Чёрт... это же библия, заповеди, чёрт, они-то мне зачем... мне сейчас только Устав же нужен, и нафига он мне Устав этот сейчас... Что у меня в башке вообще? В моей башке квадратной – что-о-о-о? А там-то что она делает?» – Лео поднял голову, насколько смог...

Стаси нежно водила руками по любимому телу и целовала следы своих рук, зарывшись пальцами в его густую куче-

рвяую растительность. Член, стоял, как часовой у Мавзолея, как подвязанная за башку петунья на клумбе, слегка покачиваясь...

– Ну всё! Пи*дец мне! Не хватало только, как киту, фонтан в небо пустить на её глазах, – Лео застонал и замычал что-то нечленораздельное. – Стаси! Ну развяжи меня на одну только минуточку, на секундочку, а? Потом я сам себя привяжу, так и быть. Я же лопну сейчас?!

– Не-а. не лопнешь. Я тебя сейчас охлажу.

– Стаси, ты видела когда-нибудь, как кит в океане выбрасывает фонтан вверх? Сейчас увидишь. Клянусь!

– Я не видела ни одного океана. И китов не видела – она отстранилась от него совсем, почувствовав реальную угрозу потери им самообладания. – У тебя совсем слабые нервы. Надо уколы бэ двенадцать попринимать.

– Стасенька, ну пожалуйста, освободи мне всего одну ручонку? А?

– Нет уж. Знаю я твои ручонки. Они все валуны перелопали легко. Я думала, мы тут целую неделю проволынимся. А он, смотри-ка! За два вечера всё сделал. И даже не уставал! Хотя должен бы был по всем расчетам. А мне, где, уж, с валунами-то равняться. Слабая я, беззащитная.

– Стаська, последний раз по-хорошему прошу: отвяжи! А то...

Оба услышали стук в дверь и голос отца: «Лео! Тебя срочно к телефону. Срочно! Глеб сюда бежит. Вставай, просы-

пайся сын. Генерал на проводе.»

Накликал гостей Сергей Дмитриевич.

Пришел незванный гость. Примчался даже.

И в самое подходящее время, ну, как обычно это и бывает.

Ночью

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! – Стаси быстро перерезала верёвки, слегка врезавшиеся в запястья и щиколотки Лео, а он, хватая вещи, вскочил, натягивая на ходу свои пижамные штаны и халат. Случилось что-то чрезвычайное.

Лео жестко и кратко отвечал в трубку: «Есть! Так точно!»

– Так точно, час.

– Есть, товарищ генерал.

– Он уже пришел, Юрий Максимович.

– Есть, мигом!

Глеб, скидывая на ходу туфли, пробежал сразу в столовую и шлёпнул на стол фотографию с надписью на английском. Лео внимательно просмотрел листок, и лицо у него вытянулось.

– В чём дело, сын? – Сергей Дмитриевич редко видел того в такой растерянности.

– Почти точные координаты нашего города, па. Почти координаты.

– Где?! И что это значит?

– Утечка. Таких совпадений не бывает. Нас ждут через час

с докладом и версиями для самого верха.

– А как же эшелон кордонов? Ты же сам говорил, что даже собака не пробежит. Только лисы и волки забредают, и те известны по головам.

– Это не просто кордоны и эшелон фиг знает сколько километров. Он где-то и по воде идёт, и там целый флот дежурит. Там координаты не уловишь, да их здесь и нет Это резидент. Слишком много надо собрать данных, чтобы вот так почти точно обозначить место. Когда это у них появилось? – Лео впился глазами в фотографию:– «Два месяца назад. Что случилось два месяца назад? Что?!»

– Ничего. Ровным счётом. Ничего. За целый год и ничего, – Глеб ещё тяжело дышал. – Я уже сводки видел. Их первым делом запросили. Но с первого взгляда – ничего. Всё в штатном режиме. А можно чаю? В глотке пересохло, пока сюда бежал.

– А чего ты сюда-то бежал? Почему меня не вызвали туда?

– Так не могли же дозвониться ни до кого. На линии обрыв же был? Разгоняй там всем дают по самое нехочу. Слетит кто-нибудь точно, идиоты случайно ковшом зацепили где-то. как это можно так умудриться?! Но быстро восстановили, раз дозвонились. Греч дозвонился кое-как, и снова связь оборвалась. Его там ещё нет. Он в областном. Только выехал.

– Стаси, поставь чайник, пожалуйста. И иди спать, нам надо поработать.

Такого Лео Стаси ещё не видела. Сжатый, холодный, от-

сутствующий, почти чужой и собранный, как барс для прыжка.

Бывают минуты, когда новый ракурс или ситуация вдруг приоткрывают истинный мир человека. Без украшательств и обволакивающей ваты условностей и этикета. Обнажают суть его.

Стаси до боли ясно увидела мужчину, которому сейчас не нужны её слова и вопросы, который может спокойно отказаться от секса, не умрёт от любви к ней, может на некоторое время вообще забыть о ней, но, не задумываясь, отдаст свою жизнь за неё. И умрёт, если она предаст его, своего хранителя и стража их пещеры.

Перед предательством любимой женщины мужчина бессилен.

Это так ясно и громко в нём сейчас «звучало», что она тихо и покорно ушла, чтобы не оглохнуть и не умереть от любви к нему.

Женщина может от любви умереть, как от инфаркта, потому что любовь – это сердце и суть её жизни.

Стаси, не раздеваясь, лежала на кровати. Что-то неясно её волновало. Фотографию, которую принес Глеб, она увидела лишь мельком, только нижнюю её часть. Лео сразу же накрыл её ладонью. Тонкие линии координат, как на обычной карте и что-то похожее на контурную карту, без обозначений и названий. Она встала и вышла к ним вновь, чтобы налить им уже вскипевшего чая. Они обменивались непонятными

ей терминами, но общий смысл был понятен, что причина утечки – не здесь. Не в Городе. Иначе бы и границы были обозначены.

– А когда они это впервые выложили? – Сергей Дмитриевич внимательно рассматривал фото.

– Это ещё не выложили, – Глеб ткнул рукой в фото, – это наши прислали. И получается, что в общих чертах они всё знают. Куда яснее ещё? – Глеб жадно прихлёбывал почти кипятком, даже не замечая того.

Подавая кружку с чаем Сергею Дмитриевичу, Стаси вновь мельком взглянула на фото, лежавшее к ней вниз головой, и поняла, что её волновало. Это пятнышко странное снова привлекло её внимание. Налив чаю и Лео, она зашла в гостиную и присела на библиотечной лестнице напротив средней полки, где стояли все книги по географии, истории и где пышной растрёпанной пачкой лежали всевозможные карты. Сергей Дмитриевич недавно показывал ей огромные карты Москвы и Владимирской области, которые можно было рассматривать, только расстелив их на полу. Карта Челябинской области, ещё с восточной частью Курганской, ничем особым не выделялась. Здесь всё было в лесах и болотах, зелёным и голубым цветом раскрашенных. И названия тут все были на местах.

– Нет. Явно другое мы рассматривали. Что же это было-то? – Стаси зашла в спальню и взяла в руки книгу, которую им подарил дядя Митя. Этот район, бывшие владения

Демидовых и прилегающие к ним, на которых сейчас располагался Город, были чётко и ясно прорисованы, подписаны, хотя и в черно-белом цвете. Но это была совсем не та схема.— Где я видела это пятно?! — Стаси сжала голову руками и несколько мгновений сидела напряженно думая. — О, Господи! Ну конечно! Мы же про рыб читали... — она лихорадочно схватила старенький справочник «Рыболова-любителя», основательно потертый по корешку...

Схемы были. Черно-белые. Но той не было.

— И никакого пятна тут нет. Где было это пятно?!— Стаси вышла в коридор, в столовой царило молчание, редко прерываемое чьим-то голосом.

— Папа, можно тебя на минуточку? — Стаси поманила отца к себе.

— Что тебе, Стаси? — выйдя из кухни, озабоченно и задумчиво спросил Сергей Дмитриевич

— Пап, мне кажется, что я уже где-то видела эту схему.

— Тебе тоже?! — Сергей Дмитриевич изумлённо поднял голову. — А я уж тут решил, что у меня дежавю какое-то.

— Да никакое это не дежавю, па. Я очень хорошо запомнила там пятнышка одно. Сначала думала, что это островок какой-то странной формы. Потом ты мне сказал, что нет там никакого островка. И что это скорее всего какой-то брак печати. Вспомнил?

— Вспомнил. Разговор вспомнил. А что мы смотрели?

— Старинную книгу, которую нам подарил дядя Митя. Но

там нет такой схемы. Я посмотрела уже. Там очень хорошая бумага и печать на иллюстрациях безо всяких пятен.

– Мы карты смотрели, – неуверенно вспомнил отец.

– Там тоже ничего подобного нет. Обычные карты, а не схема, как тут, – Стаси нервничала. – Вот прямо вертится эта картинка перед глазами. Что ещё мы рассматривали?

– Кроме справочника «Рыболова-любителя» ничего больше. Ты меня про рыб тутошних спрашивала ещё...

– Папа, его я уже просмотрела. Там такого нет.

– Ха! Стаси! Мы же ещё новый справочник, у Мити я брал, смотрели. И где он? – Сергей Дмитриевич быстро прошёл в свой кабинет, надевая на нос очки. Справочника не было нигде.

– Папа, звони ему. Может, он обратно его забрал?

Дядя Митя был чрезвычайно возбужден, несколько минут назад ему позвонил Юрий и сказал, что всех вызывают на срочное аппаратное совещание через час. И уже через полчаса даже.

– Митя, а ты свой справочник у меня не забирал?

– Да какой сейчас справочник, Сергей? Я тут чемоданчик свой тревожный не могу найти, сердцем чую, что ехать придётся, а ты со справочником своим. погоди. Сам потом найдёшь, если надо.

– Митя! Это по этому же делу всё. Срочно его найди и бегом к нам. Успеешь ещё собраться. Никуда твой чемоданчик не денется.

Пока дядя Митя вытирал пот с лица, Стаси с отцом быстро листали страницы, сидя на диване в гостиной.

– А что тут у вас за шум, собственно? – в комнату вошел мрачный Лео, засунув руки глубоко в карманы халата.

– Сейчас, Лео, сейчас. Где-то тут было. Маленькая такая, невзрачная, по-моему слева, да? – машинально спрашивая Стаси, Сергей Дмитриевич тщательно просматривал страницы, быстро водя сухим пальцем сверху вниз.

– Вот, папа. Вот оно. Кусочек карты с той схемой. Пятнышко-остров. Точно такое же. Точно!

– Да что вы ищите-то? Стаси, ты бы лучше помогла мне собраться сейчас. И нам надо поговорить с тобой...

– Лео, да она нашла то, что надо! Вот. Нашла. Хвостик, по крайней мере. А я-то –старый дурак! Думал, что у меня память визуальная совсем сдаёт, блазнится. Не блазнилось!

– Дайте сюда. Какой хвостик? Что тут такое? – Лео ошарашенно уставился в крошечную точную копию той схемы, которая была напечатана на фото, присланное им.

– Вот, смотри, Лео. Точно такое же пятнышко-остров. А там нет никакого острова, папа говорит, – Стаси поднявшись на цыпочки ткнула пальцем в плохо прочерченную схему, на которой были указаны и подписаны названия всех озёр рядом, кроме «городских», непосредственно окружающих ГОРОД.

Лео открыл книгу на предпоследней странице, где были размещены выходные данные тиража.

– Всё складывается... в одну картину. Вот спасибо вам, мои умницы. Это не хвостик. Это сеть, за которую мы вытащим всё, что нам надо, пятнышко, значит, – Лео расслабился и устало приглаживал волосы на голове.

– Леон, а че это за верёвки у тебя на руках? О! И на ногах тоже? – изумился Глеб, который про схему тоже всё понял, рассматривая книгу, и уже расслабился, допивая вторую чашку чаю. Было что сказать Гречу. И версий тут – не больше одной, если по-хорошему считать.

– А это мы с Лео на спор верёвки пробовали разорвать, – спокойно объяснил Сергей Дмитриевич и, взяв ножницы, аккуратно разрезал верёвочки на конечностях сына и бросил их в мусорную корзину. – Но ты прервал наши соревнования. Впрочем, я точно бы проиграл. Но и он выиграть не успел.

Стаси с Лео только переглянулись. С этим отцом можно было идти в любую разведку. Хотя детям и трудно бывает представить, что их отцы тоже испытывали на прочность разные верёвки. В этот раз это стало несомненным фактом, отзвуком молодости отца – всеми забытых двадцатых годов с их бушующей сексуальной революцией и поэтами Серебряного века.

– Так. Мы собираемся. Глеб, звони в отдел. Это тема, Глеб. Чую. Нет, но какие же вы у меня молодцы, а? Дядя Митя – ты супер! – Лео обнял отца и Стаси в кучу, и потом почти вынес Стаси в спальню.

– Стаси, девочка моя, – он прижал её голову и уткнулся ей в волосы. – У меня кожа моя крокодилья сегодня сильно задымилась, думал сгорю. Мог бы, – он зажал её лицо в ладонях. – Стаси, мы уедем может и надолго, не знаю на сколько долго. Но если бы не вы с отцом, это могло бы стоить нам очень дорого, – он нежно и легонько поцеловал её. – Я всё помню. И сам себя завяжу очень крепкими ремнями, ты была тогда, в первой нашей ванне, права. Каждый день не похож на другой, и я совсем по-другому люблю тебя сегодня, чем любил вчера. И завтра буду любить ещё больше. Смотри каждый вечер на Пояс Ориона. Знаешь это созвездие? – Лео начал быстро одеваться.

– Да. А почему вы надолго уезжаете? – Стаси чуть не плакала.

– Лучше нас никто не знает нашу специфику, обстановку. Понимаешь? Начать должны мы. Когда раскрутим, дальше будет уже не наша работа.

– А зачем смотреть, Лео? Это опасная командировка? – Стаси думала об одном, вопрос задавала совсем другой, и Лео вдруг почувствовал себя виноватым в этой растерянности Стаси. Ей было почти страшно оставаться без него.

– Говорят, мы прилетели с тех планет на Землю и можем общаться, если захотим через нашу Праматерь, – он снова обнял её, шутливо трогая носик. – Я буду смотреть и рассказывать тебе всё. А ты мне. И помоги отцу. Он очень переживает, когда я уезжаю надолго. Теперь у него есть ты, – Лео

долго и крепко держал её в объятиях, прощаясь и целуя. – Не выходи на улицу провожать меня. Спокойно жди и смотри на Пояс Ориона. Эта командировка не опаснее, чем поход в магазин. Но очень хлопотная будет, похоже. Надо нам найти маленькую патефонную иголку в стогу сена. Перелопатить огромный стог с маленьким магнитиком. Примерно так.

– Так возьмите магнит побольше.

– Вы с отцом нашли нам очень большой магнит. Всё. Жди меня. И обязательно с ароматным маслом. Выше носик мой любимый, – Лео, подняв пальцем её лицо со следами слёз, легонько, почти шутя, поцеловал её, улыбнулся и быстро вышел, затягивая на ходу галстук.

Посвящённым известно, что те, кто занимается любыми огромными проектами прекрасно знают, из каких крошечных фрагментов строится любое, самое грандиозное, задуманное творение. К какой бы отрасли это ни относилось – это всегда так. И только слаженная, обеспеченная опытом многих людей работа приносит хорошие плоды.

Сколько времени нужно, чтобы точно выяснить, когда издательство выпустило книгу, в какие магазины, бибколлекторы и сколько штук, в какие библиотеки и сколько штук было выдано, в каких газетах и в скольких номерах, и какая была информация об этом справочнике? Кто получал эту газету? А в скольких абонеентах есть отметки о выдаче такого справочника? И все ли они вернулись? И где

живут или жили те люди, которые читали или брали в руки этот справочник.? И где сейчас этот или эти люди? И каким делом они занимаются? И с кем общаются? И чем занимаются их приятели?

И это только крошечный круг вопросов которым срочно занялись десятки людей, не знающих друг друга. И точно знали, что это – очень важно, если уж поступил срочный вопрос, требующий срочного ответа.

Совсем другие люди отвечали на вопрос о том, кто, почему, зачем и для чего утвердил эти картографические данные, так резко обозначившие возникшее белое пятно на карте.

Как же много у нас остолопов, готовых расшибить свой медный лоб чрезмерным упреждающим старанием перед начальством! Секрет они соблюдали, видите ли!

Таких раньше расстреливали. За тупое предательское старание .

Но невозможно было взять с них огромные деньги на укрепление и безопасность раскрытых их головоуяством самых секретных тайн государства. Конечно, всё тайное рано или поздно станет явным. Главное вовремя успеть стать сильным и защищённым.

И не надо врагов своих считать неумехами, лентяями и недоумками, если даже они тут, в глубине страны давно и безвестно жили около больших транспортных коммуникаций в должности самого младшего бухгалтера, например, в

старом доме. Или просто кто-то из них любил заниматься рыбалкой. Или работал обходчиком путей в интересном месте, где проходит много товарных вагонов в неизвестном направлении с определёнными номерами, которые рано или поздно возвращались обратно. Или скромным инженером. Или водителем? И, конечно, у них, наших смертельных врагов, есть свои идеалы в жизни. Не важно, какие. Важно, что они им служат своей верой и своей правдой, абсолютно точно не совпадающими с нашими верой и правдой.

Конечно, люди жившие в этой провинциальной сузубо промышленной области, куда, как известно, въезд иностранцам был категорически воспрещён вплоть до перестройки, тоже были людьми особыми. Как люди приграничных районов. Впрочем, почему «как»? Они и были людьми приграничного района той местности, где содержался в самом большом секрете самый главный секрет нашей страны того времени. Тот секрет до сих пор делает нашу страну непобедимой.

Вот откуда тогда было такое чувство единения и ответственности за страну?

Да всё оттуда же, наверное. От памяти. От чувства большого горя и потерь в той проклятой войне, унесшей миллионы жизней. От памяти о тех днях, когда даже дети стояли у станков, ковали победу. От воспитанного в семье и в школе, и в вузе понимания – нет у России друзей.

Казалось бы, страны Варшавского договора – друзья на-

веки, кровью скрепившие свою дружбу. И где они все сейчас? Так и будет. Нет дружбы между народами. Даже добросовестности нет. Есть соседские отношения. А соседей не выбирают, разные попадают. И у всех ко всем претензии есть через общий забор. И на этом надо ставить точку. Не надо обманываться, заигрывать и доверять. Есть Партнеры\ . Есть Конкуренты и есть Враги. И долго так будет ещё. Пока ЧЕЛОВЕК не изменится. Или Мир.

И нет уже, к сожалению, у нас сегодня того чувства ответственности за всё и сопричастности всему, что происходит в стране, потому что разные у народа и его «элитки» стремления и мысли, как, впрочем, почти всегда это и бывало. Кроме Сталина и преданных ему соратников.

Но Мир обязательно изменится. У него нет другой альтернативы. Только справедливость, равенство и Безэлитарность.

Глава 6. Ожидание

А в одном из коттеджей в одном из особых городов двое, седеющий отец и молоденькая жена его сына, ждали возвращения своего любимого сына и мужа, как некогда ждали своих любимых с фронта.

– Папа, а раньше такое было? Чтобы, вот так? – Стаси сидела вместе с Сергеем Дмитриевичем в столовой за чашкой абрикосового компота, который тетя Таня им сварила, наконец, из купленного отцом урюка.

Сергей Дмитриевич неважно себя чувствовал и попросил соседку поночевать с ними, несколько дней, чтобы не испугать Стаси, «если что», чего доброго. Хоть она и врач, но теперь и дочка ещё, ведь. Кроме заботы о них двоих, тётя Таня ходила по вечерам кормить сына, который почти сутками пропадал, то в поликлинике, то в больнице, и ещё она ходила кормить двух котов дяди Мити, как обычно, когда он уезжал.

Стаси и отец сейчас ждали, когда она вернётся, чтобы всем поужинать. Втроем-то веселее. Вася был сегодня на дежурстве.

– Было. И не один раз. Эти сволочи – не идиоты. Наш взрыв все их сейсмические станции зафиксировали. Поэтому рыскали они по всей стране, я думаю. Пятая колонна – не выдумки. Это реальность. Противоестественная, дикая, предательская реальность. Есть люди, которые здесь родились,

росли, учились. Всё, как у всех. Но им хочется большего. Гораздо большего. Спроси вот их: «А на каком, собственно, основании ты претендуешь на то, или на это?» И он начнет собирать в кучу все наши недостатки, промахи, ошибки и несчастья, обвиняя нас в тупости и неспособности. Как же! Он-то это видит, говорит, призывает, громит! А мы – по их мнению – овцы тупые, которых надо хлестать, гнать, а лучше вообще уничтожить и пользоваться всем, что мы сделали и имеем от предков. Сами эти говоруны ничего значительного и полезного никогда сделать не могут, обычно.

Они вечно всем недовольны, считают себя обойденными, самомнение раздуто до болезненного. И не случайно они обычно где-то на очень второстепенных или даже третьестепенных ролях работают. Но уровень претензий ко всем из-за явной собственной ничтожности у них зашкаливает. И они готовы даже за не очень большие деньги продать тут всё! У них нет совести, чести. Ничто, кроме призрачного могущества кучки монет, их не волнует.

Есть, конечно, и идейные, вроде бы, враги. Упертые с виду. А как копнешь поглубже, так опять, – та же жадность к деньгам и к власти. Или безутешная классовая ненависть. Обычные радости жизни их не удовлетворяют. А где власть – там, ведь, и кровь, Стаси. Всегда. Эти две субстанции – неразделимы. Так что кровожадность – это их самая суть. Нелюди.

А вот народ наш? Ох, и не прост! То ли война так всех

подтянула? То ли от природы народ такой?

Был у Мити с Максимычем случай однажды, не так и давно. В отпуске они были, и дали им, как поощрение, разрешение на охоту съездить. Охота же пуще неволи! Сопровождающих выделили, как положено. Двое – в одной машине. Ещё пятеро следом едут.

– А зачем столько, па?

– Зачем? Ну, чтобы, если что, их, таких идиотов-охотников, защитить. Или застрелить, если защитить не удастся. Как-то так, наверное. Они оба уже на очень больших должностях к тому времени были. Ну и указания по инстанциям наверное разосланы были, я думаю, рекогносцировку по генералам, так сказать, дали, кому следует.

А они забыли, вот забыли оба начисто, как им ехать-то надо до какого-то там заколдованного особого охотхозяйства. Ездили-то лет шесть тому назад? Всё изменилось с тех пор. Сопровождающие – те вообще от этого далеки. Достали карту, вылезли из машины, «Москвичок» ещё тогда у Максимыча был, он его долго принципиально не менял ни на что другое. Друзей, говорил, – не предают! «Волга» у него в гараже пылилась. Разложились они с картой той на капоте посреди какой-то деревушки под Копейском, под фонариком посмотрели сориентировались, перекусили, дальше поехали. И тут им мужичок вдруг машет: «Подкиньте, мол». А чего не подкинуть? Место есть в машине. Куда ж его тут бросить в темнотище такой? Сопровождающие между собой его и по-

садили, не тут же ему допрос устраивать. Но напряглись все, откуда вдруг он возник?

Разговорились, то да сё. Кто да откуда? Занятный оказался мужичок. Они там все обхохотались. Ну, такой язык не каждому дан, вообще. Он их анекдотами своими до икоты довёл. Они ещё долго его «ёкарного бабая» и его «жену-мозгоклюйку» вспоминали. Он их спрашивает, кто они такие, куда едут, а они у него, как у местного, спрашивают, куда лучше поехать. Трепались, короче, и каждый пытается побольше выведать. В следующей деревушке мужичок попросил остановиться да подождать его, мол, отблагодарить их хочет. А что и нет-то? Дом, соответственно, окружили по углам. Выбегает, руками машет, приглашает в дом. А им торопиться-то некуда, надо точно понять, кто это их тут караулил, и откуда? Сопровождающие, двое, «идут строем», двое в прикрытии. Митя с Максимычем в машине под конвоем сидят. Цирк! Темнота. До зорьки ещё несколько часов. Тут им наши уже машут, чтобы заходили. Зашли. А там их встретили участковые местные, три человека, и Максимычу под козырёк сделали.

Оказывается, в первой деревеньке жители засекли их с фонариками и картой. Сообщили номер машины участковому, в соседней деревне жил. Балаболу-то тому, которого они подвезли. Он их номер сразу отправил с запросом по телефону, и к ним наперерез выбежал. А в следующей-то деревне, через несколько минут уже ответ был получен по номеру

машины. Такие вот дела, Стаси. Совсем случайные, далёкие от политики люди. Просто знают, понаслышке знают, что тут у нас есть секретные местечки, вот и просигналили, не поленились, не пропустили мимо. Мало ли кто тут с картой по ночам шарохаётся?

Больше они на охоту не выпрашивались. Это же сколько людей вокруг танцевало, чтобы они свободно молодость вспомнили? Нерационально как-то, даже для таких людей. Уток настреляли на весь тутошный колхоз, правда. Два дня палеными утками пахло вокруг.

А ещё было дело на Тече. Жители деревни мужика одного заметили, и просто сами взяли и скрутили. Заметили, что он пробы воды забирает. Резидентом оказался. Наивным. Но сколько тут не наивных – один господь Бог знает.

– А почему ты думаешь, что это тут, в нашей области именно, кто-то есть? – Стаси слушала отца, положив голову на руки.

– Книжонка выпущена местным издательством для местного употребления. Конечно, обязательные экземпляры куда-то тоже отправлялись. Но это тоже проверят, разумеется. Ужас, сколько им там предстоит всего перелопатить. Работа такая, доченька. А мы с тобой ждём и молчим. Молчание – это твоя обязательная привычка теперь, Стаси. Тебя могут и проверять, на разговоры провоцировать. Ну, что ж тут поделаешь? Режим особый. Ты – жена, и дочь ещё теперь ответственных работников Да, ведь? И ждём нашего Лео.

– А сколько дней у него была самая длительная командировка, па?

– Точно не помню. Около месяца. Что-то так. Давайте-ка, поедим чуток, Таня вон пришла, и по местам. Завтра вставать рано.

– Почему рано? Воскресенье же?

– А мы с тобой завтра по магазинам отправимся бродить. Есть у меня задумка одна. Ты мне поможешь. Так что позавтракаем – и в путь. Я погулять хочу, размяться немного, а обед Таня обещалась сделать.

Да, кстати, Максимыч-то тебе звонил, чтобы ты насчёт отгулов с Василием договорилась. Ты договорилась?

– Ой, папа, их у меня, хоть в бочке соли! Меня же на всех участках просили заменить кого-нибудь, пока я привыкала тут ко всему, и я пока окончательно с местом так и не определилась же? Институт ещё формируется пока. А врачи то болеют, то в декрете. Договорилась я с Василием Петровичем. Заявление сразу написала. Ты думаешь, что это он из-за Лео звонил?

– Скорее всего. Обычно им тоже отгулы дают после таких командировок, как награду. Если удачно всё.

Заснула Стаси сразу. У неё теперь появилась привычка запахнуться в халат Лео и под его запах засыпать.

Ориону, светящему в её окно, она всё подробно рассказывала, как день прошел, и как она скучает, и как отец пытается её отвлечь от грустных мыслей, хотя чувствует он себя не

важно, потому что погода меняется на дождливую, похоже. И Стаси добавила ему четвертинку аспирина в день на целую неделю, чтобы легче дышалось. И тётя Таня сварила очень вкусный компот и даже Васе своему отнесла банку, потому что им одним с папой столько не выпить. И про котов дяди Мити рассказала, как они прибегают в их садик потереться о ноги и посидеть у костерка, который они с отцом и Юрием Максимовичем частенько разжигают в мангале, поджаривая на шампурах ломтики колбасы и батона, аппетитно хрустящие печеной корочкой.

А Лео не спалось. Орион нагло светил в окно и совсем не успокаивал, а наоборот, поднимал волосы дыбом. После первого подробного доклада в комитете с ним снова несколько раз разговаривал какой-то майор. Иногда весело и непринужденно шутил, снова переспрашивал, как они это обнаружили, кто при этом был, и когда он, как бы невзначай, в третий раз спросил о Стаси, Лео понял, что его наверняка отстранят от дела и, в лучшем случае, ограничат в передвижении. Картина-то маслом в голове следователя, похоже, складывалась. И в центре этой картины стояла Стаси: «Чтобы просто так какая-то почти девчонка и сразу нашла зацепку? Таких случайностей не бывает. Приехала в город – как раз по срокам. Пропуск – вездеход, хоть куда пожалуйста, кроме самого объекта, служба медицинская – одна из сквозных. Стала женой контрразведчика в мгновение ока. И с дядей

Митей уже накоротке. И с отцом», – я бы проверил такие совпадающие факты. Интересно, приёмник они по лампочкам разберут? Или просто прослушку поставят? Я бы поставил. Ну и х*р с ними. Обязаны. Надо завтра в библиотеку попроситься. Должны отпустить. Не одного, конечно, ну и х*й с ними тоже. Да ещё и книги там только на английском. Может не стоит? А чего не стоит-то? Стоит. Где я ещё это всё до кучи соберу? Дня три убью, как пить дать. Но откуда Стаси эти приёмчики знает? Вот ещё Мата Хари! Та тоже мужиков с ума сводила. И как я не задымился? Ещё и с верёвками этими, – Лео заржал в подушку, не выдержав. – Нет, а отец-то каков? Вот сообразительный! Неужели что-то такое подобное и у него было? Мгновенно нашел, что сказать, пока я губенки свои размыкал, мыча-лепечка...»

Лео действительно практически отстранили от дела, но в библиотеку легко отпустили, дав заодно какое-то задание для отвода глаз на несколько дней. Он сидел в читальном зале дотемна, окончательно вымотав наружку, сменявшуюся три раза, пока он добывал сведения по крупнице. Нашел он кое-что и про Мата Хари. И «Декамерона» «по диагонали» прочитал.

Из краткой справки в энциклопедии о Фрейде и фрейдизме, порицаемом и преследуемом, понял, что «самое безудержное из всех стремлений человека – сексуальное стремление к «объекту». Ну, это он и так уже знал, без Фрейда.

Ещё Лео понял, почему Фрейд до сих пор недоступен.

Его философия расходилась с основной парадигмой молодого неопытного социалистического строя, которую так чётко сформулировал Арон Залкинд. И стал известным. Его брошюрка о «двенадцати половых заповедях революционного пролетариата» была доступна в общем читальном зале любому желающему.

На обратной дороге до служебной гостиницы Лео зашел в парфюмерный отдел магазина на улице Спартака, купил розовое масло. В магазинах этого большого промышленного города всё было достаточно бедно, если быть точным, то смотреть тут было совсем не на что после их магазинов.

Правда, ажурные чугунные решетки, обрамляющие все газоны на центральных улицах, придавали этому городу впечатление постепенно складывающейся основательности и солидности.

Для Стаси он не нашел ничего, что он захотел бы ей подарить. И только тут вспомнил, что он ей вообще ещё ничего не подарил. Ни цветов, ни украшения, ни, даже, флакончика духов. А она ему уже несколько пар носков заштопала. И сейчас он был в таких, ею заштопанных. Специально такие взял, чтобы приятно было чувствовать её руку. Вспомнил слова отца: «Заштопанные мужские носки внушают доверие к дому, в котором их штопают».

– М-да. Совсем неважный из меня муж получается. Отец купил матери тапочки, когда они уже сто лет вместе-то не жили. Не понимаю я чего-то в их разборках. У нас со Стаси

совсем другое дело будет. У нас будет пещера крокодила. Но как же она передо мной титёшками своими трепыхала, когда массирувала! Ну, Стаси, доберусь я до тебя, подожди. Я тоже тебя привяжу. Вот тогда посмотрим, кто кого лучше промассирует. Господи, голова ж ты моя квадратная, и когда эти остолопы всё проверят? Бокаччо я прочитал. Мата Хари? Тут одни вопросы. Есть над чем подумать. М-да. А у нас и нет ничего собственного отечественного. Даже в большой энциклопедии всё вырезано. А почему?! Все люди нормальные и женатые этим занимаются всю жизнь. И каждый носом наугад тычется, и редко кто, что-то путевое об этом сказал. Мужики между собой только матерятся: «всунул», «вдул», «дала-не дала»... Правда и бабы тоже... А на самом деле ни в чём не разбираются толком. Наугад всё. Понаслышке. Кто-то, что-то, где-то подсмотрел, подслушал.

А как же она была красива... дух же захватывало, дышать не мог, как зацепило. И такое совершенство, и такую радость... Что же мы за люди такие, самое святое и только матом умеем называть? Или так раньше нашими предками самое святое только так и называлось, призывая в такие моменты всю силу вселенной? Или это просто от полного и отчаянного неведения? Но есть же те, кто любит свою жену? Есть. И это всем понятно. Того же Музрукова взять. На них же все наглядеться не могли, когда он жену свою под руку так бережно вёл. А тоже вот не пожилась ей. Умерла. Нет. Я наш мир в пещере нашей буду по-другому устраивать, как

она тогда сказала: «Чтобы всё гармонично было по-возможности?» Гармонично. Будет, Стаська, у нас всё гармонично. Очень даже гармонично. Скорее бы только они все версии свои проверили. Пока не убедятся в стерильности наших связей – не отпустят. Зря Глебка говорил, что одна версия. Их тысяча, как и весь тираж, может быть. И мы все – в том числе. Нас первыми и проверяют. Это правильно. Скорее бы. И чтобы приёмник не угрохали, когда присоединяться будут. Он ей так нравился! А! Всё-таки, я ей подарил приёмник! Молодец я, чо! Перестраховщики чертовы. Нет, перестраховка в таких делах – это же жизни чьи-то. Надо. Но скорее давайте, «ребяты», а?» – Лео рвался домой, но использовал с максимальной пользой всё свободное время, которого у него неожиданно оказалось гораздо больше, чем он сам того бы желал.

Больше всего «научной» пользы Лео принесла обычная скучная медицинская книга по анатомии и физиологии человека. Хоть что-то ещё понимать начал, кроме того, что он полный лопух в своём «стремлении к объекту».

И совершенно неожиданно, конечно, он получил, по крайней мере, среднее специальное узкое образование по интересующей его теме, прочитав под самый занавес его пребывания в замечательном городе Че, одну замечательную книгу.

«Настольная книга механика по ремонту зерноуборочных машин.» 1938 года издания, над которой он корпел несколько последних вечеров, поставила несколько жирных восклиц-

цательных знаков в его душе на всю оставшуюся жизнь.

Спасибо придирчивому майору!

Сергей Дмитриевич бережно держал руку Стаси на сгибе своей руки. Встречные на улице оборачивались на эту необычную пару. Седящий стройный, поджарый мужчина и совсем молоденькая девушка оживлённо о чём-то говорили, девушка то и дело прыскала от смеха в ладошку, а он был явно доволен её весельем и охотно его поддерживал. В первом же отделе главного магазина Города, куда они зашли, он, сняв красное бархатное с никелированным крючком на конце ограждение, молча усадил её в уютное, блестящее лаком деревянное примерочное кресло обувного отдела и, подзвав продавщицу, спросил: «Барышня, а могу я вам доверить мою дочь, чтобы вы ей подобрали несколько пар обуви на все случаи жизни? Только самое лучшее из того, что у вас тут есть?» – «Самое-самое лучшее прямо?» – барышня с сомнением смотрела на Стаси в её выдавшем виды габардиновом плаще с маминого плеча.

– Точно так. Самое лучшее. Цена не имеет значения. Вы меня правильно поняли? – отец умел говорить так, тихо и почти без выражения в голосе, но все мгновенно понимали, что переспрашивать его ещё раз не стоит

– Папа! Ну зачем ты? Я же говорила тебе...

– Стаси, я знаю, что я делаю, девочка, и ты меня не расстраивай, а то опять давление... Давайте, барышня, присту-

пайте. Я ненадолго отойду в другой отдел, – и он отошел в отдел готового женского платья, провожаемый страдальческим взглядом Стаси и завистливым взглядом барышни.

Несколько пар обуви Сергей Дмитриевич забраковал сход, как чересчур обыденные, заменил их более нарядными, и разного цвета. Стаси безмолвствовала.

– Эти же лучше, да? – он, как маленький, радовался куче коробок, которую продавщица складывала и связывала бечевкой.

– Пап, как я на вызова-то на каблуках ходить буду? И зачем их столько?

– На вызова? Это я не подумал. Так. Барышня, подождите упаковывать, давайте-ка ещё нам несколько пар на примерку, на маленьком каблукке и совсем без каблукка. Но красивые! Сейчас, дочь, подберём, то, что нужно, – к увязанной стопке добавилась ещё несколько коробок. Лицо Стаси пылало от смущения.

– Папа, тут на нас все смотрят. Мне неудобно.

– Ну, а что ты хотела? У Воротова дочка объявилась! И он от радости готов ей все игрушки тут купить. Пусть смотрят. И потом, Стаси, у тебя же работа-то «ходячая», твои туфельки давно на ладан дышат. Нам с тобой теперь вон туда надо. Девушки, а вы всё нам упакуйте и свяжите, пожалуйста покрепче, – и он увлёк её в отдел готового женского платья.

На вешале для выбранного платья висело с десятков плечиков с одеждой.

– Я тут присмотрел, давай, примеривай. Надо же нам Лео удивить и обрадовать?

– Ты думаешь, что он обрадуется этому всему?

– Да нет, конечно. Я думаю, что он даже не сразу и заметит эти тряпочки и тапочки на тебе. Но все остальные заметят и порадуются вместе со мной, что у меня такая красавица-дочь. Потом и он оценит. Обязательно оценит. Давай, Стаси, выбирай, что тут тебе подойдёт? Барышни самое лучшее принесли, говорят. Посмотрим давай. Я – не спец, конечно, но, авось, разберёмся, – Стаси усмехнулась, глядя на своего щеголеватого свёкра с изящным заломом велюровой шляпы, сдвинутой набок. У него, как и у Лео, было умение носить вещи, почти небрежно, но очень изысканно.

К великому сожалению Сергея Дмитриевича Стаси хорошо подошли только белый, прямого покроя из плотного белого шелка пыльник с единственной красивой пуговицей, огромными карманами и широкими отворотами на рукавах, который стоил целое состояние по мнению Стаси. Ещё ей хорошо подошел красивый из серого шевиота осенний плащ в талию с широкой юбкой и шикарным воротником. И отлично подошла серая каракулевая шубка в комплекте с беретом из каракуля же. В этом наряде Стаси выглядела молодой и уточенной дамой. Ни одно платье тоненькой и невысокой Стаси не подошло. Тем более не подошли костюмы, которые надо было укорачивать, ушивать, и вообще они были ей не по вкусу.

– С пальто и шубкой решили более-менее. Зимняя обувь осталась только. Это проще уже. И что же мы будем теперь делать? В ателье идём? Тогда надо ткани посмотреть. Пошли, Стаси. Мы сегодня должны все твои проблемы с гардеробом решить. Через два месяца и осень наступит.

– Пап? Да нет у меня никаких проблем, пап. У меня вот голова уже кружится. Я мерить устала. Папа, это же такую кучу деньжищ стоит? Давай в следующий раз, а?

– Эх, дочь! Не дороже радости всё это стоит. Носи, радуйся, и нас с Лео радуй. А деньги? Ими же не согреешься, не наешься? Они для того и даются, чтобы кроме удовлетворения от работы ещё и другими удовольствиями себя можно было немного побаловать. А вот остальное пойдёшь покупать с Лео. С меня, пожалуй, хватит твоих испуганных глазёнок.

– Какое ещё остальное, па? По-моему, в магазине все перестали покупать, только на нас и смотрят, – зашептала Стаси сердито, мельком оглядываясь и ловя на себе взгляды и ухмылки.

– А ты привыкай, доча. Ты же Воротова теперь. Была одна Воротова – законодательница мод тут. Всегда все оглядывались. Теперь вторая вот появилась. Ещё краше, пожалуй. Так что нам с тобой марку никак терять нельзя, положение обязывает, дочь. Пошли за тканями.

– Пап?

–Что? Слушаю?

– Папа, я терпеть не могу, когда меня обшивают и иголками колются.

– Ну, почему сразу и колются? Поговорим, потребуем, всё нормально будет, Стасенька.

– Пап? Давай лучше машинку мне потом купим с моей зарплаты, и я сама себе буду шить? Книга с выкройками, учебник такой, у меня есть. Я ещё лучше себе сошью.

– Ты шить умеешь?!

– Конечно. Это все женщины умеют, па, – Сергей Дмитриевич с улыбкой смотрел на Стаси. Эта девочка даже не осознавала, как она непосредственна и пленительно-наивна, и как хороша.

– Ну, что ж? Уговорила. Тут мы всё равно ничего приличного готового не найдём, похоже. Пошли за тканями и машинкой.

– Папа! Я не пойду. Тебя за коробками обувными будет не видно. И меня за этими пакетами – тоже. Поехали домой. Хватит на сегодня. Я тут со стыда сгорю скоро. Явилась – не запылелась! Что обо мне люди-то скажут, па?!

– А то и скажут, что Лео очень повезло с женой, красавицей и умницей. А мне с дочуркой. Сейчас всё сгружаем в машину и едем в другой магазин, раз тебе тут не нравится.

– Пап! Нет уж. Я никуда больше не поеду.

– Вот и хорошо, правильно! Тут самый широкий выбор тканей, как в Москве. Не хуже. Это же наш центральный магазин. Пошли-пошли. Мне одному сложно будет выбрать. Но

помочь – помогу.

В отделе тканей барышни, потерявшие дар речи от количества коробок, которые вынес к шикарной машине седой пожилой мужчина, так галантно распахивающий дверь перед его молодой спутницей, наперебой выкладывали перед ними штуки тканей. Одна из них вышла из-за прилавка и ловко накидывала край очередного отреза на плечи Стаси, сутулившейся от смущения в сыроватом от дождя стареньком габардиновом пальто, поворачивая к ней зеркало, в которое Стаси избегала смотреть. И без зеркала она видела, что нравится отцу, а что не нравится, и уже не сопротивлялась, охватившему его азарту. А Сергей Дмитриевич, казалось, испытывал настоящий восторг, представляя свою красавицу-дочь в каждом из возможных новых платьев.

– Стаси, вот это непременно надо сшить к приезду Лео. Сколько метров на такое вот платье надо? – отец показывал понравившееся ему платье в лежавшем тут же журнальчике мод.

– На такое? Метров шесть. Не меньше. Тут же юбка по косой выкроена, – охотно подсказала одна из барышень.

– Если по прямой скроить, можно сэкономить, и три хватит, – сердито возразила Стаси.

– Что значит – «экономить», Стаси? Именно такое надо сшить! А я и не понял сначала, что в нём такое замечательное. Конечно! Обязательно надо по косой. Как хочешь, солнышко, а ты теперь обязана. Иначе он спросит, что же я-то

сделал, чтобы ты тут не скучала, а мне и сказать будет нечего. Барышни, вы нам это всё упакуйте, что дочь отобрала, но, пожалуйста, по шести метров только. А мы пока в хозяйственный с дочкой завернём.

– «Барышни... заверните» ... если бы не знать, что она ему сноха, так можно было бы подумать, что жена, прям, – тихо проворчала про себя одна из барышень. А вторая рассмеялась: «Завидуешь, что ли? Так иди. Завоюй. Всем известно, что он не женат. Ишь, как деньгами сорит».

– Ага, не женат. Он со своей «дочки» глаз восторженных не сводит. Завоюешь такого, как же. Околдовала мужиков всех эта врачиха. Только о ней все и говорят. Даже мой не преминул восторгнуться! И чо в ней такого, уж? Ну, симпатичная. Стройенькая. Но ничо особенного. Обычная.

– Значит, точно что-то есть. Дыма без огня не бывает, – уверенно возразила вторая, завязывая бантиком упаковочную верёвку на стопке завернутых отрезков по шесть метров каждый.

– Нет, Стаси, это так специально нам повезло! – восторгался Сергей Дмитриевич. – Я таких и не видел ещё. Думал ножную, тяжеленную придётся тащить, грузчиков просить. А тут – чемоданчик такой замечательный. Подумать только, электрическая швейная машинка уже есть!

– Папа, главное, что она край же обрабатывает! Вот что главное!

– Вот и славно. А ты идти не хотела, эх ты! Чуть всё не

пропустила. Вот Лео удивится, когда увидит тебя в новом платье! Она же, как сумасшедшая шьёт! Иди, забирай свои отрезы. Поехали обедать. Вот тётя Таня-то ахнет!

Покупка швейной машинки вдохновила Стаси, как некогда вдохновляли её новые красивые необычные игрушки. И она в свободное время, которое за приятными делами теперь протекало почти незаметно, напевая себе под нос, кроила, мерила, сшивала и, наконец, через четыре дня предстала перед судом строгого жюри: тётки Тани и отца.

Прелестное платье из ткани в крупную яркую бело-черно-бордовую клетку с пышной юбкой в складку, скроенной, как и задумано было модельером по косой, с тонким чёрным пояском, рукавом до локтя и открытым воротом стоечкой придавали Стаси одновременно и строгий, и нарядный вид.

– Стаси, а туфли-то к этому платью? Черные на каблучке? Давай, рази нас наповал! И перчатки! Перчатки ещё не забудь, черные, кружевные! И сумочку не забудь, Стаси! – кричал вдогонку убежавшей Стаси Сергей Дмитриевич, и не было на свете более счастливого и гордого отца в этот момент, чем он.

Как старый опытный Пигмалион он, снимая некоторые шероховатости, аккуратно вытачивал из прекрасно скроенного куса безупречного мрамора великолепную женщину, жену своему любимому сыну, которой будут восхищаться все, а больше всех он сам будет восхищаться своей дочерью.

– И как же ей шляпки эти идут! Королевна. Смотри, не

избалуй девку-то.— не преминула вставить свои пять копеек теть Таня.

— Ты серьёзно думаешь, что такую можно избаловать, Таня? Не видишь, что ли, как она даже демонстрировать стесняется? Я специально заставляю её всё это поносить, а то будет ещё ходить, голову долу опустив. Знала бы ты, что мне в магазине с ней пришлось вытерпеть. Ничего не хотела покупать и мерить. Сжалась вся в комочек закомплексованный. Самому пришлось почти всё выбирать. Но вроде и хорошо я всё выбрал? Главное — машинку купили, которая её вдохновила.

В тот день обрадованный замечательной и неожиданной покупкой электрической швейной машинки Сергей Дмитриевич даже уговорил Стаси зайти в галантерейный магазин, откуда они вышли тоже загруженные свёртками и коробочками, с трудом поместившимися в большую авоську. Праздник одевания и одарения удался. У Стаси в её ящиках шкафа появилось множество шарфиков и косыночек, перчаток и шляпок. Не хватало только тёплых зимних шляпок, шарфов и перчаток и варежек и обуви. Не сезон был.

К слову: в те годы все модницы обязательно носили перчатки даже летом, если одевались нарядно. Шляпки были не так обязательны, но для завершения образа желательны. Этот ГОРОД, как роскошный и щедрый мужчина, уже мог позволить своим замечательным и отважным женщи-

нам быть очень и очень красивыми и нарядными в торжественные моменты жизни.

– Стаси! Просто великолепно! Ничего лишнего, и всё на месте. Ты красивее сшила это платье, чем изображено в твоём журнале. Завтра все упадут от удивления и восторга, увидев тебя. И пыльник тут будет в самый аккурат, доченька. Ну-ка, надень, мы посмотрим? – уже увлекшись игрой, Стаси с удовольствием продемонстрировала и пыльник, который с ярким контрастным платьем смотрелся великолепно.

– Прямо докторица настоящая! – восхитилась тётя Таня.

– Так она и есть самая настоящая. По всем параметрам. Ну вот, Стаси, как я понимаю, осталось не так уж и многое купить. Лео, я думаю, сможет теперь и сам разобраться, увидев, в каком направлении надо думать. И перестань смущаться. Ну кто бы я был, если бы позволил своей дочери и дальше иметь всего два платья и стирать их без продыху? А теперь я спокоен. И ты замечательно умеешь шить, оказывается. Не ожидал. Дерзай дальше, только пальцы больше не подставляй под иглу, – все рассмеялись, Стаси с непривычки не успела убрать палец от быстро едущей под руками ткани, и игла больно ударила по ногтю, оставив синяк.

За работой и желанием приятно удивить Лео, Стаси просидела несколько вечеров за машинкой, и к его приезду у неё в шкафу висело ещё три платья, при виде которых она смущенно и радостно вздыхала, забывая, сколько ей пришлось

перетерпеть в этом магазине.

Поход с отцом Лео в магазин для неё оказался шоком.

В магазины протоваров она сама здесь пока не заходила, нужды особой не было. Заходила только в продуктовый, который всегда радовал её запахом свежего хлеба, копченой селёдки и пряников, а в остальных магазинах она не знала пока, как и двери здесь открываются.

Листочек с первоочередными покупками у неё висел на внутренней дверце общежитского шкафчика. И за первые месяцы она ещё ничего не сумела накопить, жадно накинувшись на полки в книжном магазине и взяв читательский билет в новую библиотеку города. Впереди маячило тёплое беззаботное время, для лета ей вещей хватало, а вот потребность в новых знаниях постоянно о себе напоминала. Только институтских учебников и конспектов – давно не хватало.

Если вдуматься, то странное это дело – стремление к профессиональному росту. У некоторых это заложено, как обязательная программа личного развития. У других отсутствует начисто. В принципе отсутствует. Почему? А тут всего два ответа. Или, или. Первый ответ – человек получил не то образование, занимается не своим делом, просто механически ходит на работу, действует по инструкции, стараясь не выходить за её рамки, удерживаясь тем самым от малейшей личной ответственности. Получает зарплату На всё есть разработанные технологические карты.

У медиков тоже есть стандарты лечения того или иного заболевания. Таким врачам ни к чему личный энтузиазм, он ему только мешает жить спокойно. И никто врача не упрекнёт в том, что лечил неправильно. И только патологоанатом впоследствии выяснит, правильно ли, и от того ли, лечили неудачливого пациента. Основная причина всего этого безынициативного бдения на рабочем месте – крайняя жестокая профессиональная деформация такого врача, до абсолютного бездушия и человеческой примитивности. Обычно такие врачи мечтают о неосуществившейся возможности стать кем-то другим, очень часто таких тянет на сцену. А некоторые актерами и становятся, слава богу. Всё-таки, находят своё истинное призвание – быть музыкантами, певцами, актерами. Просто часть своей жизни они занимали не своё место, работали по инструкции. И хорошо, что ушли. Плохо, что таких много.

Второй причиной отсутствия стремления к профессиональному росту может стать раздутое эго способного, в принципе, спеца в чём-то. Осознание себя Истиной в последней инстанции. Рано или поздно это плохо кончается. И раздутое эго с треском лопается под катком постоянно движущейся массы новых знаний, открытий, опытов любопытных незашиоренных исследователей.

И те, и другие, не рвущиеся каждый день к совершенству, – явление обычное. Зашиоренное и скучное.

А вот другие, озаренные собственной потребностью ид-

ти вперёд, пусть по капельке, но каждый день делать шаг – это явление гораздо реже встречающееся. Не зависящее ни от чего: ни от условий жизни, ни от сытости и комфорта, ни от моды и одобрения чьего-то или осуждения чьего-то.

Впрочем, это и раньше редко встречалось. Поэтому и гениев мало

Каждый вечер Стаси составляла себе план на следующий день. И ей доставляло особое удовольствие вычеркивать осуществлённое за день. Выполненные пункты делали жизнь насыщенной, упорядоченной, осмысленно стройной. Невыполненные пункты терпеливо переписывались заново. В план следующего дня. Иногда они так и не находили шанса быть выполненными. Например: «делать ежедневные пробежки по парку».

Нет, Стаси честно попробовала это сделать. Во-первых, некоторые на неё смотрели, как на чудачку, которая, неизвестно зачем и куда, бегаёт. Во-вторых, она и правда выглядела чудаковато в своих с резиночками на щиколотке шароварчиках, скроенных и сшитых из двух стареньких синих выцветших маминых халатов, в которых та по вечерам подрабатывала санитаркой.

Здесь в городе все, кто занимался физкультурой уже надевали спортивные трико, но в продаже они тогда бывали редко. Даже тут, в этом особом городе. Синий трикотажный костюмчик с отделкой по манжетам и воротнику белой по-

лоской был пока у многих пределом мечтаний.

Для Стаси купить уютг или плащ было важнее, чем купить трико. Так этот пункт и потерялся невыполненным.

А вот чтение книг и журналов – это было непререкаемым правилом. Обязательным, как чистить зубы. Хотя бы несколько страниц в день Стаси должна была прочитать. Читала она всегда и везде, несколько книг одновременно лежали раскрытыми, или с закладками, на стуле около кровати в общежитии. Теперь эта привычка переехала и сюда, в их с Лео спальню.

Стаси давно взяла за правило покупать с каждой «получки» что-то из книг. Ну разве можно было удержаться и не купить то, о чём мечтала прочитать с детства? Поэтому весьма значительная сумма уходила у неё на это удовольствие.

А кроме, как на еду, самое необходимое из вещей и на книги, у неё денег пока ни на что и не хватало, несмотря на приличный коэффициент специальной надбавки к зарплате. Скопив круглую сумму рублей в двести-триста, она выслала их маме, прекрасно понимая, с каким трудом её любимые мамочка и бабуля сводят там концы с концами, покупая и дрова, и сено для козы.

Да и не умела Стаси ходить по магазинам.

С мамой она бывала в магазинах очень редко. Маленькая Стаси восторженно замирала перед витринами, за стеклом которых лежало так много и таких разных интересных и красивых вещей! Совершенно им с мамой недоступных. Через

две зимы ей покупали новые валенки и резиновые ботинки с металлическими застёжками и бархатными отворотиками для весны и осени «на вырост», и ещё две новых пары чулок. Каждое лето мама покупала ей новые сандалии «на выход», а у старых отрезала острым лезвием носок и рантик, это папа её научил ещё когда был с ними, и Стаси бегала в них всё лето, надевая новые сандалии с беленькими носочками только «на выход» или в школу. На следующий год процесс повторялся. Одежду Стаси носила только перешитую из маминых и бабушкиных «выходных» платьев, перелицованных пальто, которые они рачительно не донашивали до дыр, оставляя что-то и для Стаси. Она смутно помнила, как папа в детстве покупал ей новые мячики каждое лето, игрушки дарил на Новый год, а на день рождения дарил всякие драгоценные для девочки штучки, например набор «Мойдодыра» с одеколончиком и душистым куском детского мыла с чудесным запахом «Мойдодыр», и маленькой коробкой зубного порошка «Мойдодыр». Это были чудесные, волшебно пахнувшие подарки. А однажды он подарил ей маленькое «настоящее дамское» зеркальце, как у мамы, и расчёску для волос. Расчёска давно сломалась, а зеркальце всегда было с ней. Эти воспоминания и вещицы нежно согревали её.

Рог изобилия вещей, обрушившихся на неё из рук отца Лео деморализовал её, вогнал в ступор и краску стыда сначала. Потом этот шок перешел в безразличие и онемение. А потом эта чудесная зелёная электрическая машинка, краси-

вая, как игрушка, неожиданно резко всё это перечеркнула, и вдруг родилась радость! Как тогда, в детстве. И Стаси ясно увидела, как чистосердечно радуется отец, что может делать для них с Лео сюрпризы, как гордится, что у него такие дети, и как он этими всеми мелкими событиями наслаждается.

Посвящённым давно известно, что дарить подарки гораздо приятнее, чем получать подарки – аксиома зрелости.

К каждому платью Стаси очень удачно из всего купленного подобрала туфли, перчатки и сумочку, только теперь оценив, насколько продуманно отбирал в магазине вещи отец.

Откуда же Стаси было знать, что в своё время он был образцом подражания и стиля среди сверстников и легко покорял этим девушек. И это было в далёкие, голодные и бедные двадцатые годы.

Стиль – он не зависит от благосостояния и от дороговизны вещей.

У некоторых людей есть природный абсолютный слух, тонкое обоняние, дегустационные способности, а есть природное чувство стиля, цвета и формы. У Сергея Дмитриевича они были безупречными.

Глава 7. Мгновения

Отец оставил дверь незапертой на ночь, впрочем, здесь никто особо и не следил за этим никогда, препоручая безопасность дежурным нарядам и морским катерам, поэтому Лео бесшумно вошел, оставил чемодан в прихожей, обрадовавшись, вдруг, чистому лунному блеску метлахской плитки, которой был выстелен коридор. А он и забыл про это, и забыл запах дома, который сейчас возбужденно вдыхал. И внезапно обрадовался до щемления в груди, увидев её туфельки, аккуратно стоявшие на обувной полке. Он это совсем забыл и снова, как и каждый, кто надолго уезжает, а потом возвращается, открывал, узнавал и вспоминал теперь милые черточки родного дома, резко чувствовал изменения: раньше стула здесь не было, вообще не было этого нового столика, на котором так уютно стоял её рабочий чемоданчик и какая-то незнакомая ему сумка.

Не зажигая света, Лео тихо прошел, ощущая незнакомую ковровую дорожку под ногами, до ванной и, закрыв дверь, сбросил на пол с себя всё, пропитанное чужим казённым запахом гостиницы. Окатился из душа. Горячая вода расслабила тело, сняла усталость тряской ночной дороги. Он с удовольствием густо намылился, не набирая воды в ванну, и блаженно смыл с себя пену, густыми хлопьями утекающую вместе с водой. Ополоснул всё вокруг и... не обнаружил своего

халата, который всегда и неизменно тут висел, рядом с халатом отца и рядом с её халатиком, бывшим его детским когда-то. Тщательно вытеревшись, запоздало пожалел, что не надел тапочки, и теперь ноги не будут безупречно чистыми, обмотал вокруг возбужденных тщательным мытьём и трепещущих от тысяч иголочек чресел мокрое полотенце и на цыпочках пошел. К ней.

В спальне отвыкший нос мгновенно учуял её запах, а потом и глаза, привыкшие к полутемноте, увидели её, сиротливо скорчившуюся на огромной кровати. Он осторожно прилёг рядом, стараясь не разбудить. Сначала не понял, что это такое тёмное тут, во что она завернулась? А когда понял, зажал рот рукой, чтобы не рассмеяться громко. Она завернулась в его махровый халат и спала, уткнувшись носиком в подмышку халата. В спальне было прохладно и свежо от открытой форточки. Она любила спать почти на сквозняке. Прикрывшись одеялом, он лёг, окружив её собой, как котёнка, и, опершись на локоть, любовался и наслаждался, слыша её дыхание и ощущая запах волос и теплого тела спящей жены. Ему и хотелось её разбудить, и не хотелось разрушать этот миг, которого он так долго ждал. Она крепко спала, как уставшее дитя на свежем воздухе.

Ему стало смешно видеть, как её носик почти зарылся в его халат, и он тихонько потянул за край халата, отнимая его от её лица.

– Мм, – невнятно и недовольно промычала Стаси и при-

тянула халат обратно, не желая расставаться с привычным уже «кусочком» мужа.

– Нет, чтобы меня нюхать, так она в халат мой вцепилась, – шепотом произнес Лео, и тотчас, ещё окончательно не проснувшись, Стаси развернулась и обхватила его за шею, прижавшись изо всех сил к его груди с не высохшими ещё волосами.

– Лео! Приехал. Как же я скучаю по тебе, – еле слышно прошептала она и ещё крепче прижалась.

– Уже можно и не скучать, я же вот он., – он попытался скаламбурить, но она не отпускала его, он услышал, что она плачет.

– Стаси, девочка моя, а я-то как скучал там, как мечтал, что вот так обниму тебя. Поцелую. Ты ещё помнишь, как я целовал тебя? – она отрицательно помотала головой, не поднимая лица, как будто бы ей не верилось, что он обнимает её, и она плакала, капая ему на грудь тёплыми слезами.

– Иди сюда, моя любимая. Я так хочу это повторить.

И когда Лео нашел её губы, потолок стал кружиться вместе с комнатой перед закрывающимися глазами Стаси.

– Конечно, стоя так целоваться совершенно невозможно, я упаду, – мелькнула смешная мысль, и все мысли вообще улетели куда-то. Остались только его горячие, нетерпеливые губы и руки, чуть дрожащие и такие нежные, отвыкшие от её тела.

– Стаси, я совсем забыл, какая ты у меня горяченькая,

голова моя квадратная! Стаська! Какая же ты сладкая, девочка моя, – он, как совсем неопытный парень, начал осторожно целовать ей плечи, руки, шею. И не торопился, проводя тыльной стороной пальцев по её коже, почти невесомо и нежно-трепетно, боясь слишком всё огрубить и упростить. Ей казалось, что каждый свой поцелуй он как-то осмысливает и пробует, проверяя, точно ли это он хотел поцеловать, и так ли?

Наконец он оторвался от неё и тихо спросил: «Стаси, а верёвки по-прежнему у нас в программе? Где они?»

– Ты хочешь те верёвки?

– Хочу. Только сначала объясни мне, зачем они были?

– А ты так и не понял?

– Может и нет. А может и да. Сам не знаю. Ты снова хочешь меня привязать? – говоря это, он закрыл глаза и легонько теребил губами кожу на виске у неё.

– Нет. Больше не хочу. А то вдруг опять кто-нибудь примчится среди ночи.

– А если точно никто не примчится, то хотела бы?

– Нет. Уже незачем.

– То есть? Тогда было зачем, а теперь уже нет? Да? – Лео с любопытством всматривался в жену.

– Да. Именно так.

– И что же это тогда значило? Я всю голову свою сломал над этим ребусом, Стаси. Расскажи своему несчастному мужу, что ты с ним хотела тогда сделать?

– Что хотела, то и сделала уже. Больше не требуется, я думаю.

– Точно?

– Точно.

– Тогда понятно, – Лео отклонился от неё и с нескрываемым удивлением смотрел на жену, которая смотрела на него счастливыми смеющимися глазами.

– Ты мне мстила. Правильно я понял?

– Мм. Правильно.

– Тебе это классно удалось. Я вот уже пятую неделю в себя прийти не могу. А сказать мне всё обычными человеческими словами ты не хотела?

– Нет.

– Почему?

– А для чего же у тебя голова твоя квадратная, как ты говоришь, мой любимый? Неужели ты этого не знал?

– Почему не знал-то? Знал. Но ведь все говорят, что женщина только после родов, и то не всегда...

– Кто это тебе говорит, Лео?

– Да все мужики, когда поддадут хорошенько, только об этом и говорят. Трезвые молчат. А пьяные жалуются.

– Мужики?... Говорят?... Для чего же тогда наша с тобой крокодилья сказка? Только там можно узнать истину. Нашу с тобой. И мою, в частности.

– Стаська, но ты мне хотя бы намекнула чуток. А ты, как палач, меня сразу пытаеть огнём начала. Почему ничего не

сказала? Я же чуть не сдох от неожиданности.

– Потому что хотела, чтобы ты сам всё почувствовал и сам понял.

– На дебилизм меня проверяла, значит.

– Зачем так? Сразу и дебилизм?

– А другого слова я подобрать не могу. Глупой я парень оказался.

– Если это тебя утешит – ты такой не один.

– А откуда такие сведения ещё? Это уже совсем интересно? – он дугой изогнул брови, в недоумении глядя на свою жену.

– А откуда. У меня есть уши. А у людей, которые любят тоже абрикосовый компот, есть языки.

– Стаси! Вот! Я про этот абрикосовый компот всё перечитал, и нигде ничего, даже малейшей зацепки не нашел. Ну, полезен этот урюк, ну, можно на одних абрикосах долго жить, что некоторые племена и делают. Но причём у нас-то этот абрикосовый... урюк? Я не понял? – у Лео было такое возмущённое лицо, что Стаси рассмеялась и долго не могла остановиться, пока Лео этот смех не остановил своим магическим поцелуем. – Рассказывай! А то лопну!

Когда Стаси пересказала ему эту историю, Лео хохотал ещё дольше. Пока Стаси не решилась попробовать остановить его так же, как он её.

– Стаси, у меня шкура слегка дымится от твоего поцелуя, – восторженно прошептал ей муж и надолго замолчал,

лаская губами, следующими за его руками след в след, тело жены. Он, едва касаясь, прислонял губы к её коже, и от этого «едвакасания» у неё выступили мурашки по всему телу.

И не осталось ни одного кусочка на её теле, не освященного его поцелуем. Не осталось ни одной складочки, не разглаженной его руками. Не осталось ни одной восторженной мурашки, не обласканной его пальцами.

И не осталось ни одного лепестка внутри крокодильей шкуры-крепости, который бы не загорелся красно-синим пламенем, отсвет и жар которого тотчас почувствовал и крокодилий панцирь, свернувшийся вокруг своего цветка шелковистым ласковым горячим кольцом.

Тонкие и сильные пальцы мужа творили с ней блаженство, губы, закрывая рот поцелуем, приглушали её вздохи и постанывания, а он только сильнее прижимал её к себе, пока она не потянула его на себя, требуя освободить её от невыносимой горячечной истомы, огнём охватившей бёдра, низ тела, от желания слиться с ним в ритме движений и раствориться в его огне, ощущая толчки его ног, сладостно-болезненные толчки внутри себя, постепенно расширяющие её до космоса, до невесомости тела, парящего вместе с ним где-то там, в другой реальности.

Продлевая её путь к упоительному блаженству, он часто приостанавливался, нежно целовал, едва касаясь, и снова толкал её всё выше и выше, пока, наконец, она не выдержала, сорвалась и, дернувшись, заметалась, запрокинув голо-

ву и тоненько заскулив. Мучительно-сладко взорвались все иголки терзающие её, вспыхнули ярким огненно-ледяным восторгом, всё усиливающимся и усиливающимся, предчувствующим высший миг непереносимого блаженства...

Наконец взорвался и он, заполнив всё ощущаемое ею пространство до предела восторга и наслаждения, содрогнувшись несколько раз всем телом и замерев над ней.

Он лежал на щеке и сквозь полуприкрытые, влажные от пота ресницы, видел мокрые завитки на её шее, на висках. Свет занимающегося утра откидывал тени ресниц на её щеки. Губы чуть приоткрывались, чтобы легонько и расслабленно вздохнуть, и совсем не торопилась его жена возвращаться на землю грешную из той выси, куда он её занёс.

Великая осмысленная тишина обступила тела, раскинутые лучами ног и рук, его ладони накрывали её ладони, и пальцы рук так и не разошлись ещё от судорожного переплетения в последний момент сладкой истомы. Он скорее прочитал по губам, чем расслышал: «Теперь можно и умереть, любимый...».

– Да нет уж, теперь жизнь у нас только и начинается. – хотел сказать он и не услышал своего голоса, связки сели и только пересохший язык что-то шершаво прошелестел во рту.

Она приоткрыла глаза и в полутемноте увидела всё в какой-то радужной оболочке, как после взгляда на яркое солн-

це, ощутила себя навечно распятой на его кресте, сладостном, прижавшим её своей тяжестью, спаявшим их в одно целое навсегда. И ладони, мокрые от пота, сцепленные, казалось, намертво, припечатали её к ложу под ним, как тяжёлые гири. Сквозь ресницы, с трудом размыкающиеся от пота, она увидела в сумерках начинающегося утра его смеющиеся от счастья глаза и услышала восторженный шепот: «Стаси, сладкая ты моя девчонка, ты так мило скулила, что я ещё хочу это послушать!»

– Я скулила? – она, слабо моргая, непонимающе смотрела на него.

– Да. Чудесно скулила, как щенок. И пахнешь чудесно. Молочком.

– Скулила?! Я совсем не умею себя держать в руках. Это ужасно.

– Глупенькая моя. Это прекрасно. И даже не пытайся сдерживаться, мне так нравится, как ты скулишь. И я в ответ готов выть, как волчара. Косматый и до крови ободранный.

– Почему ободранный-то, Лео?

– Так шкуры же нету! Во-первых, там царапины по всей спине, а во-вторых, – она же сгорела! Не слышишь, как паленым пахнет?

– Резиной горячей от тебя пахнет, а не палёным. Я уже привыкла к этому запаху.

– И от тебя тоже другим запахом пахнет. Молочком. Чудесным. Я ещё хочу, Стаси. А ты?

– Ты ещё хочешь?

– Мне вообще-то важнее, что ты хочешь. Того и я теперь хочу.

Стаси что-то зашептала ему на ухо, потом смущено спряталась уткнувшись в его волосы на груди, потом снова шаловливо, как маленькая, чмокнула его в нос и снова нырнула, обняв руками и потянув к себе.

Казалось, он внимательно слушал её, но было очевидно, что он не столько слушает её, и даже совсем не слышит, а с дурацкой счастливой улыбкой всматривается в неё, не веря самому себе.

– Ты чего тут нюхаешь, – он рассмеялся от щекотки, очнувшись от своих видений.

– Меня возбуждает твой запах. И я беспокоюсь за царапины. Давай, смажу йодом?

– А меня – твой, – Лео втянул носом запах её волос. – И не надо меня йодом мазать. Меня это очень возбуждает. Горит, прямо. И чего это мы зазря тут возбуждаемся вообще? Непорядок. Иди ко мне, возбужденная ты моя!

– Нет!

– А почему нет-то? Самое же оно?

– Лео, там же папа! Проснулся уже. Я же тебе об этом только что говорила? Слышишь, чайник громыхнул? Или ты меня совсем не слушаешь?

– И что? Мы же тихо?

– Я же не умею тихо?

– Ничего. Я ротик твой закрою. И мы же быстро? На работу же?

– Мне во вторую сегодня выходить, – прошептала Стаси. – Поэтому папа меня и не будит.

– А мне можно вообще сегодня не выходить, ну, разве что к вечеру. И папа и не думает нас будить, споткнувшись о мой чемодан. Даже поспать успеем, если тормозить не будем. И как тормозить-то? Я уже на скорость включил.

– Нет, Лео. Поспешешь – людей насмешишь. Проходили уже, – прошептала разочарованно Стаси.

– Ладно. Я больше никогда не буду на скорость включаться, ты будешь мной руководить. Идёт?

– Ни за что! Никогда! – прошептала Стаси возмущенно и жарко.

– Почему?

– Потому что мне скучно сразу станет.

– То есть, я сам всё могу, что хочу?

– Можешь и должен. Ты же играешь главную роль?

– А ты уверена? – уже задавая этот вопрос, Лео воспарил, подумав про себя: «А я-то боялся! Дурак я, одним словом, голова моя квадратная».

– Уверена, – совсем тихо прошептала Стаси, расслабляясь под его тяжестью...

– Ну, тогда... ладно...

... острый, едва сдерживаемый, почти гнев неуголённой страсти, нагнетаемый его быстрыми толчками и её встреч-

ным движениями, вдруг растекся от её бёдер жаром по всему телу, наполняя иголочками даже кончики пальцев.

И впереди ясно возникала, наплывая на них, манящая, наполняющая обоих неотвратимостью восторга тела, сверкающая вершина. И откуда-то оттуда к Лео спустилось понимание инстинктивно-необходимого доверия – то, к чему мужчина в любви всегда стремится и боится этого, не веря, ужасаясь тянущей его в себя бездне обнаженности перед женщиной, что мучительно прикусила губу и едва слышно поскуливает от наслаждения даримого ей его силой... «Лео, любимый, я так... и наверное умру сейчас... иголки... ой... я не могу больше... не могу!» – «Не умрёшь, Йони ты моя сладкая. Иди сюда... девочка моя... сейчас я...»

Он схватил рукой её волосы, прижался к её губам, притянул второй рукой обмякшее и доверившееся ему тело, безоглядно ввергаясь в него, как ввергаются в водопад, и все силы его ушли в последний толчок. И все впившиеся в их тела в мучительно-сладостном поединке острые копыя желания взорвались и прошлись освобождающей судорогой, опуская обоих с небес до подушки, по которой металась её голова, и его губы, едва сдерживая то и дело вырывающийся рык, постепенно заглушили звуки тихого и беспомощного стенания его женщины. И произошло это за какие-то мгновения, вопреки опасениям Стаси. Разгоряченные тела мгновенно поймали волну и унеслись, в океан страсти легко и стремительно, даже не ожидая такой легкости возникновения восторга

и упоения друг другом.

Второй кусок торта, как и второй глоток вина, язык гораздо правильнее воспринимает и отдаётся вкусовому наслаждению, которое, вполне понимая и различая все тонкие ароматы и нюансы в каждом кусочке и глоточке пиршественного угощения, смакует каждый из них и запоминает.

Так и любовники, сбросив горячку разлуки, растягивали и смаковали ароматы, движения, сладостные муки любовного взаимного насилия, не упуская ничего из отданного в их распоряжение сотворения общего чуда.

Такого мира и покоя, такого лада с самим собой и окружившей их надёжной тишиной, Лео не испытывал давно, разве что в детстве, на полатах у его бабушки, бывшей воспитанницы Смольного института, занесённой сюда в Уральские отроги непредсказуемой судьбой, засыпая под потрескивание сосновых поленьев в печке, слушая негромкую бабушкину сказку про волшебные страны, чудищ и красавиц.

– Привет, девочка моя.

– Привет... мой... любимый. У меня... язык... не ворочается

– И что с ним, что он такой стал? – Лео любовался её нирваной, поставившей ему «отлично» в «зачётке» мужа.

– Какой... Видишь же какой ... такой.... Я им еле шевелю, – она мурлыкала у него на груди, и ей дела, похоже, сейчас не было до него, до Лео.

Стаси спала, обхватив его руками.

– Голова же ты моя квадратная! Что же со мной будет, когда она родит мне кого-нибудь сладенького? Ну недаром же мужики говорят, что некоторые жены в самок богомоллов после родов превращаются и съесть могут, если что? – Лео затрясся от хохота. – И чем же она меня тогда свяжет? Особенно, если ей понравится этот индийский эпос с его фантазиями? А что? Нормальные фантазии. Я же что-то подобное представлял себе? Спасибо, майор. Я свою милую сладенькую Йони точно сумею уважить. Уж как-нибудь. – он ещё смеялся, тихо приветствуя свою явную мужскую удачу, когда рука Стаси легко пробежалась по его лицу.

– Ты что смеёшься, Лео? – сонно спросила она.

– Ничего. Сон приснился. Спи.

– Какой сон?

– Про тебя. Проснулся, а ты тут лежишь. Вот и смеюсь от радости. Спи.

К полудню они проснулись. Отец уже давно ушёл на работу.

– И какая нафиг работа теперь? А, Стаська? Ноги до сих пор дрожат. До душа – хоть ползи.

– Ну, поползли тогда, ты ужасно солёный, – засмеялась она, лизнув его языком. – Как солёный груздь. И резиной снова пахнешь.

– А ты тоже кефиром пахнешь, – отшутился Лео, Стаси прыснула, закрыв лицо руками. – Поползли в ванну, – он

поднял её на руки и понёс в коридор, пинком открыв дверь.

Ничего у него не дрожало. Ноги работали очень даже хорошо.

Пообедав остатками жаркого, которое приготовила накануне тётя Таня, они стали собираться на работу.

– Лео, ты тут меня подожди, ладно?

– Тут, в ванной? А что за тайны?

– Не тайны, а сюрприз. Ну, подожди!

– Да ладно, ладно. Обожаю сюрпризы, – он с усмешкой смотрел на её забавное выражение, как у ребёнка, у которого за спиной спрятано что-то из конфет.

– Я мигом. Только, чур, не подглядывать.

– Ты мне только рубашку свежую вынеси и брюки светлые тоже. И носки ещё. Я побреюсь и оденусь, пока ты там свой сюрприз готовишь. Надеюсь он – не смертельный? Не план благоустройства всей округи?

Стаси с неуверенной улыбкой вынесла ему аккуратно сложенные его вещи и закрыла дверь на задвижку, оглянувшись на смеющегося Лео, намылившего лицо.

Когда он, застегивая на руке ремешок часов, оглянулся на шум шагов, он не сразу сообразил, кто вошел.

Перед ним стояла юная леди в белом, модном тогда пыльнике, сверкающем единственной пуговицей из настоящего перламутра. Из-под разошедшейся полы пыльника выглядывал край яркого платья, с крохотной газовой косыночкой, задорно торчавшей двумя хвостиками около ушка. На голо-

ве юной особы, неизвестно как держась, красовалась шапочка, напоминающая больше белый цветок, а в руках, элегантно закрытых ажурными черными перчатками, леди держала черную лаковую сумочку и смущенно, и неуверенно переставляла свои стройные ножки в черных лаковых туфельках на невысоком каблучке.

Лео сел и долго молчал, разглядывая незнакомку. У Стаси даже улыбка сползла с лица, и появилось виноватое выражение.

– Иди ко мне, девочка моя.– Лео встал и протянул к ней руки. Поцелуй длился очень долго и был почти, как наказание, её губам стало больно. – Больше я тебя одну не оставлю. Стоило мне уехать, и вот... – Лео и смеялся, и восхищался, и уже ревновал её ко всем мужчинам мира заранее.

– Ты и так была красавицей. А тут просто феерия какая-то! Когда ты успела всё это купить? А я, идиот, даже сберкнижку тебе забыл показать, где лежит. Ты такая... дама. Моя мать только способна была так шокировать тут всех. Но ты, пожалуй, переплюнула и её.

– Это не я. Это папа мечтал сделать тебе сюрприз.

– Папа?! Ну, даёт! Удало-о-ось.

– Это ещё не всё, Лео. Он полмагазина скупил для меня. Мне так неудобно было. Но его невозможно было остановить. Это он сделал, чтобы ты его не упрекнул, что я тут скучала.

– Да?! Тогда понятно. Узнаю почерк. Мне всегда казалось,

что это он научил мать одеваться когда-то давно. Помню, как он ей вещи в магазине покупал, чтобы все вокруг слепли от её красоты. Теперь тебя решил одеть и обуть. И меня проучить заодно.

– А тебя-то почему проучить?

– Да потому. Он же не говорит, а делает. А я только догадываться успеваю. Но ты неподражаема, Стаси. Ты уже выходила на улицу в таком виде?

– Один раз. Мм.

– А что так? Всего один?

– Лео, ну невозможно же идти! Все, как запинаются об меня! Глазеют, оборачиваются. И теперь я только с тобой буду в этом выходить. Или мне так только кажется? Я не привыкла быть такой... леди, как папа говорит.

– Правильно он говорит. Ты и есть леди. А я рядом с тобой буду... пожалуй, пиджак светлый надо надеть. И галстук. Иначе – теперь никак рядом с такой. А попроще что-нибудь у тебя ещё есть?

– Есть. Я три платья ещё сшила и два костюмчика скроила! Если пыльник не надевать, то совсем просто будет. Если туфли, правда, тоже не надевать на высоком каблуке. А с туфлями просто не получается.

– То есть, и туфли на высоком каблуке уже есть? Одни?

– Да нет, Лео! Одиннадцать коробок! Нет, что ты так смеёшься? Там же не только туфли. Там и ботиночки тёплые есть! Представляешь, что я там выдержала? Все смотрят и

смотрят!

– Представляю. А мне он хоть что-нибудь оставил? Для разминки?

– Он сказал, что за остальными вещами со мной пойдёшь ты. Я так и не поняла, за какими ещё-то вещами? Он и шубку же мне купил вот с такенным беретом, и плащ.

– Зато я знаю, за какими вещами мы пойдём с тобой, Йони ты моя.

– Кто-кто? Йони? Что это за имя такое?

– Это не имя. Это суть. С санскрита, древний индийский язык такой есть, переводится, как «любимая писечка».

– Лео! Ты с ума сошел!

– Схожу, Йони моя, схожу и очень успешно. Пошли. Ты уже опаздываешь, – Лео подхватил свою жену под руку и очень гордо вывел её на улицу.

Равнодушных действительно не было. На эту пару все оглядывались, радуясь, что земля рождает такую красоту. И дело было вовсе не в белом пыльнике и светлом пиджаке. Дело было в их взглядах друг на друга, и улыбках, которыми они обменивались поминутно, не замечая никого вокруг.

Вечером Лео терпеливо поджидал жену, сидя на скамеечке около поликлиники. И Стаси уже несколько человек сказали, что муж её ждёт. На что она лишь кивала, улыбалась и продолжала работать, как ни в чём не бывало. Она знала, что он знает время окончания её работы и спокойно её ждёт. Он знал, что она знает, что он её ждёт и спокойно работает.

Уже фонари зажигались на улице, а он всё терпеливо сидел и сначала читал газету, а потом просто мечтательно чему-то улыбался.

К слову: в этом Городе электричество не экономили. Здесь оно было для людей, для их максимального удобства, и даже ночью фонари не выключались, освещая путь нередким гуляющим парам и группам неутомной молодежи.

Наконец Стаси выпорхнула белыми крыльями из дверей поликлиники, торопливо натягивая на себя пыльник.

По вечерам становилось прохладно, и только около озера по вечерам было по прежнему тепло, там озеро отдавало накопленное за день солнечное тепло, привлекая туда толпы гуляющих и тучи комаров.

– Гулять пойдём? – целуя её, спросил Лео.

– Лео! Мы же папу ещё сегодня не видели!

– Кто не видел, а кто и очень даже видел. И даже вздрючку получил за разбросанные в ванной вещи. Он говорит, что ты навела в доме почти стерильный порядок, а я – грубый и неблагодарный нарушитель устоев. Как-то так. Это правда? А я ничего и не заметил. Некогда было. Не хочешь гулять и поражать всех своей красотой – тогда сейчас в магазинчик заскочим, купим чего-нибудь вкуснятского – и домой.

– Да, домой. Пожалуйста! Мне очень неудобно, что я сегодня с папой не поздоровалась.

– Сейчас поздороваешься. Потом лёгкий ужин, и спать. Я сегодня не выспался. Да?

– Да. Только поговорим хоть немного. Ты же мне ничего так и не рассказал? Почему так долго? Нашли, хоть, иголку ту в стогу сена?

– Нашли. Но об этом я уже рассказал, кому положено. Лучше вы мне расскажите, как вы тут жили. Отец говорил, что вы тут намастрячились шашлыки делать? Вот этого я бы с удовольствием попробовал бы. Кстати, у тебя с какого числа отгулы-то начинаются? У меня хоть с завтрашнего – четыре законных выходных. А у вас, моя королева?

– А у нас – тоже. Все же знают, что ты вернулся. Так что у нас маленький отпуск впереди. Что будем делать, кроме шашлыков, мой повелитель?

– А вот об этом ты даже не беспокойся, моя сладенькая Йони.

– Лео? Давай потише. Вдруг кто-то тут знает твой санскрит?

– Даже очень вероятно, я бы сказал. Ну и пусть завидуют тогда.

– Почему «очень вероятно»? – Стаси с удовольствием чувствовала сильную руку мужа, крепко державшую её за запястье.

– А ты вот, откуда знакома с тантрическим массажем и системой? Ну-ка, ну-ка? – Лео притянул её к себе совсем близко

– Я?! Ни с чем таким я не знакома. Ты ошибаешься. Ни с какой тантрической твоей системой я не знакома.

– Ага. Расскажи это кому-нибудь другому. Я читал об этом кое-что. И ничего я не ошибаюсь.

– А я не читала. И отпусти меня, косточки хрустят уже.

– Никуда я тебя не отпущу теперь. И ты мне всё-всё расскажешь. Иначе я тебе тоже ничего не расскажу.

– Ты обещал.

– Ну, мало ли, что я обещал, Йони моя. У меня голова кругом идёт, тут с тобой каждую минуту всё меняется. Я вот понял, что одну тебя я вообще далеко от себя никогда не отпущу.

– Это почему?

– А зачем? Вот! Видишь же, как все оборачиваются на тебя? Молчишь? И молчи. Ладно, давай отвлечемся на дела мирские, не будем народ в магазине в ступор вводить. Пусть живут спокойно, – и Лео, ещё сильнее шутливо прижав её к себе, нырнул в душное помещение центрального магазина, натолкнувшись на вечерний запах копченой колбасы, разливного пива, шоколадных конфет, спелых дынь, томатного сока из длинных конусных колб и резкий запах свежего голландского сыра, только что распакованного из коробки.

Утром и вечером магазины имеют разный запах.

Долго Воротовы втроём сидели за ужином из купленных вкусняшек. Отец, с удовольствием выпив бокал красного сухого вина, весело шутил и жаловался Лео, что Стаси не умеет

себя прилично вести в магазинах. И добавил, что всё остальное, что нужно, пусть Лео сам с ней идёт покупать, а с него хватит её панических истерик.

Стаси, смущаясь, вынуждена была под напором просьб отца и Лео продемонстрировать все купленные вещицы и сшитые ею платья с полной демонстрацией аксессуаров, на чём особенно настаивал Сергей Дмитриевич. Лео только руками разводил, понимая, что всё это устраивается для него. Со стороны отца это был молчаливый урок, а со стороны Стаси – восторженное желание порадовать его и удивить своим умением шить такие платья, на которые все оглядываются.

Прощаясь с отцом на ночь, Лео, приобняв отца, шепнул ему на ухо: «Спасибо, пап. Я всё понял. Спасибо тебе.»

– Спокойной ночи, сынок. Всё нормально, – так же тихо шепнул ему отец.

В комнате Стаси аккуратно и терпеливо развешивала вещи по плечикам, сразу наводя порядок в шкафу.

– И как только у тебя терпения хватает вот так сразу всё раскладывать? Я никогда этого не умел. Особенно в детстве. Носки на люстре застревают, ботинки в разных комнатах. А отец – педант абсолютный. А я в кого-то из дальних родственников, значит. Мы сегодня будем ещё друг друга удивлять, или ты устала?

– Честно?

– Конечно. Должны же мы с берегами определиться? Мы

же так и не успели договориться тогда. Только сразу говорю, утренний берег – точно мой. Иначе никак. Сама вот увидишь и пожалеешь меня.

– Хорошо. Тогда сегодня мы просто понежмся и отдохнем с непривычки.

– Болит?

– Так, чуть-чуть. Совсем чуть-чуть.

– И у меня тоже. Значит, занимаемся теорией.

– Какой теорией?

– Санскритской и твоей тантрической, разумеется. Пора обучаться, ликвидировать сексбезграмотность, как говорится.

– Лео, а может быть мы постепенно всему обучимся? Без принудительной ликвидации?

– Так, само собой, мы всему сами будем учиться. Но знать опыт древних предков совсем не лишнее, – Лео вскочил с кровати, порылся в своём чемодане, который так и не успел разобрать, и вручил жене книжечку.

Стаси немного опешила, когда получила в руки «Настольную книгу механика по ремонту зерноуборочных машин».

– Стаси, ты открой, открой её. Там есть информация. Ознакомься. Потом обсудим Я зубы чистить пошел, – и Лео, чему-то улыбаясь, вышел, оставив её наедине с книжонкой.

Умудрённые опытом помнят, как в те времена, движимые желанием, если не размножаться, то, по крайней мере,

ре, приобщиться к когорте «посвященных» и приобщиться по возможности со вкусом и интересом, взрослые люди, вошедшие в период размножения, и вплоть до полного его затухания, выискивали крупицы знаний по самому животрепещущему и, как доказала история, совершенно непреодолимому по Фрейдю стремлению к «объекту». Все цивилизованные народы в мире в течение нескольких веков в Европе, Азии и Америке искали откровение по этим вопросам. Кто-то читал псалмы о царе Соломоне и разочарованно искал в его песне ключи и подсказки. Не было там ничего такого! Кто-то перечитывал про подвиги Геракла, кто-то читал про Гильгамеша, кто-то читал Декамерона. Кто смог пересилить тошноту, заглядывал в творения маркиза Де Сада, если такой реликт встретился невзначай. Кто-то сам писал о своих фантазиях, скрываясь под чужими и вымышленными именами, но печатать это всё равно было запрещено из соображений церковной морали.

Нецивилизованные народы, как дети природы, или просто наслаждались данной им, как и всем прочим живым существам, сексуальностью, или превращали этот самый инстинкт непреодолимого влечения разнополых существ в подчиняющие волю человека религиозные ритуалы, которые ещё более усиливали это стремление у одних, сильных, берущих нагло власть всем, чем только можно, и полностью лишали более слабых этой всеобщей радости бытия, кастрируя и мужчин, и женщин, простирая над ними фантом сво-

ей власти, подчиняя их себе, культивируя насилие.

Истина металась в поисках своего места посередине и никак не могла найти себе этого места. Творения художников возрождения, воспевших красоту обнаженного тела и сладострастия не давали уснуть мечтам слабых, хилых и трусливых потомков, и те искали, «рыли носом землю», кто как мог.

И нарыли...

Два англичанина, один – главный инициатор события Френсис Бёртон, второй – владелец интересующей всех копии оригинала восточного трактата о любви на санскрите Фитджеральд Арбетнот, пригласили индийского ученого Бхагванлала Индражи, чтобы он им набросал, тезисно хотя бы, на английском языке то, что написано в этой копии книги на санскрите, и о чём в самой Индии давно знал каждый индус, как о само собой разумеющемся деле.

Окончательный, отредактированный в 1883 году Ф. Бёртоном, перевод этой книги с иллюстрациями решались печатать лишь некоторые частные британские издательства (в чисто научных целях, разумеется) и стоили эти книги очень большие деньги. Купить их мог далеко не каждый.

Да России и одного случайно заблудшего сюда экземпляра хватило!

Хватило, чтобы через несколько лет любой желающий мог купить вполне сносное подпольное издание кратко изложенной великой «Ватьсьяяна Кама Сутра». Но это назва-

ние, конечно было устранено, и назывались книги по разному: «Начертательная геометрия в пояснениях», «География полезных ископаемых», «Особенности бурения глубоких пластов добычи нефти и газа» и прочая, и прочая.

Это зависело от желания и возможности владельца замаскировать книженцию среди неинтересных книг для членов семьи, которым пока было не положено знакомиться с таким сложными техническими вопросами.

Производство книжонок было делом практически общенародным и, разумеется, стахановским. Спецы-художники старательно перерисовывали и потом через кальки вручную на каждый листок копировали рисунки Ватьсьяяна.

А может и не его это рисунки были? История умалчивает.

Но, если уж по правде оценить старания наших добровольцев-художников-пропагандистов, то они были ужасны! Многие ротاپринты страны по вечерам в свободное от основной работы время, накручивались (они работали от рукояток) и выпускали сотни и тысячи листочков, с напечатанным машинописным текстом и рисунками от руки старательно повторяющими ошибки художников-копиристов. А вдруг тут «чо-то специальное»?!

И даже явные несуразности перерисовывались. По этой причине некоторые очень ответственные органы человеческого организма находились в совершенно фантастических местах тела! На бедре, на животе, сразу под пупком.

Правда на рисунках старательно сохранялся национальный колорит: причёски, чалмы, украшения и точки на лбу. Но жаркое воображение жаждущих приобщиться на практике к истокам индийской народной мудрости правильного использования тела в делах любовного соития преодолевало всё!

В связи с развернутой борьбой со свободолобивыми и безответственными любителями «стакана воды» в 1935 году вышел закон №228 УК РСФСР запрещающий распространение проституции и порнографии (игральных карт, открыток, фотографий, запрещены тексты фривольного содержания, даже если они были взяты из классической литературы). Страна взялась за здоровье и нравственность нации, наконец. В такие моменты поворота истории всегда вместе с грязной водой выбрасывают и ребёнка. Такова страшная философия жизни. Лес рубят – щепки брысь!

Но умом Россию, как известно, не понять. И чем сложнее складывается ситуация, которую необходимо разрешить, тем больший энтузиазм и неуправляемое народное творчество прикладываются к решению назревшего насущного вопроса. Вообще, самое страшное оружие России – непредсказуемый поворот мыслей русского держателя в решающий момент.

Именно поэтому почти в каждом отделении милиции крупных городов хранились такие экземпляры «начертательных геометрий» изъятые при попытке распростране-

ния. Изъятые улики не возвращаются! Поэтому обычно «геометрии» были разобраны на отдельные листы, чтобы копировать было удобнее. Ротапринтеры работали безостановочно.

Это у них в Англии всё дорого.

У нас это было ходовым товаром и по сходной цене. Ну, не совсем точным по изображению тел, конечно, но это происходило чисто от старания, неопытности и священного преклонения перед любыми «источниками».

И почти во всех интеллигентных семьях на самых высоких, недоступных для детишек, полках библиотек и захламленных шкафов подобные «геометрии» лежали.

Узнав, что у Лео так безрадостно и бездарно закончился, аж, медовый месяц, строгий майор, который, в частности, тоже был к этому причастен, решил хоть как-то восполнить невольный моральный урон, нанесенный молодым супругам. И он подарил Лео один экземпляр, который назывался «Настольная книга механика для ремонта зерноуборочной техники» 1938 года издания. Сама книга к тому времени безнадежно устарела и была куда-то приспособлена, или на козьи ножки искручена, а корочки были крепкими, на сто лет хватит.

Вернувшегося из ванны Лео Стаси встретила ироничным молчанием. Книга была отложены в сторону. Но Лео так долго стирал свои носки и трусы, и так долго чистил зубы, что

этих десятков минут Стаси явно должно было хватить на литературный обзор четырёх десятков страниц.

– И чо молчим? – Лео задал точно дурацкий вопрос, это он понял, когда увидел возмущенно вздернутый носик своей любимой.

– А откуда это у тебя? Такая «настольная» прямо?

– Подарили.

– Кто «подарили»?

– Да те, кто работает там, где я пропадал столько времени.

– Мм. Понятно. А это у них, наверное, используется для ловли «на живца».

– Не-а. Это у них по прямому назначению используется.

В домашних условиях.

– Очень интересно. Особенно интересно, почему гениталии расположены так удивительно? Если бы это действительно было так, то ты не смог бы затягивать ремень на талии. А женщины вообще бы мочились отводя бедро в сторону. Совершенно идиотские рисунки. И теперь там все будут знать, как эта «настольная» книга может быть использована и в нашем доме? Да?

– А что такого-то, Стаси? Всем известно, что все взрослые люди занимаются этим каждый божий день, и не по разу. Ты – взрослая? – Лео был очень серьёзен. – Или мы будем ханжами тупыми и откажемся от радостей, которые нам сам бог дал? Сказано же «Плодитесь и размножайтесь!» Вот! Дополнительный стимул. Ну, а рисунки... Ну мы-то точно знаем,

где и что у кого, и как, расположено. Схема понятна в общем. Нет, если ты так категорически против, давай сожжем её на мангале. Одну-то позицию мы освоили. Хватит. – Лео явно сердился, но пытался скрыть это за решительностью слов. – Давай её сюда, пойду и сожгу, чтобы больше об эту тему не спотыкаться. Дай её мне!

В ответ Стаси, взяв книгу в руки, демонстративно засунула её в свою тумбочку, где когда-то лежали бумажные бечёвки.

– Это у тебя будет теперь склад спецсредств против меня? – сразу смягчившись и разулыбавшись спросил Лео и, придвинувшись к Стаси совсем близко, обнял её и прижал к себе. – Правильно. Пусть вылежится. А дальше видно будет. Мм?

– Мм! Разбирай кровать, теперь я пойду зубы чистить, – Стаси выскользнула из рук мужа и оставила его одного. Поразмышлять.

«Ну, значит, задело тоже. Пусть привыкнет. Даже мне сначала чересчур показалось. Но рисунки действительно идиотские, весь смак портят. Но откуда она-то приёмчики некоторые знает? Если бы книгу раньше видела – не так бы и реагировала. Почти оскорбилась нарушением нашей интимности. Да кому там дело до того, как я со своей женой спать буду? Уже забыли наверняка, если этот майор кому и трепанул языком ненароком? Но со Стасенькой моей надо очень осторожно. Ромашковая она у меня. Нежненькая моя Йони, –

сказал себе юный муж и сразу почувствовал движение в организме, как будто бы и не было утомительной ночи в дороге и потом бессонной и сладостной ночи любви.

К приходу Стаси на тумбочке около кровати горела тусклая ночная лампа, и Лео лежал под простынями, вспоминая некоторые параграфы Устава.

Всё-таки, это было хорошим отвлекающим, хотя и нудным, средством.

– Стаси, расскажи мне о тебе, – он обнял её, полусидя у изголовья.

– А что именно рассказать? – она охотно приняла полный нейтралитет, который был им предложен.

– Всё расскажи, что помнишь. Мне правда интересно. Я же смутно помню только девчонку с беленькими растрёпанными косичками от висков и до пояса. Какое-то платьишко выцветшее. И сандалии с отрезанными носками! Это мне казалось крутым. Пальцам же свободно?

– Просто неотрезанные они на мои ноги не налезали, вот их мама и отрезала. А платья на мне были из перешитых маминых или бабушкиных. Поэтому и выцветшие. Зато на тебе всё было новое и красивое. Как у настоящего «московского» мальчика. Мне казалось, что в Москве все мальчишки именно так одеты.

– Да это мать меня одевала, как артиста какого-то, под руководством бабушки. В Москве я ещё и бархатный бант под горлом иногда носил. Фотография даже есть. Тёмно-синего

цвета. Она мне и красный навяливала, но я брыкался сильно.

– Лео, а почему они разошлись с отцом? Он такой чудесный! Мягкий, терпеливый. Мне кажется, что он с любым человеком найдёт общий язык, тем более, что ты у них уже был? Мне с ним так легко жить рядом!

– Мягкий и терпеливый он только с теми, кто абсолютно ответственно относится к своим обязанностям. Не дай бог похалатничать в работе у него. А почему они разошлись? Точно не знаю. Он избегает об этом говорить. Видеться с ней разрешает свободно и никакой ревности. Я сам её избегаю.

– Почему?

– Понимаешь, когда война началась, отец был уже задействован в этой системе сначала в Москве. Потом здесь, на Урале. Я в Москве родился. Перед началом войны меня к бабушке отправили на лето на молоко, свежий воздух, и овощи. А в июне – война. Мне десять-одиннадцать лет. Отец на полной броне – не призывной, от слова «совсем». У них даже заявления не брали, если желали идти добровольцем. А мать – врач. Она сама добровольцем на фронт пошла, не дожидаясь мобилизации. Сразу этим же летом и призвалась, из Москвы. И всю войну была начальником санитарного поезда. Хирургом Развелись они в сорок третьем, как я понял. Радиологом она стала потом. Когда сюда приехала уже. Здесь надо было быстро спецами всё охватить.

– И почему же они в это время не сошлись?

– Так времени-то сколько прошло? Шесть лет, по-моему.

Это в сорок восьмом – сорок девятом году уже случилось. А до этого она жила в Москве с генералом каким-то. Там тоже история покрытая мраком. Вроде, он её спас, вроде, потом и она его спасла. Или наоборот. Потом он умер, и она приехала сюда. История умалчивает об этом. Помню, отцу как раз этот дом выделили, орден Ленина дали. Зим в придачу. Он меня уже сюда давно забрал от бабушки к тому времени. Все думали, что они сойдутся. Мало ли чего бывает в жизни. Она сюда несколько раз заходила. Но так и не осталась.

– А ты, как же?

– А что я? Я уже здоровый лоб был. Не мог ей простить, что она отца предала. Огрызался. А тут ещё один любитель красивых женщин нашелся. Тоже чин большой. Вот она с ним и уехала опять. У меня такое впечатление, что она всё это назло отцу делает. Не может ему простить, что он её не прощает. Так как-то. И второй её муж быстро умер. Просто Чёрная вдова она какая-то у нас. А она уже крупный специалист-радиолог к тому времени стала. Сюда опять попросилась. Взяли. Вот и имеем то, что имеем.

– Она сейчас замужем?

– Не знаю. Официально – нет. Говорят, что ходит к ней с цветами какой-то там хозяйственник толстопузый. Лучше бы она совсем сюда не приезжала. Только отца бередит. А твоя мама как живёт?

– Моя мама с бабушкой живёт, с папиной мамой. Всё в том же домике. У нас была маленькая комнатка в городе, мама

говорила о ней, и я её немного помню. А как война началась, мама меня в охапку – и в Берлуши. Там госпиталь был тогда. Она в нём и работала операционной медсестрой.

Папа учителем географии и истории был. Помню, как он мне всё время на ночь Пушкина читал. Особенно я любила сказку о царе Салтане, потому что она счастливо кончается. Они очень любили друг друга. Мы с мамой постоянно на коленях у него сидели. Помню это почему-то. И я за ними подглядывала перед сном постоянно. Они думали, что я сплю, а я совсем не спала. Мне нравилось, как папа стоял на коленях перед кроватью и гладил маму. Сейчас я думаю, что это он массаж ей делал и целовал, и шептал что-то тихо-тихо, так я и засыпала под их разговоры шепотом.

– А как же ты так подглядывала, любопытная моя Йони?

– Лео! Ты так забудешься и назовёшь меня где-нибудь. И что будет, если эти книжки на каждом углу продают?

– Ну не совсем уж и на каждом. Но согласись, что очень милое название?

– Ну, есть что-то. Но всё равно...

– Так, как же ты подглядывала-то? – Лео торопливо вернулся её к рассказу, чтобы не усугублять вопросы.

– Очень просто. Меня от них ширма такая отделяла, и как раз около головы на ней была заплатка из ситца. И через эту заплатку было видно силуэты, если настольная лампочка горела. А шепот и так слышно было. Они перед сном всегда шептались.

Мне однажды приснился сон, странный... папа был голым и мама тоже. Я не помню подробностей, было почти темно. Я что-то спросила, мама тотчас пришла в халате, и совсем не обнаженная, убаюкала меня, и я совсем забыла этот сон. А потом, когда мне было лет четырнадцать, я как-то раньше пришла из школы, как раз перед зимними каникулами, и увидела случайно, как мама, стоя на коленях перед кроватью, гладит её руками и шепчет, шепчет что-то... как папа тогда в моём сне Это было в канун годовщины его гибели. Мы никогда не праздновали Новый Год. Я и сейчас не люблю этот праздник. Папа в Новый год умер. Тогда я всё вспомнила и поняла всё.

Это был не сон. Только мама в этот раз была одетая. А тогда отец стоял обнаженным. И мама была молодая, прекрасная и обнаженная, как богиня с откинутой на стену головой. Он молился над её телом, молился каждым движением и голосом. Это было прекрасное видение, и я поняла, как я буду любить самого дорогого мне человека. Девочки такие мечтательницы в этом возрасте – Стаси вздохнув, прижалась к мужу и молчала некоторое время. – Папа служил в разведке. У него брат был двоюродный, и тоже учителем и разведчиком был, очень тяжело ранен был, некоторое время мама с ними переписывалась, а потом связь оборвалась. Они переехали куда-то из барака своего. Так мы и потерялись. А папа погиб, как и предсказывала цыганка, зимой второго года войны. Тяжело раненного его вытащили из-под обстрела, и даже

довезли до госпиталя. Он в сознании был, всё просил маме написать и мне приветик передать. Так мне от его имени и написали: «приветик». Мама уверена, что если бы она рядом бы оказалась, он бы не умер, не сработало бы предсказание той цыганки. Поэтому я и стала врачом, чтобы спасти.

– Опять цыганки? Не много ли в твоих рассказах цыганок, Стаси?

– Всего одна и была. Но она нам всем столько нагадала – не унести.

– И про меня?

– Да, представь себе. И про тебя, – Стаси мельком взглянула на Лео и сразу отвела глаза, смутившись чего-то.

– Ты серьёзно? И что же она про меня-то нагадала, интересно?

– Так. Ничего особенного.

– Стаси? Посмотри мне в глаза? Давай, рассказывай, что там глупые цыганки врут, и не краснеют, про маленьких мальчиков? Я же мальчиком тогда был? – Лео поцеловал вдруг погрустневшее лицо своей смешной милой «Йони».

– Их, цыган тогда много ходило Эта цыганка появилась в деревне с каким-то табором. Все они разбредались по деревне, как обычно. Мужчины паяли кастрюли, вёдра чинили, лошадей подковывали. У нас кузнец умер, а кузница стояла на задах заброшенная. Вот они и разжигали горн, пока стояли тут. Женщины всё ворожить ходили. Кто по руке, кто по картам. А эта старая цыганка шла мимо и присела на ла-

вочку к бабушке. Бабушка их не любила. Всё меня строжила, чтобы я к ним не смела приближаться. Говорили, что они детей воруют и увозят с собой. Я их боялась.

А эта старуха так ласково на меня смотрела и улыбалась чему-то. Потом у бабушки спросила, чтобы я ей воды попить вынесла. Я и вынесла. Она на меня посмотрела и сплеснула немного воды в пыль. Смотрит в лужицу и вдруг яблоко мне красное огромное из юбки своей подаёт: «Помой, как следует. Лучше горячей водой. Мы же по пыли идём. Иди, детка, иди. Ступай домой.» – говорила, как будто гнала меня от себя.

Тут и мама с работы пришла. Настороженная такая стала. От цыган никто ничего хорошего не ждал никогда. Станные они. Дети ветра.

– Ты мать девчонки-то? – спрашивает. Мама кивнула: «А что?» – «Да ничего. С отметиной она у тебя.» – «С какой ещё отметиной?! Что ты несёшь, старая?» – мама испугалась тогда этих слов, а цыганка ей говорит: – «Со счастливой очень. С двойной. Две жизни у неё. Может и обе счастливыми будут. Как повезёт. Мне вот не повезло. А тоже отметина была. хотя и вру я. Повезло мне. Не каждой так везёт с любовью. А смерть? Ну что смерть? Просто потерпеть надо, подождать», – и замолчала. Я уже и яблоко съела, спряталась у открытого окна, а старая цыганка всё сидела и сидела молча. Как ненормальная, палкой своей всё по пыли чертила и чертила круги. А потом вдруг заговорила тихо так, ласково,

всё на маму взглядывала. Я почти весь её рассказ запомнила. Она мне и по ночам снилась. Всё улыбалась и яблоками меня кормила. Страшный рассказ. Проснись и уснуть не могу.

– Ну и не надо рассказывать, если страшный. Другое расскажи что-нибудь. Я же вообще не знаю, чем ты дышала, восхищалась? Кто за тобой ухаживал? Это же быть такого не могло, чтобы на тебя никто внимания не обратил? Не поверю. Был там, говорят, некто Козицкий? Был? Действительно? – Лео неуклюже пытался перевести разговор на более спокойные и весёлые темы.

– Кто-кто? Козицкий?! Был. И есть. Это руководитель моей научной работы. И что?

– Ничего, за исключением того, что, как выяснилось, он не просто руководил твоей работой научной, но ещё и души в тебе не чаял.

– А ты откуда знаешь?

– А мне положено всё знать про некоторых, – Лео шутливо поцеловал её в лоб.

– Так. Ясно. Значит и меня проверяли? Правильно я понимаю? Там ещё парочка мальчишек была, вообще-то, кто души не чаял во мне.

– И про тех знаю. Давно и безнадёжно женаты. В Сибири один. Второй в Казахстане.

– Правда! А я ничего про них не знаю. Вообще, как я уехала из дома, так и не знаю ни про кого.

– Ну и что? Пусть себе мучаются теперь, что не смогли

завоевать такую. Может расскажешь про твоих однокашников лучше, чем про эту цыганку?

– Нет. Я расскажу. Мне надо от этого освободиться. Мне кажется, что если я тебе расскажу, то всё будет хорошо потом. Она же говорила, что и хорошо всё может быть?

– Я слушаю тебя, моя сладкая Йони.

– Лео, ты опять шутишь? И мысли у тебя однообразные.

– Не однообразные, а единственные сейчас вообще. Стаська, мы же всего восьмой день вместе спим? Ты хоть это помнишь?

– Всё я помню. Но сейчас же мы отдыхаем? Мне надо рассказать. Чтобы ты лучше понял, я расскажу это от её лица. Я не знаю, как по другому это рассказывать. Просто перескажу то, что помню. А помню я это, как вчера всё было. Это она моей маме всё говорила. Странно, да?

– Ну, давай. Попробуй мне театр у микрофона тут устроить. Даже интересно.

– Вот она и начала говорить, – Стаси откинулась на подушку и закрыла глаза, сосредоточиваясь...

Когда Стаси продолжила, у Лео отвалилась челюсть. Стаси исчезла. Рядом с ним, стоило ему закрыть глаза, появлялась чужая женщина с немного странным голосом, который тихо и монотонно начал вить странный рассказ, используя странные слова, о чьей-то странной жизни, далёкой от этой комнаты, и вообще от этого мира.

Глава 8. Предсказание

«Замуж меня отдали в двенадцать лет. Чуть старше твоей была. Это у нас принято так. Только меня свекруха всё ругала и ругала. Ничем угодить не могла я ей, потому что не беременела. Не мог мой муж меня матерью сделать. Что-то не то с ним было. Порченный был. Или сглаз навели? И такое бывает. Я малая была тогда ещё. В чужой семье жить тяжело с непривычки. А пока ребёнка не принесёшь – нет тебе никакой чести и уважения. Пустоцвет – и есть пустоцвет. Воду носи, на костре на всех вари, ковры тряси, юбки всем стирай, мужа ублажай. Вот и вся жизнь. Даже с ребёночком не порадоваться, не поносить его у груди. А других деток мне и не давали понянчить, стороной меня обходили, раз я такая пустоцветная. А тут свадьба в таборе у нас случилась. Парня женили на девчонке из другого табора. Съехались все на условленном месте, недалёко тут дело было. Шатры раскинули, костры зажгли, место такое приятное: и деревья, и кусты, и ручей бежит. Сиж у ручья, а тут парень из их табора коня привёл, попоить. Стоит, смотрит. А я отвернулась совсем. Не дай бог свекруха увидит. Говорю ему тихо так: «Да уйди ты ради всех святых. Дай мне хоть отдохнуть тут душой. Иди вон выше коня поить. А то прибьёт меня муж». Он и отошел, даже слова не сказал.

На второй день, как невесту брать, все собрались опять,

за угощение сели, на траве раскинулись. На невесте фата такая беленькая, как платок, ровно, у вас носовой. Бедные мы тогда были совсем. Платье на ней, поди материно или сестрино, красное в цветах. А жених-то – тоже ребёнок ещё. Поговору их женили. Лет тринадцать обоим, не больше. Вот давай тут гости приданое трясти и всем показывать. Какие одеяла за ней дают, сколько денег, какие серьги тяжелые в ушах висят. Ковры какие-то. Ну, как обычно всё у нас. Все теснятся, смотрят, а мне и неинтересно. Что на чужое смотреть? Да и то вижу, что девчонке-то жить осталось года три. Сделать в таком случае ничего нельзя. Что положено судьбой, то и принимай. А тут опять парень этот, стоит вдали и смотрит на меня. Встретились взглядом – сразу отвернулся. А через время опять затылком чую – смотрит. Обошел толпу-то, сзади стоит. Как темнеть стало, гитары заиграли, танцевать начали. А я и танцевать-то разучилась совсем. Но в кругу стою, как все. Хлопаю, плечами играю. Музыка – она душу и веселит, и поплакать помогает. А я и слёз-то своих не чую, только губы солёные облизываю. Свою свадьбу горькую вспомнила. Руки эти женские поганые. Дикие у нас обычаи. Начали тут мужчины в круг выходить, умеют цыгане танцевать! Умеют кровь горячить.

И парень тот вышел. И ну – давай! Аж дрожь по мне пробежала. Как смерть свою я почувствовала. И слёзы близко подобрались.

«Вот если позовёт на круг, – так я решила, – выйду! И

пусть будет, что будет. Убьёт меня муж, ну и быть тому. Жить-то тоже незачем.»

А парень-то и подошел, коленца выкидывает, кудрями трясет, и так требовательно зовёт, что хоть умри, а выйти надо. Люди-то смотрят. А свекруха прямо ест меня злобой.

И сколько я с ним танцевала – не знаю. Не помню совсем. Видать много. Музыка стихла, только тогда я опамятовалась.

Следы от кнута неделю сидеть и на спине лежать не давали – огнём всё горит. А мужу-то моему своё особо теперь, назло мне, взять хочется. Все глаза я выплакала за минуту счастья, что ветром развеяло. Кончилась свадьба, разъехались таборы по своим дорогам. У каждого своя. Иначе на жизнь ничего и не добудешь. Тут наши бароны закон строго держали. А через год снова мы встретились с ним. Тоже на свадьбе. Мы многие – родня между собой. На свадьбе вся родня встречается обязательно. Молодых собирают в жизнь. Самый лучший подарок у нас – золото. Червонное. Мне тоже дарили. У свекрухи всё в сундучке лежало обычно. С ней же мы жили?

Он меня сразу увидел. А я ещё раньше того его увидела. По всем жилочкам огонь пробежал. В круг танцевать он в этот раз не вышел. Сзади где-то в темноте всё стоял. Глазами мне шею жёг. Это судьба такая. И ничего тут сделать тоже нельзя. Всё написано на ней кровью. Как стали расходиться по шатрам, слышу шепот, как ветер налетел: «У большого дуба после первых петухов». И всё. Немного погода оглянулась – а и нет никого. Тут муж мой пьяный меня догнал, в

кибитку поташил, да только в кибитку-то я его сама еле за-
пихнула. Уснул. Свекруха со свёкром в шатре с золовкой и
её семьёй спят с малыми. Петухи быстро проорали. Темно
ещё было. Ох, как богат, кто в любви живёт! Даже один де-
нёчек да ночь сладкая – целой жизни стоят! Не было счаст-
ливей меня в ту ночь. Я даже не знала, как его зовут, а он про
меня знал. Цыганская почта хорошо у нас вести носит. Всё
знал он. Запала я ему на судьбу. Он там стог нашел подале,
пещерку выдолбил, чтобы вдвоём поместиться. Да и много
ли надо-то? Оба стройные, как тростиночки. Молоденькие
ещё. Мне восемнадцать, ему двадцать было. Это я потом уже
узнала. Потом. Пока шли – все вымокли в росе. И всё молча.
Только глаза горели, да руки и губы жгли моё тело. Он все
следы того кнута мне перецеловал. К осени шло уже. Ночи
долгие. А я солнышко молю, чтобы не вставало.

Встало солнце. Разъехались таборы. А я уже знала, что не
одна уезжаю. Весной должен был мой сынок родиться. Он
потом и родился. Да такой красавчик! Свекруха с подозре-
нием на живот смотрит, а доказать-то ничего не может. Сама
видела, как муж мой меня в кибитку тогда ташил. А более-то
где? И подол-то я вымочила, чтобы в кибитку свежей травы
нарвать для запаха в пыльной дороге.

По весне снова сюда прикочевали. Договаривались баро-
ны кому куда нынче кочевать. Это бывает такое у нас. Нель-
зя дорогу другому переезжать. Все есть хотят. Если в одном
селе нам всем кур воровать да просить, кому это понравит-

ся? Погонят оглоблей. А так – дают из жалости. Особенно малым, кто танцует. И бабам дают за гадание. Только врут цыганки почти все. Редкая, кто видит правду. Таких и свои не любят. Боятся услышать правду о себе, как и все люди.

Не успели мы подъехать, а он уже стоит. Высматривает нас с сыночком в моём животе. Увидал, аж засветился весь.

Решил он у баронов просить, чтобы нам разрешили вместе из табора уйти. Таких выгоняли. Ну, что тут делать? Разрешили нам уйти, раз я от него понесла дитё. Только плетей он должен был получить за свой и мой грех. Снял рубаху, идёт, улыбается мне. А его с кнутами ждут. Двое. Один из их табора, а другой – муж мой бывший. Если кнут с набойкой на конце – насмерть может засечь. Ну шкуру-то уж точно со спины сдернуть можно за три удара. Три удара от каждого должен он был получить в наказание.

Не успел мой бывший приготовиться, как хотел бы.

Врасплох мы его застали своим признанием. А никто ему своего кнута на такое дело не даёт. Своим секи. А свой-то у него – как и он сам, маломерок, да растрёпанный. Таким не засечёшь. Меня беременную не трогают. Я уже под охраной другого табора сижу. Свекруха бывшая мне узелок с чем-то выкинула из кибитки. А мне всё равно. Только бы не до смерти его засекли. И такое бывало. Дикий у нас народ. По своим законам живём.

Как первый кнут засвистел, так я и откинулась. Очнулась от воды ледяной. Мне и говорят: «Иди, Зорян тебя зовёт».

Встала кое-как, совсем на сносях же была. А Зорян лежит, видно, что и встать не может. Только руку ко мне тянет, а второй рукой живот закрывает. И кровь между пальцами течёт.

Не смог постылый его кнутом забить, так на подлость пошел. Нож ему всадил, да и провернул ещё. Это – смерть верная.

– Поцелуй меня, любая моя, Зоренька моя утренняя, – говорит. А говорит-то весело словно радуется чему. – Помираю я. Да только и ты теперь в нашем таборе жить будешь у моей матери. Она знает всё. Раз убили меня, тебе – свобода.

Прилегла я к нему, легла рядышком, руку его на живот положила, а мальчонка-то наш толкнулся ему в ладонь. Он от счастья и засмеялся так хорошо: «Поцелуй меня, Зоренька. Лихом не поминай. Сына моим именем назови. Зоряном.»

А меня-то Зарой звали. Потому и зоренькой тогда называл. А сейчас меня все старой ведьмой зовут.

И так он меня поцеловал, как и раньше не целовал в стогу том жарком. Рукой-то кровавой так сильно меня обнял в последний раз... привстал... А потом вдруг и откинулся. С закрытыми глазами. Всю меня с собой унес. В тот же час я и родила. Увидел сынок мой отца. Мёртвого, а увидел. Я на ногах еле стояла, пока хоронили моего Зоряна».

Стаси замолчала, видимо полностью погрузившись в потрясшие её детские воспоминания, и потом заговорила сво-

им обычным голосом

– Она так спокойно об этом говорила, как будто бы и не случилось такого ужаса в её жизни. Представляешь? – Стаси сильнее обняла Лео. – Мне кажется, что я бы сразу тут же и умерла. А ей надо было сыну отца показать и отцу сына. Я не понимаю, как это возможно вообще?

– Не бери в голову. И это всё? Про твою цыганку?

– Про неё – да. Ещё сказала, что бывшего её тут же и судили за убийство.

– И как его судили?

– Да так же. Просто. Кнутом. Отец убитого стеганул его кнутом – и сразу насмерть, с одного удара.

– Да. Я слышал, что они, как и казаки наши, умеют кнутом, нагайкой, огонёк со свечи снять. А в висок-то попасть – много ума не надо, кто умеет, – Лео на мгновение представил тот дикий рой событий страшного в своей обыденности, одного дня старой цыганки и тряхнул головой, отстраняясь.

– Я не помню подробностей. А может она об этом и совсем не говорила? Но откуда же я могу это помнить? Как вчера было. А вот маме моей она таким же голосом спокойно так сказала: «Война скоро будет, милая. Твой тоже уйдёт на войну. Люби его, пока вместе. Люби, как никогда раньше не любила, а потом не сможешь. Погибнет он. Не сразу. Ты его люби только. Ему и умирать легко будет. Ты, главное, смерти-то не бойся. Нет её. Это мы, глупые, думаем, что она есть. Пока не коснётся. А коснётся и поймёшь, что нет её, коли

любила и любишь. Что ты так на меня смотришь? Правду говорю. Ведьма я. Он всё время с тобой будет, пока жива сама. Видишь Зоряна моего? Да вот же он. Любимый мой», – и так рукой что-то взяла, как будто и вправду человека за руку держала. Это было так жутко сначала. Мы все испугались, что старуха совсем не в себе. Бабушка ей хлеба вынесла, яиц в моей корзинке детской.

– А тебе не жалко мне корзинку-то отдать? Не вернусь я уже сюда. К Зоряну уйду. И войну не увижу. И мой сынок на войну уйдёт. И Зоряна первый сынок уйдёт на войну, Зорян вдовый был. Его сынок первый, Вася, со мной остался. Весь в отца. Я его сильно люблю. Но мои вернутся живыми и невредимыми. Зорян над ними, как сокол, крылья разнёс. Корзинка твоя у внучки моей будет жить. Не жалко? – это она меня спросила. Я только головой помотала, что не жалко, мол.

«Счастливая судьба у твоей дочки будет. Любовь у неё будет, как у меня с Зоряном моим. Только до-о-олгая, по сравнению с нами-то», – а потом рукой куда-то в свои юбки залезла и вытащила шишечку зелёную.

И откуда она её взяла – мы так и не поняли. Конец апреля же был? А шишечка зелёная, свеженькая.

«Держи, – говорит маме, – да не теряй. Пока она с ней будет, её ни пуля не возьмёт, ни хворь никакая. Но это только ей дано. У неё одна тяжелая ночка в жизни может быть. Но если шишечка-то с ней будет – всё обойдётся. А вот если не

станет её, шишечки, тогда только тот поможет, кто шишечку ту сожгёт в костре. А кто сожгёт, тот и мужем ей станет. Значит, и ту ночьку перебудут вместе, он должен будет беду почувствовать, обережет он её. Обойтись должно. А если нет – тогда только на Бога надежда. Чудно! С этаким я ещё и не встречалась. Две жизни у неё. Одна – её, а вторая – тоже, вроде, её, да не её. Как в зеркале отразится. Чудная девочка у тебя. Сотни людей может спасти».

Стаси, улыбаясь, подняла голову к Лео: «Вот так. Понимаешь теперь, почему я в медицинский пошла? Я сотни жизней могу спасти».

– А почему именно тебя сюда направили? Отличница потому что? – Лео, конечно, выслушал весь этот цыганский бред, который явно тревожил Стаську, и пытался теперь развеять глупый её мистицизм. Ещё и про шишечку ту вспомнила, которую именно он сжёл в костре. Правда и мужем ей стал тоже он.

Всё остальное выпало из его внимания.

– Да нет же, Лео! Я же занималась радиологией у Козицкого в лаборатории. Ему нравились мои работы, мы исследования проводили по влиянию разных антирадиантов на ремиссию. Даже опыты на крысах со стволовыми клетками проводили. Процент излечения маленький, но был. Ничего же фактически тут не исследовано. А без атома и радиации мы больше не сможем жить. Поэтому меня и направили сюда. Тут и будет работать институт по изучению всех

проблем влияния радиации на организм и способы реабилитации больных, меня в него же распределяли. А пока нет лаборатории, назначили врачом общей практики, терапевтом. Тоже полезно потренироваться. Я с удовольствием тут работаю. Память тренируется замечательно! И каждый день столько нового! Лео, знаешь, что бы я хотела?

– Что?

– Столик малюсенький сюда куда-нибудь поставить. Можно прямо тут. У окна. Мне иногда надо посидеть с карточками и неудобно газеты в столовой у папы перекладывать. Он там что-то в них отмечает иногда по вечерам.

– Он следит за политикой. У него определённо есть чуйка на события. Замётано. Давай, вот, завтра и купим тебе стол. Только почему малюсенький? Нормальный, для серьёзного ученого, купим стол, – Лео захохотал и повалился на Стаси

– Ох, и фантазерка ты у меня, Йони моя маленькая. Раздразнила ты меня цыганскими страстями. Не хуже того Зоряна целовать тебя хочу. Где тут у тебя шрамы от кнотов цыганских? Ну-ка, ну-ка?

Она вертелась в его руках и смеялась от щекотки поцелуев-покусов, которые он щедро рассыпал по её спине и попке, пока, задохнувшись от смеха, не остановился и не задал сакраментальный вопрос: «Стаська, ты точно уверена, что мы сейчас спокойно свернёмся клубочком и уснём, как наигравшиеся котята?»

– Нет, – смеясь ответила Стаси – совсем не уверена. А что

это за звук такой был? Кто-то пришел? Или кто-то ушел?

Лео, обернувшись халатом, выглянул за дверь.

На кухне лежала записка отца: «Не теряйте меня. Я у Силычей. Пригласил на уху и в шахматы поиграть. Утром придду. Целую. Папа.»

– Ну всё, Йони моя любимая! Мы одни в целом доме. Силычи папу на уху пригласили. А где у них уха, там и стаканчики граненые. Месяц же не виделись.

– Силычи – это дядя Митя?

– Не-а. Это Дмитрий Силантьевич, он же дядя Митя, и Максимыч, Он же Юрий Максимович. Два в одном. Такие загулы у них иногда замечены. Три одиночества. У них нет никого, кроме этих вот друзей, которые вместо братьев.

Ворча, Дмитрий Силантьевич впустил Сергея Дмитриевича: «Ты чего тут по ночам шляешься? Времени-то?»

– Да не ворчи ты. Нас трое. Я, твоя водка и ещё коньяк с нами. Вот ещё пакет с бутербродами. Конфеты шоколадные с лимоном под коньяк. Звони Максимычу, пусть нормальной закуси принесёт.

– А! Ну так сразу бы и сказал. Ща позвоню, чтобы метнулся по-быстрому. А я думал, что ты со своими там празднуешь. Хорошо мы съездили, продуктивно.

– Да попраздновали уже. Слышал я про вас. Молодцы. Стаси вся светится. Лео глаз не сводит с неё. Разорвался у них месяц медовый. Сегодня всего-то восьмой день, как вме-

сте спать лягут. Я там совсем лишний сегодня. Вот и навязался к тебе на раскладушку.

– Да и диван разложим, чо на раскладушку-то сразу? Примем, как родного. Если бы не война, и мы бы с женами в постелях кувыркались, хоть изредка, но вспоминали бы молодость. И Вовка бы мой жив был, тоже бы баранку любил крутить, поди. – Силантьевич достал из коробки «Казбека» папиросу, и постучал ею по крышке, спрессовывая табачок.

– М-да. У Максимыча всё то же. Жена родная предала, посадила на десять лет. А сына не вернуть. Обидно, в самом конце войны погиб. До Берлина уже добрались, – Сергей Дмитриевич доставал из кухонного шкафчика друга маленькие стограммовые стаканчики и закусочные тарелки.

– Убить бы их всех гадов зараз. Или на несколько лет в те бараки поселить, сволочей, выроdkов фашистских, чтобы сдохли там. Мы когда освобождали заключённых, кто живым остался, там же горы трупов лежали. Кости одни гниющие. Вонюща такая, что дышать нечем было. Поэтому я сюда сразу согласился ехать. Нам без этого шарика теперь никак. И чёрт с ним, если я тут дни свои окончу. Твои, вон, выживут зато. Ребятишек нарожают. Вот и будем дальше жить. Не беременна Стаси-то?

– Да когда им? Я ж говорю – всего восемь дней, как вместе. Не сразу хорошее дело-то ладится.

– Сладится! Куда денутся? В Стаське вашей е-е-есть огонёк.

– Эх, Митя! Если бы огонёк! Там из-под двери пламя вырывается! Лео, как пирог свежеиспечённый ходит лоснится. В кого только он у меня такой разгильдяй уродился? Она тут ему решила брюки как-то погладить, в порядок привести. Я ему сколько раз говорил и учил, как их гладить надо. Мужичье это дело. У меня отец директором был огромного завода, и то гладил свои брюки всегда сам. до последнего дня.

– А мать-то как ? Год, как схоронила.

– Да тяжело ей, конечно. Полвека вместе прожили и какие годы?! Сам знаешь. Отца три раза арестовывали. Но каждый раз его Орджоникидзе вытаскивал. Вот же сколько гадов всяких повыползло отовсюду. Вот откуда столько зависти, жлобства и корысти в людях появилось?

–А чо появилось-то? Оно в них всегда и было. Читал тут книжонку одну. Писатель Гарин – Михайловский, слышал?

– Слышал. И читал. У него много детской литературы есть. Полезно для отцов. «Детство Тёмы», например. Лео любил когда-то.

–Нет. тут не детская книга. Он в ней пишет, как он хозяйствовать начал в деревне. Решил заняться самым главным ремеслом – хлеб выращивать. Ну, поместье купил небольшое. Ссуду взял.

– Ну, и?

– А вот он в этой книге про «мир» рассказывал. Про общину крестьянскую, которые стали образовываться, после того, как крепостничество-то сняли. Ну, чтобы выжить и ни-

кому не в обидках быть, землю им выделенную в общий пай брали. Потом по жребию каждые пять лет, что ли, тянули, кому какой клочок достанется. Кому перегной, а кому и песочек.

– И что?

– Что-что? Известное дело. Многие удобряли землю-то, а многие так сеяли. Истощали вконец. Но кое-кто за эти пять лет и на суглинках сумели приподняться немного, Хозяйствовало хорошо, урожай хороший, ну и всё отсюда. Скотина сытая, дети сыты. Сам – молодец. И что ты думаешь? Другие с него пример брали? А как бы не так! Зависть, как ржа любое дело разъест, если заведётся. А как ей тут не завестись, коли полдеревни с любой лишней копейки в шинок идут, оторваться и забыться, как говорится. Тяжело работало-то. А вот кто-то дюжил, терпел, выл да и вкалывал, а кто и потачку себе давал. Зальёт за ворот, да и спит под забором. Честно отдыхает. А купить землю в частные руки из общего пая было можно только с согласия «мира», собрания, то есть общего. Просто голосованием: «да» или «нет». Так вот поди ж ты. «мир» это имел право не отпустить из общины, поскольку в этом «миру» каждому надлежало чем-то общественно полезным заниматься. Пасты там, возить налоги натурой от общины, строить что-то для общины, ну и так далее.

– Ты мне Митя сейчас о колхозе рассказываешь, так сказать?

– О колхозе-то, о колхозе, только в колхозе и земля, и урожай общие. А в «миру»-то нет. каждый сам за себя. Так вот «мир» этот – самый настоящий мироед бывал. До смерти человека держал. А за право выйти из этой общины такую откупную цену заламывал, что не поднять. Мужики так и говорили: «Раньше один барин был, можно и подладиться иной раз было. А теперь свои, кажись, а вдесятеро гнут, шкурку снимают. Кто в немилость попал общине-то – тот считай погибал на корню. Ни туда, ни обратно. Замордуют. От зависти замордуют.». А ты говоришь, откуда столько мразоты выявилось. Искони она, как и в любом другом народе, есть и в нашем. Лень. Лень великая родит зависть великую. А там – пошло поехало!!! Великий у нас народ. Великий. Эвон сколько прошагали и вымели европ-то этих. А у великого народа, знать, и дерьма всякого много. Ну ладно, перебил я тебя. Что хотел про твоих сказать? Про брюки, вроде, начал?

– А-! Ну да. Про брюки. Собрались мы в кино тут как-то вечером. Стаси там гладила что-то, ну, Лео и присоседился со своими брюками. Стаси добрая душа, решила погладить. Дело-то вроде и немудрёное. если знаешь, как. Мы с ней оделись уж, сидим чай пьём, а Лео всё ищет день свой вчерашний, часы куда-то засунул и шнурки от туфель своих парусиновых, чистил накануне.

Выходит, наконец, и ржёт, как сумасшедший. Стоит во всей красе: брючины по винтовой в разные стороны заглажены. Симметрично! «Молодец, – говорю, – доченька. Больше

за это дело никогда не берись. Ибо мужское это дело – брюки свои гладить». А она мне наивно так: «А я никогда их не гладила раньше. Извини, Лео. Придётся другие надеть. Я переглажу вечером», – а сама так насмешливо смотрит, что я даже заподозрил её, что это она специально так сделала. Я как-то гладил при ней. Видела, вроде? – «Так их теперь уже не перегладить. Их для начала размочить надо будет в горячей воде, – говорю. – Да Лео сам всё это и сделает. Пошли в кино быстрее» – а он только зыркнул на меня, лентяй. Если специально она это сделала, ох и подкузьмит же она его однажды! Чую! У неё смешинка во рту живёт. А с Лео – беда, прямо. Всё раскидывает. Этак она от него удерёт, чего доброго. У неё всё по полочкам. Все носки нам перештопала. Любо-дорого.

– Экономная?

– Да не то, что экономная, это тоже, конечно, о женщине многое говорит, дорого то, что думает о нас. Я его за бардак ругаю, а он меня только за плечи обнимает и штаны свои с пола поднимает. И ласковый, как кот. Знакомое состояние. Хоть и было давно.

– И сплыло! Откувыркали мы своё, Серёжа. Хватит душу бередить. Сынков-то не вернуть наших. М-да. Вон, никак Максимыч уже шабаркается у двери. Щас в поддавки на стопочки сыгранём! – за деланным весельем друга на Сергея навалилась вина в его личном счастье. У него-то сын был рядом.

– Зато мы сейчас высыпаемся, не как в блиндаже под осыпавшимся песком, и многожды забот отвалилось, – как бы ободряясь и извиняясь за горькие сожаления, невольно придушившие радость встречи, улыбнулся Митя. – Как у солдата в казарме, чисто и просторно, кровать, стол, стул, сапоги, вилка, тарелка, стакан, диван да книги, да изредка пироги. Да рюмочка на ночь. Всему, видать, своё время. Так оно. Но жаль, конечно. Могли бы ишшо!

– Стаси, тебе запах этого масла нравится? – очень тихо спросил Лео, нежно растирая ноги жены руками, смазанными в купленном им масле.

– Да. Очень. Как восточная сказка.

– Это ты у меня сказка, девочка моя. Я тоже хочу тебя помассировать, как и ты меня. И на коленях удобно. И целовать удобно... – Лео слегка втянул её сосок, остановившись на мгновение. – У тебя были мудрые родители. Я никогда не думал, что целовать ноги так приятно. Пальчики твои, и здесь... на ступешке... тебе щекотно?

– Очень необычно. Я вся, как в холодном жару. Не представляла себе таких ощущений... – она не открывала глаз

– Стаси, девочка моя, у меня такие мысли в голове сейчас, хочу с Йони моей поласкаться, это потом. Да?. Какое же всё тут красивое, Стаси... Мне хочется такую картиночку с собой всегда носить. В потайном кармашке. И вся жизнь тогда будет сплошным раем. В любую минутку достал и поцеловал

вас, прелести мои. Вот так, – Лео ощутил её судорожный лёгкий вздох лёгкого наслаждения от прикосновения его губ.

Он шептал о распирающих его чувствах и желаниях, и не знал, слышит ли она его, у неё лишь иногда вздрагивали брови и ресницы.

Несколько минут назад он не отрываясь смотрел в её лицо, когда она, нежно массируя плечи, наклонившись над ним, вдруг натыкалась грудью на его губы, и он своим поцелуем заставлял её восторженно вдохнуть и закрыть глаза. И наслаждался, чувствуя, как руки её, не подчиняясь воле, слабели, казалось, она упадет на него... но нет, она отстранялась, и он спокойно отпускал её, давая ей волю над своим телом, по которому совершенно лихорадочно то тут, то там проступали и пропадали толпы восторженных мурашек, жгущих кожу.

Её руки, гладившие тело, не смущались ничего. От кончиков пальцев на ногах, как и тогда, в первый раз, они прогладили и промассировали его до паха, задержались здесь, путаясь в густых волосах и складочках, ласково и нежно поласкали ребристую надувшуюся плоть яичек, бархатистую кожу члена, послушно принявшего её руки, лишившие его на несколько острых мгновений отчётливого восприятия. И поднялись вверх, прогладив вспухшие, тёмные соски, слегка окруженные волосками. Она поцеловала их лёгким прикосновением губ и снова уползла вниз. Тело его, разглаженное её ладонями, стало совершенно послушным и уже терпеливо-опытным, оно училось наслаждаться её ласками.

И Лео не знал, что ему больше всего сейчас хочется! Тепло томилось, как в жарком котле, у которого крышка плотно прикрыта. Дурашливое первоначальное чувство соревнования: «кто кого лучше помассирует» растворилось бесследно, уступив место мужскому сочувствию и даже чувству вины от своей избыточной силы и её нежной слабости.

Всё сейчас происходило за гранью мира, внутри пещеры, мир сузился до размеров круга слабого света оставшегося от пригнутого черного плафона лампы. Её плавные движения расплывчатыми тенями на стене напоминали колыхание огромных листьев цветка, обволакивающего его тело, стелющегося по нему то одним, то другим шелковистым ароматным лепестком.

Под её пальцами, везде всё обнимающими и нежно всё гладившими, шершавые листики его жестковатой мужской души смягчились и, поддаваясь её нежному язычку, слизывавшему с них все обиды и несурзанности, смягчали громахающие резкой нетерпеливостью всплески острого желания, распускались недоверчиво, но и охотно, хаотично сплетаясь с её лепестками, готовыми принять сейчас от него всё.

Сказка о крокодилей пещере уже не была сказкой.

– Куда ты меня тащишь, Стаси? Я почти сошел с ума... – как бы спрашивал он её, задерживая её руку в паху и тут же отпускал, встретившись с её глазами...

– Ещё немного, – как бы отвечала она, целуя его руку, и спокойно клала её рядом.

Тугая тетива, казалось, натянутая до предела, готовая спустить наполненную страстью стрелу, вдруг стала эластичной и звеняще-исчезающей...

Боясь, что она исчезнет и совсем перестанет звенеть, он обнял свою женщину, распластав её на ложе, и, встав на колени, стал совершать мужское моление над любимым телом. Масло на его руках разлило вокруг аромат роз, погрузивший его сразу в мир женщины, аромат немного горький и резкий, но очень возбуждающий обоняние и зрение. Только звуки не проникали сюда совсем.

Не хотелось никакой торопливости в движениях, не было нестерпимой страстности, осталась только нежная забота о том, чтобы и её тело также было объято его руками, и так же изнывало в предчувствии ещё большей роскоши после обжигающих, бесстыдных и желанных обоим полупоцелуев, взглядов, прикосновений к самым интимным уголкам.

Они как будто обреченно стояли на краю обрыва, с которого им предстояло прыгнуть в неизвестную пропасть. Эта неизбежность ощущалась, сгущаясь и приобретая вкус и запахи.

Светящийся пещерный, замкнутый на них двоих, казавшийся с закрытыми глазами багрово-оранжево-синим шар сжимал со всех сторон. И ни уклониться от него, ни выпрыгнуть из него, ни упростить всё до прежнего пережитого ими любовного опыта, – было совершенно невозможно.

Всё происходило само собой, как по наитию. Она подчи-

нилась его рукам, поднявшим её, губам едва касавшимся её груди, глазам, умоляюще просившим прощения неизвестно за что, подчинилась его распалённому телу, которое приняло её на себя и распяло на сильных, раздвинутых под ней, бёдрах. Его горячее бархатистое тело, бьющееся толчками в нетерпении, смело и твёрдо проникло в неё и окаменело, разжигая нестерпимый и болезненный жар, накопленный во взаимных ласках.

– Не шевелись, Лео... Замри, – прошептала еле слышно Стаси, приникла головой к нему, прислушиваясь к тому, что происходит с ней. Исчезала боль привыкания, заменяясь болью наслаждения.

Желание, заполнившее тела, загудело ровным всепоглощающим смерчем. Сгорели оставшиеся ещё где-то звуки. Они сгорели первыми. За ними сгорели остатки стыда и смущения. Потом сгорело возникшее нетерпение страсти, острое и невоздержанное. Сгорел порыв. Взамен возникло трепетно прислушивающееся жадное терпение. Приостанавливаясь на самом краю, чтобы не сорваться в настойчиво зовущую их бездну острого наслаждения, тела согласно замирали, предчувствуя ещё нечто большее.

– Господи, как же это прекрасно...неужели это сейчас происходит со мной? Я вся распята и нет между нами ничего...так всё натянуто, но уже не больно...я и не думала, что так возможно... – Стаси, стараясь не шевелиться, чтобы не нарушить звящего гула, заполнившего её, прикрыла глаза.

– Стаси, девочка моя, любимая, смотри на меня. Смотри мне в глаза, – Лео поднял колени слегка облокотил жену спиной на них. – Вот так. Расслабилась? Смотри, какие мы с тобой красивые сейчас, – Лео посмотрел вниз, увлекая и её взгляд к сплетению волос. – Смотри, любимая. Тебе хорошо? – он едва касался её кожи, проводя трепетными пальцами от колечек на шее по соскам и вниз к пушистому лобку со светлыми волосками, и снова целовал следы своих пальцев, ощущая губами вспыхнувших под пальцами мурашек.

– Да... да... да... – она еле слышно шептала эти «да», как заклинанье, творя ступеньки восхождения туда, откуда раздавались божественные звон и гул, так согласно резонирующие в их телах.

В этом сумасшедшем затяжном подъёме они держали друг друга сияющими в полумраке ночи глазами, не отрываясь, с удивлением и восторгом всматривались друг в друга, ища ответ на своё истомлённое ожидание чуда.

Всё переплавилось в Лео пониманием, что нет у мужика другого основания чувствовать себя мужиком и быть им, кроме доверчиво расprostертого в благодарной и доверчивой неге тела жены на его ногах. И в его взгляде на любимую его девочку, его жену, было всё: и сострадание её сладостной стыдливой муке от дыбы на нём, и сочувствие её невольной покорности и смирения перед тем, что сильнее её, и его снисходительная требовательность подчиниться ему, признавая за ним право, данное ему природой, владеть ею, наполнять

её жизнью, выпивая взамен вечно опустошаемый им сосуд. И снова вечно жаждать этого опустошения.

Горячий столбик крови, жезл жизни, жесткий и повелевающий, нежно ласкающий и растягивающий её до боли, неумолимо обволок себя ею, навсегда став центром её женской вселенной, собрав и сжав всё в спазме вокруг себя. Его пульсирование было настолько ощутимым и готовым сорвать их с крутизны ощущений, что иногда она привставала, или он приподнимал её... И сразу же возникало чувство потери... И она умоляюще смотрела на него... А он, беззвучно шепча: «не уходи», осаживал её на себя, прикивал на несколько минут к её губам, сжимал грудь... И снова внутри тел возникал болезненный жгучий спазм желания срастись воедино, чувствовать себя цельным, наконец, существом, соединившим две, некогда разъятые кем-то, половины.

Её танец, тихо и произвольно начавшийся, на его бёдрах, задержал его дыхание в медленном вдохе. Юная, но зрелая ведьма совершала, слившись с его телом, древний танец жрицы любви, смело увлекая его за собой на такую раскалённую вершину, о которой он и не подозревал, и с усилием сдерживал бьющееся где-то внизу живота, в её нежных тисках главное сердце мужчины, готовое ухнуть и сорваться. И сердце в груди вторило ему, замирая на мгновения. Он что-то шептал, целуя извивающееся в наслаждении расслабленное в его руках прекрасное тело женщины, стонал и рычал, не желая, чтобы это прекращалось, скрипел зубами. А вслед

за этим родилось понимание и покорность женщине, тихо шепчущей иногда: «Замри, Лео...»

И он послушно замирал, сцепив их пальцы недвижно, прикусив ей губу, или сосок, или пальчик на ноге, или приподнимал её над собой, чтобы на секунды охладить. И от возникшей у него уверенности, что он управляет всем, что он чувствует всё, как самый рачительный хозяин чувствует свою землю, которую он приготовился засеять, в нём возникало нечто всемогущее, что простирало эту женщину перед ним, как землю, которая приготовилась принять от него дар.

Как долго происходило это балансирование на краю зияющей глубиной пропасти, ни он, ни она не знали. Это знал только бронзовый мальчик на шкафу, тихо тикающий уже второй час их срастания друг с другом.

Время тоже расплавилось.

Никогда в жизни они не испытали большего слияния и понимания. Этот источник любви открывается и понимается двумя любовниками один раз и навсегда, и может питать двоих бесконечно долго. Это происходит на другом уровне соединения жизней двоих.

И когда они взмыли, наконец, над этой пропастью, подарившей им безграничное соединение и знание, обоим казалось, что падая с этой гудящей восторгом высоты они расшибуются насмерть об острые камни на дне, испытав в самый последний момент и боль, и разрывающее, заполнившее их до краёв, наслаждение, которое уже невозможно было отли-

читать от сладостной боли. И было ничего не жаль, если даже дальше была возможна только смерть.

Они не шевелились. Ни сил, ни слов, никаких желаний, кроме одного – не двигаться – не осталось в их медленно остывающей от нестерпимого жара пещере.

Она лежала на его груди, не открывая глаза, боясь увидеть что-то, что могло бы задуть маленький необычный огонёк, зажегшийся где-то в ней, такой трепетный, что на него нельзя было даже смотреть непонимающими глазами. Повторно такой не зажигается, вспыхивая только один раз в жизни.

Он поднял пальцами её лицо, и она увидела в его глазах тоже слёзы и отсвет огонька сотворенного ими чуда соединения. Вечного соединения женщины, животворящей мужа, ирреальное ощущение внутри неё горячего, питающего её жизнью жезла мужа, которому на Востоке ставят алтари, соединение отныне и навсегда с мужчиной, покровителем и повелителем её тела.

Эти слёзы, если они возникают одновременно у двоих, никогда не проливаются. Это слишком драгоценные слёзы. Они навсегда застывают в глазах любящего. И только они двое понимают, что это такое так сверкнуло вдруг в его и в её глазах при взгляде друг на друга в толпе других людей.

Уснули они в полной тишине, которая выносит только шорох пальцев по коже, шорох волос на лице, шелест губ в поцелуе, которую нельзя разрушать звуками голоса. Уснули

на рассвете, когда услышали, как скрипнула входная дверь, выпуская отца в счастливый воскресный день домой. И возникший сквознячок, тёплый и услужливый, начал осушать взмокшие волосы и остужать тела, вынырнувшие из раскалённой крокодильей крепости, проветривая влажные простыни и комнату от всех, знакомых уже обоим, интимных запахов. И запах розового масла, смеющийся над бессильным сквознячком, торжествуяще витал над ними.

– Я тебе много глупостей вчера нашептал? – спросил он её, когда оба проснулись, и сразу обнял и уткнулся носом в её распушившиеся колечки на затылке, которые щекотали ему ноздри.

– Насколько я понимаю, это не совсем глупости. Или совсем – не глупости, а скорее фантазии? – она немного печально улыбалась, как взрослые улыбаются любимому, не в меру расшалившемуся ребёнку.

– Ну да, вроде того.

– И?

– Что «И»?

– И как ты собираешься их воплощать? Эта настольная книга механика тебя очень впечатлила. Они у тебя такие...

– Стаси уже почти смеялась.

– Успокойся. Я не собираюсь их с тобой воплощать, – Лео немного обиделся, что она шутит над его откровениями, за которые ему, впрочем, и самому было сейчас неловко.

– Да?! Очень интересно. А с кем тогда?

– Стаси! Это просто ... в такие минуты...меня... ну, захлёстывает! – он не вылезал из её кудряшек, пытаясь вспомнить, что именно он ей шептал, теряя за ощущениями некоторые слова.

– И тебя тоже? – она продолжала чему-то удивлённо улыбаться.

– Не понял? Что значит, «и тебя тоже?» – он оторвался от нюхания кудряшек и впервые внимательно посмотрел на жену. – О! Головка ты ж моя квадратная! Стаська! Ну всё! Мы с тобой пропали в нашей крокодильей пещере. Сгорим однажды заживо, жена моя.

– Охотно. Если вместе. Только не сегодня? Ладно? Сегодня слишком хорошо жить на этом свете! – она потянулась всеми суставчиками, как ласковая кошечка, приглашающая хозяина почесать ей за ушком.

– Как скажешь, моя любимая Йони. Сегодня ты довольна? Не хочешь больше абрикосовый компотик? – Лео довольно поглаживал разнежившееся тело жены, охотно раскинувшееся в благом и святом наивном бесстыдстве любимой женщины перед её властителем.

– Сегодня – точно нет! Сегодня я хочу вкусно накормить вас с папой, погулять... Впрочем... Нет. Погулять я тоже не очень хочу. Это завтра лучше.

– Я очень старался, чтобы ты напилась, наконец, своего абрикосового компота. Кстати, надо его, всё-таки, сварить. Давай, купим сегодня урюка. Это мне даже хочется – торже-

ственно поставить точку в моём паспорте мужа на пригодность. Как тебе идея? – он снова прижался к ней и колыхался от радостного громкого смеха, счастливый и масляный от удовольствия.

– Хорошо. Сварим. И стол! Ты мне обещал.

– И стол. Я помню. Пошли в душ мыться. Я пахну морской солью, по-моему. Папа ушел к себе, так что можешь так и идти, как дочь моря, вынырнувшая из пены морской с розовым маслом. Ты тоже солёная и тоже пахнешь морем, солью и рыбкой, – он, смеясь, увернулся от её шлепка, ловко свалился на пол, сграбастал солёную морскую деву в охапку и понёс её в обычный душ с обычной горячей водой, отмывать чешую, налипшую на его жену с его крокодилей шкуры.

Сказочка про пещеру всё больше напоминала быль.

В доме Воротовых воцарилось Нечто.

Уже через несколько недель после появления Стаси всё в доме заулыбалось. . Нанятая на несколько дней домработница пришла и привычно ловко сделала всё, и получила всё, что ей полагалось по тарифу, отчистив плитку и плитуса, засиявшие первозданной свежестью Но кроме этого появилось и другое – ощущение какого-то ласкового блеска на всём. Может от того, что пыль чаще вытиралась? А может от возникшего ласкового улыбчивого, тёплого и вкусного уюта?

Почти ничего и не изменилось. На рабочих столах отца и сына по-прежнему царил «хаос рабочего порядка». Но на диванах и креслах появились удобные подушки, чтобы уют-

но подпихивать их себе под бок. Махровые китайские полотенца запушились более густой и яркой махрой, а может их просто чаще стали стирать? Работа в разные смены, то с утра, а то с полудня, а то и вечером, удобно совмещалась с желанием Стаси незаметно наводить порядок, когда мужчин дома нет, чтобы они не выхватывали у неё поминутно из рук то лентяйку, то тряпку, то ведро, стесняясь некоторого запустения в своей бывшей холостяцкой «берлоге», как называл их дом Сергей Дмитриевич.

И в доме запахло праздником и уютом от пирогов, которые Стаси наловчилась стряпать, покупая в открывшейся не так давно кулинарии готовое тесто.

Особенно мужчины реагировали на запах горячих беляшей. Они просто не могли сдержать выделявшейся слюны и улыбки благодарности, дружно садясь за ещё пустой стол. Им нравилось смотреть, как всё то, что ловко готовили руки Стаси, обваливается в муке, слегка подходит, вздуваясь боками, как на разогретую сковороду ложатся защипами вниз треугольнички беляшей, ровно по шесть штук на один заход. Лео восхищало, как начинало пузыриться и румяниться тесто через некоторое время, и как расплывались хорошенько прогретые под крышкой беляши, когда приходила пора их переворачивать, являя совершенно фантастический «живой», почти уже съедобный золотистый с одной стороны беляш, аппетитно пахнувший тестом, жареным на свежем жире, жареным мясом, луком и перцем от вытекшего местами

сока.

Это детское нетерпение могут понять только холостяки, или мужчины последний раз сталкивавшиеся с этим кулинарным волшебством появления из сырого кусочка теста румяно поджаренного объекта, от одного запаха которого, в далёком сказочном детстве у них начинали течь слюнки, когда мама или бабушка баловали их такими деликатесами.

Одновременно с жарившимися беляшами в стаканы, ставшие совершенно и блистательно прозрачными, поставленными обязательно в подстаканники, опускались красивые чайные серебряные ложечки, которые Стаси случайно отыскала в какой-то коробке в недрах серванта, и наливался обязательно свежий чай, а не второй или третий раз завариваемая заварка. Или кисель, который очень любил Лео. Или компот, который любил Сергей Дмитриевич. И начинался весёлый и беззаботный «праздник живота», как любил называть это действие отец.

Каждый день, или через день, Стаси или сама успевала, или просила помочь ей тётю Таню, подготовить к супу овощи, почистить, порезать, чтобы быстро сварить на всех, включая и тётю Таню с Василием Петровичем, кастрюлю супа или борща. Или кислых щей, которые любил Сергей Дмитриевич.

– А што же это за еда такая, когда мужчина супа за день не поест? – согласно возмущалась тётя Таня и охотно участвовала в таких соседских междусобойчиках.

В воскресенье соседи стали частенько принимать приглашение на участие в воскресных обедах, которые с удовольствием устраивали Стаси с тётёй Таней, с утра наготовив несколько противней с пирогами разного достоинства, кастрюлю компота и кастрюлю супа. И мужчины после вкусного обеда, пока тётя Таня и Стаси всё убирали со стола, садились у сложенного мангала и, разведя костерок, проводили время среди приятелей-соседей за рюмочкой-другой какого-нибудь благородного напитка, типа «водка», и разговорами, отдыхая от почти механического ритма напряженной работы.

Такой же тёплой компанией, с добавлявшимися иногда Глебом и Леной, праздновали все праздники, некоторые дни рождения, если у кого-то такое желание возникало. Но это было крайне редко – празднование дней рождения.

Кстати, в том напряженном ритме, в котором работали все живущие и в этом Городе, и во всей послевоенной стране тоже, в ритме чётких обязательств и строгих требований, про свои дни рождения люди обычно забывали. Не до того было. Предприятие, производившее главное и самое мощное оружие страны, работало безостановочно. Как часы. И люди работал, как часы – тоже.

В доме Воротовых теперь почти каждый день, случалось что-то приятное

– О! Какая вазочка! Откуда такое чудо, Стаси? – Лео накладывал себе варенье из сверкающей замысловатой вазочки на невысокой ножке.

– Эта? – Стаси, кивнув головой в сторону вазочки, поставила перед мужем красивую тарелку с супом. – а это я всё сервант разбираю, и её в уголочке нашла. Стоит себе забытая, пыльная и тусклая, как оборвашка. И она очень стеснялась своего вида. Засыпалась до верха старыми огарками свечей, сожженных спичек и пробок и спряталась за старой бутылкой из-под вина. А я с ней договорилась как следует помыться. Нравится? Да ведь?

– Нравится. Очень.

– И мне она очень нравится. Представляешь, её когда-то, судя по оттиску очень давно... Наверное до революции ещё? – Стаси на мгновение задумалась, – да, до революции. Сейчас совсем другой шрифт стал и буквы. И вот её кто-то придумал, слепил, вылил из стекла, которое нежно окрасил в такой замечательный цвет, чтобы она людей радовала. А про неё все забыли. И она решила, что она некрасивая и никому не нужная. А она нам, оказывается, очень даже нужная. И детям нашим будет нужная ещё сто лет. Вот, пусть теперь радуется и будет с нами счастливой. Варенье закончится, мы её конфетками порадует. Очень красиво будет!

– Стаси, у нас сейчас всё стало красивым, благодаря тебе, – в кухню вошел отец. – Ты даже суп нам наливаешь из супницы, он от этого в два раза вкуснее. Кстати, точно такая

же супница и у Бороды есть. Вместе мы сервизы покупали когда-то. Редко стал сюда приезжать. А эта вазочка моей мамы ещё. И ей она осталась от прабабушки. Раритетная штучка. Очень красиво, спасибо, солнышко ты наше.

– Пап, я супницу не только для красоты тут достала. В ней суп дольше тёплым остаётся. Керамика же? – Стаси любовалась, как красиво в тарелках с синим кобальтовым широким орнаментом плавают желтый жир с кусочками жареного лука. – Красиво!

– Стаси, – Лео удивлённо смотрел на жену, слушая её милую болтовню, упершись подбородком в сложенные на столе руки, – может быть тебе надо начать писать волшебные сказки для детишек уже? А? Ты, ведь, не всё про эту вазочку рассказала? Да, ведь? – он любил её передразнивать этим детским вопросиком: «Да, ведь?»

– Ты опять смеёшься?! Просто ты бесчувственный толстокожий крокодил, вот что!

– Ничего я не бесчувственный. А очень даже наоборот. Я из-за этой вазочки, чуть не плачу уже, – и Лео, шутя убегая от «гнева» Стаси, скрылся в спальню, куда она помчалась за ним с полотенцем в руках. Дверь в спальню неожиданно распахнулась, и Стаси влетела туда, а дверь за ней сразу же закрылась на защелку.

Сергей Дмитриевич, помыв тарелку, развернул свежую газету и закрыл в столовую дверь, чтобы не мешать детям шелестом страниц.

– Стаси, А может тебе и вправду сказки надо писать? А, жена моя? С такой волшебной и сладкой ложбинкой, – он припал губами к её шее, покрытой испариной и пахнувшей почти парным молоком, как у детей, – сказочки у тебя будут очень даже очень.

– Нет, Лео, – немного погодя ответила она, явно не желая быстро расставаться с послевкусием их любовного пира, освобождающего тела от горячечного, лишаящего ясности ума томления, которое весь этот, начавшийся по-новому после приезда Лео, медовый месяц неустанно заполняло их вновь и вновь, как свежая, открытая жила воды стремительно и сильно заполняет колодец свежей водой.

И они утоляли свою жажду, как утоляет жажду иссохший в пустыне путник, припадая к источнику. А всё остальное существовало тоже, по-прежнему. Но в другом, параллельном мире, часто беззвучно протекающем мимо них куда-то и зачем-то.

– Нет, Лео. Я буду писать не сказку, а диссертацию. Я нашла интересную тему.

– О чём? О твоей статистике?

– Смешной. О статистике пусть пишут экономисты или кто там ещё? Политики? Ты специально меня дразнишь? И ты прекрасно понимаешь, что статистика – это лишь метод познания, собирание массива данных.

– И о чём познание и данные?

– О чём? О радиации, конечно. И статистики в этом во-

просе крайне мало вообще. А что есть – всё закрыто пока. Сюда приезжает скоро Козицкий...

– Знаю. И что?

– И то. Я хочу попросить его стать моим руководителем в этой работе. Он в теме более, чем кто-либо другой.

– Я в курсе. И я – против. Категорически.

– Почему, Лео?

– Потому что потому. Окончание на «у». Хватит уже с нашей семьи радиации, Стаси. Это опасно, понимаешь?

– Вот глупенький! Я же буду только с анализами на бумаге иметь дело?

– Стаси, если моё слово что-то значит, то я – категорически против. Точка.

– Лео, это смешно.

– Стаси, я сказал: «Нет!» У меня в своё время было гораздо больше оснований заняться этой темой. Я мечтал стать физиком-ядерщиком, и у меня бы получилось. Отец мне запретил даже приближаться к атому. Если ты не хочешь прислушаться ко мне – посоветуйся с отцом. Может быть, он для тебя более значительный авторитет. И вообще он очень ждёт внуков. Штук десять так, – Лео захохотал, – как думаешь? Потянем?

Отец тоже был категорически против того, чтобы Стаси занималась вопросами радиации. Он знал, о чём говорил. Не только анализами на бумаге занимались ученые нового Института биофизики.

В принципе Стаси никто из поликлиники никуда не гнал. Врачей не хватало. Больных было достаточно. Институт, недавно образованный, не успевал обрасти нужными лабораториями и отделами. Место, на которое, собственно, распределялась Стаси было в ближайшей перспективе, но только – в перспективе. Материалы для своей работы и возможной диссертации Стаси постепенно и систематически собирала, исходя из анамнезов болезней населения города. Поэтому больше она этот вопрос не поднимала до поры до времени, оберегая мужчин от стресса.

Впрочем, профессиональные вопросы вообще крайне редко тут обсуждались в семьях. Это было не принято. А начавшаяся семейная жизнь Лео и Стаси обещала быть достаточно насыщенной и стрессовой и без обсуждения профессиональных вопросов.

Одно дело, когда молодые давно знакомы, долго общаются и хорошо знают друг друга и не испытывают острых стычек интересов. И совсем другое дело, когда каждый новый день приносит что-то новенькое, незнакомое, непривычное, интересное, но и раздражающее иногда.

В этом доме давно спокойно относились к работе за столом по вечерам. Иногда Сергей Дмитриевич приходил домой очень поздно и, наскоро перекусив, вновь садился за свои записи. Теоретической работой он мог заниматься.

Посвящённым было совершенно ясно, что работа в Цен-

тральной лаборатории продолжала быть «пионерской» многие годы и после создания бомбы. Эта лаборатория была по сути своей производственным институтом по немедленному внедрению полезных новаций, иногда совершенно случайно обнаруженных в эксплуатации реактора. Как случайная капля пота, упавшая на деталь, позволила найти простой и действенный способ быстрой разборки трудного узла. Или обнаружить «потерю» значительной массы плутония, с таким трудом добытого, из-за осаждения его на стенках трубопроводов, по которым проходил выделяющийся газ, насыщенный плутонием. А ведь дело тогда приняло трагический оборот! Шутка ли – потерять двести граммов драгоценного металла, который добывали по миллиграмму, подвергаясь смертельной опасности сотни людей! Много неожиданностей поджидало первопроходцев, почти оседлавших атом. Ко времени нашего рассказа более двадцати тысяч людей получили значительные дозы облучения и покинули навсегда комбинат. А если не успели – навечно оставались тут. В «Берёзовой Роще». Так называли городское кладбище.

Работа Лео в основном протекала вне дома и часто даже вне Города. Но иногда и он часами рылся в домашней библиотеке, выискивая что-то, делая записи.

А Стаси упорно и постоянно собирала данные по интересующей её теме. Разрешение на обработку данных она полу-

чила, её заочно приняли в ординатуру по ходатайству Козицкого, тему будущей диссертации ей утвердили, и в результате всех этих новостей она стала совершенно «невыездной» из города.

Библиотека в доме мужа и свёкра когда-то потрясла её воображение, и её покупки книг очень ограничились, но не исчезли, переместившись больше в область профессиональной литературы. Лео совершенно спокойно в день зарплаты вёз жену в книжный магазин, и они оба там надолго застревали, наслаждаясь запахом типографской краски и коленкоровых переплётов. И по вечерам Стаси блаженствовала, открывая непослушные упругие страницы новых книг.

Правда иногда, чувствуя, что жена почти забыла о нём, Лео принудительно тушил свет, клал её книгу раскрытой страницей вниз и уводил Стаси совсем в другой мир других знаний, справедливо полагая, что всему – своё время.

– Лео, мне оставалось совсем чуть-чуть дочитать.

– Вот именно. Совсем чуть-чуть же? А я уже дымлюсь и не чуть-чуть, а сильно.

На этом споры кончались, и начиналось полное согласие во взглядах на жизнь, на друг друга, на главное и на не главное. Выпитый стакан абрикосового компота всё, что касалось любви к абрикосовому компоту, давно расставил по своим местам. И «настольная книга механика» тоже.

Но многое менялось очень значительно.

Все мысли Лео, прежде сосредоточенные в основном на

нём себе самом любимом, стремительно заменились мыслями о жене. Что бы он ни делал, о чём бы ни думал, Стаси теперь была где-то рядом. Иногда, забывшись, он поворачивал вдруг голову в «её» сторону на работе, встречал там пустоту и смеялся сам над собой. Если раньше он стремился уйти из прохладного пустого дома, согреваемого только совместными с отцом холостяцкими завтраками и ужинами, да одной-двумя партией шахмат, которые Воротов-старший называл зарядкой для ума, то теперь Лео понял пернатых, густо населяющих окрестности дома. Понял тех скворцов, воронов и воробьёв, что неустанно трудились над гнездом своих изящных скворчих, блистающих черным пером вороних и взбалмошных, суетливых и придиричливых воробьих.

Стаси в этом ряду была грациозной, ещё немного пугливой, но совершенно бесподобной голубкой. Голубкой, перед которой его ужасно тянуло на всякие кульбиты и пируэты, пока его двадцать семь лет делали их изящными и привлекательными, а не глупыми и надуманными, как это случается с некоторыми позже.

Лео удивлялся и даже изумлялся способности Стаси практически мгновенно из состояния эмоционально наслаждающейся беспечности и мечтательности переходить в состояние максимальной прагматичной собранности и сосредоточенности. Иногда ему виделись две взаимоисключающие друг друга Стаси. И это его безумно интриговало. Он так не умел при всей той выучке и «дрессировке», которой ему прихо-

дилось заниматься профессионально много лет. Её чувствительность к прекрасному, её чувственность исчезали мгновенно, уступая место логическому анализу и срочному сосредоточенному принятию мер.

Так было, когда из воды достали мальчишку утонувшему на глазах растерявшихся отдыхающих. Стаси моментально приступила к его оживлению, командуя, как и что надо делать растерявшимся людям, окружившим несчастного пацана. И вот уже двое, сменяя друг друга, делали ему искусственное дыхание, другие часто перекидывали его вниз головой, стремясь вылить воду. Двое, сменяя друг друга, умело массировали грудную клетку, вдыхали парнишке воздух в рот насильно пытаясь снабдить кровь кислородом. Парень не подавал признаков жизни, и зеваки уже стали отходить, расписываясь в своём бессилии, и только Стаси заставила всех продолжать делать массаж, искусственное дыхание и переворачивать тело паренька, пока из него вдруг не полилась вода, и он вздохнул. Лео не заметил, сколько прошло минут, пока он надавливал на счёт «раз-два-три-четыре» грудную клетку ещё и ещё, и ещё раз. А прошло почти полчаса. Откачали. Стаси отошла от мальчишки только тогда, когда приехала скорая и парень пришёл в себя.

И Лео со Стаси пошли в кино, куда и собирались.

И ещё Лео часто вспоминал белые от страха глаза парня, жена которого вдруг собралась рожать прямо на дорожке парка. Роды были из тех самых, что называют стремительны-

ми. Стаси была ещё стремительнее, командуя будущему папаше снять рубаху и майку, коли пелёнок с собой не носит. Людям, обступившим роженицу на скамейке скомандовала срочно найти нож, бритву или ножницы, или что угодно, чем можно было резать, и одеколон или водку, оторвать полоску от рубахи отца. Потом она, не терпящим возражения голосом приказала всем встать спинами к орущей благим матом роженице и закрыть «операционную» от глаз других зевак. У кого-то нашлись маникюрные ножницы, а у кого-то бутылка водки, которой Стаси обработала себе руки и операционное поле.

Парни ёжились под звуки рождения спешившего на белый свет нового человека. Девушки зажмуривались и закрывали руками уши, чтобы не слышать утробные крики рожаящей женщины, пока Стаси спокойно и сосредоточенно руководила новой мамашей. Младенец появился на свет очень быстро и закричал во всю мочь. Все заулыбались и даже крикнули тихонько «ура!»

– Кричи, кричи. Молодец. Только мамочку зашивать придётся. Куда же это ты так спешил, малыш? – спокойно приговаривала Стаси обрабатывая водкой перерезанную пуповину орущего младенца, заворачивая его, как будто она каждый день принимала роды на парковой скамейке, накрытой пиджаком отца, заворачивала новорожденных в майки и рубашки их отцов и отдавала команды, кому и что делать. Скорая приехала быстро, но основное дело было уже сделано.

Остатки водки отдали довольно смеющимся парням, которые поклялись выпить за здоровье мамы, мальчишки и Стаси, которую все поздравляли, как именинницу.

– Ну что, Лео? Сорвался наш поход в ресторан? Платье-то в стирку надо срочно? И мне помыться надо. Ну, ладно, в следующий раз ходим. Да ведь? Главное, что человечек родился нормально! – как ни в чём ни бывало рассмеялась Стаси. А Лео, как, вероятно, и полуголый новоиспечённый отец, державший сына, на руках, как нечто чудовищное и странно орущее, ещё долго не мог прийти в себя от всего увиденного и услышанного, и с ужасом взирал на хохочущую Стаси, старавшуюся завернуть окровавленный подол платья в складку, чтобы не пугать прохожих.

«И как им, женщинам, это удаётся? Знать, что им предстоит и хотеть ребёнка?! И Стаси-то это знает до тонкостей?!» – для Лео это было непостижимо в его жене.

Иногда, болтая между собой под пивко, приятели Лео сравнивали женщин с машинами со сложным характером, которые иногда заводились, кто с точки горения, кто от скорости, кто от ласковых слов. И не дай бог мужу плохо знать особенности своей второй половины. «Так и будешь жрать холодные пельмени!» – шутливо, но вполне серьёзно на самом деле, говорил Глеб. И очень скоро Лео понял, что рядом с ним спит и чудесно по-детски сопит носиком не какая-нибудь там драндулетка, или «Москвич», «Победа» или даже «Волга». Рядом с ним сопел своим чудным носиком «Зим-

студебеккер на танковом ходу с характеристиками победной «Катюши», но он никому об этой своей тайне, конечно, не рассказывал. Он сам себе иногда завидовал.

– Стаси, а почему ты у меня ничего не просишь? Ну, хотя бы для приличия, чтобы я мужем себя на людях почувствовал: «Вот, мол, жену балую»? – Лео искренне удивлялся тому, что Стаси, казалось, была абсолютно счастлива и довольна всем, иногда даже он видел недостатки в их хозяйстве и красивые вещи в витринах, которые хотелось бы рассмотреть, по крайней мере.

– А что попросить? У меня всё есть. Ты знаешь, Лео, я не люблю много вещей. Особенно лишних. Нет, я думаю, что надо жить красиво, конечно, по-возможности окружая себя красотой всегда. Но не роскошью. Это пустое. Необходимой достаточностью – да, желательно. Но что мне-то ещё желать, Лео? Папа засыпал меня вещами. На сто лет хватит носить-не переносить. В доме у нас всё просто прекрасно! Так уютно и просторно. Так тихо и покойно, даже шума не слышно с улицы.

– Ну а новые всякие там модные штуkenции, зеркала, статуэтки, картины, украшения, наконец?

– Лео, а зачем это всё? Роскошь меня даже раздражает. Ты представляешь, сколько у людей лежит совершенно ненужных им вещей, о которых они вспоминают раз в три года? Тонны! И эти вещи их переживут и кем-нибудь будут потом даже выкинуты, может быть. Зачем? Хвастаться чем-то

перед кем-то? Глупо. Не стоит труда. Мне больше нравится что-то памятное. Платочек, обвязанный мамой кружевом по краю, нисколько не менее радующая вещь, чем новое полотенце, например. И вообще я люблю то, что давно со мной, а ко всему новому надо привыкать. Это иногда может не столько радовать, сколько угнетать. Всё зависит от того, – для чего оно?

Мне кажется, что человек, способный гоняться за какой-нибудь штучкой, никогда не будет вполне удовлетворён этой самой штучкой. Всегда найдётся ещё что-то более интересное. Для чего такая погоня и трата своего времени вообще, если ты – не обречённый судьбой-злодейкой коллекционер редкостей каких-нибудь? Помню, в детстве я собирала фантики от конфет. Все девочки в классе их собирали. Это было всеобщее помрачение рассудка просто. Менялись ими, ругались даже. Но это от недостатка игрушек, скорее всего было. Или тогда уже разгорались страсти обогнать кого-то в чём-то?

А сейчас я точно знаю, что никакая роскошь не превзойдёт роскошь природы. Вспомни озеро затихшее? Это такой чудный миг был! Туман... Лес... Валуны... Костёрчик! Костёр, Лео! Слушай, Лео. А я хочу!! Я точно хочу! Я поняла!

– И что же ты хочешь? На берег съездить в мою пещеру?

– Да нет же. Костёр здесь хочу! Камин в доме. Как ты думаешь, это можно будет сделать?

– Камин?! Вот! Узнаю настоящую женщину, наконец!!!

Другие вазочку, серёжки просят, а она – камин! Это просто круть! Надо будет разузнать. Это же трубу надо будет... Впрочем, дядя Митя сразу скажет, можно или нет. Узнаю. Что ещё?

– А больше ничего. Дети сами придут, когда надо будет. Да ведь?

– Да ведь. Придут, куда они денутся. Девочки – в тебя, а мальчишки все в меня. Ладно?

– Договорились! – смеясь, согласилась Стаси

Дядя Митя, осмотрев перекрытия, сказал, что устроить камин в гостиной вполне можно. Через месяц, после всех согласований в отделе архитектуры, строительства и согласования с пожарными, в доме появились мастера и запахло сырой глиной и мокрыми кирпичами. В гостиной стало возводиться чудо печного искусства – будущий центр зимних посиделок. А ещё через пару недель это чудо, уходя трубой на крышу, уже сохло, ожидая первых испытаний и последующей отделки.

Каждый день Лео занимался зарядкой на самодельном турнике на улице или на перекладине, укреплённой в дверях его комнаты в доме.

Стаси часто с удовольствием подсматривала за ним по утрам. Его вздымающиеся бугры мускулов искушающе напоминали ей, какими они были послушными и эластичными прошедшей ночью.

– Ты подсматриваешь за мной, да?

– Мм. Подсматриваю.

– Зачем? – ему явно нравилось, что жена любит его телом.

– Затем. Вспоминаю.

– И я вспоминаю. И чего это мы зря вспоминаем? Только время теряем. Ты помнишь про наш утренний уговор? – и Лео, если было время, уносил свою юную жену в крокодильскую пещеру, закрыв на задвижку дверь, заряжался сам и заряжал её на целый день воспоминаниями о горящих лепестках и атласно-багровом жаре стен их пещеры.

Ещё Стаси обожала смотреть, как Лео бреется опасной бритвой, предварительно несколько раз ловко «поправив» лезвие на специальном «заслуженном» толстом кожаном ремне для заточки бритв, проведя по нему несколько раз вверх и вниз обеими сторонами бритвы. Это была чисто мужская сноровка, так напоминающая ей точно такие же движения её отца, так же бреющегося острейшей бритвой, которую ей нельзя было даже пальчиком потрогать.

Стаси помнила, как в последний раз смотрела вечером, как бреется папа. Потом он долго читал ей сказку... А утром папы уже не было. И никогда больше Стаси его не увидела. И сказу на ночь читать стало некому, мама работала сутками. Детство как-то резко закончилось, осталось слезами на мокрой от этих слёз детской подушечке Стаси.

А сейчас её муж завораживал её своими точными движениями.

И в её жизни появился ещё один отец, который брился обычно в своём кабинете точно такой же опасной бритвой.

Глава 9. Брешь в бюджете

Новый стол Стаси Лео установил в своём кабинете, не желая расставаться с женой даже при вынужденных занятиях его или её работой, взятой домой.

Большое окно, выходявшее в сторону парка и озера за ним, создавало летом приятный зеленоватый свет, спокойный и умиротворённый.

Все планы Стаси по подготовке материала к диссертации успешно осуществлялись, как говорил когда-то её отец: «Понемногу, но каждый день».

Женщины, когда их что-то серьёзно захватывает, умеют так построить свою жизнь, что лишь изредка в глазах своих любимых становятся «замороженными фанатиками». Так уж они устроены, что могут одновременно решать несколько задач, не загружая остальных своими проблемами.

Лето пролетело, как одно счастливое мгновение, которое навсегда впаялось в память Стаси, Лео и Сергея Дмитриевича совершенно необычными и яркими мгновениями жизни семьёй. Всё было новым!

Самые простые события жизни молодых супругов окрашивались ими в фантастические праздничные эмоции и впечатления, от общей ванны и раскушенного вдвоём пополам абрикоса, до общей тарелки с едой, над чем интеллигентно и необидно потешался отец.

Наступившая тёплая уральская осень с её невообразимыми красками деревьев, кустов, склонов далёких гор, – золотых, багряных, алых, розовых и тёмно-зелёных, с потемневшей до глубокой синевы поверхности остывших озёр – была, как яркая прощальная заставка последнего тёплого акта в театре жизни под названием «Жизнь молодых супругов. Часть первая. Летняя.»

Потом вечера стали короткими, часто дождливыми и холодными, но в Городе работали театры, клубы, библиотеки и рестораны, где молодожены иногда проводили прекрасные часы, наслаждаясь друг другом и радуя других. Эта, неуклонно сужающая светлое время суток, резко холодающая осень теснее спланивала людей в кампании, после разобщающего привольного и широко раскидывающего людей по берегам тёплых озёр и тенистым, прохладным даже в зной лесам, в жаркой неге лета. Только собирать грибы и ягоды в этих лесах строго запрещалось законом, который грозил очень серьёзными сроками заключения, за нарушение его, незыблемого.

А Сергею Дмитриевичу к этому времени было положено «отбыть свой срок», как он говорил, в лечебном профилактории комбината. С большой неохотой собирался отец на обычный курс обследования и прохождения всяких оздоровительных процедур без отрыва от работы. В санаторий он съездил ранней весной, пока на курорте в профильном санатории ещё не было жары.

– Стаси, доченька, ну ты же сама врач? Ну, отмени ты там по благу этот профилакторий для меня! Да скучно мне там до смерти. Ванны, массаж, коктейль этот кислородный. Да мне тут около нашего мангальчика в сто раз лучше. И полезнее. А, дочь?

– Папа, ну анализы-то надо все сделать? Ну, останешься ты здесь, и надо будет каждое утро ходить в поликлинику, а некоторые анализы только в больнице можно сделать. И это нам надо? Лучше за недельку тебе там всё сделают, ну поспишь ночью в комфортабельном номере всего дней семь-восемь, и после анализов – свободен, как ветер. И мы каждый день будем к тебе приходить со всякими вкусняшками. Что тебе хочется?

– Да ничего мне не хочется! А вы все медики – крючкотворы! Ладно, поехал я, раз не хочешь свои связи использовать. И не смейте ко мне приезжать! Этого только не хватало. И вкусняшек мне никаких не надо. Там всего полно.

– Ну, пап!!

– Да шучу я. Шучу! Скучать буду. Но не приезжайте вы, ради бога! Только душу травить. Ну всё – покедова! – и именно это «покедова» выражало искреннее отчаяние интеллигентнейшего Сергея Дмитриевича от вынужденной разлуки с его любимыми сыном и невесткой. И отец, вздохнув, «отчалил» на своём «ЗИМе» на неделю-полторы в профилакторий, где его единственным, сколько-то увлекающим его, развлечением были прогулки в одиночестве по берегу

озера да книги, которых он с собой набрал полчемодана.

А Стаси решила использовать этот момент, чтобы попробовать исполнить давно задуманную диверсию – отучить Лео от неистребимой привычке всё разбрасывать по дому. Иногда утром он по пять минут искал, где лежит его галстук или подтяжка для носков. Это было и смешно, и трагично, и комично – слушать каждый раз, как он костерит себя вполголоса, поминутно требуя, чтобы Стаси «напряглась и вспомнила», где, в какой комнате она видела его вторую запонку.

В конце концов, Стаси стала просто присматривать за ним, куда и в чём он заходит и выходит. Но это помогало мало. Эту черту некоторых «мусчинов» ироничный Сергей Дмитриевич называл признаком врождённых «нарциссов», которые настолько поглощены своим великолепием, что заниматься и обращать внимание на всякие пустяки, навреде порядка в вещах, им просто «низко» и «недостойно» их высокого положения в собственных глазах.

Но на Лео подобные изыски критичной мысли отца не действовали. Он мог спокойно машинально положить свои носки на сервант или под диванную подушку и совершенно забыть об этом. Ну какому нормальному человеку потом может прийти в голову искать их там? На серванте? Ну а брюки на бачке в туалете или под ванной? А рубашку под баннным халатом? А запонки в кармане халата?

Его голова была постоянно занята, если не Стаси, то какой-нибудь пожирающей все его мозговые усилия мыслью.

То множество книг, газет и журналов, которые он постоянно читал, роились в его голове, как осы и шумели, напоминая о себе, пока материал не усваивался, не переваривался, не укладывался на отведённую ему полку или не выбрасывался за ненадобностью. Собственно в этом – в применение совершенно неожиданных принципов, приёмов и универсальных знаний – и заключалась его работа, как сейчас бы сказали «креативного ситуационного сотрудника». Именно эта его способность – предлагать неожиданное решение в их часто рутинном, и от этого притуплявшем резвость ума, деле – восхищала Греча. Греч считал Лео самым энциклопедически образованным и перспективным своим учеником-сотрудником. Почти «гением».

А кто сказал, что с гением жить легко?

И, всё-таки, Стаси решила попробовать хоть немного сдвинуть ситуацию к предельно-допустимым нормам в тот момент, когда Сергей Дмитриевич будет в вынужденной отлучке. Готовиться к этому она начала загодя, разумеется, не посвящая отца в свои планы, поскольку это было невозможно с этической точки зрения. Как только отец уехал в профилакторий, Стаси начала артподготовку, занимая в часы одиночества кабинет отца со своими штучками, которые тщательно прятала в шкаф отца, когда уходила на работу. В комнате отца Лео и не пытался искать свои обычные пропажи. Если таковые и случались, то отец тотчас демонстративно, но интеллигентно и молча вешал их с внешней стороны две-

ри на ручку.

У отца в кабинете всегда был идеальный порядок, как нечто надёжное и неизблемое, внушающее даже призрачную идею, что это тут будет стоять вечно: письменный прибор из яшмы, монументально занимающий одно и тоже место на столе, тяжёлая вся в красивых «миллионнолетних» разводах подставка, на которой были установлены две хрустальных чернильницы, яшмовый стакан для карандашей, глубокое ложе для ручек и ещё чего-то, яшмовая тяжеленная промокашка, на которую даже и давить не нужно было. она сама прикатывала чернила, отпечатывая их арабскую вязь букв на зажатой снизу промокательной бумаге. Это была память Сергея Дмитриевича о Бороде, вместе покупали когда-то, обустривая себе рабочие кабинеты.

Но мы же только думаем, что так будет лучше? И Стаси думала, как все люди, в силу опыта ещё не усвоив, что получается-то обычно, не как лучше, а как уж сможем.

На смену облетающим под яростным напором прилетевших холодных ветров листьям, подступала истинная госпожа этих суровых мест – длинная и морозная зима. Проснувшись утром на седьмой день после отъезда отца, Стаси удивилась необычно светлому сиянию за окном. Это был белый, холодный свет зимы, сказочный и нарядный от инея на ветвях, от первого выпавшего снега, покрывшего всё тонким чистейшим покрывалом.

В этот день Стаси выходила на работу после обеда. Это

был прекрасный день для осуществления задуманного мероприятия. Она успела-таки заготовить всё нужное. Проводив Лео на работу, Стаси приготовила так любимую им солянку с несколькими сортами мяса, колбас и жирной ветчины, наполнивших дом ароматами, вызывающими слюну даже по телефону, и за полчаса разместила заранее продуманную инсталляцию, как сказали бы сегодня.

– Лео, ты сегодня придёшь на обед домой? Я, как и обещала, солянку сварила. Слышишь, как пахнет? Ну вот. Я тебя, может, и дождусь, если раньше не вызовут, – это Стаси специально придумала, чтобы он очень захотел прийти домой. Но через час, закончив всё, разочарованно сообщила ему, что её «вызвали», и быстро убежала на работу. Если бы она осталась дома, весь эффект бы пропал!

Сергей Дмитриевич, сумевший за неделю пройти все необходимые сдачи анализов, в прекрасном настроении после профилактического завтрака решил побывать дома, заскочить перед работой на минуточку, чтобы бросить дома чемодан и надеть свежую сорочку.

Когда он открыл входную дверь, его глазам предстало то, что он назвал, завалившись с чемоданом к своему другу Мите, «игрищами в разгаре».

Это было приготовлено совсем не для него. Совсем! Это было персональное творение для Лео!

Но хохотал он, идя к дому Мити, как сумасшедший, предвкушая реакцию сынули на замысел Стаси!

– Ты чего так сияешь? – встретил недоуменно Митя, ржущего Сергея.

– Не могу рассказать. Не моя тайна. Не возвращаться же в профилакторий этот чёртов, чтобы чемодан оставить? Вот и пришёл! Ну чего ты на меня так уставился? Оставить его дома я ни в коем случае не мог. Давай чайку дербалызнем и на работу поедем, я же на своей ласточке приехал. Ускорялся, понимаешь, и наследил, – Сергей Дмитриевич с надеждой наблюдал, прихлёбывая чаёк, как с неба опять начал падать снег, завихряясь в мелкие позёмки. – Ладно, поехали. Хорошо, что снежок пошёл, следы мои заметёт. Ну, Лео, держись! – и Сергей Дмитриевич подавился очередным приступом смеха.

А Лео, расстроенный тем, что Стаси «вызвали», решил удовлетворить давнее любопытство Мишки, местного остро- слова и задиры, какие бывают практически в любом коллективе, и который всё время проявлял сомнение в «таких уж!» кулинарных способностях Стаси, о которых и Лео, и Глеб постоянно трындели, вызывая у Мишки здоровое чувство зависти и рефлексивное выделение слюны вечно голодного холостяка.

– Ну ладно. Сегодня у меня на обед коронное блюдо Стаси – солянка! На второе вчерашние пироги. Приглашаю обоих. Стаси на работу вызвали. Так что, если не понравится тебе солянка, то и скрывать не придётся. Поехали! – иногда Лео пользовался машиной, хотя любил и прогуляться пеш-

ком до работы и с работы, особенно, когда они одновременно по утрам выходили из дома, или он брал машину, когда он торопился на обед домой, чтобы вместе пообедать, а потом довезти Стаси до больницы в оставшиеся минуты.

– На, иди открывай, я машину к гаражу отгоню, – Лео сунул ключ Глебу.

– Ну чего встали-то, как вкопанные? – шагнув через порог подтолкнул Лео приятелей, не проходивших дальше в прихожую.

– Так встанешь тут... Это у вас всегда... такое? – Мишка кивнув головой наверх.

Над головами приятелей, плавно и красиво обвившись вокруг чисто вымытого плафона, кокетливо свисал капроновый чулочек Стаси в обнимку с носком Лео, который он потерял третьего дня неизвестно где. На самом кончике его носка была пришпилена иголкой карточка, на которой крупными и красивыми буквами было написано: «Не достанешь! Не достанешь! И вообще не мешай нам! Бяка-потеряка!» И под строчками сияли яркой помадой нарисованные губки, протянувшиеся к читающему в поцелуе.

Лео попытался подпрыгнуть и снять этот весёлый коллаж, но не тут-то было. Четыре метра – это четыре метра!

– Может посадить? – Мишка нагло ухмылялся, сняв, наконец, ботинки и подойдя под самый плафон внимательно уставился в записку. – Почерк красивый! – деловито заметил он.

– Так! Отверни свою рожу! – рывкнул Лео, сшибая, наконец, черешком «лентяйки» чулочек жены и свой носок со штопкой на подошве.

– А чо? Я с удовольствием! Тут ещё интереснее, – Мишка весело «гыгыкнул». На окне прихожей, на тоненькой бечёвке для задергушек, коротеньких занавесок прикрывающих нижнюю часть окна от любопытных, висели Стасины трусики небесного цвета и трусы Лео, которые он не помнил, куда повесил после стирки, отвлекшись на секунду. На его трусах висела карточка с красиво написанным восклицанием: «Какая прелесть для интерьера, Лео! Очень-очень! Ты их не зря оставил на подоконнике. Выдумщик! Не правда ли? А я тут просто в цвет неба. Да ведь? Мне нравится! Я так соскучилась!»

Лео лихорадочно сдёрнул Стасины плапочки, сунув их себе в карман.

– Всё, хватит ржать! Давайте в столовую. Нечего тут...

Но перед столовой парни от смеха повалились друг на друга.

Дверь в столовую была занавешена шелковыми любимыми полосатыми пижамными штанами Лео, распятыми в стороны, а между ними висела ночнушка Стаси. Симметрично. На заднице штанов большой иголкой была прицеплена записка: «И почему до этого никто не догадался раньше, Лео? Ты – гений домашнего веселья, Лео! Мы же их три дня искали. И ещё бы три года не нашли, ты их так запрятал, ша-

лунишка! Хорошо, что и моя ночнушка свалилась случайно за диван! Теперь мы всегда вместе! Люблю-ю-ю!»

Вырезанные из красной бумаги алые губы были пришпилены прямо на причинном месте штанов.

Сдирая штаны с косяков двери, Лео два раза укололся иголками.

– Так! Стоять! Сначала я сам! – сердито двинув хохочущих приятелей в бок, со штанами на плече Лео вошёл в столовую.

Это хорошо, что он решил войти сначала сам, первым.

Но в принципе это было бесполезно. Ему всё равно не хватило бы двух рук, чтобы мгновенно всё убрать, чтобы приятели ничего не увидели. Ввалившись следом за Лео, они всё и увидели. От увиденного глаза их, слезившиеся от смеха, просто разбежались в стороны.

На каждой полочке буфета, на подоконнике, на одеяле, в которое была закутана та самая солянка, пригласить их на которую чёрт дёрнул Леона, на каждом стуле и на столе – везде лежали, воздыхали, смеялись и издевались над Лео, но нежно при этом его целуя, Стасины вещички, вместе с его вещичками вперемежку и в обнимку.

На высокой люстре, как на плафоне, с которым Лео уже приловчился справляться, висел его потерянный неделю назад галстук и Стасина косыночка в цвет ему, нежно обвивала галстук за узел и тянула к Лео длинный конец с запиской: «Честное слово, Лео, ты меня поражаешь своим разнообра-

зием! Знаешь, где я нашла этот прекрасный галстук? На ручке двери в кладовке. С внутренней стороны. Вот! Теперь мы тут будем жить вдвоём!» На тесёмке для задержушек на окне уже почти привычно висели беленькие Стасины трусики и носки Лео по сторонам от них с записочкой: «Лео, ты прелесть! Твои носки нашлись в серванте! Ну, теперь мы всегда будем у тебя на виду. С самого утра! Правда прелесть? Не хвали. Я стесняюсь! Просто мысленно поцелуй меня, любимый!» На втором окне роль задержушки выполняли его собственные труселя, которые скорее всего упали с верёвки в ванной, и он про них просто забыл. Рядом с ними висели штанишки от Стасиной, детской наверное ещё, ночной пижамки, которую он терпеть не мог! Записочка конечно была: «Ну ты артист, Лео! Правда – бесподобно? Пусть висят! Меня возбуждает!» И все его труселя были усыпаны алыми поцелуями бумажных губ.

– Не, вот этот натюрморт тянет на десятку! – восторгался Мишка, а Глеб только хрюнчал в ладони, боясь раскрыть рот и отводил смеющиеся глаза от Лео, который был в тихом бешенстве, оттого, что приятели оказались по его милости в их крокодилей пещере.

Он метался, как настоящий лев, по столовой и срывал с полок Стасины аксессуары и прятал их в карманы.

На одеяле, с укрытой им солянкой, лежала одна из его книг, которые он вечно оставлял здесь на столе и подоконнике, а потом искал в книжном шкафу. Вместо закладки в

книгу был торопливо вставлен его носок. Свой чулок Стаси тоже красиво вставила между страниц своего журнала и на свободном конце свернула розу с запиской: «Очень удобно! И закладка и носок, если что. Теперь всегда буду так делать. Спасибо любимый! Целую бессчётное количество раз каждый твой пальчик на ноге. Как тогда. Помнишь?» – и весь носок тоже был в алых поцелуях.

– А это – когда «тогда»? – Мишка совершенно распоясался и восторженно брал в руки Стасины вещички, успевая иногда раньше Лео.

– А это не твоего ума дело. И не лапай бельё моей женщины, хамьё несчастное. Свою займай – потом своё и лапай! – Лео сердито-шутя вырывал у него из рук всё, что тому удавалось первому схватить и разглядеть. Сердиться-то на самом деле было не на кого, кроме, себя любимого.

Казалось, все свои вещички из нательного гардероба Стаси старательно выгладила и соблазнительно разложила или эротично развесила по всей столовой в каком-то феерически-весёлом настроении. В каждом бокале кокетливо торчали её трусики, белые носочки, платочки и шарфики в обнимку с аналогичными вещами Лео с пояснительной запиской: «А мы тут вместе!», «И мы!», «И мы тоже, Лео!»

Лео, наконец, занёс комок собранных вещей в спальню и с облегчением не обнаружил там больше ничего компрометирующего.

– Ладно, хорош любоваться! Идите руки мойте лучше,

черти завидушие. Представление окончено. Солянка стынет, – он, сполоснув руки под кухонным краном, начал ставить тарелки на стол и доставать хлеб с полки, разматывая одеяло накинутое на ещё горячую супницу. Но его действия были прерваны захлёбывающимся хохотом из коридора.

Это прохиндей Мишка вывалился из гостиной, куда он без разрешения и приглашения нагло ворвался и, неловко споткнувшись, безвольным кулем растянулся на полу коридора. Глеб попытался помочь ему встать, но тоже свалился рядом, не в силах больше сдерживать дикий ржач, держа в руках Стасин бюзик и сквозь смех твердил: «Гамачок... гамачок... я не могу... гамачок...»

– Какой ещё гамачок, к чертям?! – Лео вырвал лифчик из лап этого гада и пытался перешагнуть через валяющихся приятелей.

– Там, там, в ванной, ещё есть! И в гостиной. В гостиной... – Глеб, бессильно хохоча, цеплялся рукой за ногу Лео.

В ванной комнате во всех возможных уголках её были развешены безупречно отглаженные бюзики Стаси, старенькие заштопанные и три-четыре штуки более-менее новых, одним концом цеплявшиеся за край ванны или верёвки для сушки белья, а другим за всё, за что можно было зацепиться: за краны, за ручку окна, за край полочки. И в каждой чашечке бюстгалтера мирно свернулись клубочком разношёрстные носки Лео, с укреплёнными на них потерявшимися когда-то булавками для галстуков, про которые он и ду-

мать забыл, потерянная левая подтяжка для носка, расчёска, кусок уроненного под ванну мыла, потерянная недавно зубная щётка и прочие мелочи. И записочки тут тоже были, конечно: «Ты меня разыгрывал с этой щёткой? Да? А я, как дура(!) искала её в ванной, а нашла в туалете, на бачке. Но ею больше не стоит пользоваться, мой любимый. В следующем гамачке новые щётки лежат. Как они тебе? Цвет нравится? Господи, как же я тебя люблю и хочу!»

В следующем «гамачке» и вправду лежали привязанные новые щётки. И все его вещички были подробно и нежно «обцелованы» бумажными алыми губами. «Я в восторге от такого ракурса. Надо же! По-моему, даже «очень даже». А тебе как?» – его рубашка засунутая почему-то под отцов халат в душе и её платье там же обнимали друг друга

Лео снял с верёвки и со всех крючков Стаськины бюзики, свои рубашки и платье и, тоже уже хохоча, понёс их в гостиную, откуда вывалились эти черти, сидевшие на полу и ржущие в голос до слёз. Мишка только безвольно мяукнул и махнул Лео рукой в сторону гостиной.

«Чёрт! Как же я туда-то не догадался заглянуть?! Вот лопух! И когда только она это всё успела наворотить?»

Везде, где обычно Лео, не задумываясь, оставлял свои вещички, их теперь лежало по две, и каждая пара сопровождалась записочкой: «Любимый, я и не знала, что тут так удобно валяться» – его майка и её комбинашка; «Милый, это же просто здорово, что ты так придумал. Учту. Целую.» – его

носки и её пояс для чулков под диванными подушками; «Не правда ли? Мы очень подходим друг другу?» – его шляпа и её шляпка на часах с боем в углу; «В конце концов, кому какое дело? Да ведь? Мне тут тоже нравится!» – в ручке двери были просунуты его два галстука и её косынки на шею;

На диване гостиной расположились двое: «Он» был сделан из его серых брюк и клетчатой сорочки, в которой он совсем недавно ходил дома, но где-то её оставил, забыл и взял другую, а «она» была сделана из её старенькой комбинации, набитого чем-то бюзика, чулочков, свесившихся с дивана мягкими полосками и обвивших «его» такими же полосками чулок, как руками, головы из махровых полотенец были нежно прислонены друг к другу и «целовались» бумажными губами. И как бы отвечая ему на его вопрос, когда и как это она всё успела, на одной из «фигур» была записка: «О! Как же я устала, любимый, целую неделю делать то, что у тебя так легко получается между делом! Лео, ты безумно изобретателен! Обожаю!» И ещё одна записочка была: «Как жаль, что никто не увидит такой шедевральной красоты, любимый. Но главное, чтобы ты был доволен. Я всегда думаю только о тебе. Но представь, и этот твой двойник такой же шалунишка, как и ты! Хочу – не могу! Как дожить до вечера?! И знаешь, ты можешь теперь смело засовывать под ванну всё, что угодно. Я там всё чисто вымыла специально для тебя, мой любимый? Очень скучаю».

Лео внимательно рассмотрел «скульптуру», «его рука» ле-

жала между её «чулочков-ног». Лео тут же почувствовал, что и он будет с большим нетерпением ждать вечера: «Ну, Стаська, держись теперь. Живой не выпущу! А насчёт «не увидит» ты ошиблась, моя Йони. Думаю весь город об этом сегодня же узнает», – все вещицы Лео, нещадно укалываясь иголками, поскольку весь «он» и все его вещички были облеплены страстными поцелуями алых губ, торопливо засунул в шкаф и, незлобно попинав хохочущих приятелей, потащил их в столовую.

– Вот только попробуй ляпни где-нибудь о том, что видел тут! Я тебе язык твой двойной в ж*пу тебе засуну! – Лео погрозил кулаком Мишке, известному всем своим языком, который у того был «совсем без костей и без мозга».

– Да ты что, Леон? Чтоб мне тут подавиться! – и случайно или нет, но Мишка тотчас и подавился. Глеб со всей дури стукнул ему по спине: «Да нет, Лео. Мы – могила! Но Стаси у тебя... Слов нет. Огонь девчонка!»

– Всё! Больше ни слова! Чёрт меня дёрнул вас, трепачей, на солянку звать! Давайте чай пить уже, пироги вот жрите, это вам, паразитам, свалившимся на мою голову, осталось случайно. Глеб, достань сахарницу с полочки. – Глеб достал сахарницу из буфета, Мишка, открыв её, сунулся туда ложкой и замер с надутыми щеками, забыв выдохнуть воздух: из-под крышечки пружинно встали столбиком кончики чулочных резинок от дамского пояса, застегнутых на кончики мужских носочных подтяжек, и на одной паре был прико-

лот «поцелуйчик» с запиской: «Приветик! Ой, прости, любимый! Им так хорошо вместе. Я забылась совсем! А что? Удобно! Неожиданно, да?»

Это был последний приветик от Стаси, который Лео извлёк из блестящей и улыбающейся сахарницы. Сахарные кубики в бумажном пакетике синего цвета лежали рядом на полочке. Приятели пили чай, давясь хохотом так, что чай у них лился из носа. Оба клятвенно пообещали, что они: «Ни-ни!»

Может оно так и было, и взгляды, которые Лео тотчас ловил на себе, как только выходил из их с Глебом кабинета, были случайны, но почему-то ему слышалось вдогонку: «Ох и шалунишка!»

– Это ты мне про эти игрища-то рассказывал, Серёга? – дядя Митя, ухмыляясь, хлопал приятеля по спине, когда они встретились, чтобы ехать домой.

– А ты откуда знаешь?

– Сорока на хвосте принесла. Ну и Стаси! Не поленилась. Молодец! Юрка рассказывал, что Леончик наш и раньше вечно один ботинок терял. Только задумается о чём – всё, капец. Нет ботинка!

– А у каждого есть свои особенности. Нехорошо завидовать, Митя. У тебя, что ли, нет чего-то такого?

– Есть. Почему это нет? Недавно очки в холодильнике на силу отыскал.

– В холодильнике – это что! Я их на голове у себя носил и

весь вечер искал. Ну, может этот «шалунишка» ему и поможет порядок в мозгах навести? Парни остановиться от ржача не могут, говорят. Юрка мне тоже уже сообщил, что Стаси сорвала у них нормальный рабочий день, курить все в два раза чаще выходят, чем положено. Они-то успели те записочки прочитать, это я ретировался моментом, но и нескольких хватило. Молодец доченька.

Мы с ней иной раз просто ухахатываемся. Тут на днях сидим, ужинаем, он с книгой в руках – никак Стаси его от этой привычки отучить не может. И не засушенный он сухарь, ведь? Но если что-то увлекло – полный пи*дец! Стаси его спрашивает:

– Борщ будешь?

– Мм.

– А картошку жареную будешь?

– Мм.

– А кисель будешь?

– Мм.

– Вчерашние пирожки будешь?

– Мм.

Сергей Дмитриевич с удовольствием рассказывал: «Мычит и всё лопает, только за ушами трещит. Глодает эти пирожки и читает, и читает... По пустой тарелке вилкой скребёт. Стаси ему опять: «А тушеных кузнечиков будешь?»»

– Мм.

– А запечных тараканов будешь?

– Давай, давай.

– А фаршированных лягушек будешь?

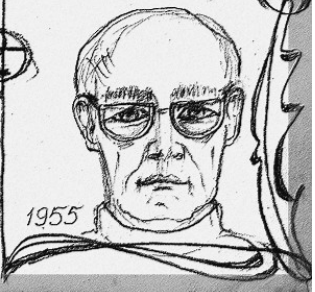
– Фаршированных? Угу. Конечно.

– А глазированных?

– Мм. давай, всё буду. Не обедал сегодня.

Сергей Дмитриевич весело гыгыкнул: «Она уже руки в боки, и мы с ней от смеху давимся, а он только тогда оторвался и на нас взглянул, когда я уже в голос заржал. Но она потихоньку его от этой привычки отучает. Да я и сам раньше любил в газету уткнуться и глотать, а теперь мы беседы ведём светские на самые разные темы, кроме здоровья. Это ещё моя матушка строго запрещала о своём здоровье говорить за столом. Не достойно, говорит, образованного человека. И Стаси такая же. Так что сплетничаем о чём угодно и весело хохочем. У неё всегда смешинка во рту живёт. Славная у нас с тобой доченька образовалась, да ведь? Она же и вас с Юркой за отцов считает. Бокалы ваши на особой полочке рядом с моим стоят рядочком. Лео пьёт из чего попало. Не смотрит.

– Славная. Не поспоришь – друзья не торопясь и молча ехали по самой дальней от дома дороге, они любили так молча объехать иногда вечером Город и полюбоваться тем, что выросло на их глазах на этих некогда лесных взгорках, ископанных вдоль и поперёк канавами и траншеями для коммуникаций.

Сергей, как и отец, был щёголем и любил светлые шляпы

Лео встретил Стаси на крыльце поликлиники с улыбкой, не помещающейся на лице. Его улыбка и уши, казалось, захватывала. Он быстро «засунул» Стаси в машину.

– Ты доволен? Я думала, что ты рассвирепеешь. Наклонись ко мне, я попрошу у тебя прощения. Надо быстрее домой ехать, папа позвонил, что к восьми дома будет, убрать всё надо успеть.

– А я уже убрал. Я же у тебя быстрый? Правда всё в шкафу лежит горой, да руки исколол, но это пофигу. Главное, что ты мне сегодня каждый бумажный поцелуй в обычный превратишь. То есть не в обычный дежурный, а в самый настоящий. И во все обозначенные места. Прямо по проложенной тобой карте. Тогда прощу!

– Только не в один день, Лео! Я же без губёшек останусь. И куда это ты меня вообще ведёшь?

– Как куда? В магазин, – Лео крепко прижал руку Стаси, поднимаясь по ступенькам «Дома одежды», чтобы не вырвалась.

– Зачем? Ты что-то себе купить хочешь?

– Да. Очень-очень хочу! – такой напор в словах мужа прозвучал угрожающе, Стаси внимательно посмотрела на Лео, но он так улыбался!

В магазине Лео, не тормозя ни минуты, потащил Стаси в отдел нижнего дамского белья сразу к прилавку.

– Лео, ты чего? – Стаси попыталась его затормозить, но не тут-то было. Её мокрые от снега ботиночки скользили по мокрому же от снега, стаявшего с ног посетителей, мраморному полированному полу, тащимые её целеустремлённым мужем с большой скоростью.

Лео ещё днём позвонил кому надо и выяснил, что интересного в этом отделе присутствует, и есть ли ему смысл приходить? К его несказанному восторгу только вчера отдел пополнился новой предпраздничной коллекцией подарочного белья для особо торжественных случаев. Самое то, что ему надо было.

Реванш – так реванш!

За спинами продавщиц на полках горками и по размерам стояли шёлковые атласные разноцветные бюстгальтеры, которые назывались «корсетными изделиями», строчёные и величественно жёсткие, делающие даже из крошечной девичьей груди весьма соблазнительные экспонаты. Чуть ниже располагались такие же атласные пояса для поддержки чулок, и они тоже лежали сияющими атласными стопками с игриво болтающимися резиночками. Потом, совсем за спиной, чтобы быть «под рукой» продавцов, располагались стопки недорогого «хэбэшного» нижнего трикотажа: плавочки маленькие, плавочки средние, панталоны тонкие с резинками, панталоны с трикотажной «резинкой», панталоны с начёсом толстые на зиму и тоже с разными резинками. Для бабушек подходили панталоны с простой жёсткой резинкой, чтобы

«чулки как-никак, а придерживать», и для девушек, которые уже строго заботились о фигуре и носили для чулок пояса, тёплые панталоны были только с трикотажной слабо облегачающей резинкой, не травмирующей ногу – и всё это самых разных цветов. Менялись нравы, менялось бельё, расширялся ассортимент и возможности для кого-то радовать кого-то.

Обычно дамы без мужей посещали этот отдел. А мужчины вообще крайне редко. Только в какие-то очень уж особые моменты. Лео и представить себе не мог до этого дня, сколько сортов и видов чулок, например, производится нашей доблестной лёгкой промышленностью. Тонкие капроновые от бесцветных до почти чёрных (но чёрных в те оптимистические годы практически не было), дорогие чулки со стрелкой, которые носили особо следившие за собой дамы и находившиеся «в поиске» девицы; дешёвые чулки без стрелок, которыми довольствовались вечно торопящиеся «молодые мамочки» и простые девчонки, ибо стрелки на чулках совершенно не выносили спешки и некрасиво сбивались на сторону, уродуя даже стройные ноги; изящные чулки с тщательно вывязанной «ступеньками» более плотной пяточкой и стрелкой – это был особый шик, требующий наличия «всего-всего в полном ажуре» в гардеробе дамы; более плотные фильдеперсовы шелковистые чулки и плотные шёлковые матовые со стрелкой (их шили из трикотажного особого полотна); тёплые в разный рубчик хлопчатобумажные чулки от светло-телесного до тёмно-коричневого цвета; толсты-

ми, пухлыми парами, пушащиеся волосками, лежали только недавно появившиеся шерстяные чулки для зимы; и в центре в целлофановых пакетиках лежали безразмерные чулки-эластик, о которых только-только стало известно. Это была мечта каждой женщины страны – иметь несносимые чудо-чулки-эластик, которые были очень прочными и безразмерными в разумных пределах. Именно их привезли для женщин этого Города к празднику – порадовать самоотверженных работниц, рискующих каждый день своим здоровьем в этом отдельно взятом, ярко освещённом уголке цивилизации, затерянном глубоко в тайге суровых Уральских гор. Город снабжался так же, как и Москва.

На следующей полке витрины, которую любопытные и пристрастные глаза Лео быстро выцепили и тщательно, и подробно теперь рассматривали, лежали упаковки с импортными комплектами нижнего ажурного белья из тонкого шелковистого шерстяного трикотажа. А дальше на плечиках и перекладинках, как цветы на клумбе, стройными рядами висели шёлковые, отделанные кружевом, так называемые комбинации – обязательная для любого наряда в то время нижняя тонкая рубашка с трусиками в гарнитурном наборе.

Но изюминкой нового поступления товара были впервые поступившие в продажу ночные шёлковые рубашки и пижамы, отделанные широким шифоновым кружевом, расшитым шёлком. Нежно-лимонные комплекты ночных рубашек и пеньюаров, контрастировали с чёрными изысканными

комплектами, больше похожими на вечерние туалеты дам из зарубежных кинофильмов, чем на ежедневные постельные аксессуары работающих женщин. Кроме них тут же висели в добавление к невиданным ночным рубашкам невиданные нашими неизбалованными женщинами пеньюары для вечернего туалета или интимного завтрака и ужина. Они были голубого, нежно-салатового, розового, чёрного и белого цветов – на любой вкус любого мужа. У женщин глаза разбегались при виде такой заграничной польско-чешско-болгарской роскоши, которую им привезли к ноябрьским праздникам.

Товар недавно выставили на витрины и вывесили в отделе, и около витрин собралась целая толпа молоденьких женщин. Мужья некоторых из них со скучающим видом, боясь насмешек, околачивались где-нибудь рядом.

Лео торжествовал! Всё получалось даже лучше, чем он мог себе представить. Тут сегодня были все, или почти все, кому он хотел бы утереть нос и отомстить за невольно допущенное им же самим нарушение границ их со Стаси крепости. Мелькнули знакомые, слишком уж дружески улыбающиеся лица Лены и Глеба, девушек из бывшего окружения Лео. Парни с его работы, успевшие обзавестись подругами, толпились недалеко у лестницы, коротко приветствуя Лео с молоденькой женой, отворачивались и о чём-то весело ржали. Потом развернулись фронтом и стали наблюдать.

Лео, потерев под шляпой уши, слегка прихваченные мо-

розцем, занял широко расставленными руками весь прилавок: «Ну что, девушки-красавицы, будем закупаться?»

– Так конечно надо! Смотрите, какую красоту нам привезли. Дорого, конечно, но красиво же?

– Красиво? Как ты, Стаси, думаешь? По мне – так ничего, сойдёт, – видя, что Стаси уже приготовилась «смыться» отсюда, Лео обнял её за талию и прижал к себе.

– Лео, ты чего творишь? Люди же смотрят? Мне ничего не надо. У меня всё есть, даже кое-что лишнее.

– Это что у тебя лишнего? – тихо шепча, с любопытством уставился Лео на свою жену. Он вообще ничего похожего, не то что лишнего, у неё в гардеробе не увидел.

– Пижама например, – едва слышно шепнула ему Стаси прямо в ухо.

– Ну, ты сказала! Зачем замужней женщине эти детские пижамы вообще? Глупость раздражающая – и больше ничего, – так же тихо, но сердито сказал Лео. – И теперь у тебя вообще ничего не осталось. Вообще! Ноль!

– Как это? – Стаси видела, что сейчас её муж точно не шутит.

– А так. Выбросил я всё то, чего коснулись руки моих приятелей. Осквернили они мой дом, Стаси! Чужие руки! Пусть все знают, город же у нас считай – все родня, что моя жена никогда не наденет белья, которого коснулась чужие мужские руки. Я очень щепетилен. Ты не знала этого, любимая? Знай, теперь и впредь навсегда...

– Лео, целая толпа уже тут собралась. Кто осквернил? Какие чужие?! И что ты несёшь? – панически шептала Стаси.

– Это не я. Это приятели мои. Это Мишка несёт. Всё разнёс уже, я думаю. Теперь я, да и ты тоже – местные знаменитости. На недельку так, я думаю, хватит восторгов.

– Ты что такое говоришь? Ты о чём, Лео?! Какие приятели ещё? – беспомощно шипела Стаси, оглядываясь и ловя на себе восхищённые взгляды мужчин и оценивающие взгляды женщин.

– А вон оба стоят. Глеб и Мишка. Я же их на солянку сегодня пригласил. Мишка услышал, что я хвастаюсь твоей соляночкой, ну и напросился в гости. И Глеб заодно. Я же не знал о твоём коварстве?

– И что?!

– А что – «что»? Да ничего. Солянки мне что ли жалко для вечно голодающего холостяка Мишки? Отлично ты у меня готовишь, моя любимая Йони, пусть знает, какая у меня жёнушка золотая хозяйка, – совсем тихо шепнул он ей.

– Какой ужас, Лео!

– Да нет у нас с тобой никакого ужаса. Это у Мишки ужас, что он, как последний идиот жену себе найти не может. Причём, этот наглец успевал первым везде зайти. Ну пока я всё собранное и вырванное из их рук в спальню заносил, значит.

– И в гостиную – он тоже первый?!

– Нет. В гостиную мы вместе зашли, моя любимая, – Лео пощадил трогательную в своём детском ужасе свою девоч-

ку-жену. – Да что ты так переживаешь-то? Ты посмотри, с какой завистью все на меня смотрят? Прикинь? Зато пол можно завтра не мыть.

– А пол-то тут при чём, Лео? – упавшим до самого слабого шёпота голосом спросила Стаси, испуганно оглянувшись на парней, которые с нескрываемым интересом и наглыми улыбками почтительно раскланялись с ней, и тут же отвернулась.

– Ну, как при чём? Они же от хохота валялись по всему коридору, любимая. Вытерли его до блеска своими задницами и спинами. И зубами скрипели от зависти, читая твои записочки. Они мне тоже очень понравились. Особенно последняя. Всё в силе? – Лео участливо склонился к ней, а в глазах у него сверкали недобрые огоньки, как показалось Стаси.

– Лео, пойдём лучше отсюда, а? Я всё просто постираю – и всё, – Стаси потянула его за рукав. Но он вместо ответа крепко прижал её к себе и продолжил общаться с продавщицами, деликатно дававшими ему поговорить шёпотом с женой.

– Так, девушки, всё самое лучшее, что есть тут у вас для моей жены, кладите на стол, я сам выберу, что нам подойдёт, – и Лео постучал рукой по прилавку, он и здесь себя вёл, как в кабинете Василия Петровича, и все это принимали спокойно. Сарафанное радио в Городе никогда не сбивалось с правильной волны.

– Лео, ты с ума сошёл! На нас все смотрят в упор. Господи, сейчас сквозь пол этот провалюсь!

– Да нет же, Йони моя любимая, я тебя удержу. А эти – пусть посмотрят, как я честь свою восстанавливаю, рожи мерзопакостные! Пусть сдохнут от зависти! И нам же ещё сейчас в ресторан идти! – и Лео, повернувшись в сторону двоих торжествующих приятелей, показал им за спиной кулак. На что оба заржали и довольно громко. И мелко-завистливо.

– В какой ещё ресторан, Лео?! Я домой хочу, папа же приехать обещал?

– В обычный. В парке. Суббота же, Стаси! Мы просто обязаны с тобой «окультуриться» и отдохнуть после таких стрессов! – ожидая, пока продавщицы выложат всё на прилавки и начнут упаковывать отобранное им, Лео крепко прижал к себе свою жену и поцеловал её самым невинным и самым интимным в мире поцелуем – в волосы – и затянулся их запахом. Больше он не отрывал своих восхищённых глаз от жены, невозмутимо что-то ей ворковал в ухо и однажды даже слегка прикусил его, шутя. Пусть все видят, какой он счастливый, раз так беззастенчиво на них глазают.

Парни отвернулись.

Эти Воротовы просто транжирили деньги по мнению вездесущих продавщиц! Уж кто-кто, а они-то знали, кто и на что тратит деньги в этом городе, в этом самом большом универмаге. Что тот, что другой Воротовы, как с катушек съехали и тратили не оглядываясь, а эта их Стаси ведёт себя, как последняя деревенская идиотка, вечно краснеет и заикается,

вместо того, чтобы пользоваться тем, что само в руки идёт.

И теперь, одетая «с иголочки» Стаси, невзирая на её жалобный шёпот, на глазах всего Города снова обрастала коробками, упаковками и свёртками, которые громоздились уже кучей около счётов, на которых одна из продавщиц весело щёлкала костяшками, записывая для проверки цены на бумажке.

– Ты с ума сошёл, Лео, мне это сто лет не износить! – возмущённо шептала красная от смущения Стаси, глядя, как муж, не торопясь, рассматривал каждый предмет и что-то браковал, а что-то откладывал в уже необъятную, сваливающуюся со стола кучу переливающегося в лучах люстр шелкового белья.

– Так мы это всё вдвоём же будем носить? Ты надевать, а я снимать. В четыре руки, как на пианино, – ёрничал весело Лео.

Лео выбирал быстро. По одному комплекту каждого цвета. Только одна заминка вышла: «Стаси, а какой у тебя размер лифчика-то? – Лео неуверенно взглянул в свою согнутую ладонь. – Как он меряется-то? Ты мерила? А я и не ума, что и тут всё по размерам?»

– Так какой будем брать? – внимательно спросила продавщица, наклонившись к Стаси.

– Второй, – еле слышно ответила Стаси, у которой по ногам маршировали нервными вспышками толпы нервных мурашек, – как же я ненавижу эти магазины!

– Что вы сказали? – продавщица, набравшая из стопок «изделия» разного цвета, обернулась к Стаси.

– Да это мы между собой разговариваем. Вы кладите, кладите. И упакуйте, пожалуйста, красиво. А то тут так красиво всё висит. Ленточки есть?– Лео, как ни в чём ни бывало, с интересом рассматривал строчку на « корсетных изделиях»

– Найдём, Леонард Сергеевич, вы нам тут такой пример другим показываете, что завтра будем новый заказ оформлять, как мне кажется.

Пример другим они тут действительно показали. Стаси ещё раз попыталась оглянуться и тотчас, не замечая довольной ухмылки Лео, уткнулась ему в плечо.

– Лео, они все на нас смотрят. И, по-моему, смеются. И сколько же это всё будет стоить, Лео!? Это же целая брешь в бюджете!?

– Брешь? В бюджете? Ты думаешь? А по-моему так это совсем не брешь в нашем бюджете, а, наоборот, плешь у них на их наглючих башках образуется. Расцапались тут, понимаешь! Но нет худа без добра, Йони моя сладенькая. Я просто заранее млею, представляя, как буду всё это с тебя стаскивать и рвать в клочья от страсти!!! – Лео, прижавшись к красному и горячему ушку жены, шёпотом весело шутил и смеялся.

– Ты смеёшься?! Как и они?! Ты с ними заодно подвергаешь меня этим вашим фокусам!

– Они уже не смеются. Посмотри, – Лео обернулся на при-

ятелей и снова прижался к ушку своей смешной зардевшейся от смущения Стаси. – Они стали задумчивыми и мрачными. Уже думают. Пусть думают. Стаська, да улыбнись ты, держи носик свой вверх, ты же им незабываемый день подарила! Мужики просто в эротическом шоке от тебя, любимая. А бабам так ещё и орудие массового поражения ты дала. Думаешь, это я один носки разбрасываю по всем комнатам? Они сами признались, что у них всё то же самое дома, – и Лео прижался губами к волосам своей чудненькой Йони. – Вот пусть теперь и они за свои грешки попробуют своих жён умилюстить. А я тебя умилюстил, а, Йони моя ненаглядная? Как же я хочу дома побыстрее оказаться наедине с этими штучками!

В ресторан идти, и ещё и «окультуриваться» там, Стаси не захотела ни за какие коврижки.

А в отделе женского белья и около него ещё долго не стихали разговоры, страсти и переживания, и пережёвывание чужой жизни.

Лео тоже долго думал после того, как отец почти с ног до головы одел Стаси. И потом, забегая в магазин, прежде, чем вести её в эти ненавистные ей магазины, Лео придирчиво отыскивал и оценивал для жены меховую муфту или фетровую шляпку, подходящие по цвету к пальто, к шубке, кожаные перчатки, валеночки и бурки – тёплую зимнюю мечту всех женщин и даже мужчин того времени.

У мужчин сходу, именно по буркам, тогда определялся

ранг мужика. Бурки были дорогой элитной зимней обувью больших руководителей.

Белые женские войлочные бурки на кожаном коричневом подборе с кожаной, узорной в дырочку, обсоюзкой стоили дорого, целых четыреста с лишним рублей, по тем стандартам красоты они были очень тёплыми, нарядными с высоким каблучком, и позволить их себе могли далеко не все.

Но только не Воротовы для своей Стаси. Эти могли себе позволить купить для неё всё, и позволяли. Им нравилось баловать её, видеть её искреннее, как у маленькой девочки, смущение и восхищение красивыми вещами. Она ими восхищалась, но не более того. В ней начисто отсутствовало женское тщеславие. Она легко бы обошлась и своим стареньким плащом и ботиками, ни на гран не теряя восхищения и восторга от окружающей её жизни, детской непосредственности восприятия чего угодно и заразной весёлости.

Но мужчинам Воротовым приходилось дважды напрягать свои извилины, если им хотелось подарить ей достойный её, как они считали, предмет гардероба и бесцеремонно грубо не нарушить при этом её принципы жизни, естественные и простые. Можно сказать, что оба они, и отец, и Лео, «играли» в свою любимую куклу и «носили её на руках». А она просто стряпала им пироги, собирала вокруг них любимых друзей и устраивала, как могла, уютный быт, независимо от вида её платьев и пальто.

Но в этот раз Лео грубо нарушил всё, что только мог. Весь

город мог теперь лицезреть, во что будет одета его любимая вечером перед сном и утром после. Немногие могли себе такое позволить. Но Лео был на сто процентов уверен в поддержке отца, который, конечно, прикроет весьма значительную, но такую необходимую, «брешь в бюджете» молодых.

Отцу Стаси, очень смущённая всем произошедшим в отделе дамской галантереи, разумеется, не стала ничего демонстрировать. Постаралась всё молча, незаметно и быстро утащить в спальню. А отец, радостный, что они, наконец, пришли, быстро наливал им в их общую тарелку порцию разогретой горячей солянки и, смеясь, рассказывал о приятеле в профилактории, который никому толком не давал выспаться, крича во сне дурным голосом: «Херихора ловите! Херихора! Спиртуйте его, каналю египетскую!» Это было результатом поразившего того на отдыхе чтения книги «Фарон». Поэтому отец и смеялся весь вечер, вспоминая.

Как же, оказывается, они скучали друг по другу! И дом их снова превратился в самый уютный для них дом, а не в камеру ожидания папы с такими непредсказуемыми результатами.

С тех пор иногда по утрам Сергей Дмитриевич прятал за своей газетой довольную ухмылку, видя, как его сынуля с обожанием лицезрит Стаси в прелестном утреннем халатике, смущённо отворачивающуюся от слишком откровенных взглядов мужа, с трудом скрывающего свой пыл в присутствии отца.

Вся долгие годы сдерживаемая потребность мужчин этого дома иметь и обожать женщину, достойную самого высокого пьедестала, осуществилась и размягчила до состояния тёплого воска их души мальчишек, которыми мужчины остаются до самой смерти.

Мальчишки мальчишками, но Лео абсолютно изменился в отношении Стаси. Исчезла вся его неуверенная горячность и некоторая настороженность к непонятным, порой, ему лично движениям души и мыслей жены. Он стал просто слепо доверять им, с интересом ожидая, что же получится в результате её новаций и неуёмной энергии, высоко перехлёстывающей допустимый им у себя самого уровень фонтанирования идей.

Она была неистощима, как маленький ребёнок в интересующем его лесу. Но все её фантазии приводили к тому, что он всё более чувствовал себя оберегателем, защитником, двигателем и устроителем их жизни, прочной крокодильей шкурой, которая становилась все прочнее и красивее. И в их пещере всегда горел ровный жар уважения к уму и цельности природы друг друга.

Но самым значимым для самого Лео в эти месяцы стало обоюдное притяжение тел. Для мужчин это всегда самое знаковое подтверждение взаимной любви. Таковы уж они – сеятели и землепашцы, возделыватели ночной нивы.

Его длинные сильные пальцы, проникая, иногда будили

её среди ночи, и ещё с закрытыми глазами она тянулась навстречу его желанию, молча и сладостно сливаясь с ним на несколько минут, как это научаются делать с полувздоха понимающие и любящие друг друга супруги. После торжества соития она снова быстро и мирно засыпала на его груди. И звук его удовлетворённого мягкого дыхания был для неё лучшей колыбельной в глухой ночи.

Иногда она, проснувшись от привиденного, нежно ловила его сосок, ощущая его набухание, трогала рукой тотчас отзывающийся на её ласку член, будивший мужа, и у неё возникала почти детская самоуверенность в своём праве на несомненную общую радость их упоительной близости, связывающей и укрепляющей их крокодилью крепость.

Их мир в общем и целом гармонизировался, но стычки иногда случались, и довольно резкие. Ну разве можно не выяснять, куда это она собралась сегодня в таком нарядном платье? Праздников вроде нет? Или о том, куда лучше сегодня пойти в кино или в театр? А что делать, если она любит его меньше, чем он её? Она же первая забыла позвонить, что задерживается в клинике, и он, как полный дурак, ждал её возле поликлиники, и в результате прозевал-таки? А что это за девушки были, с которыми он так весело целый час почти смеялся у ступенек магазина, поджидая её, что даже не заметил её? А она, между прочим, уже успела туда давно прийти и закупить всего? Целую авоську!?! Вообще поводов поспориться можно найти сколько угодно, если что-то силь-

но сердит.

Стаси приняла Соломоново решение, чтобы долго не выяснять, очень или не очень сердится вторая половина. Повернутый спиной к зрителю, а ярким клювом к стене, фарфоровый аист на секретере в гостиной, немного скосивший в задумчивости один глаз, чётко давал понять, что супруг или супруга просто в бешенстве уже! И тут уж оставалось надеяться на любовь, благоразумие и правильно применять дипломатические приёмы налаживания мира. И обязательно развернуть длиноклювого посланника, давая понять, что виновник к миру «всегда готов!» и просит снисхождения.

Срабатывало.

У Лео был один, но совершенно беспрюирышный дипломатический ход. Он начинал смешить Стаси. Хоть чем. Однажды, извиняясь за устроенный беспорядок с носками, он даже сам начал штопать свой дырявый носок, сопя и выразительно вздыхая, пока совершенно не запутал все нитки в один всклокоченный моток, который пришлось вырезать «с мясом», увеличивая дыру и дружно хохоча с простившей его женой. Опоздав к ужину на два с лишним часа, хотя обещал прийти пораньше, он начал отжиматься бесчисленное множество раз прямо на ходу в коридоре, чтобы она специально запинаясь об него. И при каждом отжимании он тупо и монотонно повторял раз за разом: «Я люблю свою Йони. А она мне не может простить, что я просто мужчина, который не понимает, как девочек надо любить. Мне очень пло-

хо. Мне уже совсем плохо. Я скоро сдохну. А прощать будет уже поздно тогда. Ну, забыл я про футбол сказать. Всего два часа. Но я очень хороший и послушный труп буду через пять минут. Аист, ну клюнь ты свою любимую Стаси в её чудненькую попку. Ну откуда я с этого стадиона позвонить-то мог? А матч очень важный был, решающий, можно сказать. Все мужики пошли. Пусть простит, а? Я и холодное всё съем. Зачем это она тут всё разогревает и сердито бегаёт? Пусть лучше поцелует...». – на такие выдумки Лео тоже был неистощим, пока Стаси не расхохочется и не дёрнет его за волосы, прощая какую-нибудь обидную ей глупость.

Стаси совершенно иначе начинала умиловивлять своего господина. Она точно знала, что если за день состоялось восемь, а лучше больше, тактильных контактов, которые были обоим приятны, то гроза быстро пройдёт. Ну какой мужчина, даже «смертельно» обиженный, сможет долго противостоять нежно воркующему над ухом голосу любимой негодяйки, обидевшей его, но так пленительно делающей сейчас ему хороший массаж воротниковой зоны и кусающей его за ухо? Да пошло оно лесом это её вечернее долгое отсутствие из-за корпоративной, как сейчас говорят, вечеринки у кого-то по поводу какого-то события. Куда лучше обнять её и тут же на стуле окончательно помириться, завоевав её своим фирменным поцелуем. И он, бывало, внезапно задерживался. Она же прощала?

Аист возвращался на место неизменно и быстро, не нано-

ся большого урона никому. Может и правду говорят: «Милые бранятся – только тешатся?»

Глава 10 Каминная кампания

В доме от изменившегося света за окном появилось особенное зимнее чисто-уютное настроение, немного праздничное и торжественное, быстро сменяющееся вечером особым тёмным тихим семейным уютом от тепла батарей, горячего ужина и чая, и недолгих посиделок за приятными домашними делами, чтением и шахматами отца и сына, шутливо и громко празднующих каждую оплошность и промах друг друга.

По субботам отец больше не уходил к «Силычам». Тётя Таня, вооружившись кастрюлями, скалкой и желанием порадовать «мальчишек», как она их всех называла, всю субботу готовила в кухне Воротовых субботний ужин для всей честной кампании. Никто не захотел после летних посиделок около костерка и мангала отказываться от такой чудной привычки – проводить субботний вечер вместе. Это были изумительные вечера, подтверждающие утверждение чудесного сказочного писателя, что самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения.

Разный возраст и разный жизненный опыт придавали необъяснимый аромат вечерам, наполненным особенной радостью обретенного почти домашнего счастья. Почти домашнего, насколько это было возможно. Все мужчины этого узкого кружка, кроме Лео и Сергея Дмитриевича, разумеет-

ся, были одинокими. Хотя до появления Стаси в их доме и они, Лео и отец, по сути были одинокими, каждый на свой лад.

Стаси стала огоньком, который привлекал теперь всех сюда. Даже тётю Таню привлекала возможность быть здесь не просто тоже хорошей соседкой, а очень нужной. Нужность, как известно, – великий стимул к сотворению добрых и тёплых дел, и тётя Таня старалась от души всё делать с великим тщанием и любовью.

Василий Петрович, или Вася, как его тут называли все, кроме Стаси, обычно прибегал последним, внося с собой в помещение запах процедурного кабинета, запах хлорки, спирта, марганцовки, стерильных бинтов, валерьяны и ещё бог знает чего, чем он пропитывался насквозь в своём врачебном царстве-государстве.

История Васи была самой обычной. Школа, четыре курса мединститута, война – и быстрое карьерное продвижение: работа санитаром в эвакуационном эшелоне, медбратом, помощником хирурга и всем остальным, что приходилось тогда делать, заодно осваивая практику на деле.

Потом снова институт, чтобы закончить начатое образование. Недолгая работа врачом в клинике. Потом Вася влюбился в пациентку и женился на простой, вроде, девчонке. Но, как выяснилось, совсем не по любви вышла она за него, а из-за вожделенных симпатичной девицей городских квадратных метров. Так и жили потом: Вася с родителями в од-

ной комнате, а она в другой. В той самой, в которой Вася, удивившись в первую же брачную ночь, но замаяв для ясности возникшие вопросы, начал, было, строить с ней свою семейную жизнь.

И потом в её законной комнате, постоянно заполненной кем-то из её весёлых и шумных друзей, практически не прекращались праздники и шумные посиделки с застольем и гитарой.

Предложение, или направление, работать в этом Городе – это тогда можно было расценивать как угодно – Вася, а с ним и его родители, восприняли, как освобождение от гнетущего чувства растоптанной и испачканной жизни. Отец Васи тоже пришел с войны целым и невредимым, прошагав в пехоте всю Европу. Он был грамотным слесарем-монтажником, которые тут были, как впрочем и все специалисты своего дела, на вес золота.

Вася же, с учётом его военного опыта, – тут таким отдавали предпочтение среди всех прочих, ибо «проход через войну» был лучшей профессиональной характеристикой врачу-специалисту тогда – принял только что отстроенную клинику в свои руки, а тётя Таня долго работала пекарем в хлебопекарном цехе, который сразу запустили на территории какого-то опустевшего склада в близ лежащем посёлочке, как только привезли первых рабочих. Без хлеба-то – куда?

А потом, когда «Аннушку» уже запустили, отец Васи, об-

служивающий смонтированные им и его бригадой производственные трубопроводы и соединения где-то хватанул «пыли». Нарушали они ради скорости технологию. Им казалось, что если не надевая противогаза, просто на вдохе заскочить «туда» на секундочку посмотреть, что надо, – ничего страшного и не случится. Потом выдохнешь – и всё! Случилось. Это же не просто пыль была. Это очень «цеплястая» за организм пыль была. Накопилось и случилось. Такое заболевание даже имело своё название в те годы – плутониевый пневмосклероз. Так и не вылечился Пётр Авдеевич. Упокоился в Берёзовой Роще, вместе со многими другими своими друзьями, оставив жену на попечение сына в большом доме, выделенном Васе, как главврачу больницы и заведующему по совместительству и поликлиникой. Не много врачей изъявляло желание ехать сюда, даже за неплохие по тем временам деньги. К этому времени врачи кое-что о радиации уже знали. Хиросима и Нагасаки, о которых время от времени появлялись публикации в журналах, немного, но кое-чему научили. Жениться второй раз Вася так и не решился. Да и кандидаток тут маловато было. Не Иваново! Тут каждая появлявшаяся женщина мгновенно находила себе поклонника. Не успевал Вася со своей занятостью обгонять более расторопных. Да и не стремился он к женщинам по наблюдениям матери и уклончиво отвечал, что занят он по горло, что на семью просто не остаётся времени. И желание жениться, по понятным причинам, было отбито у него напрочь.

Но иногда мать заставляла сына в редкие минуты его отдыха за написанием каких-то записей в тетрадь, которую Вася тут же убирал, засовывая между страницами нечто похожее на фото или открытку. Тщательные поиски матери этой тетради успехами не увенчались. Похоже, что с собой он носил эту тетрадку или на работе хранил, предупреждая болезненный интерес скучающей матери к нему и его личной жизни.

Василий Петрович после общего ужина присаживался где-нибудь в уголке, охотно смеялся смешным историям обычно про войну или про давние времена строительства Города, рассказанным другими, но сам молчал, своего не рассказывал. Смешного в их эшелоне не случилось. Только обстрелы, стоны раненых, крики умирающих, кровь на телах подвезённых к поезду раненых, или уже убитых, вперемежку с землёй от разрывающихся снарядов. Красные кресты на крышах вагонов были заметными целями для «месеров». За ними даже специально охотились «бравые орлы вермахта», пока эти кресты не убрали совсем. Пулемёты были слишком слабой защитой, когда эшелон попадал под обстрел. Свои два ордена и медали Василий Петрович запрятал подальше и надевал свою сохранившуюся, благодаря стараниям тёти Тани, военную форму капитана медицинской службы только один раз в год. В День Победы. Дома.

Из Германии Вася привёз матери шёлковый платок и отрез на платье, отцу привёз прочный новый, бисером вышитый кисет для табака и нож перочинный и, конечно, брит-

ву. А себе – конечно, тоже бритву и очень хороший, очень большой и очень дорогой набор медицинских инструментов, на который ухлопал весь свой денежный запас, выделенный на приобретение трофеев.

Кроме Лео и Сергея Дмитриевича такими же опасными бритвами пользовались и их друзья, дядя Митя и Юрий Максимович. Только и у дяди Мити, и у Юрия Максимовича на бритвах было каллиграфической немецкой вязью выгравировано название знаменитой фирмы, производящей бритвы из знаменитой немецкой стали. Хорошие бритвы делали в Германии в местечке Зелинген. Эти бритвы у приятелей были теми единственными военными трофеями, которые они привезли с собой в своих офицерских чемоданчиках.

Некому им было везти другие подарки, возвращаясь на родину.

А в Германии многие победители, получив положенные им наградные премии и деньги по аттестату, не могли выслать домой то, что хотелось бы, чтобы порадовать домашних всякими трофейными диковинками, которые в изобилии продавались на блошиных рынках оголодавшими немецкими жителями, охотно стремившимися выручить деньги на еду у непривычных торговаться русских. И дядя Митя, и Юрий Максимович не раз рассказывали, как высылали от своего имени семьям боевых друзей-товарищей неиспользуемые лично для себя «позволенные трофейные килограммы посылок».

Кстати: русские вообще всегда не очень умели торговаться. Никому не завидовали и ни о чём из барахольного, что и само часто лезло в руки, не жалели тогда. Живыми же остались! Даже менялись «не глядя», просто «на интерес».

Наверное эта простота и нестяжательность и делают нас такими? С загадочной русской душой? Да и чёрта ли в барахле-то этом? Другое дело – малых своих позабавить игрушками, гармошками губными, свистульками. Ну и жене там платьё, платок какой, чтобы понимала, что он только о ней и думал, о любушке своей. Ну, бритву острую, или нож хороший себе на память купить – это другое дело. А вообще лучшие деньги, конечно же, домой привезти. Кто знает, как там удастся устроиться-то после войны? Разрушено же столько!

И по-разному устраивались вернувшиеся с войны. Чаще всего с нуля начинали восстанавливать свою жизнь Победители. Только разруха и труд в основном их ждали тут нетерпеливо. Да ещё истосковавшиеся жёны и ребятнишки. Если выжили.

Но они сумели всем миром за пять лет восстановить потерянное! Сумели! Они же были Победители!!!

Дядя Митя и Греч всегда приносили с собой к столу что-нибудь из закуски, копченую селёдочку, охотничьи колбас-

ки, сушеную воблу, которую неизвестно где доставали и припасали к субботним пивку или водочке. Пили всегда сдержанно и немного. Фронтовые сто граммов обычно. Для снятия недельной усталости и теплого разговора этого вполне хватало.

Дядя Митя не сразу начинал говорить или рассказывать. Обычно сначала он с аппетитом съедал борщ, щи или солянку, которые тётя Таня со Стаси неизменно готовили, потом запивал горячим сладким чаем один-два куска пирога, и только после этого его небесно-голубые глаза становились лучистыми, живо реагировали на всё, и дядя Митя расслаблялся, получив свою порцию водки, вкуснейшей еды, любви и внимания, которые и Стаси, и тётя Таня щедро им всем дарили, подкладывая на тарелку пироги и пирожки, подливая чай в огромный бокал, который как-то облюбовал для себя где-то на полках универмага, а потом и сюда, к пылающему камину, притащил его, дядя Митя.

Когда-то и у него дома был почти такой. Когда-то. Когда ещё не была разрушена его деревня, его дом, когда ещё не была сожжена заживо его жена с маленьким сынишкой, когда ещё был жив его старшенький, ушедший в партизаны. Когда ещё не было войны, которая отняла у него всё и всех, самых любимых.

Война, как исторический факт, закончилась, а дядя Митя со своим полком ещё стоял в Австрии. Оттуда и домой вернулся. Вышел срок его мобилизации.

Его полк направили из Австрии сразу сюда. На строительство Города. Никто не знал, куда везут тех, кому ещё надо было дослужить своё, положенное по закону, в армии.

В своей деревне дядя Митя не нашел ни единой живой души. Даже кошек и собак там не было. Только некоторые печные трубы, обгоревшие, ещё стояли памятниками тем, кого в этой деревне сожгли фашисты вместе с жителями. Сутки он сидел на бугорке, который когда-то был фундаментом его дома, в тени клёна. Клён уцелел частично, немножко подальше от дома стоял.

До ночи на пригорке рядом с ним просидел знакомый мужик из соседней деревушки, заметивший прошагавшего в сторону спалённой «Добровки» солдата. Сосед, прихватил с собой бутылочку самогона и солёных огурцов, пошел вслед за вернувшимся к своему пепелищу солдатом, чтобы до глубокой ночи вместе с вернувшимся поминать погибших. А утром, абсолютно поседевший за ночь, Дмитрий Силантьевич Шишкин отправился в районный военкомат и попросился, чтобы и его отправили вместе с его полком к месту назначения. Больше родных у него не осталось. Так он, как и сотни других, оказался на берегах четырёх озёр в глубине Уральской тайги. Всё начало войны дядя Митя строил мосты, собирал понтонные переправы, часто под бешеным огнём с другого берега, бывало, что и пятак плацдарма для закрепления переправы приходилось оборонять, пока не подтянутся основные части.

За выдержанный характер и абсолютное спокойствие перед лицом любой опасности, которое у него пришло после того, как получил письмо о гибели старшенького в партизанском отряде после освобождения их области – беречь свою жизнь стало не для кого – ему предложили стать командиром роты. Особой роты – штрафной.

Посвящённые знают, как эти роты создавались в 1943, уже наступательном, году повсеместно по приказу Сталина, который в народе называли «Ни шагу назад!»

Несмотря на повышенный военный аттестат и выслугу военных лет, что влияло на многие льготы на гражданке, особо желающих служить командирами в этих подразделениях не было. Сто два человека, из которых все поголовно уже имели «отсидки» за уголовные преступления и рвались на фронт, ибо там, в штрафных ротах сроки отсидки уменьшались многократно, сокращаясь до нескольких месяцев. Если выживешь.

И к концу войны многие уголовные элементы мечтали попасть в эти штрафные роты особенно, чтобы суметь в мутной водице окончания войны пошмонать как следует буржуев, когда и к ним туда, в их европы, докатится волна победоносной войны.

Вся сложность работы с таким контингентом состояла в том, что на многих из этих отпетых головорезов не действовало ничего, кроме страха быть тут же пристре-

ленным за нарушение воинской дисциплины. Направлялись эти роты в самые горячие точки. Провинившимся тяжёлыми преступлениями перед народом или оступившимся давали возможность кровью искупить своё преступление и быстро вернуться в общий строй советских людей. Командирам, разумеется, были даны особые полномочия. Только дело сделать, выполнить боевую задачу этими особыми полномочиями невозможно. Это должны были делать люди, к которым многие командиры спиной боялись поворачиваться. Старший лейтенант Шишкин ничего не боялся. Он просто выполнял с подчиненными ему людьми задачу с минимальными потерям, ибо каждую жизнь на вес золота ценил, и с максимальной эффективностью, ибо дело своё знал, и люди ему верили.

Дядя Митя скупно рассказывал о своей службе. За него всё рассказывали, кто эти рассказы понимал, три Ордена Красного Знамени, два Ордена Отечественной Войны первой и второй степени и несчётное количество боевых медалей.

Не принято было тогда рассказывать о штрафных ротах и штрафных батальонах.

А тут на этом пяточке уральской земли совершенно случайно, – или совсем не случайно?– встретились двое, которые изнутри знали всё об этих, покрытых тайной неразглашения, военных боевых подразделениях.

Греч, начальник Лео и Глеба, был тоже оттуда. Но толь-

ко из офицерского штрафного батальона. Политическим заключенным, каковым оказался к началу войны Греч, путь в штрафные батальоны был, вообще говоря, заказан.

К слову сказать, штрафные батальоны и штрафные роты – это вещи разные. Штрафным батальонам поручались самые сложные, требующие не только мужества, но и военной выучки и специальных профессиональных знаний для успешного выполнения военных операций. В этих батальонах и обстановка, и отношения между «рядовыми» были другими. Сегодня он просто рядовой, а завтра ему возвращали звание подполковника или майора, возвращали награды и ставили в строй командиром, за заслуги в бою. Это были самые дерзкие, умные и бесстрашные подразделения в каждой армии. В батальоны офицерам попасть было труднее, даже если и очень хотел бы. Политическим заключённым, если они имели чин офицера в прошлом, путь в эти штрафные батальоны практически был заказан по, опять же, политическим соображениям. На слуху тогда был предатель – генерал Власов.

В сформированных по одному на каждую армию, штрафных батальонах собирались в основном офицеры за дисциплинарные проступки, уголовные и бытовые преступления, за проявленную в условиях боевых действий трусость и малодушие. И сроки, к которым они были приговорены, тоже сокращались до нескольких месяцев. Десять лет пребывания

офицера в тюрьме покрывались шестью месяцами пребывания в штрафном батальоне, или ранением в бою. Если офицер остался жив или был ранен, или выдержал все шесть месяцев наказания штрафбатом, ему возвращались все воинские звания и награды.

Греч писал заявления с просьбой направить его в такой батальон несколько раз, уже отсидев три года в лагере. И что послужило решающим фактором в получении, наконец, разрешения вступить в ряды штрафников из офицерского штрафбата, Греч узнает много лет спустя. Он тоже мало о чём рассказывал, только иногда, вскользь упоминая своих боевых друзей. В конце концов, получив обратно все свои воинские звания и награды, Греч попросил, чтобы его оставили ротным в роте разведки его штрафного батальона. С ним он и дошел до Берлина.

– Слушай, Юра, а как же ты тут-то оказался? – спросил как-то Сергей Дмитриевич друга.

– Как? Да просто. В один день получил письмо от сына и похоронку на него. Уж, казалось, вот она – победа. Мечтали, как встретимся, наконец. И вот...

У меня война не кончилась со взятием Берлина. У меня к этим гадам есть свой личный счёт. За сына. Казалось бы мы, ну в самом пекле мы бывали. И мне – ничего! А он уже был в Будапеште. Снайпер его зацепил. Там много недобитков разных по подвалам и чердакам маскировалось.

Кому как везёт. Моему парню не повезло. Сейчас уже тридцать два было бы.

Был у нас командиром роты пацан один, совсем молоденький лейтенант после училища. Даже усы сначала плохо росли ещё. Пацан! Его вот пули не брали. То автомат как-нибудь вдруг приподнимет, и бац! – в затвор пуля! А он синяком отделался. То бинокль свой опустил в руке на ремешке – бац! и футляра нет, бинокль с разбитым стеклом! Сапог распорот. А нога целая! Везунчиком был, пока на Одере при переправе не ранили его в голову, плацдарм он первым взял с парнем одним, лётчиком. Первыми они туда на его командирской лодочке переправились. Ну тут и наши подтянулись, закрепились. А потом уже прошел слух, что погиб этот ротный, и тот второй, лётчик тоже погиб. К званию Героя их представили – это всех тогда к «Герою» представляли, кто сумел закрепиться на плацдарме на том берегу первым. Весть прошла, что оба они погибли. А через пару дней нашего пацана-штрафбатю без сознания, но живым, в воде подобрали наши. Сам обратно на наш берег случайно по течению прибился на плоту каком-то. Не знаю, как дальше судьба его была. Мы дальше пошли. Только знаю, что наш батальонный в представлении к Герою его фамилию снял. Орденом Красного Знамени заменил. И такое было. Многое от комбата в этих делах зависело. А наш комбат упорок был такой, что пока сам орден не получит за операцию, которую штрафники сделают, никого к более высокому ордену не представ-

лял, – рассказывая это, Греч зло шурил газа на огонь ожившего в доме камина и надолго замолкал, давя в груди боль и обиду за друзей, которые жизни там не жалели, а им суки всякие заслуженной награды не давали даже посмертно. – Шкура этот комбат был редкостная. Но передовую и калачом не заманишь. Только команды подавал из блиндажа по телефону. Матом крыл, что разберётся ещё, мол, с нами бездельниками. А сам ничерта не понимал ни в действиях моей разведки, ни в наступательной тактике. Совсем ничерта! И как такие в командиры попадали – совершенно непонятно. По благу, что ли? Этот наш «штрафбатя», пацан с усиками, его на передовую не раз звал, приходи, мол, сюда, тут и разберёмся, что к чему и как надо делать. Сразу затыкался, сволочь. Такие сволочи штрафников на минированные поля посылали, шкуры! И даже не скрывали, что просто он так решил, и – всё! А можно же было огнём миномётным проверить, частично уничтожить, потом разминировать! Нет! И никто им не указ. Обидно люди погибали, ни за что. А эти, поди, и сейчас в чести ходят, в героях.

А когда закончилось всё, наши офицеры кто куда попали. Кто остался там в комендантской службе, кто был назначен комиссаром округа, города. Кто в службе консульской пристроился попервоначалу. Только всех нас фронтовиков очень быстро заменили шустряки тыловые. Их к концу войны вдруг появилось в воинских частях, как опарышей в тухлой рыбе. И где они все были, пока настоящие бои шли?

– А зачем они вообще там появились, дядя Юра? – Стаси не понимала.

– Как зачем, Стасенька? Это же участием в войне считалось, пока мир не подписан? Героический, стало быть, он мужик! Воевал! Кто там потом разбираться будет, чем он фактически занимался? Да, никто! Кто живыми остались рады были самому этому факту. Знаешь, как говорят, действительно умные и честные говорят об идеях и сути событий. Среднячки о поступках, кто, что да как, а мелочь о людях сплетничает, кости перемывает, подсиживает, к местам примеряется хлебным. Документально война-то пока не закончилась, а они же находятся в районе боевых действий! Некоторые даже медальки успели получить под общую мазурку, за взятие того-сего, – Юрий Максимович тяжело вздохнул, поправляя угли дров в камине. – И как сразу заметно люди стали меняться с приходом мира. Вот пару месяцев назад был нормальный мужик, как все мы, даже в разведку ходил. Был нормальный мужик, хоть и не русский, но вёл себя, как русский, наравне со всеми, и о его французской, как у нас говорят, национальности думать и в голову никому не приходило! А тут к нему со всех сторон понаехали все снабженцы всех армий и полков рядом и дружно! Нюх у них что ли собачий на всякий сытный кусок пирога? И он уже за место коменданта зубами взялся, спихнул боевого офицера в консульскую охранную службу с этого места! Да ладно. Кому-то и снабженцами надо быть, хотя и тут снабженец снабженцу

– рознь. Вроде пайка каши и тушенки одна по уставу, а каша в разных подразделениях разная. Да и боевые генералы, о которых и сроду бы такого не подумал, за барахло взялись, вагонами же отправляли барахло в Россию!

Ну нам, среднему комсоставу, кому что стали предлагать. Молодым – прямой путь в академию, кто военным хотел стать. А мне – какая ещё-то академия? Одну давно закончил. И ехать некуда. Ну и попросился туда, где, как на войне сейчас трудно, где ещё бой идёт. Где люди не за барахло сражаются, а за дело. За сына хотел поквитаться ещё.

Не согласен я был, что война окончена, пока хоть один гад по земле живым ходит, надо было их до Атлантики гнать. Многие тогда на это согласны были. Но политики свои резоны имели. А их, недобитков этих, там миллионами ходило на американской стороне. Да и англосаксы все эти уже ножи на нас точили с фигой в кармане и с бомбами своими. Вот и приехал сюда. Сразу и направили. Такие вот дела.

– Да, а тут нас с Юрой Царевский нос к носу столкнул, – радостно подхватил дядя Митя. – Его самого, Царевского-то, назначили как раз начальником лагеря и строительства, он был уже генерал-майор инженерных войск. Юра-то с ним ещё в Первой Конной встречались под одним флагом, а потом и в ВЧК вместе работали. Фамилия Греч – не частая. Выцепил как-то его Царевский. Потом говорил, что и из лагеря он его случайно выдернул, на фамилии знакомой глаз остановился. Крутой хозяин был, и инженер толковый. А ме-

ня он тоже сразу выцепил, поскольку с зеками я дела много имел в моей роте. Острый они народ, зеки. Но и с ними надо по-человечески. В большинстве своём – это были когда-то или сироты, или дети обиженные, недолюбленные, обозлившиеся. Для них честное доброе слово много значит. Некоторые и сроду его не слыхали. Как поставили их в колею обстоятельства жизни, так недоумками глупыми и едут по ней. А остановишь, встряхнешь, человека в нём разглядишь, – так он и много лучше других ещё. Но, тем не менее, они привыкли к поводку на шее. Не сразу они обычными людьми становились. Но становились многие. Обретали себя. И тут то же самое бывало. Люди везде одинаковы. Есть и твари конченные. И сюда такие тоже попадали.

В них, в этих друзьях Сергея Дмитриевича, Стаси всегда слышала канонаду войны, счастливые и горькие песни войны и тихий набат тревожного и важного долга. Простые тихие житейские удовольствия они всегда превращали в звенящую радость жизни. Как житель сухой пустыни, обнаружив в тени камня крошечный цветочек религиозно-трепетно охраняет его, поливает и любит чудом жизни.

– Леон, ты в самоварчик-то подкинь щепок, а я воды принесу. Чаю что-то после рыбки хочется. И душу печёт, как вспомнишь те денёчки. Хорошо тут у вас дымоход-то летом приделали. И дома – и у самовара! – дядя Митя радостно улыбнулся такой удаче.

– Так это – твоя заслуга, Митя. И для самовара ты же

предусмотрел, вытяжку? – Сергей Дмитриевич тоже улыбнулся радости приятеля.

– Не. Не я. Это наши предки всё предусмотрели, а я только позаимствовал, – опять счастливо улыбнулся дядя Митя

– Дядя Митя, вы сидите, я сама принесу, у меня вода приготовлена, – вскочила Стаси.

– И ты сиди. Я сам принесу. Нечего тяжести таскать, – Лео, прижав Стаси рукой к дивану, исчез в темноте коридора.

На эти его слова «Силычи» одновременно вскинули на Сергея Дмитриевича вопрошающие глаза, а тот в ответ немного смущённо и печально только отрицательно помотал головой, незаметно для Стаси. Не получалось у молодых обрадовать всех их стариков пока.

– А помнишь, Митя, как ты бывшую сормовскую шпану организовал, когда штампы надо было делать?

– Ну! Такое не забудешь., – дядя Митя снова радушно рассмеялся.

– Как это? Прямо шпану? – Стаси всегда с раскрытым ртом слушала рассказы этих «почти отцов», как их называл Сергей Дмитриевич.

Да и сама Стаси всегда чувствовала, что за её спиной они стоят плотным каменным забором. К праздникам они дарили ей игрушки и конфеты, как маленькой общей их дочке. От них пахло густым запахом гуталина от всегда начищенных до блеска сапог, ещё от Силычей пахло папироса-

ми «Казбек», немного бензином и хозяйственным мылом. А ещё пахло проветренными на ветру кителями и рубашками, обрызганными в праздники для смягчения всех обычных «сермяжных», как отшучивался дядя Митя, запахов одеколоном «Шипр». Или «Тройным одеколоном» – самым крепким и мужским – в обычные дни. После бритья они наливали его себе в горсть и по военной привычке просто омывали им лицо, чтобы никакая зараза на порезы не садилась.

– Ну, шпаной они были там у себя. На Сормовском. А когда сюда попали со спецконтингентом, как говорить, тут уж никто быть шпаной не мог. Тут они стали рабочим классом, хотя и с особенностями. И среди них было много отъявленных и отчаянно смелых парней. Таким быть где-то в самом пекле – самое то для самоутверждения.

А тут такое дело подвернулось! Надо было на одном единственном станке без малейшей передышки штампы делать круглые сутки. Крыши над головой нет, снег порхает, окон ещё нет, а станок работает, уже подключили. Около станка мангалы с горящими дровами стоят для обогрева. Но и мангалы мало помогают, только угар от них, пламя ветром забивается. Сквозняк, холодина, работа до пота прошибает. Вызвались парни. Им условие поставили, что после отработки положенного времени, тут же стопку водки, бутерброд в рот, а после успешного окончания всего задания – премиальные сразу и талоны на мануфактуру. На сапоги, кому на калоши, кому на рубаху. Ну, кому что там надо будет, короче. Орга-

низовали они карусель. Этот принцип карусели часто тогда у нас везде применялся. Один выбьется из сил – ему тут же водку и хлеб с колбасой приносят для подкрепления сил, и он снова в свою очередь к станку становится. Тут не обманешь. Всё на виду. Да и на войне с такими парнями обманы не проходили. Они сами в роте железный порядок устанавливали, чтобы без дураков всё было, и всякие там биндюжники не хлыздили в бою. Все – так все!

Мда-аа! Ну так вот, чтобы им спать не хотелось, оркестр из таких же отчаянных, согласившихся на морозе в дудки дудеть пригнали на все сутки. Сюда, в цех, их около мангалов поставили. Одни отдыхают, а другие марш бодрый играют, или песню какую по заказу. Даже «мурку» играли. Так двенадцать человек в этой своей карусели и сделали обычный месячный план за сутки. Гнали мы тогда, как могли.

– Митя, а котлован-то ты же в самом начале застал? – глаза Юрия Максимовича даже заулыбались при этом воспоминании.

– Заста-а-ал! Это вон Серёга у нас, интеллигенция специальная, на всё готовенькое приехал!

– Ну и ладно! Мы с Бородой свои Олимпы покоряли.

– Да уж. Олимпы у вас те ещё были. Тебя-то, когда, Серёга, вывели? – Юрий Максимович сощурился, глядя на огонь.

– Меня в начале пятьдесят первого окончательно вывели. С тех пор только с бумагами дело имею. Шабаш. С бумагами и с теорией теперь обнимаюсь. Но скучаю по делу, – отец,

прищурившись, смотрел на огонь, и непонятно было, от чего у него так заблестели глаза, от жара пламени или от воспоминаний недавнего прошлого.

Юрий Максимович, как и все на некоторое время замолк, вспоминая былое, что никогда уже не будет ими забыто, потом продолжил: «Наши сотрудники везде тогда были. На каждом участке присутствовали в качестве работников и спецов, или помощников всяких для мгновенного решения вопросов. И все рассказывали, что вновь прибывшие просто ошарашены были тем, как тут работает такой муравейник из людей, и все точно знают своё место и дело! И какой железной волей все были связаны в единое дело».

– Да уж. Дисциплина железная была. А сейчас слышу, что стали часто за периметр высылать, из-за дисциплины, – дядя Митя взглянул на Юрия Максимовича.

– Часто. Жаль, нет Лаврентия Палыча. Хотя и объявили его врагом народа, а без него ничего этого не было бы. Чёрт знает, откуда у него столько энергии было?! Везде успевал! – Юрий Максимович прихлебнул свежего горячего чая, заваренного вездесущей тётёй Таней.

– А попробуй не успеешь! Даже Зевсы наши, Царевский-то со Славским, так и жили на краю этой ямы в хибарке какой-то. Круглосуточно дежурили около телефона. Каждые три часа доклад в Москву делали, – дядя Митя весело хмыкнул. – Генералиссимус им всем этой энергии умел добавить!

– Расскажите, что это за яма такая? – Стаси прислонив-

шлись к тёплой кожаной спинке дивана впитывала каждое слово этих людей, которые о городских людях-легендах, и даже о генералиссимусе, говорили, как об обычных людях, иногда шутили про них.

– Это не яма, Стаси. Это Котлован. С большой буквы, – дядя Митя улыбнулся. – Этот котлован у всех, как кость тогда в горле стоял. Это первый шаг такой был к «Аннушке» нашей. Вот представь: поставили нам в августе задачу вырыть котлован этот самый восемьдесят на восемьдесят метров в проекции сверху и на восемь метров вглубь. К концу декабря вырыли. А спецы-то там у себя тоже не дремлют. Работают, считают, чертят. И выходит нам резолюция, чтобы углубиться в кратчайшие сроки на шестнадцать метров ещё. Всё вручную. Лопаты, грабарки эти каруселью... Там тоже карусель организовали. Одна грабарка за одну минуту заполнялась...

– Грабарки?

– Да, это тележки ручные для отвоза грунта. И их-то не хватало. Помнишь, Юра, как у нас стибрили двадцать этих новеньких тележек из моего РМЗ?

– Помню. Нашли же? – Юрий Максимович рассмеялся.

– Смеёшься?! А мне тогда вообще не до смеху было. Твои же ребята меня к ответу и призвали, обвинили даже, что мои подчиненные их кому-то там пообещали и сами отдали. Представляешь? За мзду!? А он, сука, выговором отделался! Жулик! Он у меня и ломы ещё дюзнул потом для своих

орёликов. А другие что? Пальцем деланы, что ли?! Руками пороют? – дядя Митя, разгорячась и забываясь, ругался при Стаси и тёте Тане почти матом.

– Да ладно тебе кипятиться. Быльём же поросло?

– Да не люблю я таких... смышлёных. Все одно же дело делали! И всем инструмент по мере надобности давали. Ну не было же ни хрена! Подвозить не успевали.

– Не успевали. Тут уже котлован роют чем можно, один экскаватор и сотни грузчиков вокруг, а там в июле только ЛЭП успели запустить для РМЗ твоего, чтобы оборудование к октябрю выпускать вы могли. Это только представить, за месяц всего по пересеченной лесистой местности высоковольтку проложили аж тринадцать километров. Ездил я к ним сам, уточнял нужды. А там один лесовоз пыхтит из последних сил, вывозит весь спиленный лес, две грузовых машинешки, которые постоянно ломаются, материалы подвозят. Их тут же на месте механики чинят, и тут же конюхи со своими тринадцатю лошаденками тоже брёвна, что помельче, вывозят, расчищают тайгу. И два стареньких трактора на все тринадцать километров – площадки под опоры ЛЭП ровнять. Мне когда принесли документы на подпись после проверки истраченного спирта, табака и консервов, я не проверяя подписал. Я им это сам даже по пути завозил. Видел. Комарьё жрёт. Без бани. В палатках. На измот мы все тогда жилы тянули, чтобы быстрее этот котлован вырыть.

И тут же железку буквально своими костями к Кыштыму и

между объектами дорожники стелют. Днём изыскатели-геодезисты носом роют по направлениям, ночью проектанты проектируют, в своей пожарке там, чертежи чертят. Оборудование выгружают прямо на землю, а следующим днём уже кусок пути прокладывают по проекту. Ничего. К декабрю успели. Тогда уже свободнее чуток задышали. Склады можно было строить и завозить бесперебойно, что надо, – Юрий Максимович аж лицом светился, когда вспоминал эти сумасшедшие в своей жизни дни.

И жизнь его ему самому казалось насыщенной и уже долгой. И не зряшной. Успел и он положить свой камень в тот теоретически невероятный, но фактически блестяще осуществлённый проект, который своей продукцией нахрен похоронил мечты бывших союзничков о новой победоносной войне с СССР.

Да и то сказать, у каждого человека есть такой период в жизни, когда свершалось самое важное и значительное в его конкретной жизни. А когда одним делом, самым важным и значительным, связаны сотни и тысячи людей – это забыть невозможно. А если таким делом связаны миллионы – это становится красной нитью всей жизни, и часто горькой и жёсткой, но самой незабываемой. Как война для Победителей.

– И при этом и Город строили, Стасенька. Всё сразу: до-

ма, больницу, школы, детсады. Дом культуры, парк чистили. Сейчас вспоминаю и не понимаю, как мы это всё сумели?! Молодые, что ли, были ещё? Я с площадки на площадку целый день мотался, всё в узлы собирал, что привезти, что заказать, проекты утрясти, РМЗ под завязку загрузить. Строители же тоже с листа работали. Начертили проектанты – отдали в работу – сразу без утверждения отдали. Головой за всё отвечали. Ошибёшься – Лаврентий Палыч поправит лет на десять. Это тогда легко было за своё разгильдяйство схлопотать. Приду в свою каморку, рухну, утром будильник. Иной раз и в сапогах засыпал, – дядя Митя радостно ухмыльнулся себе самому.

1955

1955

1955

1943

«Самая большая роскошь в мире – роскошь человеческого общения.»

– А котлован? – Стаси напомнила им обоим начало расказа.

– А что котлован? Экскаватор ломается всё время, ремонтники тут и спали возле ямы где-то, круглосуточно дежурили. А тут зима. Её не попросишь подождать. А в яме пятьсот землекопов в одну смену. Тут уж инженеры головы сломали, как это так сделать, чтобы и тележки катились каруселью, и чтобы по всей площади равномерно более-менее слой снимать и без перерыва загружаться. Нормы установили, как водится. Ну и премиальные, конечно дело. За выполнение нормы на сто двадцать пять процентов – одно лишнее блюдо в столовой полагалось. Это для того времени для зэков – просто круто было! Если на сто семьдесят пять процентов тянешь – два блюда в придачу к обеду. И ещё 200 граммов хлеба. Это – уже шикарная жизнь! Ну, а если ты стахановец – больше двухсот процентов рубишь, тогда ты – король! Им давали плюсом три блюда в столовке плюс 200 граммов хлеба, ещё, помнится, рублей на сто промтоваров за наличку и купоны на дефицит всякий, а главное водки сто граммов ежедневно, двадцать пять папирос, да каждый месяц по выбору несколько килограммов мяса или рыбы, жиры там, ещё обязательно рыбы полтора килограмма, овощей с ведро и молоко. И вольнонаёмным и зэкам одинаково на котловане

платили, честно. Честно и пахали многие за этот паёк. Соцсоревнование организовали между бригадами. Бодрили людей, короче. Сурово тогда всё было. За жизнь страны боролись не на жизнь, а на смерть. Как на фронте тогда всё было Стасенька. Нам это привычно было. Но выдерживали не все, конечно, такую напругу в жилах. Многие бежали. Ловили таких, срок давали. А если кто способствовал или покрывал бегуна – в обычный лагерь, лет на десять.

Ну вот, прошли мы до десяти метров вглубь, а там – скала! Ну и проходили мы её, выкапывали эту скалу с октября и, аж, по март! Сколько там взрывчатки повзрывали, сколько шурфов наковыряли, сколько проводов протянули – только снабженцы знали. Тонны! Дошли до восемнадцати метров, и тут выяснилось, что надо ещё до сорока трёх углубляться, оказывается, по новым расчётам. А это же надо новые выезды для самосвалов делать, для экскаватора. Тут подъёмники грунта уже установили на промежуточных площадках. Дошли до сорока трёх метров, а оказывается ещё надо десять! Это уже к концу осени ближе было. Вода мешала. А насосы высокого давления где взять-то? Опять промежуточную станцию установили, ну, то есть, накачают в баки наверху, сколько могут, а из тех баков дальше наверх другим насосом качают. Ну так до зимы и ползли потихоньку изо всех наших силёнок вглубь земли-матушки. Сроки поджимают. Царевский со Славским без лица ходят, разговаривают только рыком. Славский свои басом, как рывкнет – даже камни просе-

дали, кажись, когда срыв какой обнаружился вдруг. Нервы не выдерживали. Их-то тоже каждый день к телефону требовали не по разу. Они каждый шаг буквально тогда докладывали, что да почему задерживается или срывается с графика. Их-то тоже не гладили по шерсти. Чуть ошибся – снимали без разговоров, тасовали их тоже серьёзно, потому на весах наша вся жизнь лежала. А тут в самые морозы сорок седьмого года уже на промежуточной насосной вдруг вода перестала откачиваться. Внизу всех топит. Мокрые там все по пояс в воде. Холодина! Царевский вообще только матом разговаривал тогда, помнится, пока разбирался, что там и почему. Ну и разделся мужик один донага, механик тех установок, и нырнул в промежуточный бак тот. Оказалось, что там клапан заело. Ну, нырнул несколько раз, поправил он тот клапан вручную. Героем дня стал. Во всех газетах про него у нас написали тогда, на всех досках почёта висел. Молодчина.

И на последних десяти метрах, это уж точно на последних, как нам сказали, решили тогда только добровольцев привлечь – штурмовать эти метры жижи грязной. Усадили на краю котлована кассира с мешком денег, хлебом и колбасой. Отработает кто свою часть – ему сразу тут и расчёт. Сразу! Там много героев было. Напрягались мужики. К апрелю и выкопали все пятьдесят четыре метра. Короче танцевали мы все вокруг этой пропасти без двух месяцев целый год.

– А дальше? – Стаси готова была слушать эти былины бесконечно.

– А дальше на боковую надо нам всем идти. Тётя Таня вон уже носом клюёт со своими носками. На следующий раз рассказы наши оставим. Много чего было. И ничего лёгкого. Но не о чем тут говорить. Устаканилось всё, слава богу. Сейчас тут не жизнь, а праздник. Ну, бывает иногда заморочка, но уже умеют справляться. Просто каждый на своём месте работай, чтобы за тобой проверять не надо было, ну, с такой личной установкой надо работать. Проверять тут всё равно будут и всё на три раза. Опытный тут народ и ответственный, проверенный. Тут расслабляться нельзя никому.

Глава 11. Будни и праздники

Незаметно подошёл к своему завершению 1955 год, принося сказочные дни напоследок. В начале ноября лёд прочно установился на озере, и много парней и девчат тот час взялись за обустройство катка. И Лео со Стаси пару раз участвовали в расчистке и строительстве снежного вала вокруг катка. Над всей расчищенной площадкой протянули лампы, чтобы и вечером тут было уютно после работы потолкаться на ледяной дорожке, пошалить в кампании друзей.

Оказалось, что Стаси совершенно не умеет кататься на коньках. Даже стоять хорошо у неё не получалось, несмотря на новенькие блестящие, подаренные ей Лео конёчки с белыми ботиночками. На поворотах она тупо съезжала в сугробы, наваленные по периметру специально для таких, как она, фигуристов.

Лео решил вопрос кардинально.

– Так, Стаси, я буду тебя учить, как учат маленьких. Просто возьму подмышки буду тебя толкать. Идёт?

– А я не упаду? Тут твёрдо, между прочим! Это не опасно так учить детей?

– Не опасно. Поехали. Только ноги держи прямо рядом друг с другом, как связанные.

Нет, если бы Стаси могла предположить, как он будет её «толкать впереди», она бы ни за что бы не согласилась, ко-

нечно. Но она согласилась, а потом было уже поздно. Она даже специально упасть на попу не могла, чтобы затормозить. Лео крепко ухватив её подмышки, почти обняв, так сразу разогнался, что ни о каком торможении и речи быть не могло. Входя в вираж, чтобы коньки Стаси не мешали, он просто поднял её в воздух и опустил, когда они снова вышли на прямую. От неожиданности и бешеной скорости Стаси сначала онемела, а потом уже на втором вираже завизжала, собрав за ними целую кучу любопытных, желающих узнать, выдержит ли её муж этот отчаянный визг. Он выдержал, сделал несколько кругов и повалился, наконец, хохоча и обнимая её, на боковой снежный вал.

– Ты... ты меня обманул! – кричала Стаси и колотила по нему кулачками. – Ты меня просто опозорил! Как тебе не стыдно?

– А зато я теперь уверен, что при переходе через Северный полюс, я тебя спасу на этих льдинах, когда будем от белых медведей удирать! – смеялся Лео, увёртываясь и мимоходом целуя свою смешную трусиху-жену вдалеке от фонарей.

В следующую субботу, наслушавшись рассказов Стаси о том, как Лео безжалостно катал её, как «куклу визжащую», с ними пошёл и Сергей Дмитриевич, «тряхнуть стариной и размять кости», как он говорил. И в этот раз Лео с отцом бережно и неспешно везли Стаси между собой, взяв её за руки и уча правильно наклонять стопу и колени на поворотах.

К концу зимы Стаси вполне уверенно сама объезжала круг, держась даже и за одного Лео.

А на лыжах она от него практически не отставала, катаясь с гор. Это для неё было привычно с детства. И теперь и у неё был тёплый толстый и красивый спортивный костюм и шапочка, как и у всех спортивных ребят и девушек. Весь Город активно занимался физкультурой, спортом, танцами и любимыми другими занятиями и играми на свежем воздухе от футбола до хоккея, сам себя веселя, сам себя бодря и радуя. В парке росла огромная гора снега, которая превращалась в ледяную горку, как только набиралось достаточно снега для этого. Обычно к Новому Году это монументальное сооружение бывало вполне закончено и ребяшня сразу открывала сезон, прилаживая под замерзающие тощие свои попки куски фанеры, куски старой клеёнки, санки и просто валенки. Подогнув одну ногу под себя можно было вполне комфортно кататься, даже не особо промокая от снега. Только валенки быстро вынашивались на выступающих косточках ребячьих лодыжек. Их подшивали кусочками кожи вдоль сгиба. Но это никого не смущало вообще.

Если задуматься, то зима на Урале – это фантастически щедрый подарок природы всем, кто любит необычайную красоту, снег, скорость, свежий воздух и желание испытать себя. Некоторые естественные горки пересечённой местности тянутся тут на сотни метров, разгоняя лыж-

ника до немыслимой скорости, оканчиваясь иногда за поворотом трамплином или ещё более крутым спуском, так что сердце ухало «проваливаясь» вместе с хозяином в невосомость падения и парения.

Вся молодёжь по выходным выходила на лыжню, устраивала соревнования и просто «забеги из принципа», где участвовали все, от мала до велика.

В огромной стране тогда почти везде организовывались дешёвые пригородные «поезда здоровья» по выходным с горячим кофе и пирожками, и они всегда были набиты народом битком. Люди с лыжами занимали все проходы, рассаживаясь на рюкзаках, присоединялись к группам, поющим под гитару какого-нибудь местного барда, а потом высаживались в заранее обусловленном месте и рассыпались, кто куда до вечера, до срока обратного возвращения в город к обычным будням. И тогда среди этих парней и девчонок, женщин и мужчин, одиноких и семейных, практически не было пьяных. С водкой исчезал сам смысл приятного и непринуждённого общения и интенсивной пробежки по лесу для взбадривания мышц тела и души – основной цели поездки. И как же все стремились туда попасть снова и снова в этот волшебный пригородный поезд дружбы, где не было даже малейшего намёка деления на богатых и бедных, на учёных и не очень, на рабочих и студентов, на маргиналов и уважаемых граждан! Это был один народ, устремлённый в будущее.

Удивительно, но тогда совсем не было толстых. Ни мо-

лодых, ни стариков. Все были вполне стандартных размеров, молодые люди практически все были атлетически сложены, и девушки не комплексовали из-за слишком маленькой груди, полных ножек или ещё какой-нибудь ерунды, навроде румяных и очень крепких щёк. Всё было естественно и вполне стандартно. И косметика использовалась крайне редко. Только некоторыми барышнями с особыми запросами.

С конца ноября на улицах Города снова, как и в прошлом году, замелькали мандарины в авоськах, заблестели феерическим блеском новогодние игрушки в витринах магазинов, на главной площади Города установили фанерные расписные сказочные избушки Новогоднего базара с разноцветными гирляндами над ними, создающими абсолютно неповторимую атмосферу ожидания праздника Нового Года.

И только Стаси с замиранием сердца не ждала этого праздника. Дома у них это был день поминовения папы за столом с простой сосновой веткой в банке. Без игрушек.

Лео не забыл рассказа Стаси об её отце, только не знал, как им с отцом быть-то теперь? А тут ещё Силычи озаботились: «Как Новый Год будем встречать?» Не получалось совместить это всё, и на лице Стаси где-то издалека появлялась растерянность.

Отец, как всегда, выручил и разрядил ситуацию.

– Стаси, а ведь мы ещё ни разу не дарили твоей маме и бабушке подарков? А уж они-то их точно заслужили. Отпус-

ка на выезд пока не дают, но посылку-то уже можно выслать? Ты что хотела бы им послать? День поминовения приближается. У кого праздник, а у кого слёзы. Давай подумаем, чем мы могли бы их хоть немного порадовать? Что папа твой дарил маме? А бабушке? Не знаешь?

– Я помню, что он ей подарил тогда шляпку с вуалькой, которую она и до сих пор бережёт и надевает в торжественные дни. Всё мечтал ей шубку беличью купить, это я помню...

– Ну, так вот! Лео, ты слышишь? Шубку же можно! А мы тут головы сломали, чем нам нашу тёщу и сватью за жену и дочку отблагодарить? И почему беличью-то?четыре

– Я не знаю. Может быть тогда только беличьи были?

– Это да. Были. Но сейчас котиковую можно купить. Вечная будет, не сносимая. И шарф-паутинку белую оренбургского пуха, для шляпки как раз. Как ты думаешь, Стасенька?

– Лучше бурки тогда, как у меня. Валенки у неё есть, и платок найдётся на шляпку.

– Ну, так кто бы и спорил? Замётано. А бабушке? Она у тебя модница тоже?

– Да нет, пап. Какая модница? Тоже о шубке всё мечтала, уж не о беличьей, хоть о кроличьей. У неё на каждый день пальто было. Фуфайка. Валенки. Но ...

– Так. Я всё понял, дочь. Сколько бабушке-то?

– Шестьдесят будет через месяц. Как раз к своему дню рождения она папу родила. За три дня до того. А через че-

тыре дня по календарю поминает. Всё в кучу.

– Так она чуток меня старше?! Молодая ещё совсем женщина! Вот и хорошо. От каждого из нас они получают по подарку и ко дню рождения, и ко дню поминовения, как бы от их сына и мужа, и к Новому Году. И мы обязательно вместе с ними помянем твоего папу. Свата моего, получается. От тебя бурочки значит? От меня шубки. А от Лео шали, варежки, носки тут красивые вязанные есть. С оленями и снежинками. Пошли выбирать. Пока то да сё, еле успеем. Собирайтесь быстренько. День-то какой чудный! Снежок хлопьями. Лео, заводи машину, – отец не давал ни минуты Стаси на раздумья, сомнения и сопротивление, обосновывая каждое своё предложение аргументами, запоздалыми угрызениями своей собственной совести и сподвигая детей на долг внимания и любви далёким маме и бабушке, в одиночестве скучающим по дочке и внучке, которая вот здесь, в этом Городе теперь живёт и радуется своих дорогих новых домочадцев, без которых жизнь её теперь немислима. И их жизнь без неё – тоже.

Большие посылки получились. На такие посылки пришлось писать заявление и ждать разрешения, обосновывая тем, что посылают они это всё вдове и матери погибшего воина. Погибшего в самый Новый Год. Разрешили. Впрочем, посылки эти отправили не по почте, а с нарочным. Транспорт подвернулся служебный прямо в ту сторону, в город Че. А там рукой подать – всего двадцать километров, правда по плохой дороге, но сейчас снегом всё засыпалось и грейдером

раз в неделю выравнивалось-таки.

Ответные письма пришли скоро. И Стаси со счастливыми глазами время от времени к ним возвращалась, перечитывая снова и снова, зачитывая вслух всем места, где мама и бабушка охали, ахали и восхищались такими щедрыми и роскошными подарками, каких и в жизни ни разу не получали ни от кого, и сердечно благодарили всех, подробно описывая, как они выглядят, и что им соседи говорят.

«Стаси, доченька, здравствуй, и здравствуйте все и Леон, и Сергей Дмитриевич! Уж и не знаем, как вас благодарить всех. Наделали посылки ваши тут шуму. Все соседи сбегались посмотреть. А адреса-то обратного нет. Так все почему-то думают, что ты у нас на Дальнем Востоке живёшь. Стаси, девочка ты наша дорогая, как же мы с бабушкой скучаем по тебе! Хоть бы глазком на тебя глянуть настоящую, а не на фотографии. Но и фотографии тоже красивые. Спасибо и низкий поклон Сергею Дмитриевичу и Леону. Угодили они с подарками, как уж и больше нельзя... Красота-то какая. Мы тут теперь, как королевны две ходим. Бабушка очень о такой шали пуховой мечтала, оказывается. С плеч не снимает, а она только больше от этого пушится. И с размером шуб ты угадала, доченька, не беспокойся..... И бурочки-то у нас, как у городских теперь. В клуб тут ходили в кино как-то, так все на нас больше смотрели, чем на экран. Все о тебе спрашивают. Ну мы и говорим, что далёко ты служишь, девочка наша. Как бы папа тобой гордился, доченька.

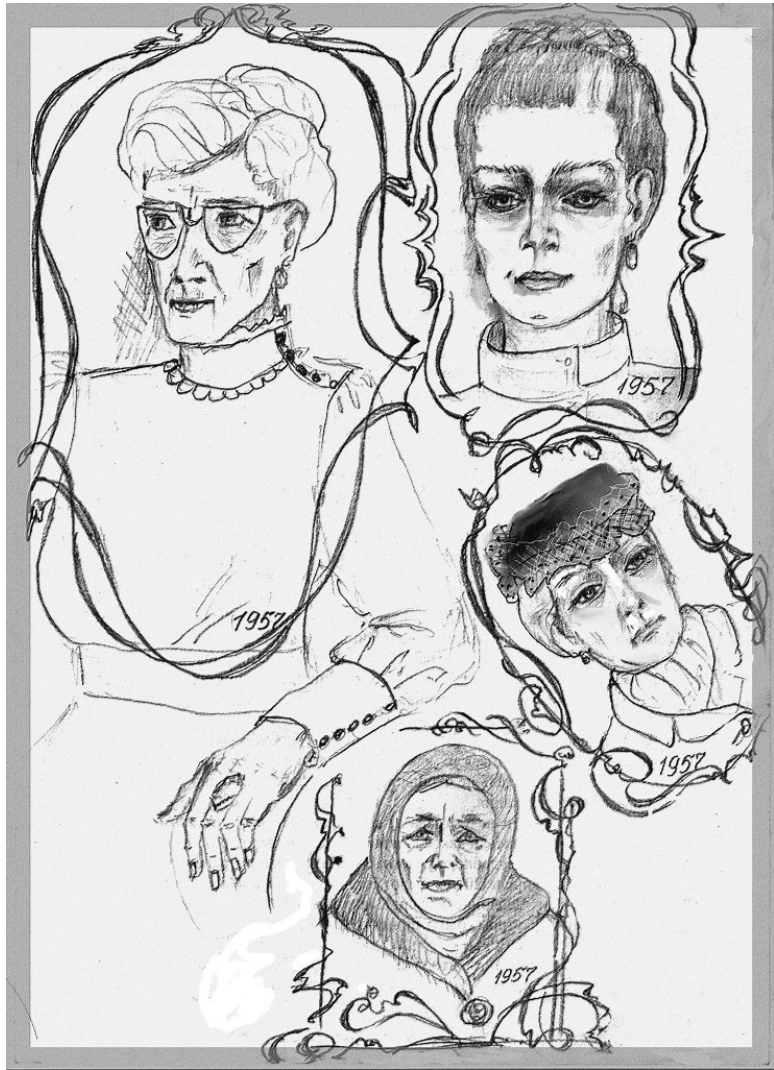
И мы гордимся. Я вот тут что подумала, Стаси. Не очень бы папа доволен нами был, коли знал бы, как мы тоской своей по нему другим людям праздник омрачаем. Не для того он сражался и погибал. Он за жизнь, доченька сражался. За радость твою. Решили мы, что в этом году достанем мы маленькую ёлочку, как тогда он тебе принёс. Помнишь, на потолке ещё он её привязал, потому что поставить-то её и некуда было? А мы поставим. Будем его вспоминать с радостью. Он нас видит и радуется. Это и я, и мама чувствует. Приснился он нам обеим аккурат в тот день, как подарки от вас нам получить. Смеётся! И ты, доченька радуйся. Помяни его с радостью и живи радуясь. Он так бы хотел, я-то знаю, чувствую. А бабушка вам привет от Александры-то Фёдоровны передаёт. Письмо от неё пришло на днях. Всё у неё слава Богу. За ней там смотрят, в квартире-то ихней, Сергея Дмитриевича. Жалеет, что не может к сыну перебраться пока, но надеется. А сюда собирается в апреле уже приехать. Мы её дом раз в неделю хорошенько протапливаем, чтобы не засырел от холодов. Бабушка тут вдруг вспомнила, на фотографию когда посмотрела, как Леон у неё в огороде репку стащил. Посмеялись. Помнит она его хорошо, говорит. А я совсем не помню. На работе всё больше была. Стаси, ты нам денег-то больше не шли.. Всё у нас есть теперь. Хватает. Коза объягнилась. Два козлёнка. Козочка да козлик. Молоко теперь продавать можно будет на будущий год. Нам от двух-то коз не выпить самим. И масло собьём даже. Ты не беспокойся о

нас. Теперь уж выживем. Не война. И ты выучилась, слава Богу. Выдюжим. Нам много не надо. Береги себя. И привет всем, и низкий поклон за вашу ласку и память. И с Новым вас годом. Пусть он у вас счастливее ранешнего будет. А я очень скучаю о тебе. Целую и обнимаю. И бабушка обнимает и целует. Пиши чаще. Твои письма нас очень радуют. По неделе читаем, как у вас там, да что. Даст Бог, так и свидимся. Мама и бабушка твои».

И Лео и Сергей Дмитриевич с удовольствием слушали, как Стасины мама и бабушка сердечно и наивно гордились своей дочкой и внучкой, демонстрируя перед соседками подарки, из-за дальней дали полученные от внучки. Они даже слова товарок приводили, и малейшие свои эмоции описывали от прикосновения к меху, к пуху, о тепле в ногах от пуховых носочков, и в руках от рукавичек с такими красивыми узорами, что «только на праздник и надевать». И о том, как соседки придирчиво рассматривали, «какой нитью шаль-то связана?» И какие карманы у шуб удобные: «и потаённые и глубокие». Чувствовалось, что эти посылки были громадным и радостным событием в их жизни, не виданным ими никогда и неожиданным, и тем более радостным и чудесным.

– Как же приятно делать подарки, сын? Да ведь? – счастливо шутил отец, когда Стаси на минутку выбежала из комнаты за фото, на котором бабушка углядела, что её салфеточка у Стаси на столе лежит, что обрадовало старушку до слёз.

– Спасибо тебе, пап. И когда я наберусь ума, чтобы вот так понимать всё? Стаська просто счастлива.

Матери и бабушки.

– Наберёшься. Какие твои годы? Я в твоём возрасте, по моему, вообще ничего вокруг себя не видел. Вырвался в Москву тогда и улетел! Учёба, наука, девушки! Про маму свою вспоминал, только когда перевод получал очередной. А она терпела. Ни разу не упрекнула. Ни она, ни отец. А теперь вот не могу её пока сюда выписать. Пенсионеров не берут. Тут работать надо. Хорошо, что там с квартирой устроилось всё мгновенно. В Москву она сама не захотела, ни дачу, ни квартиру – не захотела далеко от нас уезжать. И отец не хотел. И родных там никого не осталось у нас. А может нам с тобой в пятидесятом в Москву надо было махнуть, а?

– Да нет, па. Я бы не поехал тогда туда. Там мать со своим вторым генералом ещё была. Тебе тут плохо?

– С чего это ты взял? Но второго генерала-то уже не было в живых к тому времени. Мне тут хорошо. Климат нормальный. Резко континентальный. А там и просырь бывает в Москве-то. Мне это нехорошо. Из рабочей зоны меня вывели навсегда. Кстати, Кира говорила, что те, кого там, в Москве лечили, почти все уже ушли. А тут такие же живут себе и в ус не дуют. Наши спецы сильнее и опытнее. Впрочем, это и понятно. Тут все в одном котле варятся и всё замечают, и сразу. Уверен, что новый институт даст мощный толчок в этих вопросах. Не может быть, чтобы человек не нашёл действенных мер против такой угрозы. А в следую-

щем веке наверняка таких заболеваний уже не будет вообще. И я даже представлять не хочу, что вместо Стаси у тебя была бы другая какая-то московская жена. Нонсенс! Это чудо-девочка! Тебе, Лео, повезло сказочно! Ну, так что мы нашей принцессе к Новому году приготовим?

К Новому Году все мужчины, как сговорившись купили Стаси и тётё Тане подарки. Кто – что, но всё красивое. От новых ёлочных игрушек до варежек, шарфов и сумок. Стаси даже растерялась. Она о подарках и не подумала, как и тётя Таня. А дядя Митя поднял их на смех: «Девочки вы наши дорогие! Да какие же подарки от вас ещё нам нужны?! Вы же нам такой стол забабахали! Это же мечта, а не стол! Все выходные тут без продыху стряпали. Ладно, хоть, на пельмени позвали, сто лет же пельмени не лепили. Это лучший для нас подарок – в тепле вашем погреться. Повезло в этот раз. Воскресенье – выходной, как специально накануне, успели всё подготовить. Даже ёлку поставили. Давно мы такого банкета не видели, и всё вам благодаря, без вас нам, мужикам, весь праздник – бутылёк да килечка. И сегодня – понедельник, – день короткий. С утра праздничное настроение у всех. А завтра целый день гулять будем. Это удачно получается, когда праздник к выходным прижимается, как отпуск маленький. И ночью сегодня в парке гулянье, говорят, будет, музыку включат. И на катке тоже.

За стол сели рано довольно. Не только же в курантах дело. – У нас в стране почти полсутки напролёт куранты бы би-

ли, если бы их на часовые пояса поставить. Целых одиннадцать поясов с хвостиком. На Дальнем Востоке уже шесть часов, как пятьдесят шестой год шагает. А у нас только ещё через два часа. За проходящий что ли? – Сергей Дмитриевич поднял бокал с газировкой. Все дружно выпили и закусили не торопясь, смакуя каждый кусочек сотворённого женщинами праздничного ужина с десятком салатов, закусок и нарезок.

Да и то сказать, что может быть лучше этого сказочного праздника ожидания чуда следующего года в снежной метели за окном, в этом, по-детски наивном, перемигивании фонариков на ёлке, в этих сверкающих под светом люстры нарядных торжественных фужерах и рюмках, в этом витающем повсюду запахе хвои, мандаринов и огромных красных душистых яблок, которые кладут непременно в каждый серый бумажный кулёк с подарком каждому советскому ребёнку, если не родители, то уж дядька Профсоюз-то – обязательно! Если и нет мандаринов, то горсть карамели-то и орехов грецких – точно в кулёчке есть! Это любимый праздник народа, в самый холодный момент года согревает всех даже в мороз за сорок градусов.

Крепкий морозец на улице, куда после ударов курантов, закончившихся выпитым шампанским, все вывалились, одевшись потеплее, чтобы прокатиться на горке, как в дет-

стве, только усилил праздничное настроение. В этот день кататься с горки разрешалось всем, и даже приветствовались бурными аплодисментами. С огромной горы то и дело съезжали весёлые кампании, устраивая кучу-малу. Кто-то сидел на пятой точке, кто-то на корточках, а кто-то во все стоя и держась за шапку впереди ехавшего. Сотрудники, ещё днём сосредоточенно работавшие с тобой бок о бок, радостно встречались, как давно видавшиеся, лезли лобызаться, угощали приятелей друзей и соседей тем, что захватили с собой на прогулку.

То тут, то там стреляло шампанское, оббивались чем-то сургучные головки на лакированных, покрытых снаружи восковой плёнкой, картонных вдавленных внутрь пробках на бутылках водки, выворачивались штопором или просто втыкались внутрь длинные непослушные пробки на бутылках вина.

Стеклянные гранёные стаканы, являющие собой повсеместно символ Великой Страны Советов, остроумно сконструированный скульптором Мухиной в одном сосуде, одинаково удобном для чая, кофе, газировки и для «принятия» на улице под кустом, были в этой толпе ликующих людей в дефиците и дружески одалживались, пока совсем не терялись где-то среди встречающих тут, под тёмным звёздным морозным уральским небом среди друзей и родных, следующий Мирный Новый Год.

То, что он будет мирным, никто уже не сомневался.

Комбинат и в эти минуты работал, ни на секунду не останавливаясь. На таком предприятии остановки невозможны. И кто-то, десятки и сотни людей, там в цехах и лабораториях сосредоточенно следили за приборами, чтобы тут, в парке – и во всём мире тоже – люди могли беззаботно радоваться и кататься на горке, перед тем, как придут сменить тех. Работающих.

Глава 12. «Валетный» капитан

По большей части в жизни своего сына и бывшего мужа Кира Михайловна никак не проявлялась. Только регулярно и аккуратно ежемесячно пополняла счёт, открытый на сына «сто лет назад», от которого Сергей категорически отказался, бросив однажды иронично: «Нам, мужикам, много не надо, а красивой женщине деньги всегда нужны для поддержания своего реноме». Поддерживать своё «реноме» Кира Михайловна не собиралась, как не собиралась и уступать своему бывшему в упрямстве и праве обеспечивать сыночка. Сыночек вырос, даже женился, не пригласив мать на самый важный день в своей жизни, но она упрямо ежемесячно откладывала деньги на его счёт, держась за эту добровольно принятую на себя обязанность, как за последнюю нить, которая имела значение прежде всего для неё самой, связывающую её с сыном и отчасти и с мужем. И теперь она с настороженностью волчицы наблюдала издали за Стаси. Ревность матери, ревность женщины, на глазах которой Стаси стала пользоваться и очень широко (даже чересчур широко по мнению Галины Григорьевны – подруги Киры Михайловны, и по совместительству матери Веты) любовью и щедростью сына и бывшего мужа Киры Михайловны. Очень давно всё это когда-то принадлежало ей, любимой женщине Сергея Дмитриевича. Очень давно – но принадлежало. И это по твёрдому

внутреннему убеждению Галины Григорьевны не могло не тревожить и не обижать чувства матери и жены, пусть бывшей.

В чём-то эта хитромудрая женщина наверное была права, а именно в том, что большинство женщин никогда не забывает о тех своих женских и материнских правах, которые некогда в своих прежних благополучных семьях они имели, и чаще всего считают, что они имеет на них право пожизненно, природа материнского инстинкта и инстинкта самки вбрасывают им это заблуждение в бурлящую обидой кровь постоянно. Ибо разводов без обид не бывает.

Подруга Киры Михайловны считала просто своим долгом со слов дочери Веты постоянно доносить всё новые и новые подробности жизни её сына, которые Вета, оскорблённая насмерть высокомерным пренебрежением Лео, тщательно выискивала, запоминала и, разумеется, окрашивала их в желаемые ей цвета и оттенки. И обиженное сердце матери иногда готово было верить в опасности, грозящие её сыну от этой незнакомки, так стремительно и победоносно, как казалось всем, ворвавшейся в их дом. Но счастливый вид сынули, с которым Кира Михайловна иногда случайно пересекалась, говорил об обратном.

А Стаси тем временем наслаждалась жизнью и положением любимой жены и дочки с совершенно наивным и подлинным детским восторгом и доверием к окружающему её миру. Природная весёлость и деятельная беззаботность её жиз-

ни заражала всех вокруг чувством радости и правильности жизни вообще, и их жизни рядом с этой звенящей счастьем девочкой в частности.

Долго ли может продолжаться такой праздник?

Долго.

Всю жизнь.

Если облака и тучки зависти, злословия, «доброжелательные» напоминания о прошлом, советы и предупреждения о возможном горьком будущем обходят и облетают такой мир чистоты и наивности стороной.

Но обычно они не облетают наивные миры чистоты. А наоборот сгущаются, над такими островами безмятежности и счастья, которые другим, менее одарённым от природы, или затюканными обстоятельствами личной жизни, людям не дают покоя ясным ощущением того, что у них-то не получается, и никогда не получится, такого достигнуть. И чтобы контраст был для них менее болезненным, такие люди с удовольствием начинают искать пятна даже на солнце.

Иногда думается, что не надо показывать своё счастье другим. Оно такое нежное и уязвимое что не способно без потерь выйти из столкновения, если натолкнётся на грубую плотскую зависть и низость.. И даже в таком Городе, где, казалось бы, все люди настроены на огромное чувство ответственности и самого бережного отношения к

жизни, где все должны бы были быть связанными между собой дружеским единением жизни в особых условиях, где все очень тесно взаимодействуют и зависимы друг от друга, такие столкновения не исключаются. И даже, наоборот, часто принимают в замкнутом пространстве стремительное развитие и особый драматизм. Убежать, спрятаться-то – нигде.

С некоторых пор Лео стал замечать странные ухмылки знакомых в свою сторону. И Глеб стал неразговорчивым, когда разговор касался жён, семьи. Аналитических способностей у Лео было достаточно, чтобы правильно воспринять такой сигнал. Оставалось только найти источник. А источник оказался на поверхности, как прыщик на носу.

Впервые с этим типом Лео и Стаси встретились на молодежной вечеринке в доме Глеба, организованной Леной по случаю их с Глебом новоселья

И как же всё прекрасно было в тот день! Стаси и Лео подарили виновникам чайный сервиз по намёку Глеба.

За столом сидела большая кампания одноклассников и одноклассниц Глеба и Лены. В их числе была и Вета. Её, правда, никто не приглашал, она сама решила сюда прийти, узнав, что здесь будут и Лео с его женой, но и выгонять её тоже никто не стал, приняв в подарок букет цветов, коробку духов «Красная Москва» и бутылку коньяка «Пять звёздочек», одноклассница, всё-таки, тем более, что она пришла

в сопровождении лубочно-красивого, как карточный валет, капитана. И вполне резонно было предположить, что она никого не будет в этот раз доставать своими претензиями и приставаниями, как обычно. Она и не приставала. Но и глаз своих с Лео не спускала, сидя далеко и сбоку от него. И со Стаси тоже глаз не спускала, как и её спутник капитан.

Но ни Стаси, ни Лео не обращали на них ни малейшего внимания. Они были поглощены друг другом. После нескольких тостов за хозяев дома, за их процветание, размножение и здоровье, насыщенная обильными яствами публика потребовала движения.

Старинный граммофон родителей Глеба и куча пластинок вполне удовлетворяла потребности тогдашней молодёжи в музыкальном драйве. Под звуки «Утомлённого солнца» и сладковато-пронзительно-трагичных голосов Вертинского, Собинова, Козловского и Леонтьева, несущихся с небольшой долей хрипотцы с волнообразно кружащихся пластинок, пары томно замирали в па фокстротов, танго и вальса.

– Слушай, Стаси, – Лео медленно и незаметно водил по спине жены ладонью вверх и вниз, – а где резинка от твоих шёлковых трусиков, любимая? – он прошептал ей этот вопрос в самое ушко, нежно розовевшее под выбившимися прядками завивающихся колечек волос. – А?

– Резинка? – Стаси вскинула на него наивные широко раскрытые глаза.

– Да. Именно она. Где? – он оттанцевал её в дальний угол

комнаты, ближе к выходу.

– Понятия не имею! – Стаси недоумённо вскинула плечами.

– Как это, – Лео передразнил её подёргивание плечами – понятия не имею?

– Так. Не имею. Но если она тебе нужна очень, то скорее всего она вместе с моими трусиками в кармане твоего плаща. Я так думаю.

– Хм. Уверена?

– Мм.

– Тогда...

Голос Глеба, вносившего в комнату огромное блюдо, с которого свисал рыбий хвост, прервал диалог Лео и Стаси: «Друзья, на стол подаётся заливной судак огромного размера. Я его еле вытащил из аквариума, пришлось звать на помощь продавца. Прошу к столу, оценить кулинарный гений моей жены Леночки, Елены Прекрасной, то бишь. Давайте, налегайте и отзывы прошу писать, чтобы на память осталось нашим потомкам».

Пришлось всем возвращаться к столу, хотя желудки ещё не были готовы к следующей порции еды.

– А что тогда-то? – шёпотом спросила его Стаси, наклонив его голову к себе детским движением, потянув прямо за галстук.

– Тогда... тогда я должен в этом точно удостовериться, составить акт о нарушении моего аппетита и наложить на ви-

новницу суровое наказание,— едва слышно проговорил Лео, укусив в конце это нахальное розовое ушко, к которому были притянуты его губы.

– Я уже боюсь. Я не хотела нарушать аппетита.

– А что ты хотела, интересно мне знать?

– Что? Просто проверить, почувствуешь ли ты, что на мне чего-то нет?

– Да?! И ты ещё сомневалась, что почувствую?

– Мм. Глеб со мной танцевал и ничего такого не почувствовал. А он более опытный, чем ты, муж. И не почувствовал.

– Не спрашивал?

– Не-а.

– Но это ещё ничего не значит. Может, он испугался?

– Интересно. Я не думаю, что он такой пугливый.

– А о чём ты думаешь, вообще сейчас, голова твоя квадратная?

– Только одно. Что я тебя люблю. И не хочу этого осетра.

– Сазана.

– Какая разница. На сама деле судака, по-моему.

– Карпа, короче. Ну так что, пойдём проверим моё предположение, пока тут все косточки этому карасю обсасывают?

– Неудобно.

– Как это? Без трусиков танцевать тебе удобно, а пойти и дать мужу проверить такой вопиющий и призывающий к ответу факт, тебе не удобно? Ну, уж, нет, – Лео так увлёкся

тихой, круто взвинтившей его, перебранкой со своей женой, что не замечал, как две пары глаз не спускают с них взгляда. И только тогда, когда он поднялся со стула и поднял за собой Стаси, и Вета, и её капитан снова уткнулись в свои тарелки.

– Вы куда, Леон? – тотчас отреагировал Глеб

– Да нам в ванну вашу новую надо. Стаси надо... таблетку принять. Мы на минуту. Сейчас...

– А что это ты на меня всё спираешь? – смеясь прошипела Стаси.

– А потому что... – Лео запирая за собой дверь ванны впился губами в смеющийся ротик своей Йони.

Платье взлетело вверх, обнажив её ножки. Трусиков не было. Эти чёртовы пуговицы на ширинке никак не желали расстёгиваться одной рукой, и пряжка ремня тоже...

– Чёрт, солнышко моё, я сейчас, сейчас, маленькая, – сердито шептал он, усаживая её на туалетный столик, подстелив под неё новёхонькое расписное китайское полотенце с огромными розами, которое Лена специально повесила, чтобы гости руки вытирали вот такой роскошью...

Как же это всё было упоительно своей стремительностью, озорством и критическим местоположением действия. Кто-то уже подергивал дверь, и Лео сдавленно прохрипел: «Занято...», – держа почти на весу тело жены, зашедшейся в истоме и вообще не реагирующей ни на что, кроме губ своего мужа, в которые она вцепилась, чтобы не застонать...

– Я тебя вечером ещё сегодня накажу, – слегка отдышав-

шись, пригрозил Лео и вернул полотенце на вешалку другой стороной наружу.— У нас налицо есть некоторые разногласия, которые требуют разрешения. Домой придём и пойдёмте, как говорит мой па после поездки в Питер, в нашу комнату, ляжемте на кровать переговоров и решимте. Вот так. И накажемте.

— Ладно, накажешь, только обязательно, — у Стаси дрожали ноги и голова кружилась от счастья.

— Всё в порядке? — заботливо спросил Глеб, когда они вернулись обратно, не замечая, каким взглядом проводил их в коридоре лубочный капитан с нафабранными усами, ожидая, когда же они покинут ванну.

После их ухода он долго прилеживался в ванной, но в открытое окно ванной порывами залетали лишь волны свежего воздуха, густо пахнувшие смолистыми почками тополя, массово осыпавшимися и прилипавшими ко всем подошвам всех туфель и ботинок.

— Да. Всё в порядке, — ответил Лео, поправляя галстук и застегивая вторую пуговичку на вороте. — Где это ты такое красивое полотенце, Лен, отхватила? — сделал он комплимент хозяйке таким вопросом.

— Это Глеб привёз. И таз вот такой, — Лена раздвинула руки в стороны насколько могла, — и весь в розах тоже. Видели?

— Видели, конечно видели, — Лео наливал себе и Стаси газировку в стаканы.

— В туалете? — настойчиво спрашивала Лена.

– Ну да. И в туалете тоже видели, – уже что-то спрашивая у Стаси, механически ответил Лео, не замечая удивлённого взгляда хозяйки дома.

– И что это такое она с ним делает, что он уже второй почти год, как с неё глаз не сводит и ни на кого не смотрит? А на эту Вету и вообще кучу положил. С ложечки свою сучку кормит и языком облизывает. Ну ты штучка! Бл*дь! – восхищённо и зло выматерился про себя карточный капитан, втихаря разглядывая Стаси в отражении стекла серванта напротив. – Гад буду, если ты, стерва, моей не станешь.

Он был страшно раздражён и даже взбешён, что получил отказ, как только попытался пригласить её на танец. Отказ жёсткий и определённый от её мужа, который так и протанцевал весь вечер со своей женой. Только один раз другому, и только хозяину квартиры, была оказана «честь». Впрочем, никто и не пытался претендовать на Стаси, как на партнершу в танце. Тут на это существовало какое-то коллективное табу. Негласное и всеми принятое.

Кроме усатого капитана.

Таблетка, видимо, не слишком помогла и вскоре Воротовы ушли домой, забыв плащ Лео на вешалке у приятеля.

– Мда... Однако! – Глеб, проверяя, не оставил ли Леон в карманах плаща что-нибудь важное, пропуск или ещё что, что может понадобиться срочно, и поэтому лучше заранее предупредить, аккуратно сложил шёлковые трусики с кружевами и засунул их обратно в карман. – Теперь понятно,

почему он её даже на танцы ни с кем не отпускал. То-то она мне показалась чересчур гладенькой!

– Слышь, Лен, а могла бы ты, как-нить со мной в гости без трусиков пойти? А? – пытаюсь быть шутливым, спросил Глеб свою жену, войдя в их новую спальню с новым мебельным спальным гарнитуром.

– Белены объелся? – Лена энергично мазала лицо кремом на ночь. – Я тут так утопталась с этим новосельем, что завтра все мешки под глазами вылезут наружу. А тебе всё мало? Надо, чтобы ещё и без трусов?!

– Да я просто так же, Лен...

– Всё! Отвали! Я устала на целую неделю вперёд! Спать хочу!

Глеб засыпал, и снились ему голубые трусики с кружевами, которые Леон носил почему-то на голове.

– Кстати, и никакого я там таза с розами и не заметил, – Лео мурлыкал, как кот, перебирая в памяти прошедший день.

– Так она же сказала, что он в туалете у них где-то стоит. Для красоты, как я поняла?

– Да и фиг с ним. Тебе такой для красоты нужен тоже?

– Мне – нет.

– Ну и хорошо. Обойдёмся без этих роз нарисованных. Слушай, Стаська, Йони ты моя вкусенькая, так у тебя больше фантазий пока нет? А? – Лео, смеясь, смотрел на разне-

жившуюся рядом жену, проводя ей пальцем по потной ложбинке живота.

– Мм. Есть, – тотчас отозвалась жена, заставив его в удивлении приподняться на локте, она только что сказала, что наелась его до вторника или даже до среды.

– Во вторник или в среду будем воплощать? – ему стало смешно.

– Почему это? Можно и сегодня, – Стаси живо перевернулась на живот, и Лео перестал смеяться.

– Не понял?

– Так как ты можешь понять, если я тебе ещё ничего об этой фантазии не говорила? Слушай! Помнишь, там, у озера, я очень красивый валунчик заметила? Ну чего ты лицо так вытянул сразу? Он совсем небольшой. Килограммов... двадцать. Не больше! – успокоила она мужа, изменившегося в лице, прижавшись к его груди. – Не больше двадцати точно! А где мои трусики, кстати? Ты их из кармана достал, хоть? Они же твоей работой пропахнут?

– Вот чёрт! Я вообще плащ забыл. Погоди-ка со своими валунами... – Лео набрал номер на телефоне, который теперь стоял тут, около кровати, чтобы не бегать, чуть что, в прихожую по каждому звонку. – Глеб, Не спишь? Ну, извини. Я там плащ у тебя забыл. Захвати завтра на работу. Ладно? Только не забудь.

– Ага, как же! Забудешь такое, – проворчал Глеб.

Хорошо, что он не видел глаза Лео, не сразу опустившего

трубку на рычаг.

– Ну что? Принесёт? – Стаси лежала, болтая ногами, готовясь продолжить излагать свои фантазии.

– Стирать придётся, – хмуро ответил ей муж.

– Плащ? Почему? Уронили куда-то?

– Да. В банку с царской водкой.

– Не было там никакой царской. Только обычная была...

Ты о чём вообще говоришь, Лео? Царская водка же это...

– Всё, Стаси, ни слова больше. А то у меня опять начнётся.

От воспоминаний. Всё! Спать!

– Ну ладно. Завтра про фантазии поговорим.

– Спа-а-а-ать! Кому я сказал? Тебя же жалко. Мне-то что... Спи, солнышко. Но до среды – это уж сли-и-и-иш-ком... – пробормотал Лео, покрепче прижимая к себе жену и засыпая.

Наступило настоящее тепло поздней весны. Стаси больше всего любила это время года с нежной свежей зеленью деревьев, невысокой яркой густой травой, радостно прораставшей на вычищенных от прошлогодней травы газонах Города и лесных полянах и опушках, занимая все пригодные для её корешков кусочки почвы и пространства в щелях тротуаров.

Иногда Стаси физически ощущала, что если человек оставит эти места, то через несколько лет травы, кусты и деревья тотчас займут всё пространство, прорастут даже на крышах, как в этом году на сарае распустились маленькие, но уже древесные стволы тополей, укоренившихся в прошлом го-

ду в нанесённых ветром и занесённых опавшими листьями небольших валиках почвы задержавшейся на краю кровли возле водостока. Она просто чувствовала, что растения – этот самый многочисленный и приспособленный вид жизни – могут мгновенно поглотить и разрушить всё, что создано человеком. И они же, как волшебники достают из света Солнца все питательные вещества и щедро дают жизнь всему живому. Для неё весь этот мир, привычный в общем с самого детства, всегда оставался тайной и сказкой, которая ежеминутно менялась на глазах и вовлекала её в свой мир шепотом и шелестом листьев, шумом дождя по траве, и она явственно слышала их голоса, когда задумчиво всматривалась в это чудо природы.

– Лео, ты знаешь, они очень разумные и живые.

– Кто? – недоуменно спрашивал её муж, обычно увлечённый более осязаемыми и земными делами.

– Ну, деревья же? И трава. Она каждый день вырастает на несколько миллиметров. Я замеряла. И я где-то прочитала, что корни деревьев продолжают расти и зимой. Представляешь?

– И что из этого следует, Йони моя?

– Из этого вообще непонятно, что следует. Но они, вполне возможно, всё запоминают о прошлом, и не удивлюсь, если они и про будущее всё знают. Просто нам надо учиться понимать эту огромную зелёную жизнь. Они нас любят, дают нам, неразумным, всё, а мы совсем не ценим их доброты и

жертвенности.

Знаешь, раньше, прежде, чем срубить дерево, у леса просили разрешения на это, а у самого дерева прощения. И были священные рощи, за погибель дерева в них, люди подвергались смертной казни. Это осталось в некоторых мифах. Тебе не интересно? – удивлялась Стаси, глядя, что Лео совершенно не удивляется и не восторгается тем, что её саму изумляло.

– Ну, почему не интересно-то? В общем интересно, конечно. Но нам-то какая разница сейчас, если мы ничерта не понимаем в них? Люди когда-нибудь поймут и это. А пока меня больше интересует вон то, – и Лео показывал рукой в глубокое бесконечное небо. – Интересно, как оттуда наша планета выглядит? Какого цвета?

– И это тоже интересно. И ничего-то мы, получается, не знаем. Ни тут, ни там. А мне иногда кажется, что я что-то улавливаю. Мысли их, что ли? Когда задумываюсь.

– И что же это за мысли? Ох, и фантазёрка же у меня, моя маленькая жена! О чём мысли-то у них? – Лео поправлял кладку камней в мангальном костровище.

– Ты знаешь, это даже не мысли, а картины какие-то. Как в кино. То одно кино, то другое.

– И о чём, интересно?

– О нас с тобой.

– Ну и?

– Да так. Ни о чём. Просто жизнь. Но это, скорее всего,

мои собственные выдумки. Фантазии. Сказки всякие. Я всегда любила сказки со счастливым концом. Пойду-ка я ужин разогреть, – Стаси, улыбнувшись мужу, убежала в дом, прерывая свои рассказы.

Лео выписал на ДОКе брусьев и досок и нанял-таки двух шустрых парней, которые за день сколотили прочные и удобные навесы над скамейками, превратив открытое для ветра и дождя пространство в уютный уголок, который со всех сторон, в случае необходимости, закрывался пологам из старых плащ-палаток, в солнечные дни крепко подвязанными на столбиках ограждения. Потом усовершенствовали и скамейки, сделав взамен старых досок прочные скамеечки со спинками, которые могли легко переставляться при желании. Несколько дней Стаси с тётёй Таней красили всё это радостное для души оборудование весёленькими, оставшимися от старых давних ремонтов красками, смешанными из нескольких банок, которые достали из подполья.

Те масляные краски на натуральной олифе пахли и сохли долго и нудно, и так же долго и надёжно служили людям. К майским праздникам всё высохло, клумба была вскопана и засажена вовремя бархатцами, космеей, мальвами и, конечно, петуньями. Как же без них?

Процвела пышная, взывающая всё вокруг к новой жизни, весна.

В середине лета Стаси и Лео успешно провели свой отпуск, уходя на целый день бродить по окружающим город

лесным зарослям, купались нагишом где-нибудь в потаённом закутке дикого пляжика, жгли костёр в своей пещере, и Стаси вслух читала книгу про Ван Гога, отрезавшего себе ухо. (И, как станет известно много лет спустя, спасшего своего друга, соседа-мальчишку, от тюрьмы, выдав случайный выстрел того за свой собственный, самоубийственный, и погибнув из-за этого самого выстрела).

– Но сколько же он красоты успел заметить и нам оставить! – Стаси мечтательно и задумчиво вертела травинку в губах. – Счастливый. Его будут помнить.

– А если тебя не будут помнить, но ты сделал хорошо своё дело, то ты не счастливый? – Лео блаженно растянулся рядом со Стаси, следя за облаками, бездумно куда-то летящими, меняясь и постоянно размывая своими белоснежными клубами картины и фигуры, которые бессчётное множество раз возникали из этих ватных клочков и исчезали в потоках воздуха.

– Почему это? Это я просто о том говорю, что некоторым удаётся привнести в жизнь что-то очень заметное. А сам Ван Гог совсем и не был счастлив. Больной, бедный и добрый. И только брат его любил. А у некоторых и брата такого нет. И таланта, – Стаси задумалась.

– Ну и что? И нет у меня таланта, и брата нет, а я самый счастливый рядом с такой вот голышкой. Потому что люблю.

– А тебе точно хватает этого для полного счастья? И ничего больше не надо? – Стаси посмотрела на Лео.

– Почему не надо? Надо, конечно. Но всё остальное – это просто сопутствующие элементы жизни. Важные, интересные, даже увлекающие, даже в глазах многих имеющие большую ценность. Звание, например, положение в обществе, заслуги, может быть. Но всё это не может дать полного счастья. Это всё гумус для дерева. И дерево называется «Любовь». Только это дерево даёт пищу, защиту и смысл жизни. Правда, бывало всякое.

– Что ты имеешь в виду?

– Что? А то, что были, ведь, и великие учёные, которые всю жизнь что-то изобретали, искали, оставили много чего после себя и совсем не испытывали никакой любви. Например, мой тёзка Леонардо да Винчи. Я про него много читал. Правда я так и не понял, любил ли он своего слугу или-таки нет. В содомии, во всяком случае, подозревался. Если любил, то всё-таки была у него любовь, пусть такая уродливая. А если нет? Почему, когда он писал про погребение своей матери Катерины, он употребил слова «истратил на закапывание». В итальянском есть слова погребение, захоронение, похороны? Нет! Закапывание, чёрт! Не по-человечески как-то. Или в нём работал только мозг и уже не было места эмоциям? Только «Дама с горностаем» дышит жизнью. А его Мона Лиза смотрит на мир, и никто понять не может, чего это она так смотрит? Иронично-безразлично. Или тупо и сыто? Или это вообще «он»? Не чувствуется у тёзки моего Леонардо живой горячей жилки, которая обязательно чув-

ствуется у тех, кто любил.

Короче, я считаю, что любовь – это главное. Ты меня убеждала и даже где-то местами очень это доказала, – Лео перевернулся на песке, встав над ней, заслонив солнце.– Ты-то сейчас почему так спросила, хватает ли мне моего счастья?

– Почему? Потому что говорят, ну все вокруг, по крайней мере, говорят, что любовь проходит и заменяется постепенно чем-то другим. Работой, товарищами, ... не знаю, увлечениями... Человек как бы устаёт любить, что ли? Помнишь у Глеба и Лены на новоселье был за столом такой общий разговор? – Стаси разлохматил ему вихор, влажный после воды.

– Не помню. Ты мне совсем память тогда повредила, – Лео прижался губами к её груди. – Устают? От чего устают? И вообще, почему человек от человека устаёт? Чаще всего от однообразия, от монотонности или от чрезмерной тяжести выполняемой работы. От валунов, например, да ведь?

– Лео, ну там же всего один валун осталось найти для полной гармонии?!

– Ладно. Поищем ещё. Но мы там всё излазили. Так от чего устают любить по-твоему? Колись.

– Я не знаю. Может быть, это имеют в виду страсть? Прогрела страсть, устал или устала восхищаться одним и тем же?

– А ты чем сейчас во мне восхищаешься больше всего? – Лео распял её руки на песке.

– Как и раньше. Дерзостью. На abordаж берёшь. Все пираты в книгах красавцы и наглые brutальные сердцееды. И

я тебе сдалась.

– Эх, ты! Найдётся кто-то... побрутальнее и всё ... пропало? Так. что ли? Помнишь, какого... брутальера твоя... любимая героиня... моего фантастического-ишемического прошлого, Вета, с собой к Глебу приволокла? Он, между прочим, с тебя... своих рачьих глазёнок не спускал, – Лео между словами успевал находить вкусненькие местечки и кусался, как щенок, вызывая такой же щенячий восторженный смех своей жены. – Смеёшься?

– Конечно смеюсь, – Стаси спихнула мужа и шутя опрокинула его на песок. – Запомни – я однолюбка. Мне никогда, и ни при каких условиях никто не будет интересен, кроме тебя. Даже если страсть уgomонится, то останется много чего ещё.

– Чего? – Лео уже серьёзно смотрел на свою тоже серьёзную жену.

– Понимаешь, если всё только со страсти началось, как я думаю, то со страстью и закончится. Не знаю, на сколько такого запала хватает. Может быть, от силы года на три, если ничто другое, по силе сравнимое со страстью, не появится в жизни двоих .

– И что это может быть? – Лео усмехнулся. – Я думаю, что ничего другого сравнимого не существует.

– А сердечная привязанность? Дружеское тепло?

– Оно сосуществует вместе со страстью, у меня по крайней мере. А у тебя нет дружеского ко мне сердечного уча-

ствия? – Лео наматывал её кудряшки на палец и потом раздувал их в воздухе.

– Ну, как нет-то? Ты мой самый лучший друг, конечно. Я никому не могу, да и не хочу, доверять того, что знаешь обо мне только ты. И если даже ты меня разлюбишь, я всегда уже буду благодарна тебе, ну и себе тоже, и папе, за это чудное время, которое мы уже прожили, – Стаси стала печальна, – благодарна, как другу, если так случится.

– Не дождёшься! И не говори глупостей, Стаси. Как это «разлюблю»? Я вообще этого не понимаю. Что тогда надо человеку? Ну, есть ещё понятие дружбы, искренней и, как там ещё ты мне тогда предлагала, помнится... А! Тёплой, что ли? И этого мало. Я восхищаюсь тобой и даже ужасаюсь, когда вспоминаю твои врачихины подвиги в парке. Я люблю саму свою страсть к тебе. Мне остро и почти болезненно-ревниво интересно с тобой. Ревниво к твоим увлечениям работой, интересам. Я эгоист иногда махровый бываю в мыслях. Я в тебе человека вижу, которому не устаю удивляться. Только человека слишком ревнивого, по-моему, к моему прошлому. До заурядности. Короче, я корыстный был в своём выборе. Очень! Расчётливый, можно сказать. А ты?

– Я? Я была абсолютно дезориентирована. Гусар, солдафон, коварный убивец женских сердец, сынок богатенького папы, избалованный принц, воображала, каких мало, дерзкий и почти грубый и бесцеремонно-напористый, когда ему что-то надо, – и он мне нравился до бессонницы!! Мне?!

Такой разумной девочке?! Это было ужасным когнитивным диссонансом, как пишут философы! Разрывало меня на части просто. Вот!

– Какой прекрасный портрет настоящего мужика ты мне только что нарисовала, Стаси! Неужели я так выглядел когда-то? А теперь я почти домашний котяра, обожающий беляши и котлеты с абрикосовым компотом! А если серьёзно?

– А если серьёзно... Помнишь тот вечер, когда Глеб к нам среди ночи примчался с этой схемой?

– Конечно. И что?

– И то, что я тогда только поняла, какой ты на самом деле. Ты тогда за меня бы умер, если бы надо было, но в тот конкретный момент отодвинул меня далеко в сторону и решал твой профессиональный вопрос. Так древние воины отодвигали от себя жён и шли на поле битвы. На свою главную в жизни работу. Просто отодвигали их. И умирали там за них и за детей. Ты такой же. Ты не спрячешься в пещере где-нибудь или в подполье. Ты возьмёшь меч и щит. Для меня это очень много значит. У меня папа был таким. И наш папа такой же сейчас. И Силычи тоже. И Вася. Вы все – мужчины, у которых всегда есть главное дело в жизни. Не любить и страдать страстью всю жизнь, а быть готовыми защищать свою мать, жену, детей. Все нормальные жёны уважают своих мужей за такое качество души. Это очень нам важно и нужно – испытывать уважение к мужу. Мне с тобой не страшно, мой любимый гусар. И наверное страсть когда-нибудь немного

утихнет, но всё остальное будет только возрастать. И дети добавят совсем другие краски в жизнь и накрепко свяжут нас в единое целое. Ну и пусть, что это будет с некоторыми неровностями, узелками, но это будет прочное целое, на что можно будет и им потом всю жизнь опираться. Надёжно.

– А как же под куполом цирка без страховки на глазах у людей? – Лео явно был польщён, но стеснялся это показать.

– А мы и есть сейчас под куполом цирка. Без страховки. Идёт испытательный срок, как зрители думают. А я думаю, что наша крокодиля пещера уже выдержит что угодно. Даже детей! – Стаси засмеялась.

– Как детей? – Лео сразу сел. – Что ты мне хочешь сказать?

– Да что ты так вскочил? Ничего я тебе не хочу сказать. Ещё на прошлой неделе всё было в штатном режиме. Забыл?

– А, ну да. Забыл, – Лео разочарованно прилёг. – И, как думаешь, когда этот штатный режим у нас даст сбой?

– Не знаю. Но ничего экстремального нет. Это у многих так бывает. Недавно у нас рожала очень полная женщина. Всю жизнь прожили они с мужем без детей и вот, в сорок лет, её привезли рожать! Она уже думала, что просто у неё климакс начался совсем. А климакс родился на четыре килограмма. Но это исключение, конечно. Но никто не поставит нашей паре диагноз «бесплодие» ещё, по крайней мере, пять лет. Так бывает. У меня всё нормально. Не беспокойся, – Стаси, смеясь, поцеловала мужа.

– Да мне-то что? Я даже рад, что не сразу всё комом. Отец

заждался. Я у них сразу появился, ровно через девять месяцев. Вот он и ждёт.

– Он спрашивал?

– Да ты что! Он скорее умрёт, чем такое спросит. Просто я сам вижу, как он на коляски детские иногда оглядывается. Чего бы просто так оглядываться-то? А тут заметил ещё, что к кроватке детской приглядывается в витрине, появились красивые деревянные такие с сетками. Видела? Не металлические. Ждёт.

– Дождётся. И мы дождёмся. Только не надо специально стараться сделать ребёнка. Они это не любят. Они сами приходят, когда захотят нас родителями своими увидеть.

– То есть мы с тобой для них ещё зелёные, получается?

– Так получается. Зеленоваты, – Стаси счастливо рассмеялась. – Я у мамы с папой тоже родилась не сразу. Дала им возможность нагуляться, как следует.

– Стаси, а ты рожать не боишься? – Лео вспомнил, как «они» принимали роды в парке.

– Боюсь, конечно. Все боятся. Но это мудрый естественный процесс в основном. Бывают, конечно, осложнения... Вот слава богу, что у той женщины в парке всё шло, как по учебнику! А вдруг бы предлежание, обвитие пуповиной, ножками вперёд? Ужас бы был!

– И ты, зная это, всё равно решила принимать роды?!

– А был другой выход? – Стаси с удивлением посмотрела на мужа.

– Я не знаю. Но у меня от страха вся печень в тот момент камнями забила! – передёрнувшись ошарашенно, вспомнил Лео. – И меня конкретно трясло, как осиновый лист.

– Глупости! Никакие камни не могут забить «сразу всю печень»!

– Хорошо тебе говорить. А я чуть не сдох. Парень там рядом со мной в «спиноограждении» твоём стоял, так его от криков той женщины просто дрожь била так, что мои штаны, как от ветра, колыхались. А ты – как генерал на поле боя! И все слушались, как миленькие. И уважали. Какие тут мечи и щиты, нафиг, выстоят против тех маникюрных ножниц в твоих руках?!

– Это ужасно – маникюрные ножницы! На них столько грязи и микробов! Я ужасно переживала тогда из-за этого. До последней минутки заставляла будущего отца их отмывать той водкой, чтобы и он ещё в обморок там не упал. Кошмарная антисанитария!

– А я так гордился тобой, как будто бы ты чудо совершила, – Лео прижался к жене.

– Никакого чуда. Клятва Гиппократа и неплохая практика по акушерству и гинекологии. Любой бы медик на моём месте так сделал, – Стаси о чём-то задумалась.

– Ты о чём задумалась? А, Йони моя?

– О жизни. Почему некоторым не живётся просто так?

– Как «просто так»?

– Просто, и поэтому счастливо. Люди переживают из-за

всякой ерунды, гоняются за славой, за деньгами даже гоняются, за вещами, тратят время жизни своей на переживания, а не на наслаждения от неё. Время так летит! И сегодняшнее утро с такой прозрачной и чистой водой, в которой мы купались, уже никогда не повторится, но навсегда останется в памяти с этой книгой про Ван Гога, с твоим телом на песке. Такая роскошь жизни в каждом мгновении! Да ведь?

– Да ведь, Йони ты моя чудненькая. У тебя плечи немного порозовели. Накинь простыню. Ехать пора, отец скоро придёт с работы.

Насыщенно и беспечно проходили тёплые недели и месяцы. Тётя Таня привлекла Стаси к варке варенья, когда она была свободна, и они вдвоём, штопая что-нибудь, смётывая или вышивая, нежились в лучах солнца на веранде в аромате малины, клубники, собранных любителями-садоводами с разбитых недавно садовых участков, и лесной земляники, за которой изредка выбирались за периметр на «чистую территорию». В память о легендарном директоре Музрукове, тётя Таня ставила «Музруковку», специально настоянную на инжире, изюме и лимонных корочках водочку, рецептом которой с ней поделился дядя Митя.

Незаметно вода в озёрах стала синеть и свинцоветь, дрожа и покрываясь барашками от налетавшего ветра. И сосны на фоне светлеющих берёз казались всё более и более тёмными. А потом дружно полетели листья, устилая всё вокруг пёстрым шуршащим под ногами ковром разноцветных пятен

от золотого до багряного, с редкими вкраплениями пятилапых лилово-коричневых, опавших с клёнов. И в лиственных лесах почти исчезла тень.

Наступающая осень напоминала уже иногда ледяными порывами ветра и морозящим дождём из низких свинцовых туч о близкой, сверкающей снегом зиме, такой же, как и в прошлом году, когда все они собирались длинными вечерами около камина и под завывание трубы отмечали праздники и удачно окончившиеся недели.

Лео получил майора за операцию «Карта». Очень полезным оказалось иметь любопытных родственников, а главное удалось, как тогда показалось, эффективно и быстро пресечь действие той информации умной дозой дезинформации. Ну, как это довольно часто бывает.

Но посвящённым в большие тайны прошлого известно, что существует некоторое заблуждение в том, что за весь советский период иностранным разведкам так и не удалось рассекретить существование этого Города, и что не было ни одной утечки информации о спецобъекте Города до 1989года, когда об этом официально заявил Жорес Медведев, как о трагическом факте нашей истории. На самом деле всё обстояло несколько иначе.

То, что русские взорвали бомбу, стало известно уже 23.09.1949 года, то есть через 24 дня после взрыва. Один из американских самолётов оборудованный специальными при-

борами, попал в радиационное облако того взрыва, облетающего всю планету, как это обычно и бывает при наземном взрыве. СССР признало этот факт 23.09.1949 года.

Но то, что американцы ничего точно не знали, думали, что взрыв произвели на Новой Земле, говорило, разумеется, о крайне низкой эффективности разведок США и их союзников, и об очень хорошей работе наших контрразведчиков этот факт тоже ясно говорил. И с этого времени задача «сломать заслон МГБ СССР» – стала жизненной целью США того времени. Они, как оказалось, ничего точно не знали о нашем научном и производственном потенциале, умело законспирированном в конверсии заводов и в процессе общего восстановления народного хозяйства страны. Взрыв бомбы был для них ледяным душем.

С этого времени началась смертельная борьба двух разведок и контрразведок СССР и САСШ – Северо-Американские Соединённые Штаты – как тогда назывались США. Часто эта борьба принимала абсолютно бесцеремонные, грубые, запугивающие формы. Никто особенно не придерживался каких-то дипломатических правил. Была принята на вооружение крайняя степень враждебности во взаимных отношениях разведок и даже дипломатов.

И если быть совсем беспристрастным и точным, у САСШ было много преимуществ, и прежде всего – выросшая на дрожжах Второй Мировой Войны огромная военная мощь их страны и мощное производство, дающее много воз-

возможностей для осуществления самых дерзких планов разведки.

Во-первых, у них была создана огромная сеть разведчиков Атомного спецназа из бывших этнических русских, которые свободно владели языком, прекрасно знали обычаи и натуру русского народа, его поведенческие особенности. Около 500-600 таких человек по самым скромным подсчётам было задействовано тогда разведкой. А подготовкой этих людей занимался тоже эмигрант из русских, Пашиковский Борис Фёдорович, сын священника и сам получивший образование священника, талантливый, образованный человек, смертельно ненавидевший Советскую Россию, уничтожившую все его жизненные планы, разрушившую его прежнюю, вполне обеспеченную жизнь, и заодно поглотившую его мать, сербку по национальности. Она исчезла в глубинах Гулага, как жена и мать священника. Такими были те времена.

Все его подопечные были настроены примерно так же, как и он – совершенно беспощадно к любому, кто встанет у них на пути к их цели уничтожения ненавистной им России. Достаточно сказать, что только один, максимум двое, из десяти агентов, соглашались на двойную игру, если их ловили советские службы контрразведки. Обычно их всех расстреливали.

Во-вторых, очень многоопределяющим фактором успешности для САСШ было наличие у них к тому времени мощ-

ных, скоростных самолётов, летающих на высоте до 22 000м. Наши МиГ-15 в то время летали не выше 10 – 12км и были менее скоростными. И наши РЛС были весьма несовершенны в улавливании радиолокационных целей. Но это умело маскировалось. На видимые цели станции просто не подавали сигнала, и это сбивало с толку «англосаксонских супостатов». Честно говоря, если бы вояки США знали тогда об истинном положении дел, они могли бы нас уничтожить. Но к счастью не знали, а потом уже боялись, ибо наша бомба была сразу мощнее их бомб в двадцать раз!!!

Но задача перед амерами была поставлена. И амеровские самолёты, базировавшиеся повсюду: в Гренландии, Норвегии, Турции – и так далее, вблизи наших границ, достаточно нагло, и откровенно насмехаясь над нашими бессильными перехватчиками ПВО, пролетали – и даже большими группами пролетали – с севера на юг до Ирана и Турции, и обратно, через всю нашу страну. Наши локаторы их не видели. Наши лётчики зато иногда их видели, даже пытались брать «на таран», но это практически не приносило никакого эффекта. С этих самолётов разведчиков вся территория нашей страны фотографировалась самой совершенной тогда оптикой. На каждом самолёте-разведчике было установлено по 11 фотокамер, дающих отчётливые снимки поверхности на расстоянии до 100км. Они летали по ночам, освещая поверхности и объекты авиационными осветительными бомбами, и по изменяющемуся размеру отбрасываемой

объектами тени спецсы легко определяли размеры строений на земле. Долгое время высокое авиационное начальство нашей страны даже считало, что сведения о таких самолётах – просто выдумка. Ну не могут летать самолёты на такой высоте! Но когда 1 мая 1960 года усилиями и умением ракетчиков 57 ракетно-зенитной батареи, охранявшей наш Город – Челябинск-40, был сбит самолёт Пауэрса, все сомнения рассеялись в один миг. К счастью, И.В. Сталин ещё 30.07.1950 года поднял вопрос о создании сверхзвукового мощного истребителя-перехватчика с оснащением ракетами «воздух-воздух».

Трудно нам было всё сразу охватить. И мощностей не хватало. Но! Такой самолёт был создан! Это – легендарный МиГ-19. Он был принят на вооружение даже не дожидаясь завершения Государственных испытаний лётных и боевых качеств самолёта. Очень горячей была обстановка в небе в те годы холодной войны двух мировых систем. Уже 1.07.1960 года был сбит самолёт-разведчик RB-47 «Стартоджет», по обыкновению нагло вторгшийся в пределы Каниного Мыса на севере. Сбит двумя очередями из пушки самолёта нашим лётчиком Василием Поляковым, который второпях, чтобы успеть догнать нарушителя, забрался в кабину МиГ-19 даже без высотного костюма! Наглость США поутихла, но не прекратилась. С 1950 по 1970 годы было зафиксировано 20 000(!!!) попыток нарушить нашу границу. В результате такого «взаимодействия» около 164

американских лётчиков было сбито.

А «ребята» Пашковского, выдрессированные, обученные переносить любые условия и нагрузки, регулярно забрасывались в нашу страну с единственной целью – брать пробы воды, почвы в интересующих разведку США местах. Забрасывались иногда очень далеко от места забора и долго добирались, дабы замести возможные следы. Многих таких вылавливали. Но не всех, разумеется. В пробах, которые так интересовали службы США, специалисты по «изотопным хвостам» – радионуклидным следам атомного производства, обязательно так или иначе выпадающим из атмосферы на землю и просачивающимся в воду, почву, растения – можно с большой точностью определить, какой именно радиохимический элемент получают на данной территории.

Почему можно с уверенностью сказать, что далеко не всех вылавливали? А потому, что каждый год происходили неоднократные слушания в Объединённом Комитете по атомной энергетике Конгресса США на протяжении всех 50-х годов о состоянии атомной промышленности в нашей стране. И каждый год альбом с подробным описанием наших секретных объектов атомного комплекса СССР обновлялся, вплоть до новых схем расположения дверей зданий.

Но двери-то дверьми, а судя по тем данным, которыми располагала разведка США, можно уверенно сказать, что ни одного завербованного агента из высшего или даже среднего звена руководства атомными проектами, у них не бы-

ло. И все сведения, которыми они располагали, были отрывочными, разрозненными, не дающими целостной картины. Именно это и позволило нам накопить силы и необходимую массу оружейного плутония.

А ребята Пашиковского неустанно засылались, сбрасывались на парашютах в северные, труднодоступные и малонаселённые районы промышленного Урала, где было сосредоточено много военных и атомных объектов. Они сбрасывались в темноте ночи или сумерках предрассветной хмари, когда все нормальные люди крепко спят. Они спускались под прикрытием всё тех же осветительных авиационных бомб, ярко светивших ниже парашютистов, ослеплявших наблюдателей, если таковые имелись, и освещающих местность для приземления агентов. А потом агенты, выполнившие задание, в условленное время подбирались на борт самолёта с помощью тихоходных самолётов R2-V7 «Нептун», которые могли лететь на высоте 30-50 м над землёй со скоростью не более 220 км\час, со специальной системой подхвата человека с земли, которая называлась «небесный крюк». А дальность возможного полёта такого самолёта было около 7000 км. Сброшенную и спрятанную амуницию парашютистов поисковые отряды наших чекистов находили в безлюдных уральских районах неоднократно.

Кстати, известный писатель-аналитик А.Ракитин предложил очень реальную версию гибели группы Дятлова на отрогах горы Отортен, связанную именно с такими вот

«светящимися шарами» – авиационными светящимися бомбами – которые местные манси частенько видели в той глухой, и очень удобной поэтому для высадки агентов, местности. Эти бомбы, устроенные по принципу бенгальского огня, закончив гореть, при ударе о землю рассыпались в пыль. Очень реальная версия. И многое становится очевидным и логичным. И диверсанты Паиковского – убийцы по предназначению и призванию, легко могли справиться и с более многочисленной группой студентов – и шары, и исчезновение некоторых вещей туристов – всё вписывается в такую версию.

В 1950 году авиационная разведка США 1000 раз нарушала границы СССР. В 1959 году – уже более 3000 раз. И, разумеется, незамерзающее зимой озеро Карачай с парящей водой, не могло не попасть в поле зрения разведчиков. Они даже подсчитали, исходя из размеров этого озера мощность всех трёх реакторов по $W=286\text{МВт}$ каждый. И подсчитали, что примерно в каждом из реакторов нарабатывается $0,86\text{г Pu-239}$ на $1\text{МВт}\backslash\text{сутки}$. То есть в каждом реакторе $246\text{г Pu-239}\backslash\text{сутки}$.

Не надо недооценивать ум врагов своих.

Но мы успели стать сильными.

И тем не менее, только в 1965 году с появлением на вооружении СССР самолёта дальней радиолокации – ТУ-126 прекратились разбойничьи залёты и даже наглые провокационные имитации массированного нападения «Стартодже-

тов» на территорию нашей страны, тренирующие экипажи на исполнение одного из многочисленных планов уничтожения СССР, которые создавались «союзниками» уже в 1943 году.

И с 50-х годов накануне каждого праздника все силы ПВО и расположенные в местах особо охраняемых объектов военные силы и все военизированные подразделения приводились в условия повышенной боевой готовности. И не даром. Сегодня уже есть опубликованные фотографии, которые были сделаны такими самолётами-разведчиками во время праздников и парадов в крупных городах Союза – Киев, Ленинград, Москва, Мурманск и так далее. ПВО тех городов их не заметили. Знал генерал Ткаченко об этих эпизодах, запрещая всякие парады и шествия праздничные в Городе

В самые ненастные осенние вечера «каминная кампания», как их всех вместе называла тётя Таня, часто всей толпой ходили в театр «Наш Дом», смотрели все спектакли-премьеры и потом, под впечатлением игры актёров и пьесы, пешком возвращались домой, обсуждая жизнь или игру в жизнь на сцене.

Их собственная жизнь в Городе, стиснутая ошетилившимся со всех сторон грозными артиллерийскими орудиями периметром, была по-своему очень устроена, уютна и насыщена, и наполнена таким высоким всеми осознаваемом смыслом, что Стаси, на которую периметр из колючей про-

волоки первоначально сильно «давил», как и на всех, кому внезапно пришлось оказаться в этом Городе, давно привыкла к его существованию и даже находила своеобразную прелесть в таком искусственном защищённом мирке. Ей нравилось это ощущение абсолютной сиюминутной безопасности и доверия ко всем окружающим в любое время дня и ночи.

Она поняла суть этого чувства. Человек с «большой земли» – так называли жители этого Города всю остальную территорию страны за периметром – как бы пропадал, исчезал, выпадал надолго, если не навсегда, из обычного мира и, благодаря чему-то или кому-то, попав сюда, начинал чувствовать себя человеком другого мира. В этом мире все, рано или поздно, пропитывались объединяющим духом исключительности и самодостаточности. Это происходило совершенно независимо от человека.

Разумеется, это был народный подвиг. Тот запал безумного, теоретически невозможного, но фактически свершённого на памяти ещё сегодня живущих людей, героизма создания атомного щита Мира, как бы жил в воздухе, заставлял всех подтягиваться и соответствовать тем надеждам и требованиям, которые налагались местом работы и окружающими. Здесь недопустимо было разочаровать надеющихся на тебя! Это, конечно, прежде всего касалось тех, кто был непосредственно задействован в атомном проекте. В этом проекте не было места ни самодурству, ни расхля-

банности, ни чванству. Здесь создан совершенно уникальный автаркический характер Города и людей, работавших в нём.

Благодаря основателям и первым строителям этого необыкновенного Города, благодаря гению Курчатова, организаторскому гению Берия, техническому таланту Далезяля, Завенягина, Царевского, Славского, Музрукова и всех других, идущих за ними чередой, понимающими, что главный капитал воплощения этой безумной по своим масштабам и срокам идеи спасения Мира – люди, которые сюда приехали, которых привезли, направили, завербовали – самые квалифицированные и ценные кадры, что удалось только тогда найти. И они самоотверженно и бесстрашно, с полной отдачей своих сил и знаний будут трудиться, превосходя самих себя в дерзновении, когда почувствуют совершенно особую атмосферу вокруг себя, атмосферу доверия к ним, надежды на них и благодарности. И ещё каждый ответственный человек должен иметь качественную среду «для отвлечения мозгов» – как говаривал Борода. Чем квалифицированнее и дороже человеческий капитал, тем более полнокровной, разнообразной и духовно богатой среды вокруг себя он требует, как редкий цветок требует особого ухода, и тогда он щедро цветёт и плодоносит.

Городу повезло и с теми, кто формировал его культурную среду, пользуясь особыми правами и полномочиями, повезло и с теми, кто не жалея денег, финансировал самые

претенциозные проекты архитекторов и руководителей будущего комбината. Для страны это была дорогая цена по тем временам, но эта цена была мизерной по сравнению с тем, что стояло на кону в общемировом масштабе. Это понимал Сталин, это понимали Берия, Курчатov и вся команда, немногим более ста человек, которая обязана была выполнить небывалую в мире задачу создания атомного щита мира за три года.

И поэтому первый в Городе театр появился на базе деревянного клуба имени Ленинского комсомола раньше, чем первый атомный реактор.

О бомбе здесь думали в первую очередь, а о людях, которые должны были её сделать, подумали заранее. Это было самым важным решением, определяющим успех безумного по своим масштабам, научной дерзости и срокам создания проекта мирового значения, – создании этого Города и следом за ним ещё нескольких таких же Городов по всей стране чуть позже.

Наступившая зима принесла уже знакомые забавы: лыжные прогулки, вечерний каток с музыкой и каруселью катающихся по кругу, горку и фонарики над прогулочными дорожками в парке.

Иногда на катке Лео замечал и того «валетного», как окрестила его Стаси, капитана. Но после категорического отказа Лео этому валету в танце с его женой, капитан стремился не

попадаться к нему на глаза, хотя постоянно и наблюдал за этой «сладкой парочкой», как он в свою очередь окрестил Стаси и Лео. Как хищник терпеливо ходит вокруг намеченной добычи, так и капитан изучал интересующий его «объект».

Маневры капитана на катке Лео заметил. По старой и вышколенной привычке Лео сразу любопытствовал тогда, откуда этот капитан так внезапно оказался в их окружении. Но ничего особенного не обнаружил. Тот имел пропуск в Город по служебным делам строительной войсковой части. Работал, пока эту службу по факту не отменили, капитаном интендантской службы. А потом он жил в самой части и по-прежнему занимался, но уже в другой по названию должности, «замнач по хозяйству», теми же вопросами снабжения и обеспечения. Останавливался, если задерживался на несколько дней в Городе, исключительно в служебной гостинице.

Но Лео никак это не связывал со странными взглядами сослуживцев и приятелей, полагая, что этот «валет» вплотную занят Ветой.

А в один прекрасный день связал-таки, встретившись с одной и той же ситуацией несколько раз кряду.

– И почему я сразу-то на это внимания не обратил? – Лео от неожиданности даже вздрогнул и с трудом дождался перерыва. В этот день, как это часто случалось, они договорились со Стаси пообедать в столовой. С самого порога обеденного

зала он опять увидел рядом со Стаси, за одним столиком с ней, этого капитана. Тот изредка появлялся в городе. И уже несколько раз Лео замечал его, так или иначе, рядом с женой.

В принципе ничего странного в этом не было. Женщина, которую любят, всегда так сияет счастьем и так излучает его наивно и восторженно во все стороны света, что было бы совершенно удивительным делом, если бы кто-то праздный не соблазнился соприкоснуться ближе с таким чудом, сияющим, как начищенный золотой, явившийся вдруг ищущему взору в серой пыли обыденности или даже обрыдлости его собственной, изо дня в день повторяющейся, скучной жизни.

Капитану Скопичеву, случайно оказавшемуся рядом с этим крохотным, по сравнению с его родным Свердловском, скучным красивым городком, казалось, что все тут ходили, как тупо устремлённые и увлечённые своими делами муравьи, обречённые тащить каждый свою травинку по одной и той же дорожке.

Внешне так оно и было. Но в сути своей, тут каждый «муравей» не тупо, а осознанно и с чувством абсолютной великой необходимости тащил «свою травинку».

Единственное, что капитана Скопичева тут радовало – это высокий оклад и очень хорошее снабжение, сопоставимое со столичным. Да ещё некоторые служебные возможности, радующие его своей простотой. Кроме того, он тут, в периметре, нашел небольшое общество, в котором чувствовал себя достаточно уютно.

Неизвестно, зачем Земля иногда рождает таких людей. Может быть для того же, для чего и щуку? Чтобы крась не дремал?

С самых ранних лет в сознании будущего капитана маленького Вити Скопичева строилась своеобразная личная жёсткая система иерархии интересов и принципов. Неизвестно, каким образом это происходит в человеке. Какие случаи можно было бы считать зёрнами такого именно строения души? Может быть скромные и тихие родители, довольствующиеся всем, что у них было? Небольшая тесная квартирка, скромные деньги, одежда и развлечения? Но факт оставался фактом – Витя стеснялся своих ничем не примечательных родителей. И заранее видел себя в совсем другом обществе и не на последних ролях. Как этого достичь, он не знал. Но кое-что уразумел сразу, интуитивно.

Всё на свете в сознании капитана имело свою цену. Всё абсолютно!

Золотой Телец, видимо, как-то случайно двинул его по лбу своим золотым копытом, и этот отпечаток на темечке навсегда стал главным в жизни мальчика по имени Витя Скопичев. В школе, а потом и в училище, он абсолютно точно знал, от кого и что он может получить ценного, начиная от старшины, в ведении которого так или иначе была каптёрка, и кончая генералом – начальником училища. Ну, с генералами вообще сложно выстраивать отношения какому-то курсанту, поэтому тут курсант Скопичев и не пытался их наладить, и

нечем ему было высовываться. С военными науками дело у него обстояло весьма, и даже более, чем весьма, скромно. Но прошедшие войну генералы были достаточно благодушны и по-отцовски терпеливо пытались из всех курсантов сделать «военную косточку», и не торопились их отчислять.

Из-за установившейся постепенно и кропотливо выстраиваемой дружбы с ефрейтором из каптёрки, на которую Скопичев тратил все деньги, которые имел в своём распоряжении, у него возникли хорошие перспективы совсем в другом направлении. Менее опасном, чем дружба с генералами. Он «просто так» дарил ефрейтору папиросы, иногда незаметно приносил из увольнительной «мерзавчика» в широких брюках-галифе. Кулёк с семечками или горсть карамелек, красивый конверт для письма, и многие другие копеечные приношения размягчили сердце материально-ответственного ефрейтора, а однажды состоявшийся разговор по душам о сиротской судьбе Скопичева, который всеми своими родными позабыт-позаброшен из-за козней отчима, – которого у него, правду сказать, и не бывало никогда, поскольку отец родной был в добром здравии пока что – и совсем растопили ефрейтора под пару раздавленных шкаликов. Сам Скопичев не пил.

Но он давно и прочно усвоил, что копеечные услуги, комплименты и презентики – прекрасные «подчинители» воли одариваемых. Презентики Скопичев щедро приправлял ещё одними безотказно работающими «подчинителями» – сло-

вами лести и признания превосходства нужного человечка над своими личными достоинствами Вити Скопичева.

Любой мало-мальски смыслённый манипулятор, несколько раз поговоривший «по душам» с испытуемым, легко нащупывает нужные точки. Скопичев был даже талантливым манипулятором. Хочешь жить – умей вертеться. А он хотел не просто жить, а жить красиво!

И с тех пор у Скопичева была самая новая шапка, самый новый ремень и даже бушлат. А при посещении бани он неизменно получал новый, никем ещё не пошорканный кусок мыла, новое полотенце и крепкое бельё. Особо свою дружбу с каптёркой Скопичев не афишировал, но в любой свободный час, когда мог, активно изучал тайны обращения материальных ценностей и их учёта. Тайн было много. Особенно в учёте.

В те послевоенные годы, когда Скопичев учился, повсеместно происходил возврат в народное хозяйство всего, что некогда было у народа изъято на нужды фронта и теперь стало ненужным. Эти возвраты оценивались тоннами, тысячами штук, вагонами, начиная от белья и кончая тягловой силой, постепенно высвобождаемой от восстановления разрушенной страны. И чего там только не было в этих тысячах тонн, тысячах штук и в тысячах вагонов! И весь этот поток проходил по интендантскому «тракту» учётов и перераспределений.

Возможностей их усовершенствовать среди таких остоло-

пов, которые за семечки и «мерзавчика» готовы вынести со склада, что угодно, а за рупь продать – ещё больше.

С большим удовольствием Скопичев вступил в интендантскую службу, куда другие более амбициозные его товарищи никак не хотели идти. Тем более, что уже ходили разговоры об упразднении её, как таковой. К моменту окончания училища про деятельность службы интендантов в самом низу, по крайней мере, он знал всё. Даже то знал, как в каптерку попадают люди особенные, ловкие, предприимчивые и не отягощённые партийными принципами. Эти должности даже «продавались» теми, кто демобилизовался с этих мест, тем, кто, так или иначе, претендовал на эти места. Не всем, правда, купить это удавалось. На любом рынке, как известно два дурака и один умный. Один продаёт, другой покупает, а третий выгоду извлекает, надрвав обоих. Старшину-то редко кому удавалось на хромой козе объехать за «просто так».

Кстати, есть, похоже, один объективный закон, который объясняет, почему человечество ничему не учится на своём опыте. И особо удивляться тут нечему.

Вот, например, Великое Поколение Победителей, которым к моменту нашего рассказа было немного за пятьдесят, спокойно и гордо работали, уверенные, что уж их-то потомкам осталось только с честью и самоотверженно продолжать дело отцов. Чего так не жить-то!? Мир! Мир же!! Люди?!

Но есть в процессе развития общества один маленький поганый такой закон: «как только где-то становится слишком сытно и тепло, там непременно и быстро заводится плесень, либерота и подлота». Этого Победители ещё не знали и не видели. Они очень хотели, чтобы их детям – в общем смысле этого слова – жилось лучше, чем им самим. Это же нормально в общем-то?

Нормально, конечно, если это самое «лучше» добыто трудами самих их детей, а не просто по наследству получено.

Даром полученное наследство никогда особо не ценилось, нигде и никем. Это станет совершенно очевидным в начале третьего тысячелетия в разваливании неучами, добравшимися до управления некогда могущественной во всех отношениях Мировой державы – СССР.

Вообще говоря, после училища, будучи зелёным младшим лейтенантом, Скопичев даже женился.

И сразу о*уел!

Та, которой он сделал честь, взяв её, немного им же попорченную, в жёны, посмела претендовать на самое святое. На его кошелёк. Пыталась вместе планировать их хозяйственные расходы, хотя и хозяйства-то никакого не было. Какое это хозяйство – комната в общегаге?! Требовала, чтобы деньги были их общими. А с какой это стати? Ребёнка нет, и она сама работает?

Ну, за ужин он был согласен ещё платить, так как ужинал дома, а в остальном: «Возьми свою куклу и отдай мой горшок!»

Он в мужа не напрашивался. И этот безрадостный брак, даже не успев ничего свершить, бесславно распался к общему озлоблению и поумнению. И тут лейтенант Скопичев понял, что, как и всё в мире, женщины тоже стоят определённую цену. За всё надо платить.

А чтобы платить, надо ещё разобраться, кому тут и за что он захочет платить. Можно было бы и не разбираться, а искать, просто перебирая товар, но достаточно строгие и консервативные в те времена нравы никому не давали возможностей особо разгуляться в своих желаниях, а желания терзали тело лейтенанта по ночам, утрам и вечерам регулярно и беспрестанно.

Впрочем, послевоенные женщины возрастом постарше, оставшиеся без мужей и ещё не потерявшие своей женственности, в некоторой своей части, были вполне доступны и очень недорого. Некоторые же из них за одну только надежду удержать возле себя этого высокого, кареглазого с восточным налётом брюнета двадцати четырёх лет сами платили за вино, вкусные котлеты, свои квартиры, дрова и бельё.

Надежду удержать его, и даже не одну за сезон, старший лейтенант стал подавать женщинам часто и щедро, и, по мере получения опыта, он точно и жёстко уяснил себе, что женщины делятся на три класса:

Во-первых, бл*ди себе на уме, которые стоят дорого и очень дорого, и они тоже умеют считать деньги.

Во-вторых, дуры конченные – этих было абсолютное большинство. Они хотели замуж. Очень хотели, напуганные тягостными историями матерей-вдов и матерей-одиночек. Настолько хотели, что не видели совершенно не скрываемую им цель попробовать, так сказать, вначале блюдо, прежде, чем купить его. Он и пробовал. И если оно ему не нравилось, а пока он не нашёл, то, что ему бы понравилось, – сама виновата, дура.

К третьему, самому желанному для себя, классу он отнёс тех, кого сегодня называют Умные Стервы. Этых издала он тоже видел, но пока не был «удостоен», так сказать. Эти стоили, наверное, всех денег, что у него было накоплено немалыми стараниями над усовершенствованиями отчётов.

И ещё бы и не хватило.

Но эти королевы жизни мужей своих обычно продвигали весьма энергично, используя неизвестные ему механизмы. Это он не раз имел случай наблюдать, изредка вращаясь в толпе своих начальников и начальников их начальников.

Эти женщины были везде шахматными королевами. Они все давно и безнадежно были за кем-то замужем. Но взгляды некоторых из них он на себе ловил. Это давало надежду.

К этому времени старший лейтенант интендантской службы, наблюдая из скромного угла для младших подчинённых за своими начальниками, что были более-менее молодыми,

освоил, не только теоретически, но и практически, несколько полезных, безотказно действующих на всех «подчинителей». Тщательность в одежде, атрибутика в виде часов, сорта папирос, заколки для галстука, всегда блестящая обувь и главное манеры значительно и редко говорить, вовремя молчать и смотреть на женщин «умным» взглядом. Они ж сами просят: «Глазами умными в глаза мне посмотри...»

Он с успехом пробовал это на «дурах конченных». Женщины, когда они без нижних сорочек, все, ведь, в основном одинаковы. Это он тоже усвоил.

Вета и её кампания с удовольствием приняли новенького, вносившего некоторое разнообразие в их кружок, давным-давно сросшийся всеми корнями общей истории их жизни в этом городе. И именно оживлённое шушуканье и раздраженные взгляды новых приятелей обратили впервые внимание капитана на Стаси и её мужа.

Счастлирое сияние Стаси тоже бросилось ему в глаза, как и многим до него бросалось. Но все остальные были местными и давно понимали, с чем встретились. Лучистая, бьющая фонтаном, радость Стаси снисходительно оберегалась всеми, кто знал её и семью Воротовых. Но, как истый и наивный невежда, уже уверенный до болезненности в своей неотражимости, и «уже капитан», Скопичев решил, что это только ему так «свезло», и он первым увидел золотник в пыли серой скуки этого городишки.

Эта «штучка» точно была из породы многообещающих

стерв. Однажды он слышал о какой-то давней истории, в которой она чуть ли не генерала поставила держать чуть ли не судно под больным, или что-то в этом роде, он не расслышал точно. Она никогда не опускала глаз при разговоре, не смущалась и не стеснялась переспрашивать, если не понимала чего-то.

Разглядев Стаси на вечеринке у Лены и Глеба и получив вполне понятный ему резкий отпор её мужа, Скопичев сразу решил начать осаду по всем правилам пижонства и донжуанства. Он рассмотрел расписание Стаси в поликлинике и при любом удобном случае пытался оказаться поблизости. Столовая была идеальным местом для невинного знакомства и даже лёгкого, ни к чему не обязывающего флирта.

К великому сожалению капитана, Стаси не так часто появлялась в столовой, а если появлялась, то вскоре тут же появлялся её муж или приятели, с которыми она охотно заводила разговоры, практически не замечая капитана, с которым её никто не знакомил, а на той вечеринке она его и не видела, и не запомнила. Её тогда больше интересовало, как Вета себя поведёт, встретившись за одним столом с ними. Поэтому Стаси была искренне рада, что у той, оказывается, есть кто-то, кто за ней ухаживал и всячески её обхаживал, и «её танцевал». Стаси совершенно расслабилась на этот счёт, и ей не было никакого дела ни до кого, когда рядом с ней был её Лео.

Но уже несколько раз с невинной улыбкой капитан просил

разрешения приземлиться за её столиком и во время обеда пытался вести весёлые разговоры, спрашивал на положении новичка о местных магазинах, развлечениях, заодно интересовался её пристрастиями, отметив про себя, что эта бабёнка – крепкий орешек, раз он так ничего про неё и не узнал до сих пор. Она очень внимательно смотрела на него, и ему становилось не по себе.

«Ничего! И не таких обламывали. Тем интереснее будет приз! – шурил свои маслянисто чёрные глаза, которые почти все женщины считали очень красивыми, пытаясь гипнотизировать эту докторшу-недотрогу через стекло столовой. – Видал я таких недотрог. Потом готовы сапоги лизать. И эта будет. Смешной у неё мужик. Даже обручальное кольцо ей не купил. Не так уж и дорого оно стоит. Ходит в каких-то свитерах, резкий, как понос, вечно лохматый, как артист. А говорили, что тоже из офицеров. Какой он, нахрен, офицер? Стрижки нормальной нет – капитан пригладил и без того прилизанные и набриолиненные волосы, разделённые чётким, как директриса полигона, пробором. Чёрные усики над губой делали его похожим на какого-то brutального и загадочно-неподражаемого офицера царской армии, как втайне надеялся про себя капитан. – Побольше напору и твёрдости – и дело в шляпе. Они любят жёсткую руку, сучки. Они же все настоящего мужика вечно ищут. Будет тебе настоящий. Ещё поваляешься у меня в ногах. Все валялись, и последняя тоже свалилась, как почувствовала, что конец её дури при-

ходит. Так и завыла. А нечего было отказываться ехать. И с ней, и без неё старуха бы померла. Да и к лучшему всё. Хорошо, что не поехала», – капитан задумчиво курил папиросу, глядя с крыльца столовой на воркующих за столом голубков, Стаси и её мужа

Они его раздражали. Изредка докторша бросала на него взгляд, внимательный и короткий.

– Ничего, ничего, Анастасия Павловна, ещё потанцуем, Стаси, надо же имя придумала! Оригиналкой хочет слыть. Прослывёшь ещё. Мне бы только полковником стать. А там рукой подать и до... Какие твои годы, стервочка! А уже генералами крутить пробуешь. Молодец! – на мгновение ему вспомнилась другая тоже с оригинальным именем, то ли своим, то ли придуманным для пушей оригинальности – Стэлла. И ему, как всегда, становилось её даже немного жалко. Она так орала, что пришлось даже слегка придушить дуру, чтобы соседи не испугались. Обошлось. Пришлось до полу-смерти напоить, правда. Он даже на такси довёз её до дома. – Но как же она смешно ковыляла к своей мамашке на крылечке у подъезда. Ножонки-то в разные стороны вихлялись. Ну, что ночью с пьяной идиотки возьмёшь? Нечего орать было. Сама виновата, дура! – капитан докурил папиросу и сошёл с крыльца, бросив напоследок в сторону докторши свой масляный взгляд, и та явно вздрогнула вдруг, отведя глаза, она следила за ним. – Ну-ну! – насмешливо скривился в улыбке капитан напоследок.

Стаси, если была одна в столовой, обычно старалась быстрее закончить обед и уйти от непрошенного соседа. Но в следующий раз, когда ему это удавалось, капитан подсаживался к ней уже на правах знакомого, не особо спрашивая её согласия. Во-первых, тут не ресторан, места не куплены. А во-вторых, капитан точно знал, что женщины любят настойчивых, немного нагловатых и твёрдых мужчин. Его последняя всегда говорила ему, что именно эта черта в нём покоряет баб.

И в этот день капитан приземлился за Стасиным столиком и уже успел проглотить первое и второе, наговорив при этом несколько двусмысленных комплиментов.

Правда, в этот день она была не в духе, и когда он очень живописал ей, насколько она выделяется из толпы этих серых женщин абсолютно всем, и начал перечислять, чем именно, говоря, что она является мечтой каждого тут нормального мужика, включая и его, она вдруг неожиданно хладнокровно и смело глядя ему в глаза сказала: «Да, да, я очень хороша, все мне об этом говорят. И это всё? А что же Вы, капитан, не упомянули, что я – сам Бог от медицины? И не упали ниц? И что Вам от меня надо за все эти Ваши пошлые комплименты?»

Этого Скопичев никак не ожидал от неё. Обычно она просто усмехалась на его потуги и уводила разговор в сторону, подальше от личностей, если ей приходилось ещё невольно оставаться тут.

Именно в этот момент в дверях столовой, как всегда, появился её муженёк, на минуту задержавшийся у раздевалки и стремительно прошедший в зал.

– Привет, – Лео, садясь за стол, сказал это почти сухо, обратившись к Стаси.

– Добрый день, Лео. Вот, я уже принесла для тебя, – Стаси, улыбаясь, пододвинула ему поднос, накрытый чистой салфеткой.

– Я вам не помешал? – безразличным голосом осведомился Лео, снимая салфетку и оглядывая содержимое подноса.

– Ты о чём? – Стаси по-прежнему вся была «вытянута» навстречу мужу.

– Да вот, смотрю, вы тут так мило беседуете о чём-то. Не помешал?

– А как ты можешь помешать? – вдруг задал ему встречный вопрос сосед по столику.

– Как? Это зависит от того, о чём вы беседу ведёте. Если о футболе, – просто послушаю, мешать не буду...

– А если не о футболе? – капитан явно нарывался.

Стаси отчётливо поняла, что ещё слово – и в капитана полетит тарелка с котлетой, которую Лео молча и задумчиво поворачивал вокруг оси.

– Лео, просто я рассказывала товарищу капитану... – капитан с усмешкой перебил её:

– Ты, Стаси, рассказывала твоему другу Виктору...

– И о чём же ты рассказывала твоему другу, Стаси? – Лео

заметно побледнел.

– Зачем Вы всё искажаете, товарищ капитан? Это Вы просили меня считать Вас другом. Но это совсем не так. И я не помню, чтобы я Вам разрешала говорить мне «ты».

– Какие мелочи, Стаси. Так вот, она рассказывала мне о вашем театре, – обратился капитан к Лео. – Я большой любитель театра. А у вас тут замечательная труппа, оказывается, работает, и Стаси обещала мне познакомить ...

– А ещё ты любитель чего? Или кого? – Лео бледнел всё больше.

– Лео, он всё переиначивает. Я уже спросила Вас, зачем Вы это делаете, капитан? Я ничего Вам не рассказывала и, тем более, не обещала. Уходите, прошу Вас. И больше никогда, слышите, никогда, не садитесь за мой столик! – Стаси негодовала и возмущалась, а капитан с насмешкой наблюдал за ней, как она почти оправдывается перед мужем.

Публика в обеденном зале столовой уже давно обратила на них внимание, привлечённая явно повышенными тонами мужских голосов.

– Да ладно, ладно. Я уйду. Пока, Стаси. До завтра, – капитан встал и медленно выпил стакан компота, глядя в упор на Стаси. Леона он, как будто, и не замечал.

А Лео смотрел на жену, которая едва сдерживала слёзы и растерянно теребила в руках платочек, стараясь унять бешено колотившееся сердечко.

– Лео, он всё врёт и нарочно всё так говорит. Я не знаю,

зачем он это делает, – тихо сказала Стаси, понимая, что сама спровоцировала эту ситуацию, позволив этому капитану присаживаться за её столик. – Он параноик. Ненормальный.

Капитан не торопясь накидывал на себя шинель, внимательно смотрясь в зеркало, в котором за спиной ему были прекрасно видны Стаси и Лео.

– Хорошо. Я сейчас выясню, зачем он это делает. Только ты мне скажи, а давно он это делает?

– Лео! Ну как ты можешь? Это впервые такое вообще. Он просто иногда садился рядом есть. И всё. Я ему даже имени своего не называла.

– Хорошо. Жди меня здесь. Я скоро, – Лео, не одеваясь, выскочил за вышедшим из столовой капитаном, который торжествующе удалялся с поля стычки, считая, что он выиграл первый раунд и достиг главного: теперь она уже не забудет ни его имени, ни его самого. Пусть вздрагивает и краснеет.

– Эй, друг Виктор, или как там тебя? Подожди. Ты же со мной не попрощался? А это – невежливо так себя вести, – Лео легонько и как-то весело, немного небрежно «загребая» ногами, бежал в одном свитере за уходившим капитаном.

Все, кто был в столовой, кроме Стаси, прильнули к окнам. А Стаси ни жива, ни мертва сидела, сжав лоб руками. Такого позорища она ещё не испытывала. Этот напомаженный хлыщ, конечно, нарочно опозорил её перед всеми. Но зачем он это сделал, она не понимала. И смотреть на улицу

она просто боялась, пока не услышала взрыв смеха от окон. Когда она подошла туда, то увидела нелепейшую картину: капитан, стоя на коленях и без фуражки, которая валялась в стороне, о чём-то говорил Лео, а Лео с готовностью быстро и согласно кивал головой и что-то коротенько спрашивал, держа того за руку, как бы помогая встать, и даже аккуратно и тщательно поправлял серый офицерский шарфик на шее капитана. Но капитан не вставал, мотая головой, пока Лео не перестал ему «помогать вставать». И только тогда, когда Лео опять легонько побежал обратно в столовую, поёживаясь от морозца, капитан начал, неловко скользя сапогами по укатанной дороге, подниматься с колен.

– Сейчас я. Руки с мылом только помою, – всё ещё поёживаясь, весело крикнул Лео жене, заворачивая к умывальнику в фойе столовой.

– Ну вот. Всё остыло, гадство. Девчонки, вы мне обед не подогреете по-быстрому? Замёрз я что-то, – задорно крикнул Лео раздатчицам, которые охотно взяли у него тарелки с остывшей едой и поставили их в духовой шкаф.

Стаси молчала. А Лео только мягко погладил её по голове и уткнулся в волосы: «Всё нормально, малыш. Больше он сюда ездить на обед не будет. У них там хорошо кормят. Ну, что ты молчишь?»

– Лео, я тоже больше сюда ходить не буду. Мне очень стыдно за всё это. Спектакль дурного тона.

– А разве я задал тон этому спектаклю? И разве я не дол-

жен был сделать то, что сделал? Я должен был просто так отпустить негодяя, который нагло положил глаз на мою жену? А жена молчала и ничего мне говорила об этом петухе набриолиненном. И что я должен был думать, когда уже раз в пятый вижу его тут, восседающим рядом с тобой? Правда, раньше он сразу сматывался, увидев меня. А тут нате-ка вам! Совсем оборзел, скотина. Ну, а со скотами – по-скотски. Как иначе-то, Стаси?

– Со скотами – да. А со мной?

– А что «с тобой»? Всё нормально. Я просто отстоял твою и свою честь.

– Лео, для начала ты сумел скомпрометировать меня своим глупейшим вопросом, не помешал ли ты нам? Ты сразу поставил меня на одну доску с ним, а себя на другую. И этот тип мгновенно этим воспользовался. Это человек с больной психикой скорее всего. А ты повёлся. Он назойливо уже несколько раз предлагал мне дружбу. И каждый раз я спокойно возвращала его в его скотское стойло. А сегодня он спровоцировал скандал на всю Европу, воспользовавшись твоим изначальным раздражением. Вот и всё.

– Несколько раз?! И ты мне ничего не говорила? – в этот момент услужливые работницы, восхищённые действиями Леона Воротова, принесли ему подогретые тарелки. – Спасибо девушки. Спасли мою котлету, – Лео ласково и расслабленно улыбнулся двум раскрасневшимся девахам из раздаточной команды.

– А почему ты им так улыбаешься, как будто бы меня тут совсем нет? – вдруг тихо спросила его Стаси.

– Как улыбаюсь? Нормально я улыбаюсь. И про театры с незнакомыми мне девушками разговоры не веду. И ничего не обещаю, между прочим, никому.

– Лео... Нет, я лучше промолчу. Ешь, пока горячее. А то снова придётся просить этих милых девушек подогреть тебе тарелки.

Остатки обеда прошли в гробовой тишине. При расставании около крыльца поликлиники Стаси случайно или не случайно, но уклонилась от его обычного поцелуя и не исправилась, как обычно, смеясь и наклоняя мужа к себе.

– Хм. Я же ещё и виноват. Надо было этому козлу ваще руку сломать. Не будет он «больше»... Конечно не будет. Второй раз я его совсем придушу, и уже не шутя. Но почему она мне ничего не сказала, если чувствовала в нём опасность? Я для неё не защита? Может, я уже и не совсем муж? Измена не только та, которая происходит в постели, главная измена всегда происходит в мозгу, – и чем дольше так рассуждал Лео, тем больше он себя накручивал, не желая признавать, что Стаси была права, что он первым задал тон общения с этим мерзавцем в столовой.

Стаси запаздывала к ужину. Отец уже раза три смотрел на часы: «Что-то Стаси сегодня задерживается? Ничего не говорила? Дежурство, может, какое?»

Лео в ответ только неопределённо пожимал плечами. Он и сам уже беспокоился отсутствием жены. За окном падал снег крупными хлопьями, кружившимися в волшебном танце на тёмно-синем фоне неба под яркими уличным фонарями.

– Я уже звонил в поликлинику, давно оттуда ушла. Что за идиотская привычка не предупреждать о своих посиделках за рюмкой чая? Наверняка где-нибудь в кафе сидят, отмечая чей-нибудь праздник. А на меня ей наплевать, получается.

– Лео, может быть, другие дела просто?

– Какие ещё дела могут быть в одиннадцатом часу ночи? И куда идти её встречать? Я уже замёрз ходить тут от дома и до парка.

– Лео, ну чего ты кипятишься? Тут город-то? Фиг да ничего. Это в Москве страшно в этих проходных дворах. Может, внезапное дежурство какое? Васе звонил?

– Нет у неё никакого дежурства. Звонил. Васи дома нет. Тётя Таня говорила, что у него там дело какое-то срочное, просил не беспокоить.

– Лео? Уж не ревнуешь ли ты её?

– И что?

– Ничего. Оскорбительно это для Стаси. Только и всего.

– Ха! Вон, полюбуйся!

Под фонарями на КПП появилась фигурка Стаси, которую под руку поддерживал военный в высокой папахе, несший в руке авоську с продуктами. Под фонарём они остановились, военный поднёс руку Стаси к губам, за снегом это было вид-

но лишь смутно, а потом отдал ей сетку в руки, отдал честь и удалился.

– И кто это, хотел бы я знать? – и Лео почти удовлетворённо подумал, что правильно он этого красноклювого ко-соглазого Аиста повернул, и совсем не случайно она от него отвернулась на крыльце!

– Это? – отец внимательно пригляделся к фигурам под фонарём. Это генерал Васюков, судя по машине. Беда у него. Жена болеет.

– Васюков? Пётр Данилович? Похож. Пойду, котлеты разогрею по-быстрому.

Стаси вошла в дом вся запорошённая снегом. Так выглядят люди, которые долго гуляли под мягким снегопадом.

– Ты где была, Стаси? – стряхивая с воротника её шубки прилипший снег, спросил Лео.

– Прогулялась немного по улице. Надо было с мужем пациентки поговорить. Операцию мы сегодня делали. Я была вторым ассистентом у Василия Петровича. Давно хотела посмотреть такую операцию. Голова что-то разболелась, – тихо и как-то опустошённо отвечала она, стягивая бурки с ног, упираясь носком в пятки.

– Удачно операция прошла? Генерал сам не свой ходит, – Сергей Дмитриевич аккуратно отставил бурки ближе к батарее.

– Скорее всего – удачно. Опухоль похожа на доброкачественную, так Василий Петрович говорит. Нужен анализ.

– У меня цитрамон от головы есть, дочка. Сейчас принесу. А давление ты меряла? – заботливо спрашивал отец, третий раз ставя греться электрический чайник. – Видишь, какая метель расходится. У меня тоже голова побаливает, как и всегда на снег.

– Нормально всё, папа. Просто день трудный выдался. Ты разбери там, пожалуйста, авоську, пап? Отоварились в магазине, вкусняшками всякими для настроения, а тут на операцию пригласили, – Стаси обеими руками держала бокал с чаем, уперевшись в него взглядом и согревая ледяные пальцы.

– Есть будешь? Мы тут котлеты твои разогрели, – неуверенно спросил Лео.

– Нет. Спасибо. И я в обед уже съела котлеты. До сих пор есть не хочется. Мне бы лечь поспать, – полу утвердительно сказала Стаси, допивая чай. – Мёрзну что-то.

– Ты не заболела случаем, доченька?

– Да нет, па. Просто надо этот день переспать, – Стаси на мгновение прислонилась к отцу и тут же, как бы боясь его потревожить, отшатнулась. – Спокойной ночи, папа.

– Лео, что случилось, сын? – отец, прислоняясь лбом к холодному стеклу, вперился в летящую за окном метель, которая стремительными чертами пролетавшего снега чертила за окном сплошное снежное неистовство.

– Ничего, просто устала, наверное, – Лео медленно и тщательно мыл посуду у раковины, не поворачиваясь к отцу.

– Сын, ты себя-то слышишь? Не надо мне врать. Я же не

лезу в ваши дела? Просто помни, что у Стаси тут, кроме тебя, да меня немного, и нет никого. Никого. Понимаешь? Ты один за неё в ответе за всё. Один. Я её такой ни разу ещё не видел. Глаза безжизненные, подведённые. И руки, как лёд. Очень ей плохо. Совсем.

– Не волнуйся, па. Мы разберёмся, – Лео остервенелыми рывками вытер руки и вышел из кухни.

Стаси лежала в постели, закутавшись в старый пуховый мамин шарф, привезённый ею ещё из дома, как бы прижимаясь к домашнему надёжному и верному теплу матери. Лео сел рядом. Сегодняшний инцидент рвал его на части тоже, но зачем устраивать трагедию и испытывать почти полуборок, он не понимал.

– Стаси, может, тебя ещё одним одеялом укрыть? – рука Стаси, к которой он слегка прикоснулся была действительно ледяной.

– Ничего не надо. Просто мне надо уснуть, и я согреюсь. Спокойной ночи.

– Стаси, но нельзя же засыпать с такой тяжестью на сердце. Давай поговорим? – в Лео боролись несколько чувств. Его бесило и это тяжёлое и безучастное молчание жены, и это тягостное понимание, что отец всё почувствовал, а может и осведомлён обо всём, осведомителей тут всегда хватало. И чувство уязвлённого самолюбия, что жена даже не посчитала нужным сказать ему про этого козла, и жалость к своей любимой Стаське, которая лежит вот тут и леденеет от

непонятного ему горя, от сквозняка угрожающе носившегося по их пещере.

– У меня голова болит, Лео. Я не хочу сейчас разговаривать.

– Стаси, нет, ты мне просто объясни, и я всё приму: ты не хочешь со мной разговаривать, и поэтому у тебя голова болит, или наоборот?

– Лео, ну какая разница. Я хочу спать. Этого достаточно?

– Не достаточно. Я хочу, чтобы ты хотя бы выслушала меня. Я так не могу. Молча и молча. Ну да, ты права. Я не сдержался. Был раздражен. Ну, а что мне было делать, если я уже который раз подряд вижу этого козла рядом с тобой, и ты мне ничего не объясняешь? Если ты мне, твоему мужу, который тебя любит больше всего на свете, который готов любому пасть порвать за тебя, а не только что руку заломить и придушить чуток этого поганца, запавшего на мою жену, да ещё клевету на неё и ложь всякую готов взвалить, ничего не говоришь? Да правильно я всё сделал, и что запястье ему вывихнул и придушил. Правильно!

– А ты уверен сам, что это – клевета и ложь? – вдруг спросила Стаси.

– То есть?! – опешил Лео,

– А то и есть, Лео, что ты с порога столовой был уверен, что я тебя предала. Зашёл – и сразу был уверен. Допустим, что по отношению к нему ты поступил справедливо.

– А почему допустим-то, Стаси?! Я защитил честь свою и

честь моей жены.

– Да нет, Лео. Сначала ты принародно уничтожил честь своей жены твоим дурацким вопросом, не помешаешь ли ты нам. Понимаешь? На одну доску ты поставил этого негодяя и меня, а себя на противоположную. Изначально! Сразу! Ты сразу допустил, что я могу предать тебя. Я! Тебя! Значит и ты меня можешь так же предать?! Человек не может допустить чего-то такого, что ему самому неизвестно в принципе. То есть, ты вполне это в принципе допускаешь? Правильно? Я логично рассуждаю?

– Стаси, да я так вообще вопрос не рассматривал...

– А как ты его рассматривал, муж мой? Ты же сразу дал ему шанс вести себя по-хамски, задав по-хамски и в отношении меня свой вопрос. Ты ему позволил меня тоже унижить! Но на самом деле меня унижил не он. Такой мерзавец не может никого унижить в принципе, если сам не захочешь быть униженным им. Это ты меня унижил. Ты, Лео. Я же сказала тебе, что несколько раз спокойно ставила этого скота на место в его стойло, где ему и положено быть. А тут мы сравнялись с ним. Ты видел его взгляд? Я, если честно, боюсь. Это взгляд не нормального человека. Он параноик или маньяк. Я на практике по психиатрии встречалась с такими экземплярами. С виду адекватные, нормальные, юморные и даже начитанные люди. Невнимательного и неискушенного человека такие легко обманут. Я не сразу поняла, из-за чего они сидят за двойной решёткой, пока не почитала их дела.

Оба под следствием. Один маньяк-убийца, а другой... другой каннибал. И это не лечится. Это психофизиологическое отклонение. Это конец личности. Сверху оболочка человека, а внутри – зверь.

И этот из них. Я несколько раз общалась с ним очень мелко. Два-три слова. Но как он настойчив, как болезненно самоуверен и почти маниакально упорен в повторении одних и тех же приёмов и попыток? Но, решишь я на него подать заявление за попытку приставать ко мне, никто не поверил бы мне и не посадил его за решётку. А он – точно ненормальный. И я это чётко увидела, когда он сегодня сорвался с катушек, случайно в ярости выплеснул то, что сформировал у себя в голове в отношении меня. Понимаешь? Он – страшный человек. Я боюсь. Поэтому и не говорила тебе ничего, ты же сразу бы взвился и только усугубил ситуацию.

– Стаси, если бы ты мне раньше сказала об этом, вопрос с ним уже давно бы был решён, нормальный он или ненормальный – мне пофигу...

– Как решён, Лео? Кулаками? Ты понимаешь, что ты говоришь? Это какая же у тебя жена тут завелась, что её кулаками отбивать надо от проходимцев и сумасшедших? Это же позор, Лео? Я думала обойтись менее травматичными действиями. Иногда таких удаётся отвлечь на другой предмет интереса, на искусство, например, на книги. На что-нибудь ещё. Но теперь и я вижу, что это была напрасная и абсолютно глупая мысль.

– Да не собираюсь я кулаками с этим дерьмом биться. Хватит и того, что я ему запястье растянул, может и подломил слегка, на три-четыре недели хватит. Не в этом дело. Кстати, я рапорт Гречу подал за своё неофицерское поведение. Рассмотрят. Дело в другом. Я поподробнее этим капитаном занялся, и выяснилось, что этот тип не имеет права по своим должностным обязанностям сколько угодно долго находиться в периметре и свободно по своему желанию тут передвигаться, где хочет. Ещё предстоит разобраться, кто ему этот пропуск выписал и за какие такие блага. Он очень любит посещать ювелирный отдел в магазине и всегда уходит не с пустыми руками. Он по сути завхоз стройбата, что у нас за периметром. И снабжение всё у них идёт через Кыштым. Он – не спец. Значит, налицо грубейшее нарушение порядка охраны Гостайны. Такие вот дела. Больше ты его тут не увидишь. Так что – не бойся его больше. Ну а мне выговор, наверное, влепят, за унижение офицерской чести и достоинства в общественном месте. Но я апелляцию подам. Я так Гречу и сказал. И свидетели есть. Отобьюсь, – Лео встал на колени около кровати и уронил голову на руки Стаси. Ему так хотелось, чтобы она, как обычно бывало, пошебуршила у него на затылке пальцами, перебирая волосы.

– Стаси, ну погладь ты меня по голове моей дурацкой квадратной, хоть!? – почти взмолился он, тихо рыча.

– Не буду. Пусть тебе разносчицы тарелочки греют и волосёнки твои шебуршат. Ты им очень понравился! Просто

очень! Так глазами влажными со слезой и провожали до порога. Разулыбался, там, как кот на сметану заоблизывался, – Стаси фыркнула и сжала руки на груди

– Стаси, а это ты о чём вот сейчас? Что, ты хотела, чтобы я этой ледяной котлетой подавился? Или чтобы я им скомандовал, чтобы они быстро «шагом марш» с тарелками, остывшими по моей же вине, промаршировали? Я тебе сегодня два раза котлетки разогревал, между прочим. Сам. Без команды. А отец с чайником ворковал, всё ждал тебя. Он тебя вообще любит больше, чем меня. Уйду в детдом!

Стаси стало смешно, и Лео, мгновенно уловив этот смешок, который специально вызывал, ввернулся винтом между её рук и, обняв свою любимую Стаси, прижавшись ухом, слушал биение её сердца совсем рядом. Они снова были в своей пещере и все сквозняки и холод исчезали, уступая место теплу быстро и привычно нагревающему стенки их пещеры и ласкающему лепестки чудесного замёрзшего цветка, снова распустившегося во всей своей красоте и неге...

– Лео, я даже представить не могла, что в моём любимом, сильном и взрослом мужчине живёт такой глупенький ревнивый мальчишка...

– А вот живёт! И будет всех лупить за свою Йони! Пусть только попробуют к ней подсаживаться...

– Теперь уж точно никто не подсядет! – Стаси рассмеялась, утопая в его фирменном поцелуе.

Это так классно – прощать любимого!

С утра Сергей Дмитриевич с удовольствием выпил пару чашек какао, которое Стаси очень любила пить по утрам вместо кофе. Руки Лео всё утро постоянно находились где-то на теле жены и губы тоже. В семье воцарился мир прежнего солнечного настроения Стаси и совершенно балдежного состояния Лео, а значит и отца, который усиленно закрывался газетами от их мурлыканья и напрасно пытался погасить довольную улыбку и вникнуть в читаемое.

Незадолго до этого он видел, как сын тихо в одних трусах пробежал в гостиную.

– Наверное аиста поправлять? – добродушно подумал отец, включая чайник. – Опоздал ты, сынок. Она уже поправила.

– Вот же чёрт! И когда она успела всё это поправить, гармонию свою? А ты чего лыбишься тут нагло? И этот твой глаз не умным и задумчивым тебя делает, а просто косым Аистом он тебя делает. Но как же я так уснул-то под утро, как бык? Ничерта не чувствую. Так и жену проспять недолго. Ты мне смотри тут! – и Лео щёлкнул легонько по красному клюву косоглазого Аиста, который скорее всего в другом лагере предпочитает служить по ночам. – Вот уж не думал, что и за три часа можно в принципе выспаться прилично. Хорошо, что Стаси сегодня к обеду только. Выспится ещё моя Йони любимая.

Это была первая размолвка молодых, которая нанесла тому и другому серьёзный урон и одновременно преподавала

урок. Стаси несколько дней казалось, что тот день унёс у неё несколько лет жизни, так плохо она себя чувствовала, как потерявшая надёжную опору, пока Лео не оказывался совсем рядом с ней, тут же. Постепенно баланс восстановился, но не сразу забылся, как не сразу затягивается временем царапинка на блестящем боку новенького самовара.

Лео вполне осознал и принял упрёки Стаси в недоверии к ней. Ведь, если уж по правде сказать, он многое надумал, ему захотелось быть обиженным, как ребёнку иногда взбредает в голову мысль, что его все не любят, потому что Стаси ему о чём-то возможно не говорит. Она права. Это он, муж её, предал свою жену, допустив вероятность её измены или хотя бы невинного флирта.

– Хотя почему это «хотя бы невинного флирта»? Такого не существует в принципе. Любой флирт – это звонок в чью-то дверь чьей-то пещеры, если таковая вообще имеется. Измена и флирт это вполне сопоставимые между собой явления, – из-за этих мыслей Лео было стыдно и гнусно на душе. И часто всплывал в сознании вопрос: «И я смог бы предать Стаси?! Смог бы флиртовать?»

Некогда он охотно флиртовал с девчонками. Но сейчас, только при мысли об этом, тотчас возникало неприятное чувство, которого раньше не замечал. Правда ещё раньше когда-то, когда был пацаном, иногда возникало нечто похожее – брезгливость вообще ко всем чужим бабам.

Время всё приглушает, даже самые яркие эмоции и пе-

реживания. Но на всех дверях крокодилей пещеры отныне повисли невидимые контрольные паутинки. Повисли где-то глубоко в подсознании. И это почти неощутимо, но пакостно, вдруг объединило их, таких нежно любящих и так страстно любимых друг другом, со всеми другими самыми обычными людьми, которые вполне допускают и даже подозревают свои половинки в неверности, подлости, предательстве. И мирятся с этим. И это самый гадкий результат постороннего влияния на первозданные чистоту и преданность двоих.

Из-за публичности произошедшего исчезла необыкновенность и избранность их союза, став достоянием обсуждения посторонними людьми их интимной жизни. Появилась почти незаметная царапинка на сверкающей, ранее всё отражающей от себя, поверхности их общего мироощущения.

И такую царапинку очень видно, пока жёсткая щётка несовершенства устройства жизни и окружающих людей не пройдёт сплошняком по этой поверхности, затушевав ту, самую первую крошечную, но болезненную, и через некоторое время даже ставшую смешной царапушку.

Настоящий не поддающийся ничему, как алмазная грань, блеск абсолютного доверия возникает, когда все эти жестокие щётки не раз и не два пройдутся по жизни и отполируют навсегда то, что осталось, если оно изначально было, конечно, под верхней, нежной и чувствительной кожицей молодости, юной наивности и призрачных мечтаний, постепенно теряющих сияние и лоск от шелушащихся лохматух обид,

разочарований, бед, придуманных несчастий и коросточек мелких предательств.

Впрочем, резкий мужской демарш взбешённого Лео сразу резко исправил ситуацию, внушив уважение к их семье со стороны свидетелей эпизода в столовой, что и расплзлось мгновенно по всем волнам сарафанного радио. Капитан исчез. Об этом постепенно забыли. Почти все.

Глава 13. Наконец-то

Наступающая зима катилась, как огромный ком сверкающего, всё подчиняющего себе зимнего хоровода праздников. День Седьмого Ноября – Красный день календаря, прихваченный первыми морозцами, а потом радостный по-детски, нарядный Новый Год, с огромной ёлкой на главной площади Города, горка в парке, лыжи, санки, на которых и взрослые катались в Новый Год, как дети, и повсюду кожура мандаринов в урнах, разноцветные огоньки над катком. Потом наступило 23 февраля с коротким, но торжественным среди рабочего дня поздравлением всех воинов, бывших и настоящих. И в конце, с ещё тающим снегом, эстафету приняли весенние праздники. Открывал весенний парад праздник, посвященный любимым женщинам – Восьмое Марта.

Кстати, неплохо знать, что идеологический, но негосударственный, и всеми почитаемый праздник мам, жён и бабушек, даже и не подозревающих, что впервые этот праздник вообще отмечался не восьмого марта, а шестнадцатого. И только несколько позже, неизвестно каким образом перетащенный неутомимой поборницей свободы в любви, – собственным отцом изгнанной из лона церкви и семьи за разврат – бушующей феминисткой Кларой Цеткин на день 8 марта. В этот день около ста пятидесяти лет назад аме-

риканские проститутки вышли на демонстрацию в защиту их прав. И впоследствии многие дамы полусвета именно в этот день выходили на демонстрации с различными требованиями к властям. И в других странах тоже.

Так что 8 марта – очень странная дата для поздравления мам и бабушек, хранительниц семейного очага. Но... привыкли мы праздновать праздники, не задумываясь об их истоках. А они, между тем, есть у каждого праздника.

Счастливицы, которым очень повезло, дарили своим любимым в этот день случайно доставшиеся им жёлтые мимозы, привезенные из солнечных республик. Других цветов зимой не было, но и обязательного присутствия цветов никто тогда не требовал, они в огромном количестве обязательно присутствовали на поздравительных открытках, которые почтальоны носили десятками килограммов и рассовывали пачками по почтовым ящикам всей страны. Тогда люди любили поздравлять друг друга письмами и открытками, в которых после поздравления обычно коротенько сообщали о своих новостях.

Эпистолярным жанром владели все.

К слову: какими же, всё-таки, целомудренными и чистыми людьми были Победители, мужчины и женщины, прошедшие пламя войны! Как по-человечески тепло и искренне они отмечали все праздники! Никакой фанатерии, никакого тщеславия и горделивости. Они просто чистосердечно ра-

довались, что могут вот так спокойно и уютно сидеть вместе с близкими за праздничным столом и поднимать первую стопку «За мир. Чтобы не было войны!» Это было главным содержанием тех лет, постепенно ослабляющих смертельную хватку тоски по своим погибшим и потерянным.

Уже двенадцать лет, как прошла война, а тут, в Городе, она так и не закончилась. И люди здесь погибали в войне с невидимым и никому точно не ведомым, коварным и беспощадным врагом всё послевоенное время. И «хозяйство Лысенко», как сначала называли кладбище местные старожилы в честь первого известного по фамилии, упокоенного здесь человека, всё пополнялось и пополнялось. Множество безымянных могил умерших и погибших в первые годы строительства просто высились безвестными невысокими бугорками. Не было времени тогда ставить памятники. Лежащие тут – все герои, отдавшие жизнь за нас. Всем низкий поклон и вечная слава и память отныне и до века.

«Каминная кампания» уже безо всякого приглашения, как в привычную кают-капанию, нарядно одевшись, тщательно побрившись и наодеколонившись, вечером завалилась толпой с подарками виновницам торжества. В день восьмого марта и Стаси, и тётя Таня были окружены вниманием и признательностью всех мужчин. Они обе были одарены подарками со всех сторон, трогательными и приятными. Силычи, как договорились, подарили Стаси больших и мяг-

ких медведя и кролика. Сергей Дмитриевич подарил Стаси длинную нитку настоящего жемчуга, а тётке Тане скромные, но крупные янтарные бусы, Силычи подарили своей «субботней кормилице», как они её называли, ажурный пуховый платок и замшевые перчатки на весну, до слёз смутив добрую женщину, не избалованную вниманием и такими дорогими подарками. Подарок Лео Стаси смогла примерить только за дверями спальни, ему теперь доставляло огромное удовольствие видеть свою жену в сногшибательных аксессуарах для их интимных вечеров.

Весна стучалась в дома свистом скворцов в скворечниках, стремительным полётом ласточек-воронков, занимавших прошлогодние свои гнёзда под стрехами, постоянным гомоном ворон, устраивавших в кронах берёз вороны «поселения» с их постоянными драками и гвалтом.

Трава стремительно пробивалась, каждый день закрывая всё большие и большие куски прошлогодней пожухшей травы свежим зелёным ковром.

Каменно-ёлочный садик, очищенный от старой травы, выглядел нарядно и выжидательно, заманивая людей воспоминаниями о прошлогодних посиделках вокруг костра и мангала.

Праздник Первого Мая, все выходные и праздник Победы, который тогда официально ещё не отмечался, но ветераны сами его обязательно отмечали, все мужчины, сняв с себя рубахи от быстро наступившей жары, поддавшись уговорам

тёти Тани, обещавшей им невиданные ещё субботний ужин и пироги, споро вспахивали лопатами ей огород.

А сама тётя Таня плотоядно и вожделенно рассматривала свои кустики рассады огурцов, помидоров, капусты и рассказывала Стаси, какие она, бывало, собирала кочаны, корзины огурцов, вёдра помидоров и прочей снеди, когда в молодости ещё жила в деревне. Налюбовавшись, она бегом бежала доваривать «мальчикам» солянку и вытаскивать пироги из печи, от запахов которых в доме становилось очень аппетитно, но очень жарко. За одним из таких ужинов решено было сложить летнюю печь на открытом воздухе, чтобы не изнывать от жары в доме.

Решено – сделано!

Какой-то всеобщий дух одной большой семьи заразил их всех, никого ни к чему не принуждая и не обязывая. Всем было просто приятно делать что-то полезное, нужное, красивое и прочное для всех них сразу.

Однажды, когда огород был уже вспахан и обновлён котами дяди Мити, привсенародно и под общий хохот, Силычи вдруг исчезли. Молча и таинственно на два дня, сев в этот раз в большую новенькую «Волгу» Юрия Максимовича.

Обратно два приятеля приехали с загруженными на заднее сиденье многочисленными саженцами. Тут «всякой твари по паре на все наши дома», торжественно изрёк дядя Митя и тут же начал копать, заглядывая в справочник «садовода-любителя», ямы под будущий сад.

Вот тут уж Лео понял, что валуны – это что! А вот эти ямы, которые надо было точно по мерке выкапывать, потом «заправлять», как дядя Митя сказал, всякими удобрениями и компостом из дальних уголков усадеб – это вам не фунт изюму. Через неделю все ладони у мужчин были в мозолях, кроме Сергея Дмитриевича. У того мозоли в принципе никогда не появлялись, «хоть уработайся», как он сказал, как и у его матери – дворянки столбовой.

А у Лео мозоль одна на всю ладонь вскрылась и руку пришлось бинтовать. Зато вокруг особняков по периметру стройными рядами встали деревца, привязанные к длинным колышкам, и несколько рядов разных кустов смородины, крыжовника и малины. Красной и жёлтой. Малину посадили отдельно, куртинкой и подальше, чтобы не затягивала другие кусты.

Высадку рассады огурцов и помидор тётя Таня суеверно отнесла до 10 июня: «Вот распустится шиповник, тогда уж и высажу, тогда уж заморозкам не бывать, как старики ране-то говорили».

Девятого он и распустился, яркий нарядный шиповник по всему лесу выпустил душистые яркие цветы, отдалённо напоминающие нежностью своих лепестков дальних своих родственниц – величественные розы. И чёрные грядки тёти Тани запестрели колышками из сучков, веток и других подручных опор с подвязанными к ним чахлыми ящичными бледными растениями.

– Вот лепота-то какая! Как в деревне ровно! А что же землице-то пропадать? Вырастим, – тётя Таня была очень довольна расширившимся хозяйством.

И никто суеверно не заикался, а для кого это всё тут расти будет многие годы и после того, как заложившие сад уйдут, улетят в пределы неведомые.

А оно, всё посаженное, прекрасно прижилось и росло. Цвело, завязывалось и пухло.

Плети огурцов плотно накрыли гряду, с которой тётя Таня через день собирала по тазику огурчиков, заготавливала их на зиму, любуясь банками с оливковыми от уксуса закусочными огурчиками в палец размером. Щедро крошила свежие огурцы в окрошку, которую все уплетали с удовольствием, отказавшись в жаркие месяцы от солянок и борщей в пользу этой непритязательной русской хмельной похлёбки, освежавшей разгорячённые и нагретые жарой тела.

В июле пошли помидоры, сахаристые на разломе и огромные с кулак .

– Это у меня семена «микадо» от соседки остались, – горделиво говорила тётя Таня, нарезаая кружки помидоров поперёк и посыпая их луком, солью и перцем перед ужином. – А вот капусты насолю, кочанами, как раньше делали, вообще пальчики оближете. Ишь, как пухнут. В конце октября уж рубить будем. Ох и сладкие кочерыги тогда станут! Как раз бы скотинку какую кормить. Да где уж...

Коттеджи были собственностью дяди Мити, Юрия Ми-

хайловича, Васи с матерью и Воротовых.

Посвящённым известно, что некоторые коттеджи для спецов, построенные по специальным проектам, которые утверждались на самом верху – на кальках до сих пор сохранились подписи Славского и других великих – после выполнения государственного задания по атомному проекту и награждения всех отличившихся высокими государственными наградами и премиями государственного уровня, были отданы в собственность тем, кого тут оставляли или тем, кто сам мог и пожелал тут остаться. Многие вообще уехали, схватив здесь «свою дозу» на полную катушку, как говорится. Самые отличившиеся из первых тысяч первопроходцев-специалистов получили дома и дачи под Москвой и квартиры в самой Москве, или, где хотели, по новому месту работы, кому здесь оставаться было нельзя. Без «дозы» тут практически из старой гвардии никого и не было, но у многих она была в допускаемых в то время пределах. Сегодня такие дозы считаются абсолютно недопустимыми и даже несовместимыми с жизнью.

Сталин тогда сказал, что наша Великая Страна может себе позволить, чтобы самые её достойные и замечательные Герои труда, могли достойно жить и отдыхать, иметь машины, уважение и благодарность соотечественников за проявленные мужество и героизм. Так и сделали.

Многие, кто оставался на объектах Города, жили, лечились и работали где-нибудь в спокойном месте Города, где «пыли» не было. Такими были и Греч, и дядя Митя. Одним из таких был Сергей Дмитриевич, но говорить об этом он не любил.

А наследника всё не было.

Лео и Стаси, выдумав себе трудную задачу, рыскали в свободное время по окрестностям и всё искали потерявшегося истуканчика, проевшего плешь на голове соседа-истукана примерно миллион лет назад. И этот вытертый до трещины бедолага печально стонал из-за щели в его голове – это потом Лео нашёл причину его еле слышных стонов во время сильного ветра.

И однажды Лео услышал торжествующий крик Стаси:

– Лео, я кажется нашла. Иди скорее. Он небольшой. Увезём!

Истукан лежал «лицом» кверху и в его «глазницах» скопились неровные лужицы недавнего дождя.

– И почему ты решила, что это – именно то, что нам надо, вернее, то, что ты меня заставляешь искать второй год уже? – Лео не понимал логики жены.

– Потому, что я так чувствую. Видишь, у него тоже есть лицо, и он плачет горько и безутешно. Вот тут у него тёмное пятно, как раз на месте плечи у того. И он похож на того и плечами и размером. Только крупнее. Это «он». Ты, что ли, не видишь?

– Я – не вижу. Но если ты уверена, я рад. Завтра привезём. Ты чего, Стаси?

– Мне плохо, Лео... – Стаси медленно оседала на землю, закрыв глаза на мертвенно-бледном лице.

– Стаси, стой! Ты куда? Что с тобой, Стаси? – Лео, подхватив оседающую на землю жену, растерялся совершенно, она молчала, не реагируя ни на что.

Очнулась она, когда он уже бегом нёс её к машине. Там хоть вода у них была.

– Ну вот, и хорошо. Что с тобой, малыш? Ты глаза не закрывай только, сейчас дома будем, в больнице будем, маленькая моя, – в машине Лео положил её на заднее сиденье и выжал газ до отказа, всю недолгую дорогу он, оглядываясь на жену, нёсся, как угорелый, нажимая на сигнал и распугивая прохожих. Так он ещё ни разу в жизни не пугался и не гнал машину.

В больнице, запустив Лео в приёмный покой с женой на руках, врачи сразу положили Стаси на каталку и увезли, закрыв дверь перед носом испуганного до дрожи в руках Лео. Он метался по этому коридорчику, представляя то одно ужасное предположение, то другое, пока Стаси сама не вышла, с совершенно обескураженным выражением лица:

– Лео, он нас выбрал, понимаешь?

– Кто выбрал? Куда?

– Наш малыш, Лео. Дочка или сын, понимаешь?

– Почему именно дочка или сын?

– А потому, Леончик, что других детей просто не бывает, – засмеялся Вася, провожавший Стаси бережно под руку до приёмного покоя.

– Других детей?

– Лео, мы будем родителями через восемь месяцев примерно! Понимаешь?!

– Стаська! Солнышко ты моё. Лапочка ты моя, – Лео, подняв жену на руки, кружился и хохотал, как безумный.

– Лео! Ты давай поосторожней. У неё и так головокружение. Это пройдёт понемногу. Так что бережно и нежно, и спокойно, никаких волнений. Вечером зайду. Если что, Лео, вызывайте. А будущей маме покой и внимание. Витамины и любовь. Всё. Поздравляю! Ну, наконец-то! – суеверно перекрестившись, Вася скрылся за дверью.

Трудно сказать, кто был самым счастливым в этот вечер.

Сергей Дмитриевич ловил каждое движение Стаси, чтобы хоть что-нибудь ей подать, принести. Силычи сидели на скамеечках вокруг мангала торжественные и теперь, прежде чем им войти в дом, тётя Таня выносила им кружку с водой, чтобы они рот после курения полоскали, так как ей показалось, что Стаси сморщилась от табачного дыма возле мангала. У Лео по спине всё время бегали восторженные мурашки и его распирала гордость, что вот теперь он перейдёт из разряда сыновей в разряд отцов и случится это всего через каких-то восемь месяцев.

– Значит, этот малыш запищит тут ...

– Да в марте запишит, в марте, сосчитали уже, – рассмеялись Силычи. В аккурат на весну. Это хорошо, тепло уже будет, не простудить бы, всю осень витамины есть будет натуральные, ишь на грядках-то чего напухло у Тани. Всё, Таня, бабкой станешь! – втайне души Силычи мистически были уверены, что это они своими игрушками «младенчика привадили» сюда.

– И чо? Мы давно уж готовы. Козу бы надо завести, чтобы молоко своё было, не магазинное. Вон в сарайке стены утеплить – и вот тебе овчарня. Доить умею. Будем заводить, или как? Или магазинным дитё травить будем? А то в Нахаловке вон козочку молодую продают, огулянную.

Нет, «травить дитё» никто не хотел, разумеется. И скоро в загончике появилась козочка, на что Лео смотрел совершенно изумлёнными глазами, хотя и видал, конечно их, коз этих, в деревне у соседей своей бабушки Александры Фёдоровны, которая молоко для него самого всегда покупала.

Дед не разрешал Сашеньке, как он бабушку называл, ничего поднимать тяжелее кастрюльки с супом. Бабушка и в деревенском доме всегда ходила строго и по старинному одетая в платья, затянутые широким поясом, как и в городе. Зарплаты деда, большого начальника, вполне хватало на скромные нужды их городской, а летом деревенской, дачной жизни с привлечением помощницы по дому.

Дядя Митя легко снял «козье изумление» Лео, сказав, что он сам накосит и насушит сена за оставшийся летний месяц.

– Эх и-и-и! Я на двух коров накашивал, и то ничего. А на эту-то тваринку маленькую – делать нечего!

Вскоре всё вокруг домов было обкошено и смётано в небольшой стожок.

– Этого заглаза хватит! – уверенно сказал дядя Митя, повесив в сараечке, невесть откуда взявшуюся литовку. К сентябрю и сарай оббили досками и кошмой изнутри, чтобы сухо и тепло было животине.

Если вдуматься, то станет очевидным, что это извечное стремление русского человека к своему хозяйству надёжно защищало наш народ в самые лихие годы. Оно жило и живёт в крови тех, чьи предки жили своей землёй, своей скотинкой. И когда приходилось или приходится что-то такое делать, в руках мужиков, откуда ни возьмись, появляется умная ловкая рачительная сила прирождённого хозяина.

Дед, как помнилось Лео, тоже иногда брался за что-нибудь в доме отвлекаясь от рабочих забот. Сам, утопая в куче душистых стружек, мастерил скамейки, табуретки, ставил красивый, по эскизу Сашеньки своей, заборчик, который Лео потом специально «восхитительно вкусно» красил, и за удовольствие тоже «вкусно» махнуть кистью несколько раз, нагло обирал восхищённых пацанов на всякие безделушки, ровно так же, как оборотистый Том Сойер.

В конце концов, все успокоились, что и ребёнка, и мать

будет чем «натуральным и настоящим», кормить и поить, а тётя Таня стала вынашивать коварный план завести курочек, или даже...

Но смех мужчин её прыть остановил.

Они были уже не крестьяне, это в них оставалось только, как ностальгия по временам, давно минувшим. Генералами уже они были с тысячами людей под началом, если всё сосчитать.

На козе решили остановиться.

Счастливую и сакральную новость все решили особо не разглашать и ничем не выдавать до поры до времени. На этом строго настаивала тётя Таня: «Не дай бог сглазите! Тьфу-тьфу! Молчок, рот на замок! Они в тишине-то лучше растут, без лишних-то глаз до поры. И ничего мне тут чтобы не покупали заранее! Вот родится – всё в один день купите!»

Но, как бы там ни было, а жизнь в доме изменилась. Всё было наполнено ожиданием чуда появления нового человечка. Его присутствие невидимое, но вполне вещественное, ощущалось всеми, как будто маленький ангел летал повсюду, взмахивая своими нежными крылышками. Глаза Стаси сияли счастьем. Она трепетно прислушивалась ко всему, что в ней происходит и тщательно выполняла все предписания Василия Петровича, который свободными вечерами плотно засел за курс акушерства и гинекологии, который основательно подзабыл. А тут – такое!

Дядя Митя быстренько смастерил низенький столик с

ножками, который удобно вставал на кровати перед Стаси, чтобы ставить на него завтрак. Это появилось, как только у Стаси появились первые признаки токсикоза по утрам. Теперь завтрак будущей мамочке подавался в постель, и Лео педантично исполнял все указания Васи по уходу за беременной. По вечерам он прогуливал Стаси по тропинкам парка и вдоль берега, насыщая «организм ребёнка» кислородом.

– Ну что вы все вокруг меня трясётесь? – смеялась Стаси. – Беременность – это не болезнь. Это нормальный физиологический процесс. Не я первая – не я последняя.

– А у нас – самая первая! И единственная! – резонно парировали Лео и отец, продолжая всемерно опекать будущую мамочку.

Сентябрь неумолимо надвигался, в кронах деревьев появились первые робкие золотинки, и повсюду в воздухе залетали блестящие на солнце паутинки. По улицам то тут, то там, важные и гордые будущие первоклассники тащили из магазинов портфели набитые учебниками, тетрадями и пеналами.

– Скоро и наш так же будет, – мечтательно говорил Лео.

– Не скоро, Лео. Ещё целых семь месяцев и потом семь лет. И знаешь, я за эти месяцы стану веснушчатой, и губы у меня распухнут.

– А это ещё почему? – удивился её муж, который никогда до этого не обращал особого внимания ни на детей, ни на будущих мам, тяжело и неторопливо, как нагруженные бар-

жи, проплывающих иногда мимо.

– Метаболизм меняется. И отёки возможны. А может быть и не будет ничего. У всех по-разному проходит это время, – Стаси «сознательно» гуляла и глубоко дышала.

– А я в днях считаю. Сегодня осталось всего двести двенадцать дней. А завтра останется уже двести одиннадцать. А послезавтра двести десять. Да, кстати, солнышко, меня наверное дней на десять в командировку отправят. Праздники же скоро. Юбилей. Но это каждый год проводят инструкции и новые всякие правила вводят накануне. В прошлом году Глеб ездил, а в этом – моя очередь. Уже предупредили.

– Когда? – Стаси сразу стало грустно. – Я просто ненавижу твои командировки. Наверное я – эгоистка, да?

– Я и сам их ненавижу. Но помнишь, как в позапрошлом году папа и ты время провели? Я просто обалдел от моей Йони, когда приехал! А тут всего дней семь-десять. Пролетят и не заметим. Что тебе привезти из Москвы?

– Ничего. Только себя, Лео. И побыстрее, пожалуйста, я так не люблю твои отлучки, и всегда считаю часы. Дура? Да?

– Это-то я не забуду. И никакая ты у меня не дура, а сладкая моя лапочка с лопушком моим сладеньким пушистым, – рассмеялся Лео, обнимая жену. – Меня теперь тут такой магнитик тянет – как верёвочка, прям. Знаешь, я тут слышал, что нам скоро разрешат в отпуск выезжать. И куда мы с тобой поедem прежде всего? На море?

– Лео! Ну, какое море? Я маму уже два года не видела. И

внука или внучку надо же будет с бабушкой познакомить? Тебе хорошо, ты тут со своими каждый день видишься, поэтому и не скучаешь. А я скучаю. Кстати, вчера я с твоей мамой нос к носу встретилась. Она так внимательно на меня смотрела. Мне кажется, что раньше она даже избегала со мной встречаться. Отворачивалась, когда мы оказывались рядом. Так, кивнёт головой в ответ на моё «здрости».

– Ну и пусть, – Лео сердито стеганул прутиком по кустам. – Сама виновата. Променяла нас на очередного генерала. Вот и пусть живёт подальше. Вообще не понимаю, зачем она приехала сюда. А почему вы нос к носу встретились?

– Совещание было. Тоже насчёт праздника. Накануне мы будем должны провести в отведённых нам участках профилактические работы по обучению персонала защите от возможной ядерной войны себя и окружающих.

– И как же это будет происходить? – Лео усмехнулся.

– Если не прямое попадание – то необходима защита от пыли и проникающей радиации. Профилактические процедуры санитарной обработки поверхностей и своего организма. А если прямое, – то заранее надо придумать и выучить песню, которую будем петь хором, поднимаясь к небесам, – Стаси задумчиво подняла лицо к солнечному теплу последнего августовского месяца.

– Ну и юмор у тебя, Стасичка. Тьфу-тьфу! – Лео сплюнул. – Не будет теперь никакого прямого. Всё. Больше они к нашим границам не подлетят, – на минуту Лео о чём-то

задумался, недовольно морщась, как от зубной боли, – ну меньше будут летать во всяком случае, наверное.

– А они летают по-прежнему?

– А ты откуда знаешь, что они летают?

– Читала, в твоих журналах, поняла, что у них самолёты летают гораздо выше наших. Значит могут легко пролетать через Северный полюс, где у нас и аэродромов-то нет. И наши их не могут достать.

– Ничего. И мы теперь самолёты построим, какие надо. Главное, что у нас наша РДС есть уже.

– Лео, а что значит это самое РДС?

– Это просто. Обозначает, что эту штучку «Россия Делает Сама». В их газетах писали, что это мы на Новой Земле взорвали бомбу огромной мощности. Ну и пусть думают. Ладно, не думай ни о чём. Все эти вопросы решаются. Прямо сейчас решаются. Давай о нас поговорим. И куда тебя направили? В какое-такое подразделение? Давай к нам. Бурова учить будешь. Он со всем удовольствием обучаться у тебя будет. Всё время про тебя вспоминает, как речь о врачах зайдёт.

– Не знаю пока, куда меня направят. Может быть даже и не в одно место. Через неделю всем нам выдадут чемоданчик с приспособлениями и препаратами для обучения. Тоже курс рассчитан на семь-десять дней.

– А реально это поможет, Стаси? Если не прямое? Я не думаю, что поможет. Хиросиму и Нагасаки снесло под корень на двадцать километров в диаметре.

– Но и там же люди выжили. Только нам мало что известно о том, что там происходило, и как спаслись некоторые. Почему спаслись? Ведь всю первую неделю там был практически смертельный уровень радиации? Это потом через неделю всё разнесло ветром на такой высоте. Америкосы всё это скрывают и взяли всё под свой контроль, все исследования. Сами разбабахали всё, и теперь тщательно изучают, – Стаси была задумчива. – Этих материалов сейчас так не хватает, чтобы разрабатывать методы спасения. Кое-что известно, конечно. Насколько я понимаю в этой атомной тематике, атомный реактор остановить нельзя никак? И никогда?

– Ну почему же? Лет через сто остановится.

– Ну вот я и говорю, что никогда. Для нас – никогда. То есть, атом теперь навсегда с нами, хотим мы этого или не хотим. Мы создали страшную штуку, Лео, я имею в виду всё человечество в общем. И мы свою лепту внесли, чтобы не сбросили на нас что-то такое же. Сегодня только страх одних перед другими остановил войну. Мы остановили. Но, что такое сам атом значит для человеческой цивилизации, мы ещё мало пока знаем. Исследуем всё наощупь, из опыта. Данные такие противоречивые. Организмы у всех разные, попали под облучение вместе, а результаты анализов совершенно разные. Тут столько открытий предстоит сделать! И их необходимо сделать, как можно быстрее, чтобы научиться спасать людей. Когда-нибудь обязательно научимся. Обязательно. Нет критериев точных. А профилактические эти

курсы... Ну, лучше хоть что-то, чем ничего. Самое простое каждый должен знать, – Стаси сморщилась, глядя на солнце. – Оттуда тоже страшная радиация идёт. Но мы защищены магнитным полем земли. Природа нам подскажет, я уверена, что освоим мы всё это со временем.

– Ладно. Главное, что ты у нас всё знаешь и нас спасёшь, – Лео шутя поднял её на руки, ему нравилось чувствовать её тяжесть, как что-то очень своё, милое и тяжёленькое, и ему казалось, что она с каждым днём становится чуточку тяжелее.

Но вопросы Стаси летают ли америкосы через нашу территорию, очень уязвил Лео в глубине души. Не мог он ничем защитить свою лапочку и будущего ребёнка от наглого и вызывающего бравирования их машин безнаказанно пролетающих над территорией страны практически постоянно.

Глава 14. Если бы все слышали своего ангела

Кире Михайловне Стаси понравилась. Даже очень понравилась. Девушка не прятала глаз, смотрела прямо и спокойно поздоровалась. Им друг друга так и не представили, но обе хорошо знали, кто есть кто.

На совещании Кира Михайловна наблюдала за Стаси, как она сидит, как записывает что-то, как слушает – и ей всё нравилось. Ни к чему она не могла предъявить претензий. Внимательная, серьёзная и сосредоточенная девочка. Да, такая может засть в душу, за такую можно пойти на многое. Но

откуда эти сведения, что её сын чуть ли не загубил от ревности человека?

Кира Михайловна в своей жизни повидала многих людей, и в молодости испытывала много раз буквально потрясения, обманувшись в очередной раз в ком-то близком, казавшимся всем достойным человеке. А потом в её жизни полковника медицинской службы, военврача первого ранга была война, которую она провела почти всю, с первых и до последних дней в вагонах санитарных эшелонов начальником таких поездов. Поэтому она уже ничему особенно не удивлялась, а просто с любопытством изучала очередной человеческий экземпляр, встретившийся ей.

И как такая, умная с виду девушка могла создать такую двусмысленную и скандальную ситуацию вокруг её сына? Узнавать напрямую у Лёдика, как она называла сына, справедливость обвинений в адрес его жены, которые принесла ей сердобольная, сочувственно охающая Галина Григорьевна несколькими неделями ранее, Кира Михайловна не считала возможным и объективным. Да и не стал бы он, при его вспыльчивости и гордости, говорить с кем бы то ни было, в том числе и с ней, его родной матерью, о своей жене.

О случае в столовой Кире Михайловне донесли в тот же день. Такие новости всегда с охотой доносятся до лиц заинтересованных, а потом транслируются эффекты от произведённого впечатления. Сама она в столовую никогда не ходила, предпочитая обедать принесённым с собой на работу из

дома самым простым бутербродным завтраком или обедом.

А история, со слов обо всём на свете осведомлённой Галины Григорьевны, выходила недостойная и прескверная. Галина Григорьевна издавна занималась в горисполкоме делами хозяйственными, снабженческими и распределительными и, так или иначе, по работе, в так называемые «подписные дни», им приходилось встречаться. Две матери двух взрослых детей, вращающихся в одной кампании знали и друг о друге, и о тех верёвочках и нитях, которыми молодость связывала всех бывших одноклассников, одноклассниц и их приятелей. Кира Михайловна только случайно и мельком, но при этом достаточно пристрастно наблюдала за сыном, который так и не простил ей измену отцу. А Галина Григорьевна была первой поверенной у своей дочери, что, конечно, делало ей честь, как матери.

И тот факт, что Лёдик оказывал Вете некоторое внимание, если это можно было так назвать, ни для одной из матерей не составляло тайны. Только, видя сына в этой кампании, Кира Михайловна совсем не была уверена, что Вета – это объект его внимания и привязанности. Скорее Вета была той девушкой, постоянное пристальное внимание которой вызывало на лице Лёдика чаще досаду, чем удовольствие, и даже утомляла его. С любимой девушкой так не язвят и не обрывают её на полуслове, что Кира Михайловна не раз успевала заметить, бывая где-то рядом с их кампанией в кинотеатре, в театре и доме культуры. Ничего против Веты Кира Михай-

ловна, собственно, не имела, учитывая, что характер её любимого сына мог выдержать только ангел. Вета выдерживала, раз за разом надувая губы, но неизменно снова и снова, что было совершенно непонятно самой Кире Михайловне, как женщине, возвращалась к обидевшему её парню.

Киру Михайловну несколько настораживала только фигура Ветиной матери, поскольку схожесть в этом у них, несмотря на разницу в возрасте, естественно, была. Свою пышную фигуру Галина Григорьевна оправдывала тем, что Шехерезада, любимая жена некоего царя, по мнению Киры Михайловны однозначно царя-параноика, на обложке известной книги сказок «Тысяча и одна ночь» в подарочном издании, была изображена художником со станом восточной вазы – с очень узким горлышком-талией и очень объёмным кувшином. И Галина Григорьевна, опираясь на вкус художника иллюстратора, везде восторженно приводила Шехерезаду в пример, как истинную классическую женственную модель восточной женщины. Тогда не принято было говорить о своих национальных корнях, но втайне Галина Григорьевна очень гордилась своей восточной кровью, не зная, что с огромной вероятностью она происходит от обычных аборигенов Африки, возможных предков всех родственных семитских народов, готтентотов, у которых такие формы женских тел были в обычае, и это нашло отражение в древних фигурках их глиняных Венер.

Неизвестно, кто и когда уловил созвучие, но заглаза Гали-

ну Григорьевну звали «Четырѐхзадой Шехерезадой». У Веты талия тоже была слишком тонкой. Но о вкусах сына Кира Михайловна не могла с ним говорить.

Она с ним вообще не очень могла говорить.

А он не хотел этого совсем.

И это повелось у них очень давно.

Разговорчивая и услужливая Галина Григорьевна была склонна часами говорить об «их» детях, то и дело ненароком объединяя их в одно целое.

Кира Михайловна, всю жизнь выполнявшая свою работу с личной психологической установкой красивой и элегантной рабочей лошади, абсолютно не устающей и ответственной до последней запятой, терпеть не могла в подчинѐнных, и в окружающих в том числе, праздной болтовни и суесловия. Поэтому сладкоречивый поток слов о «наших детях» Кира Михайловна частенько прерывала сухим: «Вы меня извините, но у меня срочное дело. Встретимся в следующий подписной день, может быть, тогда у меня времени будет побольше, а сейчас – никак не могу. Удачи и до встречи».

Галина Григорьевна смертельно обижалась, но проглатывала этакий комок высокомерия, тщась в душе когда-нибудь взять реванш, будучи уже тѐщей Леонарду Воротову и сватьей этой гордячке, так и не сменившей фамилии Воротова, даром, что за двумя генералами успела замужем побывать за пять лет.

Капитан, который был замечен в оказании страстного вни-

мания жене Леонарда Воротова, неизвестно каким образом, но точно, что с подачи сына Киры Михайловны, был разжалован из капитанов чуть ли не в рядовые за свою любовь к чужой жене.

И это Галина Григорьевна знала точно, поскольку и к делам хозяйственным в прилегающих к периметру воинских частях некоторое отношение имела.

Раньше она подолгу общалась с красавчиком капитаном, надеясь взять реванш и утереть нос этому выскочке Воротову и этой прощелыжке деревенской, отбившей у дочери хорошую партию. А после скандала капитану вход в периметр был заказан. Вета рыдала в подушку и слала проклятия всем Воротовым подряд. Но Галина Григорьевна была гораздо умнее своей дочери и знала, что у талантливых людей есть много вариантов для разворота ситуации в свою пользу, ну, или, по крайней мере, для достойного отмщения. И зацепочка тут была! Ведь всем известно, что «дыму без огня не бывает», «клеветите, клеветите, что-нибудь да останется», и «если сучка не захочет, кобель, как известно, промахнётся».

А разве промахнувшихся кобелей так жестоко наказывают?

Вот такая информация скомканным грязным куском, брошенным в неё, застряла в голове Киры Михайловны.

Сказать, что Кира Михайловна доверяла Галине Григорьевне, было бы большим преувеличением. Но и оставлять это дело неразрешённым тоже было нельзя с этической точ-

ки мировоззрения Киры Михайловны. Она приняла Соломоново решение. Стаси приказом по горздравотделу, наряду со всеми прочими врачами, направлявшимися на профилактику повышения знаний и навыков в делах гражданской обороны сотрудников самых различных подразделений, которые происходили постоянно и периодически, была распределена в ту самую часть, где остался работать, потерявший, якобы из-за своей любви к ней, все офицерские звёздочки на погонах, влюблённый в Анастасию Павловну Воротову бывший капитан. И он, похожий когда-то на карточного валета с восточными карими глазами, по словам Галины Григорьевны был теперь на грани самоубийства и отчаяния.

Такого неопределённого соседства Стаси с её сыном, грозящего в любой момент непредсказуемыми последствиями для Лёдика, прежде всего, Кира Михайловна без выяснения точной сути дела оставить не могла.

Но прежде Кира Михайловна вызвала к себе на приватную беседу, работавшую в той же части фельдшера Рогачёву Веру Семёновну. Люди тогда были наивными и очень часто крайне доверчивыми, и исполнительными до самозабвенности, особенно, если просьбы касались старинных друзей по испытаниям, выпавшим на их общую военную долю.

Для точного выполнения поставленной задачи, Вера Семёновна завела зелёную тетрадку, разлиновала и подписала, чтобы не спутать: «Дело В и С».

И все те дни, которые Стаси вместе с данными ей в под-

чинение двумя смешными, преданно смотревшими ей в глаза мальчишками-новобранцами, друзьями неразлей-вода из какого-то одного из многочисленных детских домов, таскавшими за ней чемоданы с наглядными пособиями, переходила из одного взвода в другой и проводила там занятия, бдительная и ответственная Вера Семёновна, вздыхая и советясь, подробно записывала по часам дислокацию объекта В (Воротову – врача радиолога) и объекта С (Скопичева – гражданского служащего в хозяйственной части).

К некоторому неясному сожалению по поводу напрасных целей Киры Михайловны, и большому облегчению для себя лично, Вера Семёновна ничего интересного сообщить Кире Михайловне не смогла. Эти два объекта, как две одно заряженные магнитные частицы, резко отталкивались друг от друга, когда им пришлось три раза встретиться на дорожке. Особенно резко отбежал объект С. А объект В, окруженный своими ординарцами с чемоданами, шёл прямо, не сворачивая и не уступая дороги, как маленькая боевая единица.

По окончании курсов в субботу двадцать восьмого сентября Стаси должна была вернуться в понедельник тридцатого сентября к своим непосредственным делам в Городе.

Зелёная тетрадка легла на стол Киры Михайловны с подробными устными разъяснениями, что объект В – прелестная девочка и умничка, прекрасно разбирающаяся в своём деле врач и добрейший человек, к которому невозможно не испытывать симпатии. И Вера Семёновна в полной мере ис-

пытывала к Анастасии Павловне сильную симпатию по истечению даже краткого срока пребывания той в их строительной части и конкретной «дислокации на время перерывов в местном фельдшерском пункте». За неделю обе женщины сдружились, решив, что и в Городе они продолжат дружбу, тем более, что Вера Семёновна прекрасно знала тётю Таню.

Знакомы они были поневоле. Могилы мужа тёти Тани и дочери Веры Семёновны были рядышком на кладбище в Берёзовой Роще, там и встречались они по дням поминальным. Тётя Таня обычно приходила одна, Вася всегда приходил тоже один к отцу, чтобы поговорить с ним по-мужски. А Вера Семёновна приходила с младшим из трёх внуков, непоседливым Сенькой, который остался после смерти дочери вместе со старшими братишками на руках у отца – зятя Веры Семёновны и, разумеется, у неё. Как мужчине-то одному с такой оравой управиться?

А злополучная и бесполезная тетрадочка, с педантично повторяющейся записью: «Объекты не встречались». И только два раза: « Повстречались, но С завернул за угол и там стоял, покаместь объект В не прошла, куда ей и было положено по расписанию», – породила у Киры Михайловны вопросы к Галине Григорьевне.

Но прежде, чем задавать вопросы посторонним, Кира Михайловна решила выяснить у одного, точно осведомлённого человека ситуацию с поведением сына. У его отца.

– А с чего это ты, Кира, вдруг такие вопросы мне зада-

ёшь? Спроси сама у Лео. Скоро приедет, – Сергей Дмитриевич отвечал бывшей жене, закрыв дверь и предварительно отключив параллельный провод, чтобы Стаси, не дай Бог, не услышала таких вопросов.

– А где Лёдик?

– Из Москвы сегодня ждали. Да что-то задерживается. Греч сказал, что с сюрпризом вернётся. Теперь только в понедельник, если вчера выехал, или во вторник, если сегодня. Но телеграммы не было А насчёт Стаси, ты даже думать ничего такого «не моги», как говорится. Это колокольчик серебряный с абсолютно чистым звуком. Лео повезло.

– Да я только рада буду, если ты опять не ошибаешься.

– То есть? Что ты хочешь сказать? Я не понимаю, Кира?

– Что? А то я тебе хочу сказать, Серёжа, что ты и меня когда-то колокольчиком звал. Забыл?

– Не забыл. Но это разные вещи. И потом, когда-то так и было. Был в моей жизни колокольчик. Всё, Кира, меня к ужину зовёт наш колокольчик. Удачи тебе.

Он всегда желал ей удачи, когда они изредка говорили по телефону. При встрече где-то в толпе, они встречались глазами и даже здоровались, слегка кивнув издали головой. А потом искали случая получше рассмотреть своего бывшего супруга тайком.

Посторонним, наблюдающим за такими, всегда кажется, что в таких разведённых жизнью парах, снова оказавшихся в одном обществе, всегда присутствует интерес понять, что

же с его бывшей половиной за это время произошло? И кто, и что выиграл в том споре, или неурядице, разведшими их в разные стороны?

Судя по сложившейся шахматной партии их жизни, лично сам Сергей Дмитриевич не видел иного вывода, кроме, как «пат». Причём с обеих сторон.

И в этот раз трубку на том конце раздраженно бросили. Как всегда.

Утро 29 сентября занималось ясным и непривычно тёплым, опять пахнуло почти летним теплом.

В кухне Стаси заварила любимый их какао со сливками, и они растягивали удовольствие воскресного дня, проглатывая «диетический» омлет с ветчиной. Перед Стаси стояла тарелочка с обязательным теперь творогом.

– Пап? А что Юрий Михайлович сказал? Почему Лео задерживается? Теперь он же только во вторник сможет приехать?

– Темнит что-то. Но обещает приятный сюрприз.

– Пап, ну что может быть приятнее его самого? У меня сегодня абсолютно свободный день. Тётя Таня зовёт помидорчики солить в бочке. Говорит, что так они получаются такими ядрёными, что даже язык щиплют. У моей бабушки тоже такие получались.

– Ну конечно, давай. Может быть, что-то помочь надо?

– Да нет. Дядя Митя уже ей каменюгу приготовил, голыш гладкий, чтобы бочки бутить, он же и в костре жарить этот

камень будет. Лишь бы не треснул. Тётя Таня грозитя и капусту в кочанах посолить? Тоже вкусно. Ты ел?

– Нет. Слыхал, но не пробовал. Моя матушка этими делами не занималась. Раньше у нас прислуга была, когда отец был директором завода. А недавно сердце у него не выдержало. Третий инфаркт. Правда, он был молодцом. Не сдавался. Он немного до тебя не дожил.

– Папа, а я его хорошо помню, И Александру Фёдоровну тоже помню, конечно. Он на машине приезжал всегда.

– Его привозили, доченька. Он сам и машину-то не умел водить. Некогда ему было этим заниматься. Другим голова забита до отказа. Директоры – тема особая. Я это и на тутошних уже всё прочувствовал. Хороший директор долго не живёт. У моего отца было три инфаркта. А я им и помочь ничем не мог. С ног до головы засекречен. Кое-как Лео вывез сюда в сорок шестом успел. Потом уже стало свободнее с переводами денег хотя бы.

– А сейчас твоя мама живёт в городе, как я поняла?

– Зимой в городе. А летом рядом с твоими. Вот же как судьба нас свела! А давай вечером пойдём на футбол сегодня? Сегодня же «Красная звезда» с «Динамо» играют. Уже финал. И воздухом подышим и настроение поднимем. Силычи идут.

– Ну в принципе – почему нет? Только ты пиво пить не будешь после матча.

– Не буду. Только рюмку конька дома.

– Рюмку коньяка дома можно. Ой, кто-то звонит, – Стаси подошла к телефону, и уже по нескольким словам отец понял, что что-то у неё случилось.

– Что случилось, дочура?

– Да ничего особенного. Вера Семёновна, это та фельдшер в части, которая меня пирожками там кормила и всюду за мной следила, чтобы не дай бог, меня там кто не обидел – помнишь, я рассказывала тебе?

– Помню. И что ей надо?

– Внук у неё младшенький заболел. Он у них ослабленным уже родился, теперь чуть что – болеет. И зять на работе. Просит подменить до семи часов, а потом зять придёт, сменит её.

– А потом?

– А потом у неё свободные смены. Они же там сутками дежурят как-то.

– А что, никого больше нет, кроме тебя? – Сергей Дмитриевич нахмурился. – Она знает, что ты беременна?

– Пап? Ничего она не знает. Да и чувствую я себя тьфу-тьфу, – Стаси шутливо сплюнула через левое плечо. – Токсикоз прошёл. Вот только не знаю, на чём мне уехать туда. автобус уже ушёл. Надо в гараж позвонить, туда каждый день что-нибудь отвозят. И я, кстати, сегодня заодно там закончу обучение тех, кто на неделе не смог присутствовать на моих занятиях. Меня об этом даже попросили. Всем интересно это, оказывается.

– И не надо в гараж звонить, растрясут ещё тебя. Сам отвезу. Пропуск действителен ещё?

– Да. До вторника действителен. Десять дней рассчитывали, чтобы всех успеть обучить.

– Да мне рассказывали, что там полный зал набивается молодых людей. Ты для них, как актриса знаменитая. И все хотят, чтобы ты на нём именно свои приёмы демонстрировала.

– Ой, па! Там молодые мальчишки совсем. У них ещё продолжается пубертатный период, а женщин же там почти и нет. Две строгие тётки в кухне заправляют звеном помощников, да в швейном есть несколько таких же пожилых женщин. Так что это вполне понятно. Но у меня там есть два отчаянных ординарца, которые около меня, по приказу командира, как охранники и помощники, они даже близко ко мне никого не подпускают. От ворот до ворот провожают. Ну, что ты таким грустным стал, пап?

– Не люблю, когда вы от меня далеко. Ты уже согласилась на замену?

– Согласилась, па. И обучение же проведу? Потом не надо будет туда ещё ездить. И чемодан там с моими причиндалами учебными забрать смогу. Отчитаться за них надо.

– Ох, знала бы ты, как мне не хочется тебя туда везти! Прямо душа не едет. Может, кого-то из врачей других попросить ещё? Я бы ей премию бы выписал.

– Пап? Это же взятка! Ну что со мной случится может?

Хотя мне тоже очень не хочется туда ехать. Мне кажется, что Лео сегодня приедет. Тогда я разрыдаюсь.

– Ну, если приедет, он к тебе и туда приедет, на твою лекцию. Вот ноги меня не несут машину заводить. Совсем!

– Ну что же делать, папочка? Надо!

До самых ворот строительной военной части они ехали почти молча. Стаси улыбкой пыталась развеять грустные морщины на лбу отца, а он только один вопрос ей задал:

– Стаси, а почему ты в этом мамином платье сегодня поехала и в старом плаще?

– Пап, ну там же совсем глупые мальчишки! В первый день я по глупости поехала в своём васильковом платье, так они, по-моему, вообще ничего не слышали, хотя я и в халате была, как обычно. Сидят, смотрят и ничего не видят и не слышат, только улыбаются и каждый норовит ко мне на практические манипуляции попасть. И на проверочные вопросы толком ответить не могут. С третьего разу только получается им в головы их стриженные хоть что-нибудь вбить.

– Да, слышал. Но у тебя же ординарцы там в сопровождение даны.

– Даны. Вон они и стоят, – у ворот части стояли трое: лейтенант и двое подтянувшихся при виде машины солдатиков, в лихо заломленных пилотках, с появившимися счастливыми улыбки при виде Стаси. Дверцу машины перед ней открыл сам Сергей Дмитриевич, выйдя из машины. Стаси сама даже и не попыталась открыть свою дверцу, чтобы вый-

ти. Мужчины её дома давно и сердито отучили её от такого унижения их достоинства, немного чопорного, но доставлявшего им удовольствие – открывать дверцу и помогать выходить своей любимой даме из машины. Иногда Стаси при этом восклицала, скрывая своё смущение: «О, старый век! О, галантные рыцари!» Но сегодня она просто обняла отца, поцеловав его в щёку.

– Дочь, я сегодня буду тебя тут встречать ровно в шесть. Не забудешь?

– Папочка, ну что ты! Я буду здесь стоять, как штык! Пока, пап?

– Пока, солнышко. Будь аккуратна тут.

– Да Вы не волнуйтесь, мы на неё и пылинке не дадим упасть, – улыбнулся лейтенант, открывая перед Стаси входную дверь КПП.

Знал бы ты, лейтенант, как ты ошибаешься, – запихнул бы её в машину обратно.

Глава 15. Беда

Этот день, глухой, тяжёлый и жуткий своей поминутной яркостью, запомнился Лео на всю жизнь в мельчайших подробностях, до камушков на дороге. Иногда, спустя много дней, недель, месяцев и даже лет, что-то вдруг ярко и неотвязно-обжигающе всплывало, неожиданно остро раня его самыми невинными картинками: то стрелкой на часах на 16.22, то остриженной налысо головкой ребёнка, то видом солдат в исподнем белье...

Он поминутно помнил, как всё утро метался по номеру гостиницы торопя время. Но оно, как нарочно, текло медленно, вяло и враждебно. Голова после вчерашней встречи в ресторане с друзьями и руководителями курсов, устроенной особо обрадованными повышениями и назначениями друзьями, среди которых был и он сам, была тяжёлой, слегка болела. Всё это раздражало Лео. Всё, с самого начала идеи, возникшей на курсе ещё позавчера, в пятницу, было в этой встрече для него «против шерсти». Раздражался он, конечно, на себя за то, что уступил многочисленным и достаточно язвительным уговорам старых приятелей по академии отметить и «обмыть» новые звёздочки. Это на два дня, на целое воскресенье и понедельник, отсрочивало его приезд домой. Но он согласился. Не смог отказать друзьям, с которыми неизвестно когда опять сведёт судьба, и которые по обык-

новению их курсантской молодости вскоре хорошенько набрались, а он незаметно для всех ушёл. И на следующее совершенно пустое воскресное утро в гостинице он чувствовал себя, как больной. Поезд только вечером и уже никак невозможно ускориться. Только с «военлётами», но на такой полёт нужен был подходящий случай и особое разрешение. Случай не представился. Воскресенье и у военлётов бывает.

Он застрял в этой гостинице между своим раздражением и очень слабой попыткой оправдать себя, что не так уж и часто они встречаются теперь, наоборот, всё реже и реже. Многие парни заметно полысели, а некоторых и на свете-то уже нет, как оказалось.

Вся командировка получилась какая-то странная, очень мрачная своими прогнозами в отношении американских наглицов-супостатов, вздёрнутая нервными упоминаниями о безобразных образчиках халатности и ротозейства службистов, успокоенных временным затишьем на фронтах холодной войны.

Да и не было, по мнению Лео, никакого затишья на этих фронтах. Наоборот. Один план «Дропшот» что стоил. И постоянно всплывали всё новые и новые подробности планов союзничков о разделении и уничтожения страны а, значит и отца, и Стаси, и всех, кого он знал, под массивными ударами атомной бомбардировки несколькими сотнями бомб сразу. Когда-то их было двести, сейчас – триста. А завтра?

Доклад о внедрении комплекса ПВО «Беркут» тоже, хотя

и радовал, но не внушал оптимизма при таком явном превосходстве «гегемонов мира» во всех видах вооружения. Поэтому, несмотря на торжественное присвоение некоторым из них внеочередных звёздочек, никто из слушателей курсов никакой радости особо не испытывал. Больше говорили о том, что приходило в тревожных директивах из центра. Чёрными пауками на огромной высоте, пока недоступной нашим пилотам-перехватчикам, америкосы в открытую и нагло бороздили воздух над страной. А наземные службы то там, то тут обнаруживали следы прибытия незваных гостей: парашюты, комбинезоны, и прочее оснащение, запрятанное в укромных уголках безлюдных областей. На Дальнем Востоке в прибрежной полосе регулярно вылавливали «пловцов» с того, дальнего берега. Все понимали: чем больше звёздочек – тем больше работы и спроса. Даром никого никогда не поощряли.

Лео получил звёздочку за случайное – хотя Греч заявил, что ничего случайного в этой жизни вообще не бывает – раскрытие целой сети преступников, занимавшейся расхищением оборудования и материалов, когда-то изъятых интендантами для нужд фронта, а теперь, спустя несколько лет, возвращаемых армейскими частями обратно в народное хозяйство.

Скверная история, в результате которой полетели многие чины и даже, говорят, головы. В подробности конца этой истории, устремившейся далеко от Города на Большую землю,

Лео не заглядывал. Перед ним лежали на стол другие дела, касающиеся непосредственно его родного Города.

Новая звёздочка совсем не радовала его сегодня. Даже свой саквояж, невольно подталкивая время, он с вечера ещё, оставив только зубную щётку и пасту на утро, уложил, засунув в боковой карманчик коробочку с гранатовыми бусами для своей Стаси. При воспоминании о ней, у него щемило сердце. Когда он прощался с ней, отметил, что у неё и вправду появились веснушки, и глаза были подведены, может и от нервов.

Она так не хотела, чтобы он уезжал.

Купленный «Огонёк» не читался. Лео, лёжа на кровати в номере, иногда нервно пил воду из графина на столе. Он не очень понимал, но чувствовал, что в этот самый момент где-то с кем-то близким, что-то происходит. И поэтому, когда за ним прибежал вестовой с приказом немедленно собираться и ехать на военный аэродром, а совсем не на вокзал, он даже не слишком удивился, как будто весь день ждал чего-то такого.

На военном аэродроме ждал самолёт. Вслед за машиной, на которой привезли Лео и ещё двоих офицеров из их города, к самолёту подъехали ещё несколько чёрных блестящих лимузинов, из которых торопливо вышли люди в военной и гражданской одежде и молча, быстро забрались в самолёт по лёгкому трапику. Среди них Лео сразу узнал Демьяновича Михаила Антоновича, он тоже был в эти дни в Москве.

В самолёте они оказались на соседних боковых жёстких сиденьях.

– Здравствуйте, Михаил Антонович.

– А, Леон. Привет. Ты тоже здесь был?

– Да. Что случилось?

– Никто точно пока не знает. Микояну доложил Славский, что на объекте произошёл взрыв. И Хрущёв грозитя всех расстрелять за подставу.

– Какую подставу? Где?!

– Похоже, что взорвался отстойник. Там сейчас уже всё обследуют наверняка. Что это мы так медленно летим, а? Тебе не кажется?

– Как это – взорвался? Там же защита... тройная...

– Взорвался.

– А эти люди кто?

– Предварительная комиссия из министерства и главка. Хрущёву доклад сделать едут про подставу... Настоящая комиссия только собирается ехать. Хрень, короче.

– И что ещё известно?

– Эх, Лео, не мучай хоть ты меня сейчас. Ничего точно не известно. Там Семёнов Николай всё организывает. Но он надёжный, грамотный мужик. И воскресенье ещё тут... отдыхают же многие. Прилететь бы скорее уже. Сердце прямо выскакивает, валидол не помогает. В три часа ещё созванивался, и всё в порядке было. И вот... – Демьянович уткнулся в иллюминатор, за которым быстро наступала ночь.

Остальную дорогу все летели молча. Только теперь Лео понял, что эту беду он и чувствовал, и готов был теперь себя убить, что, как пацан, повёлся на пустой ненужный ресторанный трёп, обмывание своих подполковничьих звёздочек, иначе ещё утром был бы там, на месте.

«И что там вылетело? Какие последствия? Что с Городом? Как там Стаси и отец?— вопросы огненными стрелами проламывали мозг и жарили грудь каким-то животным страхом за них. Ясно, что произошло нечто из ряда вон выходящее, не стали бы их выдёргивать с циркового представления, как Демьяновича, и собирать по гостиницам, как его и ещё нескольких знакомых из других служб, коротко поздравившихся с ним перед посадкой, если бы не что-то страшное. — Какая там могла быть подстава?!»

Потом они прилетят на военный аэродром военного училища и будут долго трястись по грунтовой дороге от Шагола до Кыштыма и дальше до знакомой «колючки», охватывающей несколькими рядами Город.

Глава 16. Искрящиеся облака

Машины не сразу пропустили. По сигналу офицеров охраны, сопровождавших машины, все пешком прошли через новый пропускной пункт, на котором их обмерили дозиметрами с ног до головы, как и машины. Это было первое, что ошарашило Лео: «Пропускной пункт, которого раньше тут и быть не могло. Зачем он тут? И что это там так мерцает, как северное сияние какое-то оранжевое? Горит, что ли?»

Все поехали сразу в отдел – личные вопросы отодвинулись далеко.

В глазах Греча и отца, который встречал Лео на пороге кабинета застыла тёмная мертвь, другим словом назвать это было невозможно.

– Папа, Юрий Максимович, что произошло?

– Банка взорвалась в 16.22.

–И что? Заражение произошло или нет? Что ты молчишь, пап?

–Двадцать миллионов кюри, Лео. Облако поднялось на километр. Видел мерцание?

– Видел. Что это?

– Ионизация воздуха, Лео. Относит на северо-северо-восток и на северо-восток. Десять километров в секунду. Сейчас быстрее. Почти тридцать.

– Ионизация воздуха? Это какой же уровень, па?

– Шесть рентген. А в некоторых пятнах ... Фу! Даже сердце стопорит.

– Сколько??!!

– Шесть, Лео. Шесть. Но это очень средний.

– Где такой уровень?

– На промплощадке и далее везде, куда дотянуло.

– Куда дотянуло?

– Гарнизон военной охраны, военная строительная часть и лагерь заключённых. Основное выпало там.

– То есть, от Города отнесло?

– Отнесло.

– Слава богу. А Стаси где, пап? Как она? Вы чего? – и отец, и Греч отвернулись от Лео. – Вы что молчите? Я про Стаси спрашиваю, отец?

– Она там, Лео. В строительной части.

– Как это? Где?! – голос у Лео исчез, только шёпот вырвался. – У неё ещё в пятницу курсы должны были закончиться?! Отец!

– Они и закончились. А сегодня она подменила там фельдшера и заодно хотела закончить обучение тех, кто не успел обучиться раньше. Я уговаривал её отказаться, но она поехала. Я её сам отвёз, сынок. Понимаешь? Сам, – отец закрыл лицо руками.

– Так надо срочно ехать, чего вы сидите, где машина, пап?

– Никуда мы не можем проехать. Приказ. Для всех есть приказ: оцепить всю заражённую зону и срочно эвакуиро-

вать людей, подвергшихся облучению. Отмыть сначала, потом эвакуировать. Завод останавливать нельзя. Понимаешь? Там тоже сотни людей,. Сейчас начали, говорят, уже работать санпропускники, отмывают тех, кто выходит из зоны. Женщин, разумеется, приказали вывести первыми по возможности.

– Пап, я не понимаю, почему я не могу забрать жену оттуда и отмыть её тут, дома?

– Потому, что она сейчас звенит. Понимаешь, сынок, звенит наша Стаси. Она опасна для тех, кто тут, в городе. Понимаешь? Уровень облучения превышает допустимый в сто тысяч раз. И больше. На площадке тоже несколько тысяч человек.

– Но она же беременная, отец?! Дядя Юра?

– Лео, мы, и все тут, делаем, что можем. Скоро должны привезти первых отмывшихся. Прошло уже четыре часа, как дали команду на развёртывание санпропускников и помывочные. Дозиметристов не хватает даже на объект. Стаси сама сообщила, одна из первых там, сюда в управление, про уровень. В помещениях уровень ниже. Три рентгена. Вот сообщение дежурного по части и её сообщение тоже... – Лео выхватил листок из рук Греча: «Был сильный взрыв. На нас быстро движется плотное чёрное облако пыли. Стёкла выбиты, восстанавливаем, что можем. Взрывом вынесло ворота части, и разрушило некоторые постройки. Война? Ждём указаний. Докладывает военврач Воротова. Уровень радиа-

ции 6 рентген на улице и 3 рентгена в помещениях. Местами возможно много больше. У людей паника, стараемся успокоить и обеспечить возможную защиту людей доступными средствами. Где-то жутко воют собаки, кажется в зоне. Что случилось? 16.50 местного времени»

– У неё с собой были дозиметры, которыми она учила пользоваться служащих. Она сообщила данные раньше, чем они были получены от дозиметристов, а кое-где эти данные ещё и до сих пор не замеряны. Людей не хватает, но доложили, что для каждой части уже устанавливают санпропускники. Ждём, Лео. Автобусы готовы. Готовят смены водителей. Всех будут забирать на границе, где чисто.

– Нас обмерили и пропустили.

– Вы не с той стороны ехали. А из частей-то будут гораздо дальше пересаживать. Из города и в город всем другим транспортам въезд запрещён. Пока не установят дезактивационные пункты. Главное сейчас – людей вывести из промышленной зоны и оттуда тоже, конечно. Решается вопрос. С военными частями всё ясно, выведут, заменят, а вот с промплощадкой огромные сложности. Допуски везде короткие, ограждения уже кое-где выставили. На периметрах можно находиться и до тридцати минут. А в самой зоне пять, десять минут. Это какую же массу людей надо сейчас организовать, чтобы не остановить завод. Славский сюда летит.

– Что я могу сделать, чтобы ускорить дела, товарищ генерал?

– Варианты, Лео. Варианты ищи. Отчего, почему, кто?? Контролёров уже шестой час допрашивают: что, как, где? Мы ничего не можем исключить. А сейчас загружай голову, и через некоторое время встретим Стаси.

– Есть загружать голову. Пап, а ты считал? Дозу?

– Считал, сын. Очень плохо. И с каждым часом всё хуже, ты же сам понимаешь всё?

– Понимаю. Только я не понимаю, почему именно Стаси оказалась там, где её никак не должно было быть, отец?

– Я виноват, Лео, что отпустил её. Её попросили заменить там фельдшера, пока у неё допуск туда был действительным. Сам довёз. К шести собирался ехать за ней. А ты, сынок, почему не приехал сегодня? Мы знали, Юра сказал, что там сюрприз какой-то у тебя? Но всё равно ждали.

– Это я, пап, виноват, что Стаси там. Я. Больше никто. Звёздочки обмывали. И мои в том числе. Я их ненавижу, па, – Лео говорил тихо, как бы жалуясь отцу, как маленький пацан когда-то, оправдываясь за сломанный велосипед и расшибленные в кровь колени.

– Это просто стечение обстоятельств. Случайность, Лео.

– Нет. Я чувствовал. Чувствовал. Но врал себе, что ничего особенного не произойдёт за один день. Когда, наконец, приедут эти автобусы? Её тогда можно будет забрать домой?

– Вряд ли. Насколько я хоть что-то понимаю в этом – вряд ли. Мы можем быть опасными для Стаси. Надо у Киры узнать. Она знает и понимает в этих вопросах всё. По край-

ней мере, гораздо больше, чем я в этом понимаю.

– Товарищ генерал, разрешите отлучиться на полчаса по личному вопросу?

– Разрешаю. Глеба позови ко мне.

Вошедшему Глебу Греч приказал везде следовать за Лео, поведение которого стало странным, каким-то приподнятым, как у оленя, бегавшего внутри огненного кольца.

Лео никак не мог отряхнуться от ваты, разлитой вокруг, плотно облепившей ему нос, глаза, уши, рот, который у него пересох так, что он почти не мог говорить. Он не слышал своего голоса, вообще глухо слышал голоса людей и звуки сигналов машин.

В этот поздний час все окна города светились, как в праздничные дни, никто не спал. По дороге вдоль медицинского городка прошли несколько поливалок, оставляя после себя пенные лужи, пахнувшие почему-то мылом или стиральным порошком. Лео даже не заметил, с какой скоростью он бежит туда, к матери, к Васе, чтобы они сняли с него этот ватный туман чего-то странного, мешающего ему жить, не дающего ему вздохнуть полной грудью и стряхнуть с себя наконец этот смертельный фантастический морок и сумасшествие всех, кто торопливо бежал куда-то. Кто-то кричал кому-то: «Когда привезут?» Окна больницы, обычно полутёмные, тоже все сияли светом, как будто тоже готовились к какому-то празднику... И там, на крыльце больницы, творилась суматоха, совершенно неестественная в это время су-

ток, и отовсюду слышались вопросы: «А сколько их?» ... «Куда и кого размещать будем?»... «Армейские тоже тут или их в госпиталь отправят?» «Палатки госпитальные ставить?»

У Лео сильно кружилась голова, он никак не мог сообщить, где тут в этой кутерьме ему можно найти мать, на звонок в её кабинет она не ответила. Совершенно случайно его остановил Вася: «Лео, ты приехал? А ты-то тут что делаешь?»

– Вася, а где мать?

– Она в порядке, Лео. Она в штабе, вон там на первом этаже. Занята сейчас очень. Может я помогу? Что надо?

– Вася, там Стаси, – Лео вяло махнул рукой назад, в темноту, – надо спасти их.

– Где там, Лео? Ты в порядке, парень?

– Я в порядке. Стаси там. В строй части.

– В какой строй части... в строительной части? Какого чёрта она там... там же чуть ли не самый высокий... чёрт... ты чего, Лео?

От резкого запаха нашатыря Лео очнулся и чётко увидел перед собой лицо матери с низко надвинутым на лоб белым медицинским колпаком с маленькими отворотиками.

– Пришёл в себя? Что с тобой, Лёдик? И что ты тут про Стаси говорил? Что с ней?

– Я?! Про Стаси?! А что с ней та... – Лео помотал головой, видел он теперь всё чётко, но картина ничуть не изменилась, всё, что его сознание услужливо выдавало ему за фантасти-

ческий сумасшедший кошмар, происходило на самом деле. Вата ушла, но звон в ушах остался, и голова вдруг загудела больно, гулко и страшно.

– Дай ему ещё нашатыря, Васенька. Что случилось Лео? Объясни толком?

– Мама, я пришёл спросить, отец послал, а какую дозу Стаси там получит? Как считать? И что будет потом? Я смогу её забрать домой сегодня?

– Стаси?! Какую дозу? Да объясни, наконец, Лео, что случилось? Вася, сунь ему ещё нашатыря, наконец!

Обратно в комитет Лео шёл прямо, быстро и абсолютно на автомате, не отвечая на какие-то вопросы Глеба. Эти вопросы сейчас никого не интересовали вообще. Лео шёл, машинально прикладывая руку к козырьку в приветствии высшим чинам, которых ему встретилось так много, как обычно случалось на каком-нибудь важном армейском совещании. В коридорах тоже было полно людей, и все куда-то спешили, с бумагами в руках, торопливо отвечая, а то и вовсе не отвечая на дежурное приветствие новоиспечённого подполковника, которому тоже было абсолютно всё безразлично. Он стремился просто сесть за свой рабочий стол, который, наверное, остался на своём месте и загрузить голову поручением, которое ему дал генерал-лейтенант Греч, который сейчас делал всё, чтобы вывезти Стаси из того чёрного ада, в который кто-то её поместил и даже уже не оставил надежды на жизнь, как понял Лео, глядя на расширившиеся от ужаса

глаза матери. Мать всегда была очень выдержанной дамой.

Всегда. Но не в этот раз.

Бумаги на столе лежали аккуратной стопкой, как он их и оставил в тот день, когда в последний раз видел свою, ставшую веснушчатой, милую Стаську. Механически прочитал все последние сводки. На сегодняшний, вернее уже вчерашний день, сводок ещё не было. Они только группировались и сортировались, и из них выделялись самые главные и насущные дела. Допрос дежурных инженеров, обследовавших последними взорвавшуюся банку, ничего путного не дал, кроме мрачно повисшего вопроса: почему накануне не заметили усилившийся нагрев полутораметровой стены из бетона. Теперь предстояло опросить всех, кто готовил последнюю партию добавленного раствора в баки для отходов. Это были десятки людей, задействованных в цепочке события. Перед Лео проходили люди, с которыми он внимательно разговаривал, расспрашивал, уточнял, сверял, делал записи и просил оставить «здесь, здесь и здесь» свои подписи. Он делал всё это тщательно, скрупулёзно замечая любое сомнение человека, возникший вопрос, помечал всё себе. Это был один из двух Леонардов Воротовых – офицер службы Греча. Второй Лео помимо своего сознания фиксировал разговоры о том, что происходит там, с людьми, оказавшимися под сверкающими багрово-оранжевым сиянием мерцающих облаков, похожим на северное сияние. И среди тех людей под облаками где-то была и его Стаси. Вереница бесконечно устав-

ших людей, бесконечно дававших свои показания, отвечавших на прямые и перекрёстные вопросы, наконец закончились. В окне уже появился серый предрассветный сумрак, когда пронеслось: «Привезли первых».

Прибыли первые автобусы с вывезенными из зоны поражения людьми. Прибежавший к больнице Лео так и не смог увидеть белокурой головки Стаси, среди десятков свежестриженных голов солдат, некоторые шли шатаясь, как бы неуверенно, их всех быстро увели внутрь больницы. Он вообще там женщин не увидел.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал? – Лео спросил и сам не узнал свой голос, хриплый и трескучий от дёрнувшей в горле боли совершенно высохшего рта.

– Слушаю вас, подполковник, – голос Греча был похож на голос, раздававшийся из глухого подземелья.

– А куда же женщин повезли, товарищ генерал? В первом автобусе только призывники.

– В первом автобусе были только женщины, Лео. Просто они острижены. Волосы сильно звенят, их не отмоешь. Таков приказ. Все женщины в одной больнице пока. Стаси тоже там. К утру узнаем больше, что и как. Сейчас они снова отмываются, как я понимаю. Потом у всех возьмут анализы.

– И когда мы сможем её увидеть, па? – отец стоял у окна, опершись руками о подоконник.

– Как только можно будет – мать скажет, Лео. Она звонила, я с ней разговаривал, – за многие годы отец впервые на-

звал бывшую жену «мать», а не Кира Михайловна.

– И что? Какой прогноз, отец?

– Никакого. Всё зависит от организма.

– Пап, да что там зависит от организма? Там крошечный ребёнок наш, па?

– Терпение, Лео. Пока не сделают анализов, спрашивать бесполезно. Думаю, что уже делают. Давай, дождёмся до утра, пусть Стаси хотя бы согрется. Говорят, они сильно замёрзли от холодной воды.

– А что, нельзя было горячую воду организовать? – Лео не понимал почти безразличного голоса отца. Иногда, когда случалось что-то на работе или с друзьями, у того бывал такой скрипучий голос, что Лео не узнавал его, отец в такие минуты и сам становился вялым, как будто высыхал.

– Нельзя мыться горячей водой. Она расширяет поры и эти альфа и бета-частицы проникают глубоко в дерму, в кровеносные сосудики, в лимфу. Тогда – полная хрень. Альфы внутри очень активны и разрушительны, хотя просто так и лист бумаги пробить не могут. Начинается реакция в тканях. Понимаешь? И их оттуда уже никак не достать. Только холодная вода, мелкий песок, сдирающий «грязный» верхний слой эпидермиса и мыло. Всё. Они долго отмывались очень, пока им разрешили пройти в автобус. А из одежды – только солдатское бельё чистое. Холодно на улице.

Греч сидел, уткнувшись в списки, лежавшие перед ним на столе, и ординарцы всё время подносили и подносили ещё

и ещё: объекты, дозы, уровень, необходимые мероприятия, которые уже проводятся и которые ещё необходимо срочно провести и везде, в самые ответственные места, поставить работников отдела. Сделав один звонок, генерал тут же набирал другой номер и охрипшим от усталости голосом отдавал приказы, материл кого-то и делал пометки в листах, складывая отработанные в другую стопку. Постепенно картина нанесённого удара становилась объёмной, обретала смыслы в цифрах в количестве нужных людей и временных отрезках.

К утру на столе появилась карта, на которую тут же нанесли линии изученных зон и белые пока пятна. Доложили, что земля в месте взрыва покрылась неоновыми, светящимися в темноте ночи пятнами, и разведчики-дозиметристы, обследующие соседние банки ночью, перепрыгивали через них, стараясь попадать ногой на тёмную землю. Около взорвавшейся банки на карте появилась цифра 1000 – таков был уровень радиации в рентгенах в час на месте аварии. В шестнадцать миллионов раз превышающий допустимый уровень. Там можно было находиться не более одной-трёх минут. А яму надо было срочно зачищать, закапывать, как бешеную кусающуюся собаку.

Соседние банки тоже оказались повреждёнными и необходимо было срочно подвести дополнительное охлаждение, чтобы не повторился взрыв на второй-третьей банках. А чтобы подвести охлаждение надо было вручную пробурить

несколько отверстий в полутораметровом слое бетона на крышке соседних банок, на которых допуск был в пять минут и не более, даже, если свинцовые пластины клали под ноги работающему. Но от пыли из-под бура пластины не спасали. А для проведения работ надо было сначала снести заражённый грунт и насыпать свежий, чтобы можно было подойти к этим банкам и подвезти буровое оборудование.

Ординарцы генерала даже не садились на стулья, чтобы получить и унести, куда надо, распоряжение об организации необходимого количества людей, о сопровождении дополнительных бригад рабочих из других городов. Разместить всех. Проблемы и первоочередные дела вырастали горой, которую жизненно важно было разгрести в ближайшие минуты, часы и дни.

Лео интересовал только один вопрос: «Могла ли быть диверсия?» И сам себе отвечал: «для сумасшедших нет ничего невозможного». Первой версией было случайное— или не случайное — попадание в раствор сливаемых и охлаждаемых в банках нитратных солей оксолата плутония. Это могло привести к мгновенному разогреву раствора и взрыву.

Были ли сумасшедшие в Городе? Это, вообще говоря, — не вопрос. Лео прекрасно помнил, как однажды легендарный начальник объекта И.М. Ткаченко, узнав об исчезновении около двухсот миллиграммов плутония, лично искал его. Плутоний невозможно «потерять». Он оставляет явно

слышимый след.

И Ткаченко его, разумеется, нашёл.

Выплеснутым на забор на задах цеха.

Как? Кто? Почему? Золотая и платиновая рабочая посуда, о хищении которой подумалось в первую очередь, оказалась в целости и сохранности. Виновного не нашли.

Мог кто-то прийти в отчаяние от своего положения?

Мог.

Многие, попав на объект тем или иным образом, приходили в ужас при виде многих рядов «колючки», и отчаяние при полном дальнейшем осознании, на что они согласились или «купились». Но это уже никого не интересовало. Приехал – работай. Лучших условий жизни, чем здесь, нигде в стране не было. Здесь было всё – самое лучшее. Здесь во главе угла стояли совсем другие – не личные – интересы. Здесь во главе интересов людей, осознающих свою миссию, которая им выпала по никому не известному жребию жизни, был вопрос о сохранении Мира на планете Земля.

Быстрый путь на «большую землю» лежал через получение недопустимой дозы. Больше никак. Это иногда происходило и в эти достаточно уже стабильные годы работы завода. Но это было в случае халатности. Или аварии.

Лео понял, что придётся им ещё не раз пройти по цепочке людей, снова и снова проверять и перепроверять ситуацию, выявлять сомнительные, или слишком уж очевидные детали произошедшего.

Первые лучи солнца, проникшие через окна кабинета Греча, осветили серые от усталости лица людей, клубы папиросного дыма, вившиеся над головами тех, кто ещё держался на ногах, поглощая стаканы с крепким чаем, и тех нескольких посыльных, свалившихся на диванчике, чтобы уснуть хоть на мгновение, которые целую ночь работали нервными ниточками, быстро связывающими все службы Города. И предстоящий день не будет ни для кого проще — это все понимали.

Версия добавления оксолата натрия не подтвердилась. Вопросы остались.

Город не спал несколько дней. Некоторые впервые узнали, что такое военная мобилизация. Все, кто жил в городе, помимо своей основной работы привлекались к дополнительным санитарным работам по очистке города, чтобы не дать расползтись случайно занесённому заражению по Городу. Он стал строгим и подтянулся. На предприятиях появились таблички со временем допуска в различных частях и помещениях, и в основном они выполнялись. Счётчики и дозиметристы работали повсюду, в дверях магазинов и учреждений, часто выхватывая из проходивших мимо людей тех, чья одежда «звенела», её сразу изымали, и выкидывали в места сбора загрязнённых предметов. За изъятое выплачивали компенсацию. Обувь все тщательно мыли у подъезда в специально оборудованных ванночках с водой и привыкали

её оставлять на лестничной площадке, не внося в квартиры возможную «грязь». Самыми грязными местами стали автобусные остановки, на которых пересаживались работники комбината. Впервые встал вопрос о необходимости ежедневной рабочей смене одежды и обуви.

Люди есть люди. Некоторые пытались облегчить свои материальные потери от заражённых вещей и сбывали их через комиссионные магазины. Но это мгновенно выяснилось. Одежду на комиссию стали принимать только при дозиметрическом контроле. В дверях всех магазинов поставили дозиметры, чтобы люди сами могли выбрасывать грязные вещи, уберегаясь от радиации.

Службы города, организовывали круглосуточную работу там, где это стало необходимым: в поликлиниках, детских садах и яслях, для детей, родители которых участвовали в очищении и отмывании промышленных помещений огромного комбината круглосуточно. Он ни на минуту не был остановлен! Дозиметристы несли круглосуточную вахту, чтобы люди соблюдали режим допуска, не подвергаясь переоблучению.

Но избежать этого совсем – не удалось. Конечно, работали все с наибольшей отдачей, но по правде говоря, ни одна служба города не была полностью готова к развитию такой ситуации. В таком масштабе.

Поливальные машины отмывали крыши и стены домов. Всем приказали ежедневно мыть пол в квартирах, чтобы

как можно быстрее убирать проникающую с улицы пыль. Дозиметристы потом ходили и по квартирам, выявляя всё, что звенело или «вдруг зазвенело» и изымали.

На комбинате отмывали цеха, стены внутри и снаружи, потолки и крыши, и пол цехов, а потом смывали это всё с дорог и тротуаров в канавы. Эти канавы потом ещё дадут о себе знать, создав огромные по уровню радиации «свалки». Но сейчас важно было хотя бы как-то сконцентрировать эти отходы, чтобы потом и их вывезти, убрать в могильники. Во многих местах сдирали со стен штукатурку и вывозили в места сбора радиоактивных предметов. Используя последние более-менее тёплые дни, все газоны вспахивали плугами и вывозили слой почвы за территорию на радиоактивный могильник, трава очень активно впитывает радионуклиды.

Первых солдат вывели из частей только к утру. Оставшиеся на посту не были даже снабжены всеми необходимыми средствами защиты. Одежда, пропитанная осаждающейся на ней серой пылью, падавшей сверху крупными хлопьями, не менялась по нескольку дней. Эта пыль падала два дня, покрывая всё, что было накрыто облаком пыли из взорвавшегося отстойника. Основное количество радиоактивных веществ, около 18 000 000 кюри выпало здесь, на промышленной площадке, накрыв комбинат, и на военные части, охранную и строительную. И ещё этой пылью накрыло лагерь уголовников, зону, которая находился тут же, за за-

бором. Остальные 2 000 000 кюри унесло на северо-восток.

Руководители военной части были более организованы и смогли принять некоторые меры по защите подчинённых. Пол в казармах залили водой, чтобы не было пыли вообще. Но что они могли сделать с металлическими кроватями, которые сразу «зазвенели», и что они могли сделать со стволами оружия, за сохранность которого личный состав нёс личную ответственность, тем более в такой обстановке, стволы, которые хранились каждым рядовым рядом с собой в казарме, и которые тоже «зазвенели»? В строительной части солдат заставляли это оружие отчищать и отмывать.

Да хоть тут заотчищайся! Приклады отскребали до белой деревянной основы, а металл «звенел!» И «расстреливал» излучением радионуклидов всё вокруг, в том числе и владельцев оружия. Через неделю начали организовывать ратификацию военных, но некоторые уже получили такие дозы облучения, что поехали не на другие объекты дослуживать, а в госпитали, где подлечившись и подписав обязательство о неразглашении государственной тайны – с очень серьёзными последствиями в случае нарушения – отправлялись домой, если дом был далеко от границ страны. И в Алтайский край, и в Сибирь, если близко, – такова была суровая правда и цена необходимости сохранения тайны первой крупной атомной аварии в СССР..

А многие военнослужащие, их число сегодня практически

невозможно установить, отправились навечно в «Берёзовую рошу» или на другие, ближние к военному госпиталю кладбища.

Приближающийся холод заставлял торопиться и как можно быстрее рыхлить всю мягкую почву в частях плугами, чтобы вывезти это всё в могильники, потом сюда привезут свежую чистую почву. Но сейчас было важно до холодов вывезти всё, что было возможно.

Дозиметристы искали и повсюду находили такие клочки на газонах города, на газонах предприятия, и около, и дальше вокруг. И всё это вычерпывалось, грузилось и вывозилось. Контроль со временем сумел охватить почти все объекты.

Больницы и госпитали были переполнены. В Челябинской областной больнице срочно отвели целый корпус для облучённых людей. И каждый день сюда доставляли вертолётными больными для оказания им всей помощи, которая тогда была в распоряжении врачей.

А что было тогда в распоряжении врачей?

Абсорбенты, йод для щитовидки, питьё, раствор марганцовки и борного спирта для обмывания и дезактивации пострадавших, просто спирт для того же самого и для внутренней защиты, как тогда считалось, слабительное – самые необходимые компоненты, чтобы предохранить хотя бы желудочно-кишечный тракт, куда зараза попала с пищей и водой, если их не закрывали, как следует.

Пострадавшим давали самые дорогие из доступных и

нужных по мнению тогдашних врачей продукты, кому можно было есть: шоколад, красное вино, сливочное масло, молоко, яблоки и другие антирадианты, которые к тому времени уже были как-то определены и выделены в эту группу. Некоторым есть было нельзя, у кого была сильно повреждена слизистая желудка. В большинстве случаев приходилось надеяться на силы организма. Надеяться и помогать справляться с проявлениями симптомов. И только!

Но наверно хуже всего обстояло дело с гражданским населением, оказавшимся под выпадающим на землю из облаков, искрящихся розово-бордовыми цветами, серым пеплом. Только через неделю руководство ликвидации аварии сумело отправить дозиметристов с приборами, чтобы замерить уровень радиации в населённых пунктах, где люди все эти дни набирали воду из колодцев, выпасали коров на последних зелёных островках травы, поили своих малышей молоком этих коров, копали картошку, готовились собирать корнеплоды, и косили оставшиеся зерновые.

После первых же замеров, вокруг всех полей с неубранным урожаем были выставлены линии охранения, чтобы жители не тащили «халяву» с заражённых полей, отряды студентов и школьников привлекли – об этом сегодня даже писать страшно – к уничтожению, закапыванию выросшего урожая овощей. Сколько пыли «хватанули» эти дети никто не знает и уже не узнает никогда. Всё это происходило от незнания, неопытности, недопонимания уровня опасности и

от внезапности обрушившейся беды. В линиях охраны, выстроенных по кривым распределения радиоактивности, размеченными дозиметристами, стояли все, кто обычно охранял порядок, работники МВД и курсанты, мобилизованные студенты и призывники. Некоторые падали, теряли сознание. Их увозили, на их место, отступая дальше, вставляли другие. Все трудоспособные жители Челябинской области, часть людей из Свердловска и Кургана, кого можно было мобилизовать были мобилизованы, чтобы закрыть собой – сотнями тысяч людей – зияющую язву смертельной заразы.

«Ну-ка, давай померяем, сколько кто из вас каши сегодня съел?» – шутили военные дядьки в смешных костюмах, разъехавшиеся срочно по всем деревням, которые попали в область унесённого ветром радиоактивного следа, прикладывая к животам смеющихся пацанят дозиметры.

«Каша» за эти дни детишки уже съели столько, что была объявлена немедленная эвакуация ничего не понимающих людей. Им не разрешали брать с собой абсолютно ничего, кроме документов. Одежду на них меняли, всех заставляли мыться «посемейно» в срочно установленных помывочных пунктах от какой-то неведомой «грязи», выдавали чистое бельё с армейских, в основном, складов, солдатские новые телогрейки, садили в грузовые машины и быстро увозили рыдающих, не желающих забираться в кузова машин людей, подталкивая их сзади прикладами автоматов.

Кое-где не понимающие ничего люди пытались сопротив-

латься, устраивать бунты. В селе Бердяниш мужики, видя, как их кормилиц, загнав в силосные ямы, расстреливают, а коровы, не убитые сразу, мычат и пытаются разбежаться, кинулись на солдат в рукопашную. После коротких переговоров с начальником охранения, мужикам разрешили собственноручно и быстро прирезать скотину, свою коровушку-кормилицу, чтобы она не металась в ужасе по яме, не мучилась напрасно. Даже трудно себе представить, что испытывали те, кого насильно грузили в машины и которые кричали солдатам: «Да вы хуже фашистов, гады!»

И также трудно представить что испытывали эти солдатики, пацаны с автоматами, которых жители били по головам, в которых плевали женщины, когда солдаты их насильно выволакивали на улицу из их, ещё утром уютных и, казалось, таких надёжных, домов.

Из дома, где печка горела и суп варился, и вёдра с молоком стояли, выволакивали людей и сажали в машины, навсегда увозя их из родных мест, спасая им жизни.

А чтобы не было соблазна вернуться в эти насквозь «грязные» дома, дома эти тут же грейдерами сносили вместе со всем скарбом, горячими супами и вёдрами с молоком, и дорогими сердцу вещами в силосные ямы, к убитым коровам, или в вырытые специально траншеи, и засыпали многими метрами земли сверху. Хоронили навсегда.

Да, конечно, переселенцам выплатили компенсацию за потерянное имущество, честно меняли личные вещи – вещь на

вещь, даже пиджаки, снятые с огородных чучел, меняли на новые. Но кто мог этим людям вернуть их прежний покой и надёжность в жизни? А самое главное – кто и когда сможет им вернуть здоровье, на которое первые дни они пока и не жаловались. Но проникшие в их клетки альфа, бета и гамма-частицы уже начали свою разрушительную работу. И продолжили её и на новых местах, куда людей, вместе с этими частицами, вывезли на постоянное место жительства.

В течение нескольких дней было вывезено с особо заражённой территории 10270 человек. А потом ещё 110 000 человек, а потом ещё... всего около 270 000 человек. С лица некогда плодородной земли исчезли бесследно 217 населённых пунктов. А некоторые, с «приемлемым» на тот момент времени уровнем заражения – остались. Шумок среди народа конечно был, но вслух обсуждать всё это запрещалось под угрозой уголовной ответственности, вплоть до статьи «измена Родине».

И только много лет спустя, когда очевидно проявилось действие радионуклидов на организм человека в течение всего периода их полураспада, стало понятно, что тот «приемлемый» уровень для продолжения нормальной жизни был неприемлемым абсолютно.

Но это со временем только выяснилось. Со временем близком к периоду полураспада Cs-137, Sr-90, Pu-23, Ce-144 и других им подобных.

То же самое происходило и в Городе с людьми, вставшими на его защиту. Хотя облако и отнесло, но совсем избежать заражения не удалось. Отмывая комбинат, который нельзя было остановить ни при каких условиях, во избежание ещё большей аварии, отмывая Город, продолжая работать, продолжая жить в режиме военного времени, люди получали ежедневно повышенные дозы радиации. Через месяц после аварии тем, кто набрал «дозу» больше 250 рентген, разрешили покинуть Город, «вывели» их навсегда из числа людей, которым можно было работать на подобных предприятиях. А это была практически гарантированная острая лучевая болезнь II степени.

Город отмывали ещё два года, особенно после весеннего таяния снега в 1958 году, в аварийном году снег выпал очень рано – 10 октября, на десятый день после аварии. Природа как бы закрылась в ужасе от произошедшего, укуталась снегом, прикрыв собой очаги «грязи».

Весной снег начал таять, и талыми водами из земли всё выносилось на поверхность. Вода потащила радионуклиды в траву, в деревья, в грибы. Наверное в те годы Город был самым чистым в физическом смысле городом, если не считать, что то тут, то там «выплывали» заражённые пятна. Две улицы заново заасфальтировали: ул. Школьную и ул. Ленина (бывшую ул. Сталина). Те крыши, что были когда-то залиты гудроном, перезалили новым гудроном.

Конечно, за этот беспримерный личный подвиг ликвида-

торам выплачивали компенсацию – 200 рублей на человека. Но что значила эта компенсация? Все, кто тут работал, понимали истинную цену таким работам. Ценой часто была жизнь.

На замену «выведенным» приезжали молодые специалисты, которых негласно, или по решению руководства – сути это не меняет – решили беречь, чтобы было кому потом нести эстафету с плутониевым факелом дальше, пока это будет нужно стране и Миру. Молодых обучали делу дозиметристов и отправляли на регулярные походы-поиски «звонящих» мест и предметов. Это, всё-таки, было менее опасно, чем участвовать в непосредственной ликвидации следов аварии.

Когда-то в древних княжеских дружинах и ополчениях был негласный закон: в первые воинские шеренги становились старики, седобородые и умудрённые опытом и жизнью, чтобы дать более молодым время примениться к боевой обстановке, успеть сориентироваться и приловчиться к врагу. И только после того, как стрики вязывались в бой и, конечно, падали, «за место» их тотчас вставляли более молодые и, может, более удачливые, и точно большие нуждающиеся в продлении дней жизни своей, в которой ещё не всё успели сделать. А молодых пацанов берегли напоследок – пусть получше пообвыкнут и приловчатся бить врага! А то и вовсе в драку-то их не пускать можно будет

Так, мудро оберегая жизнь молодых своих, русичи и сохра-

нили свою огромную и богатейшую страну, для счастливой жизни их потомков. Это – в крови нашей сохранено тысячами лет и войн, это – наш русский код достойной жизни, это – в генах наших поёт славная героическая песня ушедших предков.

Чтобы читатель понял суть того, чему подвергались первые ликвидаторы первой огромной аварии атомного сектора, которая по ужасу и неизвестности последствий, по безвыходному положению жителей и работников предприятия, по героизму ликвидаторов намного превзошла даже Чернобыльскую аварию. Приведём ряд сухих цифр и последствий их. И факты.

Сначала о сути дела.

Радиоактивный самопроизвольный распад изотопов в природе был и происходил всегда, завершаясь в конце концов стабильными неспособными к дальнейшему делению нуклидами. Даже в человеческом организме постоянно происходит 4500 распадов за одну секунду изотопов $K40$ (кальций 40) и $C14$ (углерод 14). Но с таким излучением организм легко справляется и клетки полностью восстанавливаются, замещаются.

Что происходит с тканями организма, подверженными сильному облучению альфа, бета и гамма-частицами? Эти частицы просто рвут в клочки молекулы управляющих ферментов. То есть, наш организм лишается Программы работы и восстановления всех тканей органов. Самыми легко-

поражаемыми органами являются по убыванию: репродуктивные половые органы человека, затем молочные железы, красный костный мозг, лёгкие, кишечник, щитовидная железа, печень, мочевой пузырь, другие ткани, головной мозг, кожа. Сегодня это определено с достаточной точностью. Образовавшийся в результате распада электрон и ионизированный атом, активно взаимодействующие с атомами и молекулами тканей, превращают воду, например в тканях организма, в перекись водорода, и далее следует целая цепочка необратимых взаимодействий этой перекиси водорода на молекулярном уровне с другими молекулами тканей. Рвутся молекулы ДНК, содержащие нормальные наследственные программы создания человека. Рвутся молекулы белковых структур, ферментов, разрываются на рваные осколки хромосомы.

Чем выше уровень облучения организма, тем более мощные разрушения происходят в нём. С началом развития атомной промышленности со временем были разработаны некие нормы, которые считались приемлемыми для нормального восстановления и самовосстановления организма человека. Они зависели и от интенсивности облучения, и от длительности воздействия облучения.

До 1950 года, невежество в этом вопросе было таковым, что некоторые руководители, считали, что молодые люди, жалующиеся на слабость и головные боли, на затруднённое дыхание и т.д. – просто неженки и симулянты. Тем бо-

лее, что врачи ставили им всем общий диагноз: «Вегето-сосудистая дистония II степени.» Другого диагноза по законам охраны строжайшей государственной тайны, они и не могли ставить. Потом появился другой диагноз: «Плутониевый пневмосклероз».

Да что говорить о тысячах простых работников, когда сам Курчатов И.В. вручную(!!!!) разобрал спекшившиеся блочки с ураном во время первой технической аварии на реакторе. И получил дозу в 250 рентген. А его генералы охраняли! Просто мало знали тогда наши спецы. Да, надо признать, что и реакция разных организмов на одно и то же воздействие существенно различается. Один из первых легендарных директоров – Славский Е.П., под два метра ростом, получил, говорят, почти тройную убийственную «дозу» – и дожил до весьма преклонных лет. До 94 лет почти.

Тем не менее, общие результаты обследований и диагнозов как-то определили предельно допустимые нормы. По засвечиванию фотоплёнки и т.п. Результатом таких норм было то, что 20 000 человек сменились в Городе за первые пять лет из-за переоблучения. Диагноз таким людям ставился тогда один – всё тот же «Плутониевый пневмосклероз» в городе и «ВСД II степени» за его пределами.

Понимали ли люди всю опасность работы в этом Городе? Конечно. Сначала многие впадали в панику, попадая за колючую проволоку периметра. А потом привыкали. Это была «система шиппель», как тогда говорили. Обратного пути ни

для кого не было! А потом, глядя на своих товарищей, самоотверженно и стоически работавших на главную цель – спасение Родины, тоже проникались духом патриотизма, полной самоотдачи. И избранности! Автаркической обособленности и избранности! Иначе жить было невозможно. Там все были такими. Избранными.

В нашем случае для работников Города были объявлены в 1950 году следующие нормы:

Дневная предельно допустимая норма облучения(доза) – 0,1р (рентгена)

Годовая допустимая доза – 30 р (примерно 30 БЭР, хотя это и некорректное по сути влияния на организм приравнение)

В 1954 году:

Дневная – 0,05р.

Годовая – 15р (примерно 15 БЭР).

Во время ликвидации Чернобыльской аварии 1986 года допустимые дозы были вынужденно повышены: до 10 рентген за всё время воздействия на ликвидатора (от недели до месяца).

Дозы выброшенные в атмосферу в Чернобыле были высокими, в два раза примерно выше, чем на «Маяке», но их кардинально отличало от доз, которые получали ликвидаторы «Маяка» то, что на «Маяке» выбросило длинноживущие (до 30 лет) в виде жидких и твёрдых аэрозолей изотопы Стронция-90, Цезия-137 и другие. А в Чернобыле выбросило

в основном короткоживущие (до 8 дней) изотопы Йод-131, тоже очень опасные, разумеется. Какая разница, какой изотоп уничтожил твои хромосомы? Последствия облучения были всё-таки другие, и возможности у людей были разные. Припять была покинута жителями на долгие годы.

Город и «Маяк» не остановились. Стране был нужен оружейный плутоний.

В 1999 году приняты средние допустимые нормы

За день – 0,03р

За год – 10 р

Сегодня, когда учёные имеют огромный опыт исследований и изучения трагических событий, аварийная доза свыше 300 рентген считается практически смертельной. 400 рентген – это быстрый летальный исход для человека.

При облучении плода беременной женщины более, чем 10р – плод погибает, по наблюдениям исследователей и медиков.

Чтобы определить дозу, надо уровень радиации получаемой в час умножить на количество часов, в течение которых организм находился в зоне поражения.

В понедельник в Городе вернулись к работе многие, кто уезжал отдыхать и понятия не имел об аварии. И мгновенно на каждом предприятии, в каждом подразделении организовывался штаб ликвидаторов, почти стихийно без указаний сверху.

Сергей Дмитриевич прикорнул в своём кабинете в крес-

ле, прикрыв ноги плащом. Идти домой не было никакого смысла. И не к кому. Он ждал звонка. Если не звонит – значит не может. И он только успокаивал Лео, когда встречался с ним, похлопывая его по спине: «Сын, сейчас надо подождать. Мать всё держит под контролем. Если молчит пока, значит, не всё понятно».

– Я понимаю, па. Всё, я на двадцать пятый поехал. Там сейчас Семёнов штабом командует. Надо кое-что собрать. Мне всё равно не понятно, как так прозевали: шланги текли. Датчики не работали. Пар шёл. Жёлтый туман какой-то? Это что – диверсия чистой воды?

– Не горячись. И по возможности никуда зря не суйся. Там сейчас заваливать воронку будут, по предварительным данным там около тысячи рентген сейчас. допуск не более минуты. Учти.

– Отец, я – не идиот. Хотя, нет. Именно, что – идиот. Когда мать обещала позвонить?

– Лео, я уверен, что она всё делает, что нужно для Стаси.

– Ладно. Мне к Семёнову надо и к Серёде. Греч не верит в случайности. Я – тоже. Часа через два буду.

– Ты хоть чуток уснул, сын? Сейчас голову надо держать свежей.

– Какой свежей, па? Я даже сидеть спокойно не могу. Скорее бы мать позвонила.

Кира Михайловна работала в своём штабе по ликвидации,

как и все начальники всех многочисленных спецотделов и служб, она была на ногах вторые сутки. Трубка телефона была тёплой от постоянных звонков-вопросов и звонков-ответов.

Снабжение медикаментами, персоналом, сводки от дозиметристов, наносимые поминутно на карту, доклады лабораторий о полученных первых анализах. Перераспределение больных по группам тяжести поражения. И подготовка прогнозов. Прогнозы – самое тяжёлое дело в работе врача в такие времена. На войне Кира Михайловна видела врага в лицо, слышала, сама отстреливалась из автомата от догонявших эшелон фашистов на мотоциклах, прорвавших оборону.

А тут враг был не виден, беспощаден и непредсказуем.

Вася позвонил и сказал, что Стаси лежит, отходя от наркоза после операции. Насколько можно было понять в этом крошечном беспомощном кусочке розовой плоти, погибла девочка. Внучка. Хотя на таком сроке беременности мальчики нечётко ещё проявлены

Таких женщин, потерявших деток, через операционную уже трое за сутки прошло.

Этот чёртов атом убивал в первую очередь младенцев – самое дорогое и беспомощное.

Позвонить Лёдику или Сергею у Киры Михайловны не поднималась рука. Васенька так радовался тогда, что сбылась, наконец, общая мечта всех обитателей соседних особнячков, притулившихся в густой зелени за решёткой особо-

го посёлка Города, поздравлял её, как будущую бабушку. И она тоже была рада. На расстоянии.

И вот, радость оборвалась. И она, мать и бывшая жена, снова будет чёрным вестником для Лёдика и Серёжки, и они возненавидят её ещё больше...

В дверь вошёл знакомый мужчина из администрации Города.

– Здравствуйте, Кира Михайловна. Можно уже предварительный прогноз по самым тяжёлым получить?

– Зачем? Кому?

– Ну как. Должны же мы знать, сколько и как готовить мест в «Берёзовой Роще»?

– То есть, как это «как готовить»?

– Кира Михайловна, если много надо, то надо выделить трактор заранее. С ними напряженка сейчас. Грунт необходимо снимать во многих местах. Грейдеры нужны. А если немного, то, может, и вручную управимся.

– Сто пятьдесят примерно – это сколько? Много? – Кира Михайловна ещё раз просмотрела списки. – Может и двести.

– Это трактор нужен, Кира Михайловна. Нет у нас столько лишних рук сейчас. И на какое время?

– Слушайте, я – не господь бог. И я понятия не имею, как люди будут сопротивляться этой заразе. Понимаете? Это сугубо индивидуально. Понимаете? И, пожалуйста, не пугайте людей заранее. Тут все молчат, но все всё понимают. Копайте хотя бы не сплошными рядами. Ну, не знаю. И вообще –

рано говорить об этом. Правда трое – совсем безнадёжны, – Кира Михайловна отошла к окну, чтобы скрыть выражение своего бессильного отчаяния.

– Ну, то есть, сто точно копаем? Остальные может и выкарабкаются, дай бог. Не всем одинаково попало, говорят.

– Копайте. Двадцать пока, – не оборачиваясь, Кира Михайловна махнула рукой, отпуская посетителя.

Звонок раздался как-то особенно требовательно и тревожно.

Неизвестно, каким чувством человек иногда чувствует, кто звонит? Души окликают друг друга, что ли?

– Алло? Кира? Привет. Какие новости?

– Привет, Серёжа. Плохие новости. У Стаси началось отторжение погибшего плода. Сделали операцию. Приходит в себя после наркоза.

– Надо что-то купить? Сока, фруктов? Она любит...

– Серёжа, не надо ничего покупать. И нельзя сюда ничего приносить. Она лежит в отдельной стерильной палате. Для неё сейчас всё внешнее несёт угрозу. Понимаешь? И приходиться нельзя, и увидеть её – тоже нельзя.

– Всё так серьёзно? Но в смысле жизни-то...

– Очень серьёзно. Более, чем серьёзно. Они попали под самые сильные осадки, даром выводить их оттуда Думенка самого послали. Там, говорят, до сих пор падает пепел. Их первыми вывели, но пробыли они там около десяти часов. Ну сам и посчитай... И пятнами всё везде сыплется. Сколько

точно она получила – неизвестно. Пытаемся выяснить среднюю хотя бы картину по анализам крови. И, судя по всему, эта картина получается совсем хреновой, Серёжа. Объясни это всё Лёдику, как-нибудь. Я не смогу сейчас с ним говорить. Пожалуйста.

– Хорошо. Только ты мне скажи, а ещё ребёнка Стасенька сможет иметь?

– Серёжа! Если такое облучение, что ребёнок сразу погиб, то навряд ли. Там хромосомы – в ключья. Некого рожать просто. И ей самой бы выжить. Понимаешь?

– Да. Пока.

– Пока.

Всё становилось яснее ясного. Свою бывшую жену Сергей Дмитриевич прекрасно знал, и если уж она не могла говорить о чём-то более спокойно и подробно, значит дело действительно было очень серьёзным.

Лео хватался за всё, что могло представлять хоть какой-то интерес для следствия. Но спецы в один голос твердили, что к счастью взрыв был лишь тепловым.

Режим в зоне ужесточился.

Никто не знал, что это за весёлые и разговорчивые люди, по пригородным поездом в разные концы разъезжали тогда. Расспрашивали многих, севших на определённых станциях пассажиров о красотах этих мест, о том, куда и зачем попутчик едет, не по пути ли им? И где работает попут-

чик, чем занимается?

Тайну взрыва оберегали самыми разными способами, проверяя людей на соблюдение подписанных ими обязательств, данных когда-то при приёме на работу или при увольнении с таковой.

И случайными попутчиками людей тоже проверяли. И всякое бывало. Но в основном подавляющее большинство даже выведенных с территории людей прекрасно сознавали, насколько важен режим тайны даже за колючкой.

Лео старался так устать, хотя тут и без особого старания ноги к вечеру гудели и голова пухла от постоянных проработок самых разных версий и вопросов. Комиссии одна за другой приезжали и оставались, требуя отчётов, доказательств, за этими делами праздник юбилейной годовщины Великого Октября прошёл в Городе незамеченным.

Первый тяжёлый лихорадочный рабочий шок сменился привычной усталостью и привычкой к другому, какому-то автоматическому, собранному и очень напряженному ритму жизни. Лео часто оставался ночевать в кабинете. Сергей Дмитриевич бессильно наблюдал смертельную муку, которая застыла в глазах сына. Они стали меньше говорить друг с другом, если Лео и заглядывал домой, то только для того, чтобы помыться под душем, быстро перекусить чем-нибудь и уснуть тяжёлым сном в своём кабинете.

В их со Стаси спальню он даже не заглядывал.

Поздними вечерами он иногда доходил до горздавотдела, и если в кабинете матери горел свет, то заходил к ней, устало махнув секретарше, чтобы сидела и не бегала докладывать, молча садился на стул и ждал.

Он и сам не очень понимал, чего он от матери сейчас ждал, просто она была единственной ниточкой, хоть как-то связывающей его со Стаси. Вася вообще дома не бывал, спал в больнице в своём кабинете и дозвониться до него было невозможно, да и совестно, больница сейчас выступала в первых рядах спасителя тех, кто рисковал собой., кто случайно попал под пепельный чёрный дождь

– Привет, – тихо здоровался он с матерью.

– Здравствуй, Лёдик, – мать снова опускала голову в бумаги, вычёркивала, что-то отмечала красным карандашом, вызывала секретаршу и давала той какие-то поручения. И ни в одном из них Лео не слышал ничего, что бы относилось к его Стаси.

– Ма, ты почему молчишь? – Лео жёстко до хруста сжимал руки, не понимая, зачем она-то его испытывает молчанием.

– Ничего нового, Лёдик. Я бы сразу сказала. Да и рано ещё делать какие-то выводы. Понимаешь? Нам нужны объективные данные по картине крови.

– А расчётов мало? Есть же объективные докладные?

– Есть, но они не совсем объективные. Выяснилось, что там были огромные пятна с уровнем до десяти рентген. И они собственными силами ставили там вешки, указывающие

тропинки, по которым можно ходить, а по которым нет. И Стаси каким-то образом в этом участвовала. Разумеется, это было нужно. Но у них же кроме сапог резиновых, плащей и противогазов не было ничего. Защита, конечно. Но кто из них и сколько прихватил, может показать только время, картина крови. Понимаешь?

– Да понимаю я всё. А через сколько времени я могу к ней попасть?

– Лёдик, ты, как маленький. В детстве ты таким же был – один и тот же вопрос задавал тысячу раз.

– Ну и что? Ну почему мне нельзя к ней попасть? Она звенит? Хорошо. Я хотя бы не надолго – зайду и выйду. Я ей опасен? – Хорошо! Стерилизуйте меня в ваших растворах, переоденьте в стерильные штаны и маску на мою морду в десять слоёв навяжите. Что? Нельзя?

– Ты глупостей-то не говори. Стерилизуйте его... – мать усмехнулась. – Ты хоть знаешь, что значит стерилизовать человека на медицинском языке?

– И что? Разве не тщательно вымыть?

– Нет. Стерилизовать человека – это значит лишить его возможности продолжить род. Вот большие дозы радиации это успешно и делают. А то, о чём ты говоришь – это обеззаразить, просто обеззаразить.

– Да мне без разницы. Обеззаражьте меня как-нибудь. Мне кажется, что ты что-то от меня скрываешь, и Вася туда же.

– Да Вася ног под собой не чувствует от усталости. Спит по два

часа. Лёдик, а ты уверен, что Стаси хочет тебя сейчас видеть?

– То есть? Конечно уверен, что хочет. А ты почему сомневаешься-то вдруг?

– Я не сомневаюсь. Я почти точно уверена, что – нет. Не хочет. Ей очень тяжело сейчас. Собственно, только сейчас все симптомы начинают проявляться по-настоящему. И ни одна женщина в мире не захочет показаться своему любимому в не очень-то приятном виде.

– А ты не думай. Ты у неё самой спроси – вот и всё! Ты же к ней заходишь, однако? А ты тоже везде бываешь, и навряд ли каждый раз стерилизуешься.

– Стерилизуюсь. Хорошо. Я посоветуюсь с Василием Петровичем. Но тебе надо будет сдать все анализы, чтобы мы были уверены, что ты – абсолютно здоров, хотя бы.

– Да легко! Наконец-то! Когда, куда и какие анализы сдать?

– Я поговорю с Васей. Он лучше меня знает все эти тонкости.

– Звони сейчас, ма. Я не усну.

– Лёдик, перестань меня шантажировать? Ну, не пять же тебе лет? На часы посмотри. Ему тоже надо отдыхать. И мне, между прочим, – тоже.

– Мама, ну один звонок только – и я испарюсь. Ну, пожалуйста. Ты всё можешь! – давно её сыночек так умоляюще не смотрел на неё и не складывал ладошки в лодочку... Кира Михайловна подняла трубку телефона.

– Вася? Не спишь? Да и я тоже. Ничего. Мы же и не такое переживали с тобой? Слушай, тут у меня Лёдик сидит. Он мне вторую неделю проходу не даёт, просит, чтобы мы разрешили ему Стаси увидеть... Я-то понимаю, но эти доводы на него не действуют. Он готов даже стерилизоваться ради этого, как он говорит... Да шучу я. Как думаешь, можно это в принципе осуществить? Ну, разумеется, конечно. Ладно, порешаем. Когда ему к тебе подойти и куда? Хорошо. Спокойной ночи, если они у тебя есть сейчас, спокойные-то. Двенадцать уже. Хорошо. Спасибо, Василёк.

– И что? Куда, когда? – Лео, впервые услышавший такое неформальное обращение матери к Васе, за собственной радостью пропустил это всё мимо ушей. Какая разница, как она там его называет, если ему разрешили, наконец, увидеть его любимую Стаську.

– Завтра подойди с утра пораньше. Часов в шесть, они там рано начинают сейчас. У тебя возьмут анализы, которые необходимы. Всё. спокойной ночи, сын.

– Ма, спасибо тебе, – и впервые за много лет сын обнял её и прижался так, что она тут же вспомнила, как пах её маленький сынишка тогда, когда не было ещё этой проклятой войны. Сейчас он пах ещё и слезами, которые старательно скрыл, быстро отвернувшись и выйдя из кабинета.

Кира Михайловна долго провожала глазами фигуру сына, похудевшего, стройного, легко и быстро удаляющегося в свете ночных ярких фонарей прочь.

Дверь в палату бесшумно открылась. Как предупредила сестра на посту, Стаси спала где-то в этой полутьме.

Глаза привыкли к сумраку палаты и слабенькому свету от прикрытой маленькой настольной лампочки. На высокой кровати, где-то среди этих белых простыней должна была лежать Стаси. Его любимая милая Стаська. Лео разглядел остриженную голову на большой подушке и руку привязанную бинтом к основанию кровати с иголкой капельницы, бесшумно отмеряющей каплю за каплей, исчезающие в трубочке, прикрытой простынёй. Вторая рука лежала поверх одеяла и была тоненькой и почти прозрачной, синие жилки просвечивали сквозь кожу и кое-где были видны зеленоватые синяки.

«Отчего эти синяки?» – механически подумал он, закрыв на минуту глаза и втягивая глубоко воздух.

Как не готовил его Вася, увидеть Стаси такой он не предполагал.

Остриженная головка её, идеально гладкая, как у ребёнка и была, как у большого ребёнка, она казалась ему неестественно маленькой. У Лео защемило в груди, и он глубоко вдохнул, чтобы справиться с первым шоком от увиденного. Под глазами у Стаси были огромные тёмные круги, Ни бровей, ни ресниц не было. А губы её, такие любимые и милые, сейчас были потрескавшимися и в мелких лохмотьях шелушащейся кожицы.

Он сидел неподвижно, боясь разбудить её, сжимал глаза, чтобы зажать эти чёртовы слёзы, которые сейчас были совсем недопустимы. Ему так хотелось прижаться к её руке, поцеловать в голову, ощутить прежний любимый запах волос...

Маска, натянутая на всё его лицо, тихо впитывала слёзы. Случайно, забывшись, Лео швыркнул носом. И тотчас её глаза распахнулись, как ему показалось, заняли собой всё её бледное личико. Он понял выражение «одни глаза остались», как говорили иногда про него мам и бабушка в детстве, когда он тяжело болел.

У Стаси тоже остались одни глаза, которые смотрели на него, не узнавая его за этой маской и Васиной шапочкой врача.

– Привет, солнышко, – тихо прошептал Лео, стараясь, как можно мягче вернуть её к действительности.

– Лео? Ты зачем здесь? – Стаси свободной рукой натянула на себя одеяло, закрывшись до самого носика, заострившегося сейчас и выделявшегося светлым пятном на лице, слегка освещённом лампой.

– Как зачем? Я без тебя совсем не могу. А эти перестраховщики меня к тебе пускать не хотели. Но я их убедил, наконец.

– Тебе не надо здесь находиться. Это небезопасно, – Стаси, не мигая, смотрела на него и узнавала постепенно любимые черты, которые так давно не видела.

– Я тут полностью простерилизован и переодет в стерильное. Только целовать тебя не разрешили. Только через марлю эту дурацкую. Я теперь каждый день буду приходить, когда вечером народу тут меньше.

– Лео, тут и для тебя опасно. Не только для меня.

– Несколько минут ничего не решают. Как ты, солнышко моё?

– Не очень. Голова всё время болит. И противно подташнивает.

– Тебя тут нормально кормят, хоть? Мне запретили приносить с собой абсолютно всё. Ты очень похудела, я сразу в темноте этой тебя и не узнал.

– Ты меня и при ярком свете бы не узнал. А есть мне сейчас ничего нельзя просто.

– Как это?

– Так. Но меня нормально кормят. Видишь? – Стаси кивнула слегка в сторону капельницы.

– Это тебя так кормят?!

– Да. Сейчас только так можно. Как вы там с папой?

– Мы? А что – мы? Как все. Работаем. Спим немного, снова работаем, и так – по кругу. Сейчас главное – как ты, моя любимая? Может быть надо что-то из Москвы заказать...

– А какой сюрприз ты привёз из Москвы? Ты когда приехал?

– Двадцать девятого и прилетел. Только в десять вечера. Опоздал я, Стасенька. Прости меня.

– А сюрприз? И как это – прилетел? На чём? Ты же поездом должен был ехать? – она медленно, но как-то одновременно сразу задавала все вопросы, которые с трудом вспоминались ею

– Нас сразу же всех собрали, на самолёт военный и сюда привезли. Очень просто.

– А сюрприз?

– Сюрприз? – Лео сжал зубы. – А не было никакого такого особого сюрприза. Просто ещё одну звёздочку приделали, будь она проклята.

– Почему, проклята? Ты – подполковник теперь?

– Нет. Я не подполковник, я просто идиот. Я никогда себе не прощу, что остался там на это обмывание этих звёздочек. Если бы я приехал – ничего этого бы не произошло.

– Ну, что ты говоришь, Лео. Всё это никак не связано между собой. Оно само произошло.

– Нет, любимая. Если бы я послушался твоей цыганки и был в эту ночь с тобой – ничего бы этого не произошло. Я же чувствовал, что что-то не так у меня на душе? Чувствовал. Но уступил приятелям. Вся наша рота собралась. Ну и вот. Я бы все звёзды мира бы отдал, чтобы вернуть ту пятницу. Всё бы отдал. Только никому теперь этот мой подарок нафиг не нужен. Мне прямо в ухо кто-то нашёптывал, а я не слушал. Это и раньше у меня так бывало. Я просто дурак. Не слушаю свою интуицию, или ангела своего. Он так настойчиво и тихо мне шептал весь вечер, что я делаю совсем не то... Прости

меня, лапочка моя. Ни разу он меня не обманул. А я тебя обманул. Сволочь я.

– Лео, ты не при чём. Это совпадение. Просто совпадение. Папа тоже меня отговаривал, Везти никак не хотел. Я сама упёрлась. Хотя тоже понимала, что не стоит его так расстраивать. И вот. Как он?

– Сам не свой ходит. А когда тебе можно будет нормально питаться?

– Не знаю. Всё зависит от анализов. Они мне ничего не говорят, значит, дело обстоит не очень хорошо, насколько я знаю Василия Петровича.

– Но он сказал, что воспаления лёгких не допустили. Сильно вы там замёрзли, пока отмывались?

– Замёрзли? Я не помню. Перенервничали сильно. А теперь ты иди, Лео. И позови мне сестру. И завтра не приходи, мне тяжело пока разговаривать.

– Хорошо. Только помни, что я тебя люблю. Очень люблю. Я обязательно приду и просто посижу рядом, а ты будешь спать. Ладно?

– Ладно, Лео. Иди. Папе привет, – и Стаси закрыла глаза, не желая видеть, как за ним закрывается дверь.

Всю ночь в бредово перемежающемся с бодрствованием сне Стаси снилась эта закрывающаяся дверь, за которой был свет, в котором растворился Лео, а ей этот свет нестерпимо резал глаза.

Василию Петровичу с трудом удалось привести Лео в се-

бя, налив ему граммов сто спирта.

– Я тебя предупреждал, Лео. Ты же не слушаешь никого. Прогнала – и правильно сделала. Ей сейчас силы нужны, чтобы выжить. Хорошо, хоть, воспаление купировали как-то. Температура же вспыхнула! Организму надо спасибо сказать. Кстати, что она тебе сказала о ребёнке?

– Ничего. Я эту тему вообще не трогал, – у Лео шумело в голове.

– А может и зря. Мне кажется, что именно это для неё – основной шок, что она теперь ребёнка не сможет никогда родить. Как мы все обрадовались тогда! Господи. За что нам всё это?

– Можно, я завтра снова приду, Вася?

– Поживём – увидим, как она ваше свидание перенесёт. Судя по тому, что она тебя практически выгнала – не очень. Я тут с ней, пока шёл период внешнего благополучия, так сказать, много по ночам разговаривал, чтобы она засыпала, хотя бы. Она уснуть не могла. Знаешь, о чём она меня попросила?

– О чём?

– О том, чтобы я ей помог... как бы это помягче-то выразиться? Ну, короче, отвязаться от тебя.

– Отвязаться? Так и сказала?! Она меня возненавидела.

– Да нет. Она тебя любит больше, чем себя.

– Тогда в чём дело?

– А дело в шляпе, Лео. Если Стаси выживет, детей она

иметь не сможет. А мы же там всем колхозом ликовали. Козу завели, понимаешь. Вот её и обуяла идея похоже, чтобы ты с ней развёлся и женился, и родил себе кучу ребятишек, и чтобы все были счастливы. Вот так. А она, если выживет, уедет к себе в деревню там какую-то.

– В Берлуши?

– Вот-вот. В них самых.

– А что же ты мне сразу, до того «как», всё это не рассказывал, Вася?

– Думал, что вдруг она увидит тебя и переменит своё решение? Значит, не переменяла, насколько я понял. Она просила меня помочь ей каким-то образом спокойно расстаться с тобой. Понимаешь? «Я, – говорит, – сейчас просто мыслящая пустая коробочка на двух ножках и с двумя ручками. Совсем и навсегда пустая. А Лео должен продолжить свой род и быть очень счастливым. Это неправильно, если из-за меня они все будут несчастны и в доме не засмеётся его ребёнок».

– А почему, Вася, ты всё время говоришь «если выживет»? Она что, может и не выжить?!

– Лео, всё на волоске висит, и всё зависит от сил её организма. Несколько человек уже выписались. Понимаешь? Люди разные. Органы разные. Ну и доза разная, разумеется. Один на пятне стоял, а другой только рядом. Один в маске всё время, а другой так открытым ртом эту заразу и заглатывал рядом. Кстати, Стаси там этими масками может и не од-

ну жизнь спасла, солдатики говорили. Содой заставляла их рот полоскать и носы промывать. Зоны эти ограждали они с офицериком дежурным. Тоже лежит у нас парень. И тоже много хватанул. Но ему-то аборта не делали. Этим ещё всё усугубляется же. И ещё она йодные шарики с собой взяла – несколько коробочек купила в аптеке. Так, говорит, на дурака купила, чтобы показать пацанятам, как они выглядят и дать попробовать, йода же у нас всегда не хватает. Пригодились. По крайней мере на день щитовидку немного подстраховали. А, может, кого и от смерти спасли. Не знаем мы ничерта про эту дрянь – радиацию эту. – Василий Петрович говорил и говорил, чтобы Лео потихоньку понял и принял, насколько положение Стаси серьёзно, перемежая свои разговоры о болезни, намерениями Стаси, разбавляя одну мысль другой, менее резкой, как ему казалось, но не менее ужасной для самого Лео.

– Вася, ты вот тут юлишь, частишь, и меня заговариваешь. Ты мне прямо скажи – какая доза у неё? Про остальное я сам уже читаю, раз вы такие нерешительные. Что толку прятаться, надо же что-то реально делать? Может быть в Москву её вывезти? Я организую.

– Они там меньше нашего знают.

– То есть вы – ничего не знаете, а они ещё меньше вашего? Так, что ли, по-твоему?

– Ну, не совсем так. И нечего нас сравнивать. Мы сколько людей уже на ноги поставили? Некоторым даже допуск вер-

нули. Это тоже, знаешь, – не баран начихал. И крыс выхаживаем. Так что – не надо тут...

– Каких крыс?

– Каких, каких. Смертельно облучённых крыс выхаживаем в институте. А там пока только думают.

– То есть, есть способы излечения даже для смертельно облучённых? – голова Лео, привыкшая логически разрешать многие вопросы, крутила лихорадочно мысли, ища выход в безвыходном лабиринте трагедии.

– Так прямо я тебе ничего не говорил.

– А косвенно? Не томи, Вася. Просто скажи всё, как есть.

– Просто? Ладно. У Стаси сейчас процесс гемопоэза...

– Чего-чего? Давай по-русски, – Лео нетерпеливо тряхнул головой.

– Ты знаешь, что такое наша кровь?

– Ну?

– Лапти гну. Кровь – это всё. Эта система доставки кислорода к лёгким, питания к тканям, защиты от внедрившихся бактерий и вирусов. Это сложнейшая и важнейшая система организма. И вот из-за этой треклятой радиации разрушен механизм образования рабочих тел этой самой крови. Тромбоцитов, лейкоцитов, эритроцитов, фагоцитов и прочих цитов. Ну и соответственно доставки нужных веществ к нужным органам. По сути она сейчас задыхается, практически не сопротивляется инфекции, голодает и не дай бог ранку какую-нибудь получит, а мы тут тебя пустили, дай теперь

бог – пронесёт. Сейчас принудительно вливаем ей раствор питательный, чтобы хоть как-то заставить что-то эти самые оставшиеся ещё в живых «циты» разносить в ней и ослабить кишечное поражение, если оно есть. А оно есть, тошнит же? Пару раз рвало. Ей сейчас главное пить и писать, как можно больше. Промываться.

– И?

– Что «и»?

– Крысы при чём?

– При том. Если поражённый мозг заменить другим, свежим, с целыми, непоражёнными программами образования этих самых «цитов», то кроветворение может восстановиться. Не сразу, но может. Но вот тут надо суметь выжить ещё с этим самым чужим мозгом.

– Это я понял. Что дальше, Вася? Какое это отношение к Стаське моей имеет? Можно ей этот самый мозг заменить? Ты же к этому ведёшь?

– А вот это – один бог знает. Ну и мать твоя ещё немного.

– Она мне ничего вообще об этом не сказала.

– Всё, Лео. Всё. Ликбез окончен. У меня ночной обход начался. Извини. Всё остальное с Кирой Михайловной, пожалуйста, выясняй. Я – пас!

– Ну ладно, Вася. Я пошёл. Что вы от меня скрываете, а?

Окна в кабинете Киры Михайловны были тёмными. Почти всю ночь Лео просматривал журналы Стаси и учебники, к утру всё основное он уже кое-как понимал в общих чертах.

Под утро попытался уснуть, но это плохо удавалось.

Едва заснув, он тут же в ужасе просыпался, ему снилась Стаси на подушке, сливаясь с ней, утопая в ней, и только глаза её вдруг широко раскрывались и руки её, тоненькие, с воткнутыми иглами капельниц, тянулись к нему.

На следующее утро, в тёмном сумраке ещё, сдавая кровь на анализ растерявшейся от его напора лаборантке, Лео спросил, как долго определяется группа крови.

– Долго? Да за минуту можно определить.

– И вы можете?

– Могу. Но указаний в вашем вчерашнем, кстати, направлении ничего про это не указано, поэтому делать я ничего не буду.

– Вы наберите пожалуйста, этот анализ сейчас, а? Просто время дорого у всех сейчас, некогда ещё раз приходиться сдавать заново. А этот анализ мне может быть очень нужен, девушка.

– Ладно. Я наберу. Он два дня может быть годным. Только Вы сами с Василием Петровичем объясняться будете по поводу этого самоуправства.

– Да само собой. Он вас ещё и поощрит, я уверен.

Вечером Стаси стало хуже. Она даже глаз не открыла, когда он пришёл и все отведённые ему десять минут молча сидел рядом и смотрел на ненаглядное личико, ставшее ещё более бледным и маленьким, как ему показалось.

Все эти минуты Лео не отрываясь смотрел на освещённую

руку жены, зажав голову руками. На её лицо он старался не смотреть, опасаясь, что потревожит её взглядом. В голове звенел тяжёлый больной колокол. Как бы он хотел сейчас поменяться с ней местами, услышать её серебристый заливи-стый смех, поносить её на руках и покружить в воздухе, от чего она всегда восторженно ахала и вцеплялась в него, бол-тая ногами... Всё это, такое обычное и простое, стало недо-стижимой мечтой в один момент...

Потом пришла процедурная сестра и тихонько махнула ему рукой на выход.

Сквозь прикрытые веки, Стаси снова увидела, как Лео, её Лео с такими любимыми сильными и так страшно дрожащи-ми пальцами снова растворяется в этом ослепительном све-те. Слезы неудержимым ручейком полились на подушку.

– Стаси, я доложу врачу, что Вы плачете. Вам нельзя сей-час волноваться, понимаете?

– Доложите. И передайте от меня просьбу, чтобы его боль-ше сюда не пускали. Хорошо?

– Вы уверены? – сестра вынула иглу капельницы и осто-рожно согнула локоть Стаси, чтобы ранка затромбовалась.

– Уверена. Мне очень тяжело сейчас разговаривать.

– Всё. Спите спокойно. Я скажу.

К Васе Лео больше не пошёл.

В кабинете матери свет горел.

Она сидела за столом, обложенная кучей бумаг, и тороп-

ливо что-то писала.

– Привет, ма.

– Здравствуй, Лёдик, – ответила она не поднимая глаз от лежащих перед ней документов. – Подожди немного, у меня срочное дело, – она явно была не слишком рада ему сейчас.

А он и не торопился никуда сегодня. Откинувшись на стену головой, он закрыл глаза и всё смотрел и смотрел один и тот же «фильм» – бескровное личико Стаськи, его озорной Стаськи, и бледные в синяках руки, безвольно лежавшие поверх одеяла. На минуту ему показалось даже, что он снова в этой полутёмной палате, рядом с её кроватью и даже не может взять её за руку, чтобы не нарушать сон любимой и такой беспомощной своей девочки.

– Я слушаю тебя, сын, – раздался усталый голос матери где-то над ним. Открыл глаза и увидел мать стоявшую над ним.

– Я уснул? Извини.

– Незачем извиняться. Все сейчас на ходу засыпают. Василий Петрович сегодня, пока ждал термометр, заснул и выронил градусник, который ему сунул в руку больной.

– А мы с ним долго вчера проговорили. Это из-за меня.

– Да не только из-за тебя. Врачей не хватает. Работают все с перегрузом. Одна сестричка получила уже дозу, и легла рядом со своими подопечными. Лёгкая форма. Оправится. И таких будет не один человек.

– Мам, я сейчас от Стаси. Ей хуже.

– Я знаю.

– Но это же не от того, что я вчера у неё был?

– Лёдик, понимаешь, человек – это такой сложнейший биологический аппарат, что никто не может знать, как всего одно, даже слово, не действие, а лишь слово, может отозваться в теле. Тем более в больном теле. Древние недаром говорили, что словом можно убить. Взглядом можно убить, – Кира Михайловна тяжело вздохнула и вернулась за свой стол.

– Мы ни о чём таком с ней не говорили. Так. Просто говорили ни о чём. Как отец? Когда я приехал? Вот и всё.

– Лео, сейчас абсолютно бесполезно гадать. Есть факт, что Стаси стало хуже. Но в принципе так и должно быть. У неё начинается следующая стадия развития картины болезни. Это общее для всех.

– И что эта следующая стадия может означать?

– Следующее усугубление симптомов. Возможно осложнения, возможно появление ещё не проявленных симптомов. У Стаси очень быстро выпали ресницы.

– Не все выпали, – Лео упрямо нагнул голову.

– Теперь выпадут, – почти безучастно ответила мать.

– Ма, Вася мне говорил, что есть способы...

– Есть. Вернее разрабатываются и опробуются во всём мире различные способы. Никаких точно спрогнозированных и точно обоснованных способов пока нет. Хотя над этой тематикой работают с тридцать девятого года. Есть отдельные успехи, намечаются общие пути. И только! Мы не име-

ем права смотреть на ситуацию с точки зрения нашего хотения, Лео. Тут малейшая ошибка, малейшая ошибка, Лео, – и жизнь под откос.

– А так – не под откос, ма? Она же даже глаза сегодня не открыла. Не смогла.

– А может быть и не хотела? Женщине очень сложно принять себя такой, какой она стала после такой беды. Понимаешь?

– Понимаю. Но надо же в неё как-то вдохнуть хотя бы надежду...

– Стаси очень умная и мужественная женщина. Таких вообще в жизни встречается немного. Хотя в этом городе все, рано или поздно, становятся почти такими. Здесь живут особенные люди. Или становятся особенными.

– Ма, ты ближе к делу, пожалуйста. Я сегодня всю ночь шерстил Стасины журналы, тетради и книги. Пересадка возможна в принципе.

– Ну да. В принципе всё возможно. На Луну можно тоже слетать в принципе. А не в принципе, а вполне конкретно ты себе представляешь сложность такой операции?

– Но делают же?

– Делают. Уже есть несколько удачных, и не на крысах, что стало делом вполне обычным, а на людях.

– И почему на крысах это уже обычно, а на людях нет?

– Ты смешной, ей-богу. А говоришь, что всё прочитал. У крысы сколько братьев-близнецов, или сестёр? Десять-две-

надцать. А у человека? Хорошо, если хотя бы один есть, у которого кровь точно такая же, как и у облучённого. Одинаковая! Понимаешь? У Стаси есть разве сестра-близнец? Нет. Вот и весь ответ.

– А мать? Бабушка? Может быть у них подходит?

– Даже, если и группа одна, но их кровь для Стаси никак не подходит. В крови старых людей слишком мало уже стволовых клеток, ради чего и делается пересадка. И кровь просто близких родственников совсем не обязательно подходит. Кроме группы крови нужно обязательно совпадение по антигенам комплекса гистологической совместимости. То есть, как бы одинаковость по нескольким параметрам, чтобы чужая кровь принялась организмом почти за свою и не так агрессивно её отторгало им. Хотя бы на семьдесят процентов. Понимаешь?

– Понимаю. И неужели нельзя найти что-то подходящее? Столько доноров в стране!?

– Эх, Лёдик, ты мой Лёдик. Если ты внимательно читал, то знаешь, что вероятность подходящего совмещения один к десяти тысячам. И то – не факт. Нет надёжной статистики даже на этот счёт, так как нет у нас достаточного для статистики опыта и понимания точного нет. В области совместимости тканей сейчас следуют одно за другим открытия, атом резко подвинул всех к изучению возможностей лечения лейкозов.

А со Стаси, – мать отошла к окну, чтобы сын не видел её

лица, – вообще ситуация совершенно критическая.

– Почему?

– Потому что у неё четвёртая группа крови. Редкая очень. От трёх до шести процентов людей её имеют. В основном японцы. Но японскую кровь нельзя переливать русским, даже если бы и была таковая.

– Но у нас же тоже есть наверняка. Три из ста-то есть?

– Есть. Возможно. Теперь откинь стариков, младенцев и неподходящих по антигенам. А теперь представь, кто и где будет выбирать эти данные и делать эти все анализы? А потом этого донора нужно везти сюда, к больному, чтобы он был точно под рукой, был бы подготовлен как следует, обследован и не отказался бы в последний момент от болезненной и, если уж быть точными, то не на сто процентов безопасной операции. Реально представь?

– И что же делать, мама?

– Во-первых, не паниковать. Паника – худший советчик. Во-вторых, я сделала запросы в Свердловск, Москву и даже Ленинград. Пошла на использование личных связей. В Челябинске ни один донор не подошёл. Ни один. Остальные ищут. А в-третьих, в жизни случаются чудеса. Надо верить.

– А у нас в городе тоже нет ничего близкого?

– У нас?! Да тут здоровых-то, у кого можно брать кровь, как у донора, – по пальцам пересчитать.

– А у меня, какая кровь?

– У тебя? Слушай, а я понятия не имею, какая у тебя

кровь. У меня вторая.

– А разве группа родителей не передаётся ребёнку?

– Когда как. Чаще передаётся, но всякие варианты есть. А почему ты спросил?

– А у отца у нас четвёртая группа. Стаси как-то пошутила, что они кровные родственники.

– Я же тебе объяснила про кровь пожилых и больных?

– А у меня-то какая, ма? Это разве очень сложно определить? Лаборантка мне сказала, что это за минуту определит любая из них.

– Да, разумеется, только её сначала нужно сдать, кровь.

– А я утром сегодня сдал. Она у них два дня будет годной, сказали. Тем более, что я вчера спирта граммов сто намахнул. Законсервировал. Ма, позвони Васе? Ещё не поздно, всё равно лаборатория у них день и ночь работает, как я понял?

– Ты надеешься на чудо какое-то?

– А кто только что мне говорил, что чудеса бывают, и в них надо верить? Ма, разве у нас есть сейчас право не использовать всё, что возможно?

– Нет у нас такого права, – Кира Михайловна, подумав секунду, решительно взяла трубку. – Вася, слушай, тут такое дело, у Серёжи, оказывается, тоже четвёртая группа крови... Да нет, разумеется нет. Но какая у Лео группа? Вася, разве мы имеем право не использовать всё, что только возможно? Да нет, не надо сдавать. Она уже в лаборатории

есть, он утром сдавал, чтобы пропустили, для предварительного анализа точно можно попробовать. Правда она там со спиртом, которым ты его вечером накануне напоил. Хорошо, жду. Ждём, – поправилась Кира Михайловна, взглянув на сына.

Жизнь замерла на несколько десятков томительных минут. Лео даже не подозревал, что то, что он сейчас произносит – самая настоящая яростная молитва о жизни его любимой, хотя никто его молиться и не учил.

Когда-то бабушка, перебирая свои драгоценные заветные вещицы в большой полированной деревянной шкатулке, закрывающейся на крошечный золотистый ключик, позволила и маленькому Лео покопаться в этой шкатулке – сладостной мечте маленького внука рассмотреть сокровища бабушкиной жизни.

– А это кто, ба? На красивой картинке?

– Это? А это человек, которого иногда, в самый тяжёлый момент своей жизни, можно попросить о чуде. Только очень искренне попросить, от всей души, как последний раз в жизни просить. Понимаешь?

– Понимаю. То есть о велосипеде тоже можно, ба?

– А разве велосипед – это самое тяжёлое в твоей жизни? – и Лео был вынужден признать, что это совсем не самое тяжёлое в жизни человека.

Потом он просил о матери. И она приехала на несколько месяцев. А потом уехала. И Лео сам точно знал, что она

уехала потому, что они с отцом её не простили.

«Пусть всё совпадёт! Пусть всё совпадёт! Пусть всё совпадёт!...» – бесконечно и яростно просил он кого-то, сжав зубы и закрыв глаза, чтобы не видеть ничего, что отвлекало бы его от этой мысли.

Звонок врезался в его сознание резким топором, разрубившем мысли на бессмысленно существующие части, которые по мере разговора матери с Васей воспламенялись от нахлынувшей волны радости.

– Понимаешь, Вася говорит, что группа совпала Лёдик. Четвёртая.. Но подожди, Лео! Да отпусти ты меня! Надо ещё раз всё перепроверить, другим лаборантом. И без спирта, разумеется. И вообще, группа – это хорошо. Но ещё нужны анализы на гистологическую совместимость антигенов. Это не быстро будет. А без этого не о чем говорить. Завтра ничего не ешь и не пей с утра. Сдай. Если подтвердится совпадение – тебя положат тут же в больницу, чтобы приготовить к операции. У нас очень мало времени, сын

Лео опустил мать на пол.

– Бесполезно проверять. Я точно знаю, что совпадёт. Как надо, так и совпадёт.

– Лео, не забывайся. Обязательно надо всё проверить и не раз. Выпись, пожалуйста и завтра иди сдавай кровь. Свежую надо и исключить ошибку, если вдруг такое произошло. Такое бывает.

– Нет никакой ошибки, ма. Я знаю. Я пошёл, спасибо тебе,

ма, – Лео крепко обнял мать и умчался в ночь, спасти свою единственную любимую.

На третий день после утреннего разговора с Лео, Василий Петрович зашёл к Стаси, как всегда перед дневным сном.

– Стаси, мне тут доложили, что ты не хочешь видеть Лео? Это правда?

– Правда, Василий Петрович. Я приняла решение, я же Вам говорила.

– Говорить-то ты говорила. Только Лео это не остановит, насколько я его знаю.

– Ну, Вы же можете ему запретить приходить сюда?

– Нет. К счастью не могу, – Василий Петрович грустно улыбнулся.

– Почему к счастью? Мне трудно с ним разговаривать сейчас.

– Ладно, прямо к тебе он не придёт. Это решено. Но вообще... Впрочем пусть-ка твоя свекровушка тебе всё расскажет. Это она замутила. Вечером придёт сама. А пока спи. Сейчас тут твою палату обрабатывают, а тебя переведут куда-нибудь на час-два с новой капельницей. Поспи.

– А что Кира Михайловна замутила, как Вы говорите?

– Не-не. Она просила этого не говорить. Сама уж. Вот и за тобой приехали, – Василий Петрович посторонился, пропуская каталку к постели Стаси. – А ты мне обещаешь спать. Хорошо?

– Хорошо, – Стаси не любила эти уборки в её номере, уда-

ляясь от привычного уже освещения и высокой кровати, она старательно засыпала, чтобы время шло быстрее.

Проснулась она в полумраке чужой палаты, с воткнутой в её привязанную руку капельницей. Это была даже не палата, а какая-то полупустая комната с двумя сквозными дверями, и за одной из этих дверей слышались голоса. Женщина явно плакала, а мужчина тихо и ласково утешал её. В тишине вечера голоса слышались хорошо.

– Понимаешь, сейчас свою жизнь за неё отдала бы. И моя вина есть в том, что случилось, Василёк. Внучка моя погибла навсегда. Понимаешь?

– Ну, успокойся ты, Кира. Кто же мог такое предположить даже. Чудовищный случай. Много людей заплатят за это своими жизнями. Это огромная трагедия.

– Никогда не иметь детей, Василёк! Я, как никто, может быть, её понимаю.

– Ну, почему. Я тоже понимаю. И тут таких много. Мы, наше поколение, ни в чём не виновато, что именно нам пришлось и войну вынести, и это вот гадство на себе выносить.

– Ты мог сюда и не ехать. Я же просто тебе тогда написала. Георгий умер, мне так одиноко было, вот и написала. Я думала, что сумею загладить свою вину перед ними.

– Да, Кира! Никакая это не вина твоя! Недопонимание – да! Но не было никакой твоей вины ни в чём. То письмо он тебе написал?

– Написал. Но я всё время думаю, что тогда произошла

какая-то большая глупость.

– Да не глупость, Кира. Слово – не воробей! Тоже должен был понимать, что можно писать на фронт, а что нельзя ни при каких обстоятельствах. Тем более, что про твои обстоятельства он ничерта не знал.

– Всё равно, как-то глупо получилось. Я тогда просто на эмоциях вспылила. Мне так обидно стало. Я так понимаю Стаси. Как она сказала? Пустая коробочка?

– Да. Пустая думающая коробочка с ручками и ножками. И она тоже готова бросить Лео. Буквально нацелилась на это. Мне кажется, что она специально запрещает ему приходить сюда, чтобы его отучить от себя.

– Да нет, Вася. Очень трудно ощущать себя женщиной, когда ты обрита наголо, на животе шрамина от пупа и ниже. Гадкий общипанный бесполезный утёнок – вот как я себя ощущала.

– Вы обе красавицы. И умницы. Когда Козицкий-то обещался приехать? Анализы падают в пропасть.

– Сегодня обещал. Всё подготовили? Мы должны сработать очень чётко. На все выходные и ещё потом останется, сколько понадобится. Отпуск там какой-то взял.

– Да всё мы подготовили. Завтра генеральная репетиция. Но пока ещё рано, насколько я понимаю. Ты боишься, Кира?

– Не хочу бояться, Василёк. Ты боялся, когда резал меня под бомбами?

– Да я их не слышал даже. Что мне делать-то было? И

генерал со своим пистолетом у виска.

– Вот и я не боюсь. Козицкий со сроками определяется как раз. Протоколы изучает. И нам с Лео нужно время. Спасибо тебе, Василёк. За всё спасибо. Все мои медали после госпиталя полученные – это твои медали.

– Ну да. Скажешь! Лео-то как?

– Дождаться не может. И Серёжка даже приходил. Он любит Стаси, как родную дочку, которую я ему так и не смогла родить. Мда. Странная судьба связывает нас.

– Меня с тобой? Ничего странного не вижу. Я так благодарен тебе за тот наш эшелон, за твоё шефство. Если бы не ты – никогда бы я не стал ни хирургом, ни врачом настоящим. И сюда ты меня, честно говоря, соблазнила ехать. Тогда же сюда военврачей с руками и ногами принимали. Предвидели всё вот это вот, что происходит сейчас. Это судьба. А с Сергеем Дмитриевичем я думаю у вас чудовищное недопонимание. Уже хроническое какое-то. Такой деликатный человек и вдруг такое?! Я не понимаю.

– Вася, а может это я сама во всём виновата? Ну, подумаешь – написал? Правда, когда я ему написала, что прошу развода, он же даже и не попытался объясниться со мной. Сразу подписал заявление. А я надеялась. И Георгий Васильевич мне говорил, чтобы я ещё раз попробовала с ним объясниться. Ну, где там! Я уже удила закусил! Георгий Васильевич мне очень помог, конечно. А сам умер. И Фёдор Иванович – тоже умер. Старенький и очень больной был. И я им ещё до-

бавила своими проблемами. Я точно – чёрная генеральская вдова.

– Не придумывай ты ничего про себя. Ты – прекрасная женщина, Кира. Умница и герой. Видел бы твой Серёжка, как ты из автомата тогда стреляла. Ордена Красного знамени просто так не дают, Кира. А их у тебя целых три. Скольких ты тогда спасла? Прорвались же к мосту?

– Прорвались, Васенька. Не могли мы тогда не прорваться. Нам бы сейчас прорваться.

– Прорвёмся, главное момент поймать правильно. Я сколько не читаю, а всего охватить в комплексе не могу пока. Сколько надо добавить? Как кровь анализировать? Какой срок на подготовку уйдёт?

– Это всё очень индивидуально. Будем мониторить непрерывно практически. Если уж у нас донор таким совершенно фантастическим образом появился – бог на нашей стороне.

– Он к Стаси рвётся. Пустить его? Она не хочет его видеть.

– Сегодня поговорю с ней, с моей подружкой по несчастью. Она спит сейчас?

– Спит. У неё палату дезинфицируют.

Через час Кира Михайловна тихо отворила дверь в затемнённую палату, наполненную свежим воздухом, пахнущим морозом.

– Привет, Стасенька.

– Здравствуйте, Кира Михайловна.

– А я к тебе с хорошей новостью, солнышко...

Долго разговаривали две женщины в полутёмной комнате, как две подруги, объединённые общим несчастьем и делом, понимающие друг друга с полуслова.

– И знаешь, Стаси, что я хочу сказать в ответ на твой скепсис, вполне понятный, конечно.

– Что, Кира Михайловна? И у меня не скепсис, а сомнения. Но я готова их разрешить. У меня просто не осталось иного выхода.

–И это правильно, девочка моя. Но знаешь, в чём самое обнадеживающее отличие теории от жизни?

– В чём?

– Я часто встречалась, особенно на войне, с тем, что, казалось бы, совершенно безнадежный раненый в один прекрасный день вдруг резко начинал восстанавливаться и через несколько недель уже снова возвращался в строй. Иногда повторно попадая к нам. В нашей теории медицины – научном результате чисто материалистического видения и решения проблем видимого нами мира, пока всё стоит незыблемо, на своих полках. Но если эти полки со всеми их выводами и пониманиями каким-то образом попадают в другие координаты духа, мы наблюдаем совершенно необъяснимые связи причин и следствий, вместо тех, привычных нам и кажущихся незыблемыми. Я много читала работ, но меня больше всего поразили очерки Войно-Ясенецкого по гнойной хирургии Это великий хирург всех времён. И он писал о своих операциях и о чуде выздоровления и выносливости тех лю-

дей, которых он оперировал. Он оперировал всегда и везде, где был нужен, часто не имея даже приличных инструментов в ужасных антисанитарных условиях. А люди выздоравливали, от глубокой веры в него, как врача, вопреки всему.

Так вот, отличие теории и жизни в том, что в жизни случаются чудеса. И чудеса эти рождаются в области духа или ещё чего-то неизвестного. Может быть, люди интуитивно называют это Богом. И из области духовного чудо прорастает и свершается вполне материально и осязаемо здесь, на земле. Мы слишком мало знаем о нашем мире, о клетке даже мало знаем. И до последних лет даже про ДНК ничего не знали. А она нам много сюрпризов принесёт, уверена. Почему у ящерицы вырастает хвост? И почему у человека не отрастает конечность. Ты же слышала о загадках стволовых клеток?

– Ну конечно. И о Войно-Ясенецком в «Хирургии» читала.

– И я читала. И про чудеса этих клеток читала. И я в них верю, Стаси. Потому что одно чудо уже случилось. Ты знаешь, кто будет твоим донором?

– Но такие сведения обычно нельзя разглашать?

– В нашем случае можно.

– Кто? – Стаси выдохнула это едва слышно, понимая, что услышит сейчас имя человека, который может быть даёт ей шанс родиться второй раз. Необыкновенный редчайший шанс.

– Ни за что не догадаешься, – Кира Михайловна счастливо

рассмеялась.

– Кто? Мама?

– Нет, Стаси. Мамина кровь не годится уже. По возрасту. Её даже и не проверяли. Бесполезно.

– А кто тогда?

– Лёдик, Стаси. Твой муж. У него удивительное совпадение по антигенам с твоей кровью. Почти восемьдесят процентов. Удивительно! Я ищу эту совместимость на половине Советского Союза, а он тут, рядом с тобой в одном доме живёт. Разве не чудо?!

– Лео?! Как это? Хотя у папы же... Чудо, конечно. Спасибо вам всем. Жить всё-таки хочется.

– Главное, ты поверь в чудо, Стаси.

– Я постараюсь, Кира Михайловна. А Вы можете показать мне мои анализы?

– Зачем?

– Я долго занималась исследованиями по картине крови с приближением к точке невозврата. Я пойму.

Кира Михайловна минуту подумав, достала лист из папки и подала Стаси.

Стаси долго смотрела на цифры, сравнивая что-то и, наконец отдала лист.

– Что скажете, коллега? – Кира Михайловна без малейшей тени усмешки задала этот вопрос

– Ситуация приближается к критической, причём по резко нарастающей. Шансов нет.

– Вы ошиблись, коллега. Позачера он появился, в самый последний момент, можно сказать. И он уже здесь, в палате соседней.

– Лео здесь?

– Здесь, девочка. Его уже начали готовить вчера. Очень хочет проникнуть к тебе на пять минуток хотя бы. Ты как?

Неожиданно для Василия Петровича Стаси, после длинного разговора с Кирой Михайловной, попросила пропустить Лео к ней, когда он сможет. И попросила для себя три листа писчей бумаги и твёрдую папку, чтобы могла писать на этих листах.

– Маме письмо напишешь?

– Да, Василий Петрович. А Лео отнесёт на почту.

Стаси встретила его почти полусидя. И свет в палате был сегодня более ярким.

– Привет, любимая, – он сжал легонько её руку.

– Привет. Как ты? – в этот раз на лице Стаси тоже была надета маска.

– Я?! А что мне сделается, солнышко? Ты вот как? Голова болит?

– Да, немного. Лео у нас десять минут всего. Вот тут я написала заявление, в котором и ты должен расписаться, как мой муж. Как самый близкий мой родственник.

– Что ещё за заявление? – этого Лео совсем не ожидал и быстро развернул листы.

На каждом листе было написано заявление Стаси с требованием провести ей операцию по пересадке костного мозга. Далее следовало медицинское обоснование и доказательство, что эта операция необходима в соответствии с последними опытами в этой области. Стаси даже перечислила имена учёных, которые произвели такие опыты, и некоторые из них были вполне удачными. Здесь же она привела данные её анализов, обосновав необходимость операции, как единственный шанс на спасение её жизни и получение уникальных данных для науки в случае успеха. Стаси снимала юридическую ответственность с врачей, которые могут сделать ей эту операцию, перечислив их поимённо. Стояла дата и её подпись. Незаполненной осталась последняя строка: не хватало в согласии на эту операцию подписи её мужа и донора.

– Прочитал? – Стаси полулежала с закрытыми глазами.

– Прочитал. А зачем это?

– Лео, такие операции не входят, и долго ещё не войдут, в реестр разрешённых и рекомендуемых операций. Риск очень велик. Пять на девяносто пять не в мою пользу. Но, судя по анализам, я их сама сегодня видела, терять мне абсолютно нечего. Я безнадежна. Но только таким эти операции и делались до сих пор. Продлили жизнь очень немногим и ненадолго. Твоя мама сказала тебе об этом?

– Стаси, но говорят, что многие сами даже восстанавливаются? Давай, будем верить, а? И потом... – Лео замолчал, собираясь с мыслями, – я без тебя жить не смогу, так и знай.

Ты – единственная женщина на этой Земле, которая даёт мне смысл жизни. Наша крепость ждёт тебя, любимая. Вот увидишь, моя кровь вернёт тебя к счастью. Я подписываю это заявление. И я знаю, что всё будет хорошо. Даже отлично. Не понадобится оно. Но если ты хочешь – изволь, – он размашисто расписался на листах. – И куда их теперь?

– Один отдай Василию Петровичу. Второй пусть передаст Козицкому – он главное лицо. А третий экземпляр положи в мой письменный стол дома.

– Хорошо. Стаси, ты меня услышала?

– Услышала. Теперь с этим вопросом всё.

– Ещё есть вопрос?

– Есть, Лео. Собственно я тебя для этого и позвала сегодня, пока у меня ещё есть силы. Скажи, можно тебе доверить выяснить и решить один очень деликатный вопрос. Только очень тонко надо действовать. Просто очень, не знаю даже, как сказать. Но это только ты можешь сделать. И я буду спокойна. Иначе меня заест чувство вины и несправедливости. Вдруг это – самое последнее доброе дело в моей жизни будет? Нельзя ошибиться.

– Я обещаю сделать для тебя всё. И даже самое деликатное дело выяснить предельно деликатно. Я сумею. Только если и ты сейчас же мне пообещаешь сделать ещё несколько тысяч добрых дел в нашей с тобой жизни. Иначе не пойдёт. Кстати, я принёс в наш каменно-ёлочный садик тот валун, который ты нашла. Он и вправду подходит. Ждёт, чтобы спасибо тебе

сказать, – сегодня у Лео не дрожали пальцы, и не было ни капли сомнения и растерянности в его глазах.

Перед Стаси снова был прежний настойчивый, вспыльчивый и упорный Лео. Как же ей стало снова тепло и надёжно, даже голова чуть меньше стала болеть.

– Так в чём твой деликатный вопрос-то, Стаси, девчонка ты моя ненаглядная?

– Вопрос совсем не мой, Лео. И ты не должен меня даже упоминать. Сам найди способ, как к нему правильное подойти. Тебе лучше знать это.

– Я слушаю тебя, солнышко моё, – Лео взял Стаси за руку.

Глава 17

Сегодня был первый день относительно спокойного выходного за последние два месяца. Ей было приказано отдыхать целых два дня. Дела очень тяжёлые, страшные по своей сути, но ставшие привычными и даже рутинными, как ни жутко это звучало на фоне случившейся трагедии, требовали свежей головы и здорового тела.

Кира Михайловна хорошо выспалась, но накопившаяся усталость сказывалась каким-то оцепенением и желанием, как ни странно, опять пойти на работу. Там всё время было предельно занято делом и отработанным уже до автоматизма жёстким ритмом.

А тут, дома, всё валилось из рук, обесцененное своей мелкой бытовой зряшностью. Правда, долгий роскошный горячий душ, сняв невидимый налёт многодневного напряжения, её освежил, и уютный голубой махровый халат приятно согревал разнеженное водой тело.

Дверной звонок тихонько тренькнул. Кира Михайловна вообще не любила громких звуков. Она даже обрадовалась этому звоночку, разбудившему непривычную для неё в такое время тишину, хоть она и не ждала совсем никого.

– И кто бы это мог быть? – Кира Михайловна, потуже затянув поясом халатик, взглянув в зеркало в прихожей, привычным жестом поправила уложенную косу на голове и от-

крыла дверь.

– Привет, – на пороге, неуверенно прислонившись плечом к косяку двери, стоял Сергей.

– Здравствуй. Что случилось? Стаси? Мама? – быстро вскинула она глаза.

– Да нет. Всё дома в порядке.

– А где не в порядке? – у Киры Михайловны голос звенел от возникшего холодка тревоги, спустившегося, наконец, со спины к ногам.

– Разрешешь мне войти? Не на пороге же разговаривать?

– Разговаривать? О чём?

– Так можно мне пройти? – настойчиво переспросил гость.

– Ну, да. Разумеется. Проходи, если... – Кира Михайловна растерялась от неожиданности.

Сергей отлепился от косяка: «Сейчас, туфли сниму. На этот коврик их ставить?»

– Да. А на этот... а тапочки вот. Только такие, – Кира Михайловна неловко подала ему свои тапочки без задников.

– Ну и ладно. Пальцы же влезли? – Сергей Дмитриевич переступил порог, закрывая за собой дверь. – Ну, здравствуй, Кира.

– Привет. Здоровались уже. Так что случилось, Сергей?

– Слушай, помнишь, что Иван-царевич Бабе-Яге говорил?

– Какой Иван-царевич? – Кира Михайловна всё ещё была

немного ошарашена.

– Господи, Кира! Обычный. Просто Иван-царевич. Он ей говорил: «Ты сначала меня напои, накорми, – ещё там что-то попросил, – а потом и спрашивай». Поняла?

– То есть, я – Баба Яга, а ты голодный Иван-царевич? – Кира Михайловна, наконец, расслабилась услышав шутку, сказанную немного суетливо, но спокойным голосом, и усмехнулась.

– Да нет. Я не это совсем хотел сказать. Просто чай у тебя есть?

– Просто чай? Есть.

– А раздеться можно?

– Ну, конечно. Вот тут можно повесить, – Кира Михайловна махнула рукой в сторону вешалки на стене, где висело её шубка.

– Спасибо. Чай горячий? – Сергей, явно затягивая время, неторопливо снимал с себя пальто с серым каракулевым воротником, светло-серую каракулеву папаху, которая как-то смешно у него была сдвинута сегодня на затылок. Обычно она сидела на его голове, как произведение искусства. На вешалку отправилось и кашне светло-серого цвета. Он всегда был щёголем. – Куда прикажешь? – он пригладил волосы, не глядя в зеркало.

– Не знаю. То есть, куда хочешь. Можно в гостиной, можно в кухне.

– Ты хозяйка, тебе и карты в руки, – он мельком оглядел

то, что можно было видеть из небольшой прихожей посреди небольшой квартиры.

– Тогда в гостиную. Прошу, – Кира Михайловна уже совсем взяла себя в руки и открыла вторую створку стеклянной двери в гостиную прямо напротив входа. – Тебе какого чаю налить?

– Любого. Но не крепкого. И свежего, если можно.

– Садись. Сейчас принесу, – Кира Михайловна усмехнулась про себя: «Ничерта не меняется, сибарит».

Сергей Дмитриевич оглядел большую и почти пустынную из-за её размеров комнату. Круглый стол в центре, накрытый кремовой бархатной скатертью, четыре стула вокруг стола, диван у стены и рядом с ним торшер со светлым кремовым абажуром с бахромой. Книжный шкаф, плотно заставленный книгами, и единственное украшение комнаты – большая фотография в рамочке над диваном – завершали убранство. Внимательно рассмотрев фотографию, он сел к ней спиной лицом к двери, слыша, как в кухне стучат чашки и ложечки.

Кира вошла, уже сменив банный халат на длинное тёмно-синее с оранжево-зелёно-голубыми цветами домашнее платье. Она всегда любила такие подчёркивающие друг друга жизнеутверждающие цвета.

– Ты, как всегда, стильна и величественна. Как все женщины Воротовы, впрочем, – он неловко усмехнулся, поняв, что комплемент получился так себе, не очень.

– Спасибо. Как мама? – Кира Михайловна пододвинула ему маленький мельхиоровый подносик с чайной чашкой на ножке и маленькой сахарницей.

– Мама тоже стильна и величественна. Как всегда. Очень рада, что приехала, наконец. Привыкает к дому. Лео отдал ей свой кабинет на первом этаже, а сам уехал на второй. Там ремонт вот только что закончили. До Стасеньки старались успеть.

– Как она?

– Не знаю.

– То есть?

– А то и есть. Не могу понять я её. Она вся сжата в маленький комочек. Иногда даже в глаза не смотрит, как... – Сергей Дмитриевич подыскивал слово.

– Как виноватая? – спокойно помогла ему Кира Михайловна.

– Да. А ты откуда знаешь? Это что? Общий симптом? – Сергей Дмитриевич внимательно посмотрел на бывшую жену.

– Ну, не общий, допустим. Но в некоторых случаях он бывает.

– И что с этим делать?

– А что Лёдик делает?

– Лео? Иногда он ночью выходит к нашему костерку и сидит там почти до утра.

– Они вместе спят?

– Да нет. Лео просто свой диван в спальне поставил. на нём и спит. А что?

– Ничего. Только Лео сможет её постепенно вернуть к жизни, похожей на прежнюю. Похожей. Но не прежней. Если она выдержит, конечно, – Кира Михайловна, опустив глаза, собирала на скатерти невидимые соринки.

– Что выдержит?!

– Как что? Возвращение в чуждый ей мир.

– Почему это – чуждый? Она у нас – самая наша родная девочка.

– А вы у неё? – Кира Михайловна посмотрела на гостя с некоторым удивлением.

– А что мы? Мы верим...

– А я именно об этом и спрашиваю. Вы «верите». А она? Тоже верит?

– Я не понимаю вопроса, Кира.

– Да понятно мне, что ты не понимаешь. Ты вот только представь, она, ведь, почти умерла. И даже покорила своей участи, ни на что уже не надеялась. Она же прекрасно ориентируется во всех этих вопросах. Это – не знаю, какое везение нам привалило, что кровь Лёдика ей подошла. Это же чудо! Просто – чудо. Но чудо-то чудом. А что пережила она? И каково ей сейчас чувствовать себя воскресшей буквально. Но совсем другой воскресшей женщиной. Как по-твоему, имеет значение для мужчины то, что его жена никогда...никогда не родит ему ребёнка? А?

– Ну, не знаю. Собственно, это конечно совсем другое дело, нежели фертильная женщина.

– Вот. Правильно. Имеет значение этот нюанс. Ещё какой. И некоторые мужчины даже отказываются от таких жён. Примеров – тьма. Думаешь, она этого не знает? Знает, разумеется. И как ей проще будет теперь выживать? Знать это и делать вид, что всё по-прежнему? Обманывать себя? Или смести это всё веником в прошлое, и начать совсем новую жизнь. Неизвестно, какую, при этом. Совсем новую. Хотя, с её характером и новая её жизнь рано или поздно обязательно станет прекрасной.

– Почему это? – Сергей Дмитриевич никогда не рассматривал ситуацию с этой стороны.

– Почему? Да просто потому, что иногда, однажды умерев в себе, сознательно отказавшись от своего маленького домашнего «я», человек вдруг понимает, на что он способен и к чему готов, если от себя отказаться. Это чувство трудно представить обычному человеку, не пережившему такое. А это совершенно необычное перерождение, когда и силы вдруг появляются ниоткуда, и воспаряет гений общечеловеческий над личным, – Кира Михайловна тяжело вздохнула и резко смела со скатерти невидимые соринки, поставив ворс бархата торчком. Потом разгладила его обратно.

– Ты нервничаешь? Я не вовремя? – чутко уловив некоторое раздражение бывшей жены, спросил Сергей Дмитриевич.

– Да нет. У меня теперь всё вовремя. А сегодня и спешить некуда. И вообще спешить некуда. Просто, когда о Стаси думаю, я ощущаю свою беспомощность перед возникшими у неё проблемами.

– Перед какими именно проблемами?

– Понимаешь, Сергей, после таких личных трагедий начинает формироваться совершенно другой личный способ контактирования с миром. И весь упор делается на творчество, на работу. Как ты делаешь своё дело – так и мир к тебе относится, это никакая не новость. Тут важно лишь то, насколько честно и ответственно ты это делаешь. У Стаси это уже получилось, в общем-то, в спокойной и дружелюбной обстановке. А, умерев в себе однажды, другого способа найти себя – вообще нет. Вот и вопрос: что выберет Стаси? Она потому и сжалась сейчас, что выбирает. Почва привычная, понятная из-под ног у неё уплыла. Она найдёт решение обязательно. Лишь бы Лео не упал духом раньше времени, если хочет остаться рядом с ней. Трудно это – жить рядом с человеком возвысившегося духа. А у неё нет другого пути с её характером и принципами, – Кира Михайловна замолчала.

– Но, в общем и целом, это же преодолимо и совместимо с обычной жизнью, Кира? И потом, почему ты так безоговорочно уверена, что Стаси именно так относится ко всему сейчас? – Сергей Дмитриевич впервые увидел совершенно неожиданный для него поворот событий. И удивился, насколько резко его бывшая, довольно избалованная жизнью

жена поставила диагноз.

– Да потому, что уверена. Знакомое состояние. Но в целом – преодолимо. Разумеется. Я поговорю с психологом. Надо поработать. Но чуть позже. Пусть привыкнет хотя бы с месяц. Тебе выделили домработницу? – она явно уводила разговор с тяжёлой для неё темы

– Да. Только приходящую пока. На несколько часов в день.

– А может так и лучше. Есть время для семейного интима. Чужой человек тоже требует внимания и стесняет собой. Я тоже наняла женщину, чтобы пол мыла и бельё отвозила стирать. Не успеваю.

– Много работаешь дома?

– Нет. Дома я падаю в постель и сплю, когда удаётся сюда попасть. Так чем я обязана твоему визиту?

– Ничем ты не обязана. Никому. А лимон у тебя есть? Извини, привык, – Кира Михайловна внимательно взглянула, – может быть, ещё что-то нужно?

– Нет. Только лимон, и нож конечно. Если не трудно.

– Не трудно, – она легко встала и вышла, а Сергей Дмитриевич жёстко и нервно потёр подбородок.

– Так что тебя привело, Серёжа. Да ещё в таком виде? – спросила Кира Михайловна, подавая ему десертный нож.

– В каком, таком? – он удивлённо посмотрел на неё.

– Да почти точно, как Иванушка-царевич-дурачок. Шапка на затылке. Последний раз я таким тебя видела около роддо-

ма, когда Лёдик родился. Что случилось?

– Станешь тут, ... не только Иванушкой... – Сергей отрезал попку у лимона, явно затягивая время, потом ювелирно отрезал тончайшее прозрачное кольцо лимона и опустил его в чай. Кира Михайловна молча смотрела на его руки. – Тебе отрезать?

– Спасибо. Не надо, – Кира Михайловна, помешивала ложечкой в своей чашечке, – так что, всё-таки, случилось, Серёжа?

– Что случилось? Я и сам не знаю. Поэтому и пришёл. Может быть, ты мне объяснишь, что случилось?

Конец второй книги.

Продолжение следует.

Рисунки и обложка автора. Для оформления обложки книги использованы общедоступные шаблоны фона и шрифтов сайта <https://www.canva.com/design/DAEBXw8jC34/hYF1v3IjdONqXKhCHWYSLg/edit?category=tACZChfZug8>

Конкретные исторические события и факты взяты из открытых источников в интернете.